This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 5778.1

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

Class of 1828

A. A. Sidorof

А. А. Сидоровъ.

24654

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНІЕ

1863 года.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Съ портретами и снимками съ медалей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. П. КАРБАСНИКОВА.
1903.

Slav 5778.1

HARVARD COLLEGE
AUG 15 1905
LIBRARY.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

О польскомъ возстаніи 1863 г. напечатано много книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ на различныхъ языкахъ, но, къ сожалѣнію, многое изъ напечатаннаго не представляетъ исторической достовѣрности. Составляя предлагаемый очеркъ, я старался тщательно провѣрить источники, чтобы на страницы его не попали измышленія. Для полной исторіи возстанія 1863 г. еще не настало время. Нѣкоторые архивные источники еще недоступны. Весьма мало разъяснена несомнѣнная связь обще-русскихъ государственныхъ реформъ и умственнаго движенія русскаго общества 60-хъ годовъ съ польскимъ возстаніемъ. Видная роль евреевъ и нѣмцевъ въ этомъ возстаніи также мало изслѣдована. Я старался въ общихъ чертахъ обозначить связь польскаго возстанія 1863 г. съ теченіемъ русской жизни и охактеризовать роль евреевъ и нѣмцевъ въ этомъ возстаніи. Надѣюсь, что предлагаемый очеркъ пополнитъ нѣкоторые пробѣлы по исторіи польскаго возстанія 1863 г.

I.

На паденіе Польши высказывались различные взгляды. Одни видѣли въ этомъ событіи естественный результатъ государственнаго неустройства Польши,—другіе—плодъ коварныхъ интригъ и жадныхъ стремленій къ захватамъ сосѣднихъ государствъ; третьи, выставляя Польшу носительницей цивилизаціи, усматривали въ паденіи ея торжество „восточнаго варварства"; четвертые, считая ее очагомъ іезуитизма, католическаго фанатизма, изувѣрства и крѣпостническаго насилія, находили религіозную нетерпимость и крайнее закрѣпощеніе народа главными причинами упадка польской Рѣчи Посполитой; пятые, называя Польшу колыбелью гражданской свободы, объясняли паденіе ея тѣмъ, будто бы Польша осуществила идеалъ свободы слишкомъ рано, когда въ остальныхъ государствахъ Европы царилъ „грубый деспотизмъ," который, по ихъ мнѣнію, не могъ примириться съ существованіемъ свободолюбивой страны и подавилъ ее, а шестые видѣли въ паденіи ея справедливое возмездіе за гнетъ религіозной совѣсти и насиліе надъ національной личностью малороссовъ и бѣлоруссовъ, въ народныхъ пѣсняхъ которыхъ до сихъ поръ звучатъ горькія жалобы на „ляховъ"; польскіе мистики считали паденіе Польши искупительной жертвой за грѣхи человѣчества, а нѣкоторые писатели, называя Польшу исторической блудницей, торговавшей своей короной и своимъ народомъ, приписывали ея паденіе распущенности и продажности ея. Высказывалось мнѣніе, что Польша пала вслѣдствіе отсутствія въ польскомъ характерѣ твердости, необходимой для прочнаго государственнаго строительства, и выражался взглядъ, что паденіе Польши было слѣдствіемъ слишкомъ сильнаго развитія въ полякахъ личнаго начала въ ущербъ государственному. Указывалось также, какъ на главныя причины паденія Польши, на отсутствіе въ Рѣчи Посполитой такъ-называемаго третьяго сословія и на слабое развитіе въ ней промышленности и торговли. Этотъ взглядъ преимущественно развивался польско-еврейскими писателями, которые притомъ находили, что роль третьяго сословія могли бы съиграть

въ Рѣчи Посполитой евреи, если бы они пользовались болѣе широкими правами, а антисемиты приписываютъ видную роль въ паденіи Польши евреямъ, гостепріимно принятымъ въ Польшу въ половинѣ 14 вѣка королемъ Казиміромъ III, утверждая, что евреи внесли нравственную испорченность въ польскую среду и поддерживали рознь между шляхтой и хлопомъ съ цѣлью болѣе удобной эксплоатаціи обѣихъ сторонъ.

Разбирая безпристрастно прошлое Польши, главными причинами упадка ея надо признать германскій „Drang nach Osten“, ростъ русскаго государства въ связи съ естественнымъ тяготѣніемъ къ нему русскихъ областей, подпавшихъ подъ власть Польши въ эпоху удѣльныхъ неурядицъ на Руси и татарскаго ига, и внутреннюю слабость и неустройство Рѣчи Посполитой, раздѣлявшейся на два чуждыхъ другъ другу стана: магнатовъ, шляхту и духовенство, создавшихъ шляхетско—клерикальную воинственную республику съ выборнымъ королемъ, и народъ, чуждый этой республикѣ съ ея германо-римскими учрежденіями и началами: западно-европейскимъ средневѣковымъ теократизмомъ, феодализмомъ, магдебургскимъ городскимъ правомъ и идеями рыцарства.

Западныя окраины Польши подверглись германизаціи въ самомъ началѣ ея государственной жизни, а восточныя подъ девизомъ „волимъ (предпочитаемъ) подъ царя восточнаго, православнаго“ одна за другой стали примыкать къ Россіи послѣ того, какъ Россія сплотилась въ сильное государство. Ядро польскаго государства—сравнительно небольшая территорія съ кореннымъ польскимъ населеніемъ, не подвергшимся германизаціи,—при отсутствіи сильной объединяющей власти, при розни между паномъ и хлопомъ, при соперничествѣ магнатовъ и распущенности шляхты не было въ силахъ противодѣйствовать начавшемуся уже въ первой половинѣ 17 вѣка распаденію Польши. Всѣ усилія католическаго духовенства, провозглашавшаго Польшу „стѣной христіанства на востокѣ“ и толкавшаго поляковъ на борьбу со „схизмой“ (православіемъ), воспламенить поляковъ къ борьбѣ не только за цѣлость Рѣчи Посполитой, но и за расширеніе ея предѣловъ на востокъ, въ это время уже не имѣли успѣха. А когда настало время раздѣловъ Польши, у заинтересованныхъ въ сохраненіи ея классовъ населенія: магнатовъ, шляхты, дворового люда, католическаго духовенства и извѣстной части горожанъ, благосостояніе которыхъ основывалось на магнатахъ, шляхтѣ и духовенствѣ,—не хватило единства и мужества вступить въ борьбу за нее не на жизнь, а на смерть. Раздѣлы Польши совершались, не встрѣчая сильнаго сопротивленія. Правда, наканунѣ ихъ часть магнатовъ, шляхты и

духовенства дѣлала попытки возродить Польшу и, дѣйствуя въ духѣ просвѣтительныхъ идей второй половины 18 вѣка, старалась поднять просвѣщеніе въ Польшѣ, насадить промышленность, развить торговлю, придать католическому прозелитизму болѣе гуманныя и просвѣтительныя формы, улучшить положеніе городовъ и крестьянъ, установить въ Рѣчи Посполитой порядокъ и сильную власть. Эти попытки не прекращались и во время раздѣловъ, но во-первыхъ, трудно было вдохнуть жизнь въ давно уже разлагавшееся государственное тѣло, во-вторыхъ задуманныя тогда на французскій образецъ реформы мало отвѣчали условіямъ жизни Рѣчи Посполитой, а въ-третьихъ, напр., улучшеніе положенія крестьянъ по конституціи 3 мая 1791 г. и другимъ проектамъ той эпохи, являлось болѣе фиктивнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Наконецъ, всѣ эти проекты имѣли много противниковъ. Польское крестьянство въ общемъ относилось безразлично, къ раздѣламъ, а западно-русское, видѣвшее въ Рѣчи Посполитой, говоря словами Георгія Конисскаго „тѣсный Израелю Египетъ“, мѣстами даже удерживалось силой русскаго оружія отъ повторенія уманской рѣзни шляхты. Увлеченіе же болѣе пылкихъ польскихъ головъ революціонными французскими принципами 1789 года и стремленіе связать съ этими принципами движеніе за независимость Польши и вовлечь въ это движеніе народъ привели лишь къ революціонному террору и буйству городской черни. Варшавская городская чернь подъ руководствомъ сапожника Килинскаго произвела ночью рѣзню, перерѣзавъ спящихъ русскихъ. Но ни отъ того, что въ возстаніи приняла участіе варшавская чернь, ни отъ того, что Костюшко одѣлся въ крестьянскій костюмъ, и что подъ его команду шляхта привела нѣсколько тысячъ крестьянъ съ косами,—возстаніе не стало народнымъ. Оно скоро было подавлено, и Польша окончательно пала.

Но разрушившись на дѣлѣ, она продолжала жить въ умахъ и чувствахъ верхнихъ слоевъ польскаго народа, призракъ ея управлялъ ихъ умами и чувствами. Стремленіе возстановить Польшу стало руководящимъ началомъ жизни высшихъ классовъ польскаго населенія. Для достиженія этого были испробованы разные пути: поляки старались эксплуатировать въ свою пользу возникавшія въ Европѣ доктрины и общественныя движенія, искали поддержки то у правительствъ, то у опозиціонныхъ партій, то старались добиться своей цѣли такъ называемымъ путемъ лойяльности, то съ оружіемъ въ рукахъ, какъ это было въ 1812, 1830—31, 1846—1848 и, наконецъ, въ 1861—64 годахъ. Началось съ того, что эмигрировавшіе послѣ третьяго раздѣла Польши въ Парижъ поляки учредили тамъ въ 1795 г. польскую депутацію, поставившую цѣлью возсо-

зданіе Польши. Бывшій соратникъ Костюшки Домбровскій примкнулъ къ Наполеону и образовалъ польскіе легіоны, въ которыхъ сложилась пѣсня „Еще Польша не погибла“, а молодой кн. Адамъ Чартотыйскій, пріѣхавшій послѣ раздѣловъ Польши въ Петербургъ представиться императрицѣ Екатеринѣ II и оставленный при русскомъ дворѣ, сблизившись съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ I), сталъ убѣждать его въ несправедливости раздѣловъ Польши. Стремленія поляковъ были осуществлены до нѣкоторой степени, когда въ 1807 г. Наполеонъ, по соглашенію съ императоромъ Александромъ I, основалъ небольшое варшавское герцогство. Оно являлось въ глазахъ болѣе умѣренныхъ поляковъ ядромъ новой Польши, но не удовлетворило ожиданій большинства поляковъ, требовавшихъ сразу Польши „отъ моря до моря“ съ включеніемъ въ нее Литвы и Западной Руси, ополяченіе и окатоличеніе которыхъ поляки называли своей исторической миссіей. Съ большими надеждами они встрѣтили вѣсть о походѣ Наполеона на Россію, вспомнили 1612 годъ, тогдашнія побѣды надъ Москвою, грозили гибелью Россіи, на развалинахъ которой мечтали возстановить Польшу. „О годъ двѣнадцатый,—воспѣваетъ его Мицкевичъ—

. . . . чтитъ тебя народъ
И пѣсни про тебя слагаетъ и поетъ!
Забытый гдѣ-нибудь доселѣ старый воинъ,
Услышавъ про тебя, не можетъ быть покоенъ,
Невольно тесака хватаетъ рукоять,
И кровь его кипитъ, и молодъ онъ опять!
И сердцемъ мы тебя предчувствовали всѣ,
И что-то дивное съ литвинами творилось:
Какъ будто небо имъ въ то время растворилось!
Досель, переносясь въ минувшіе года,
Тебя, какъ сладкій сонъ я вижу иногда,
И, скорбію повитъ, лью слезы и тоскую...
Увы, я въ жизни зналъ одну весну такую!..
Отъ Нѣмана идетъ къ Литвѣ Іеронимъ,
Король Вестфаліи, *) и нашъ Іосифъ **) съ нимъ,
А далѣе вожди: Княжевичъ и Грабовскій,
Заіончикъ, Яшвиль, Пацъ, Гедройцъ и Малаховскій.

(„Панъ Тадеушъ“ пер. Н. В. Берга).

Но Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе, и поляки перенесли свои надежды

*) Братъ Наполеона I. **) Князь Іосифъ Понятовскій, родственникъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго.

на Александра I, основавшаго въ 1815 г. царство польское. Когда Александръ I пріѣхалъ въ 1815 г. въ Варшаву, его встрѣтили гимномъ „Боже, который Польшу столь долгіе вѣка“. Въ этомъ гимнѣ заключается мольба о возвращеніи Польшѣ славы и могущества, а также о соединеніи двухъ братскихъ народовъ (русскаго и польскаго) подъ одной державой ангела мира (Александра I.) Этотъ гимнъ впослѣдствіи былъ передѣланъ и сталъ революціонной польской пѣсней.

Казалось, что наступаетъ время русско-польскаго сближенія, что „кровавыя скрижали“ русско-польскихъ отношеній уже не будутъ обагряться братской кровью. Это было въ разгаръ западнославянскаго возрожденія, когда у западныхъ славянъ крѣпла вѣра въ Россію и распространялось убѣжденіе, что первое и руководящее мѣсто въ славянствѣ принадлежитъ русскимъ съ ихъ языкомъ. Къ полякамъ доходили отголоски этого движенія. Польскіе историки и слависты того времени выступили съ рядомъ трудовъ, написанныхъ въ духѣ всеславянства и признанія за Россіей главенства въ славянскомъ мірѣ. Одинъ изъ видныхъ представителей этой группы польскихъ ученыхъ Раковецкій, издатель и толкователь „Русской правды“ Ярослава, открыто выражалъ свое сочувствіе православію. Симпатіи къ славянскому обряду раздѣлялъ и молодой въ то время ученый Мацѣевскій, ставшій впослѣдствіи самымъ выдающимся польскимъ славянофиломъ. Но это движеніе не пустило корней среди поляковъ не безъ вины съ нашей стороны: правительство Александра I-го 1815—1818 годовъ, насаждая въ царствѣ польскомъ конституцію западно-европейскаго образца и думая о распространеніи конституціонныхъ формъ на всю Россію, переживало эпоху увлеченія западомъ, въ сильномъ подчиненіи идеямъ котораго находилось тогда почти все русское образованное общество. Такимъ образомъ, поляки въ общемъ остались вѣрны своей „исторической миссіи“, въ силу которой, по ихъ мнѣнію, имъ должно принадлежать главенство въ восточной Европѣ и господство надъ Западной Русью и потому добивались присоединенія къ царству западныхъ областей Россіи, усиленно ополячивая и окатоличивая эти области. Извѣстно, что императоръ Александръ I склонялся исполнить это желаніе поляковъ, но когда это намѣреніе государя встрѣтило несочувствіе въ русскихъ, нашедшее себѣ выраженіе, между прочимъ, въ запискѣ Карамзинна о „Древней и Новой Россіи“, и когда Александръ отступилъ отъ этого намѣренія, кн. Адамъ Чарторыйскій и другіе поляки повели усиленную антирусскую пропаганду. Пропаганда имѣла тѣмъ большій успѣхъ, что тогда были въ модѣ тайныя общества, которыя росли

и развивались тогда въ Россіи и Европѣ: это было время массонства, время декабристскаго движенія въ Россіи, карбонаріевъ въ Италіи. Царство польское и западный край быстро покрылись сѣтью тайныхъ обществъ и кружковъ. Массонство получило у поляковъ національно-польскую окраску, а возникшіе тогда въ Вильнѣ польскіе кружки „нравственнаго совершенствованія“ видѣли въ этомъ совершенствованіи орудіе для возстановленія Польши. Сплетеніе идеи воскресенія ея, въ „демократическихъ“ польскихъ кружкахъ съ западно-европейскими революціонными теченіями, поддерживало польское броженіе. Одинъ изъ видныхъ польскихъ „демократовъ“, историкъ Лелевель, для котораго аристократическое начало воплощалось въ магнатахъ, а демократическое въ шляхтѣ и городскомъ сословіи, примѣнилъ тогдашнія западно-европейскія демократическо-политическія теоріи къ польской исторіи и мечталъ о Польшѣ, которой правили бы не магнаты, а шляхта и городской классъ. Онъ находилъ въ прошломъ Польши всѣ элементы для осуществленія этого идеала. Съ точки зрѣнія этой доктрины, Лелевель и его послѣдователи признавали, какъ и представители польской аристократической партіи, западно-русскія области польскими, такъ какъ большинство шляхты въ нихъ было ополячено и окатоличено. Нѣкоторые послѣдователи Лелевеля пошли дальше и пришли къ заключенію, что поляки призваны возродить въ духѣ идеаловъ Лелевеля не только Польшу, но и все человѣчество, да и самъ Лелевель высказывалъ, хотя менѣе рѣшительно, чѣмъ его ученики, подобный взглядъ.

Мицкевичъ, говорившій, по свидѣтельству Пушкина, своимъ петербургскимъ друзьямъ о временахъ грядущихъ,

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся,

вѣрилъ, какъ это видно изъ его сочиненій и писемъ, что это объединеніе состоится подъ знаменемъ польскихъ „демократическихъ“ идей, хотя не договаривалъ этого въ Петербургѣ. На почвѣ мечтаній о будущемъ человѣчества и сочувствія нѣкоторыхъ русскихъ высшаго круга католичеству, попавшіе въ русское общество поляки, сблизились съ нимъ, а стремленіе къ перевороту сблизило нѣкоторыя польскія тайныя общества съ декабристами, національныя же и революціонныя движенія того времени у другихъ европейскихъ народовъ, электризовали поляковъ, и когда въ іюлѣ 1830 г. вспыхнула революція въ Парижѣ, а затѣмъ въ августѣ въ Брюсселѣ, въ ноябрѣ того же года прорвалось наружу долго назрѣвавшее

польское движеніе. Польское возстаніе 1830—31 годовъ показало, что поляки силой оружія хотятъ отвоевать западно-русскія области. Заявленія поляковъ, что цѣль революціи не только независимость царства, но и присоединеніе къ нему западно-русскихъ областей, разъигравшійся въ Варшавѣ во время революціи терроръ, жертвами котораго стали не только русскіе, но и поляки, не сочувствовавшіе революціонному движенію, и обращеніе поляковъ къ вмѣшательству Европы вызвали негодованіе въ русскомъ обществѣ, выразившееся, между прочимъ, въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ Пушкина „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. А М. П. Погодинъ писалъ въ „Телескопѣ“ подъ впечатлѣніемъ возстанія: „Отъ основанія русскаго государства до позднѣйшихъ временъ, т. е. отъ IX столѣтія до XVII, посягалъ-ли русскій мечъ хотя на одну каплю польской крови? И наоборотъ, изсякали-ли хотя на короткое время въ продолженіи сихъ столѣтій рѣки русской крови, пролитой польскою и литовскою саблею въ рукахъ Болеславовъ, Гедеминовъ, Ольгердовъ, Витовтовъ, Баторіевъ, Хоткевичей, Лисовскихъ,—крови, пролитой изъ самаго сердца Россіи—Москвы?“ Указавъ на агрессивный характеръ прошлаго Польши, Погодинъ, имѣя въ виду революцію 1830—31 годовъ, продолжалъ: „Государства сплавливаются изъ разныхъ частей: какъ минералы, они нарастаютъ по большей части снаружи. Раздѣлить химически сіи части, желая возвратить имъ независимость,—предпріятіе, вообще говоря, суетное, невозможное, безумное. Всю Европу надобно будетъ поставить вверхъ дномъ, погрузить въ бездну междуусобій, разъединить гражданскія общества, чтобъ возвратить народамъ, или лучше, уже семействамъ—ихъ прежнюю независимость вмѣстѣ съ варварствомъ“ [1]). На призывы императора Николая I сложить оружіе поляки отвѣтили требованіемъ присоединенія къ царству западныхъ губерній. Борьба продолжалась. Конечно, слагавшееся и постепенно разроставшееся въ теченіе многихъ вѣковъ сильное единствомъ государство одержало верхъ въ борьбѣ съ тѣми, кто стремился возстановить отжившее и распавшееся государственное строеніе, не имѣвшее опоры въ народной массѣ и поддерживавшееся средневѣковыми подпорками, истлѣвшими къ 19 вѣку. Возстаніе 1830—1831 годовъ было потушено фельдмаршаломъ Паскевичемъ къ осени 1831 года, но искры польскихъ стремленій къ возстановленію Польши продолжали тлѣть въ Россіи и раздувались изъ-за границы, куда эмигрировали главные дѣятели возстанія кн. А. Чарторыйскій, Лелевель и много участниковъ возстанія. Польская эмиграція раздѣлилась на двѣ партіи: бѣлую и красную (аристократическую и „демократическую“). Бывшій русскій царедворецъ, бывшій управляющій русскимъ ми-

нистерствомъ иностранныхъ дѣлъ и попечитель виленскаго учебнаго округа, а затѣмъ предсѣдатель польскаго революціоннаго ржонда 1831 года,—кн. А. Чарторыйскій сталъ во главѣ бѣлой партіи, поселившись въ Парижѣ въ отелѣ Ламберъ. Самъ Чарторыйскій располагалъ большимъ состояніемъ, а кромѣ того многіе поляки дѣлали взносы въ казначейство отеля Ламберъ. Въ отелѣ были учреждены для руководства польскими дѣлами три департамента, и повсюду въ Европѣ отель имѣлъ своихъ агентовъ, которые, говоритъ В. Д. Спасовичъ, „проникали съ задняго крыльца въ европейскіе кабинеты и подстрекали противъ Россіи“ [2]). Чарторыйскій, мечтавшій о польской коронѣ, старался вліять на европейскія правительства, чтобы они, воспользовавшись тѣмъ или другимъ обстоятельствомъ, возбудили польскій вопросъ, и искалъ себѣ союзниковъ противъ Россіи въ средѣ и кавказскихъ горцевъ, и русскихъ раскольниковъ, и русскихъ эмигрантовъ. Онъ и его партія стремились къ возстановленію Польши и ослабленію Россіи, что считали необходимымъ условіемъ для воскресенія Польши, по возможности, безъ пролитія польской крови, возлагая свои надежды на Европу и европейскую дипломатію. Въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ у Чарторыйскаго было среди богатыхъ помѣщиковъ много сторонниковъ, которые смотрѣли на него, какъ на некоронованнаго короля Польши. Главой его партіи въ Россіи былъ его племянникъ гр. Андрей Замойскій. Считая новое возстаніе при существовавшихъ въ то время условіяхъ дѣломъ безцѣльнымъ и безумнымъ, бѣлые старались лишь поддерживать въ полякахъ идею возстановленія Польши въ надеждѣ воскресить ее при измѣнившихся обстоятельствахъ и поднимать благосостояніе земель, которыя они считали польскими. Въ бытность попечителемъ виленскаго учебнаго округа въ 1802—1822 годахъ Чарторыйскій образовалъ классъ домашнихъ учителей и учительницъ, которые воспитывали дѣтей въ преданности идеѣ возстановленія Польши. Эти учителя и учительницы продолжали воспитаніе юношества въ томъ же духѣ и послѣ возстанія 1830—1831 годовъ. За свои труды они получали изъ-за границы отъ Чарторыйскаго „особыя благословенія“, состоявшія изъ мѣдныхъ дощечекъ съ рельефнымъ изображеніемъ герба Польши—одноглаваго орла и иконы Ченстоховской Богоматери. Высшее католическое духовенство въ западныхъ губерніяхъ и въ царствѣ польскомъ примыкало въ своихъ взглядахъ къ партіи Чарторыйскаго, а низшее стояло ближе къ эмигрантамъ-„демократамъ“, несмотря на то, что крайніе элементы этой партіи относились индифферентно къ вопросамъ вѣры и частью даже склонялись къ безвѣрію. Чарторыйскому принадлежитъ афоризмъ:

„не католичество изъ патріотизма, а любовь къ отечеству изъ католичества“, что въ переводѣ на болѣе понятный языкъ означаетъ: надо любить Польшу за то, что она католическая, и нельзя любить католичества только потому, что оно является политическимъ орудіемъ въ рукахъ поляковъ. Но на дѣлѣ у громаднаго большинства поляковъ и въ томъ числѣ у самого Чарторыйскаго и у большинства польскаго католическаго духовенства привязанность къ католичеству имѣла въ сильной степени національно-политическую окраску; поэтому неудивительно, что нѣкоторые ксендры примыкали къ „демократамъ“, часто чуждымъ вѣры.

Польскіе эмигранты „демократической“ партіи искали опоры не въ европейской дипломатіи, составлявшей главный фундаментъ различныхъ комбинацій отеля Ламберъ, а въ западно-европейскихъ демократахъ и были готовы поднять новое возстаніе во всякое время. Время съ 1830 по 1848 г. было въ западной Европѣ эпохой бурнаго стремленія народностей къ національной независимости, къ государственному національному объединенію, эпохой стремленія установить, если не республиканскій, то конституціонный режимъ на демократическихъ началахъ, эпохой первыхъ успѣховъ соціализма, заявившаго, что необходимо не только политическое, но и соціальное равенство. Всѣ эти идеи находили отзвукъ у поляковъ, благодаря непосредственному соприкосновенію съ Западной Европой множества польскихъ эмигрантовъ, но поляки придавали имъ свою особую окраску. Во главѣ, „демократовъ“, въ первое время послѣ возстанія 1830—31 годовъ стоялъ Лелевель, поселившійся, какъ и Чарторыйскій въ Парижѣ, но когда онъ выпустилъ тамъ нѣсколько воззваній и въ числѣ ихъ „воззваніе къ русскому народу“, французское правительство, по требованію русскаго, предложило ему оставить Францію, и онъ поселился въ Брюсселѣ. „Демократы“ распадались на нѣскольско кружковъ и обществъ, объединявшихся авторитетомъ Лелевеля; съ отъѣздомъ его изъ Парижа дробленіе „демократовъ“ на кружки усилилось, и кружки эти вели ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Главный изъ нихъ назывался „демократическимъ обществомъ“. Въ своихъ изданіяхъ и программахъ это общество утверждало, что Польша, „сплотивъ во едино 10 вѣковъ тому назадъ многія близкія другъ къ другу по языку, происхожденію, нуждамъ и характеру племена (т. е. литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ), развивала въ предѣлахъ извѣстныхъ сословій демократическую идею славянства, подавленную въ иныхъ племенахъ чуждою властью и насиліемъ, и одна защищала европейскую цивилизацію отъ напора всякихъ азіатскихъ дикарей: татаръ, турокъ и москалей“. „Польша, поучали далѣе польскіе „демократы“, въ 18 вѣкѣ явилась представи-

тельницей западно-европейскихъ демократическихъ идей, и въ борьбѣ за нихъ была разрушена Россіей", а потому „дѣло воскресенія Польши, необходимое для всѣхъ, есть дѣло не одной только Польши, а цѣлаго человѣчества". Польскіе „демократы" говорили и писали, что стремятся къ національной независимости, но, какъ видно изъ ихъ-же словъ, они, не довольствуясь національной независимостью поляковъ, хотѣли возстановить Польшу въ прежнихъ границахъ съ подчиненіемъ ей Западной Руси и, несмотря на свой „демократизмъ", раздѣляли польскій національный аристократизмъ, признающій поляковъ народомъ—господиномъ, которому должна подчиняться Западная Русь и Литва. Не откладывая новаго возстанія въ долгій ящикъ, вожаки польскихъ „демократовъ" черезъ 2 года послѣ окончанія возстанія 1830—1831 годовъ, т. е. въ 1833 году, собрались въ Ліонѣ и отправили въ царство польское нѣкоего Заливскаго. Побывавъ тайкомъ тамъ, онъ уѣхалъ затѣмъ въ Галицію и объявилъ, что къ возстанію приступать рано. Нашлись такіе, которые не согласились съ нимъ и основали во Львовѣ общество польскихъ карбонаріевъ, (угольщиковъ) съ цѣлью немедленно вызвать возстаніе. Общество вскорѣ было закрыто австрійскимъ правительствомъ, а агенты его заключены въ тюрьму. Въ 1834 году, когда нѣкоторые поляки-эмигранты „демократической" партіи приняли участіе въ организованной Мадзини въ Савойѣ революціи, возникло общество Молодой Польши, являвшееся вѣтвью общеевропейскаго революціоннаго общества, основаннаго Мадзини: каждая изъ этихъ вѣтвей—Молодая Италія, Молодая Германія, Молодая Польша, впослѣдствіи Молодая Россія стремились къ демократической революціи въ своей странѣ и къ національной независимости ея, если она не пользовалась этой независимостью. Нѣсколько членовъ Молодой Польши отправились въ Россію готовить поляковъ къ возстанію. Движеніе было скоро подавлено, и главный руководитель его Конарскій казненъ въ Вильнѣ въ 1839 г.

Поддерживая въ полякахъ идею возстановленія Польши, польскіе вожаки, не ограничивались воспитаніемъ юношества по системѣ Чарторыйскаго и посылкой воззваній и эмиссаровъ. Въ ихъ распоряженіи было еще одно средство—эмиграціонная литература. Разростаясь съ 1831 года, эта литература, правда, съ трудомъ проникала къ нашимъ полякамъ, но тѣмъ не менѣе разными путями находила себѣ доступъ и въ Варшаву, и въ Вильну, и въ Кіевъ, и въ петербургскій польскій кружокъ студентовъ; знали ее и московскіе поляки—студенты. Н. В. Бергъ въ предисловіи къ своему переводу „Пана-Тадеуша" разсказываетъ, что когда онъ въ 1844 г. ознакомился съ „Паномъ-Тадеушомъ", даннымъ ему

для прочтенія М. Н. Катковымъ, въ то время молодымъ профессоромъ, и напечаталъ переводъ двухъ отрывковъ въ „Москвитянинѣ“ безъ обозначенія, что это переводы изъ Мицкевича, произведенія котораго были запрещены тогда въ Россіи, „ни цензора, ни публика не догадались объ истинномъ происхожденіи стихотвореній: только одни студенты-поляки подмигивали мнѣ и потирали руки“ [3]). Главными представителями эмиграціонной литературы были поэты Мицкевичъ и Словацкій. Въ разныхъ видахъ и формахъ они оплакивали паденіе Польши и предсказывали воскресеніе ея, идеализировали прошлое ея, выражали надежду, что какое-то чудо спасетъ Польшу, то призывали къ кровавой мести, то проповѣдывали христіанское долготерпѣніе и смиреніе, въ награду за которыя сулили въ будущемъ возстановленіе Польши, то слагали гимны въ честь рыцарскаго духа Польши, то идеализировали измѣну, коварство, обманъ, предательство, при помощи которыхъ надѣялись достигнуть возлюбленной цѣли. Поэтъ партіи „бѣлыхъ“ гр. Красинскій рѣзко высказывался противъ соединенія возстановленія Польши съ соціально-революціоннымъ теченіемъ, вселяя въ поляковъ вѣру, что Богъ воскреситъ Польшу, если они будутъ вѣрны католичеству и станутъ стремиться къ нравственному совершенствованію. Произведенія этихъ поэтовъ, запечатлѣнныя жгучей душевной болью и безсиліемъ мысли, неумѣвшей вырваться изъ заколдованнаго для нихъ круга идеи воскресенія Польши, экзальтировали читателей и создавали атмосферу призраковъ и миражей. Эмигрантъ Товянскій создалъ особое „католичество“, отъ котораго поспѣшилъ отречься папа. По ученію Товянскаго, Полыпа единственная католическая и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная христіанская страна. Она—Мессія, ибо послана въ міръ искупить грѣхи рода человѣческаго и, какъ Мессія, распята. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ были разсѣяны евреи, народъ избранный, такъ—въ Новомъ разсѣянъ избранный народъ Новаго Завѣта—поляки за то, что не съумѣли отстоять Польшу, но настанетъ часъ—Польша воскреснетъ, поляки соберутся въ ней, міръ переродится. Мицкевичъ написалъ въ духѣ „мессіанизма“ Товянскаго библейскимъ стилемъ такъ называемыя „Книги паломничества польскаго народа“ и сложилъ молитвы „паломниковъ“. Громкую огласку въ свое время получили историческіе и этнографическіе труды эмигранта Духинскаго, который доказывалъ, что русскіе не славяне, а туранцы, и призывалъ Европу возстановить славянское польское государство, населенное поляками и частью близкими къ полякамъ „русинами“, а туранцевъ оттѣснить за Днѣпръ и Западную Двину. Лелевель и Мохнацкій пропагандировали воскресеніе Польши, первой изъ

европейскихъ странъ, по ихъ словамъ, осуществившей идеалъ гражданской свободы. Возражая Мѣрославскому, который доказывалъ, что Польша, первая осуществившая идеалъ политической свободы, должна быть первой и въ дѣлѣ соціальной реформы, и потому связы валъ возстановленіе Польши съ соціальнымъ переворотомъ, Мохнацкій утверждалъ, что соціальный переворотъ въ Польшѣ произведенъ безъ пролитія крови наканунѣ ея паденія конституціей 3-го мая 1791 года, давшей права городамъ и облегчившей доступъ въ шляхту лицамъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословія. Крайніе фанатики съ іезуитской закваской пропагандировали борьбу іезуитскимъ путемъ. Они разработали и примѣнили къ обстоятельствамъ идею валенродизма, высказанную впервые Мицкевичемъ въ его „Конрадѣ Валенродѣ“, и создали „Польскій катехизисъ“, возводившій обманъ въ патріотическую обязанность, рекомендовавшій полякамъ захватывать власть въ Россіи, входить въ довѣріе къ власть имущимъ, сѣять раздоръ между русскими и вводить ихъ въ заблужденіе. Нѣкоторые изъ польскихъ эмигрантовъ-литераторовъ писали не только по польски, но и по французски, печатая на французскомъ языкѣ статьи, вооружавшія европейскую публику противъ Россіи, подложные документы, касавшіеся Россіи, а также брошюры и статьи по польскому вопросу, располагавшія читателей въ пользу поляковъ Изъ франко-польскихъ журналистовъ особенно выдался ополяченный виленскій еврей Ю. Клячко, ставшій съ 1849 г. постояннымъ сотрудникомъ „Revue des deux Mondes“.

Въ 1842 году такъ называемая централизація, образовавшая въ составѣ „демократическаго общества“ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, открыла въ Батиньолѣ подъ Парижемъ военную школу. Въ эту школу въ числѣ преподавателей былъ приглашенъ Людовикъ Мѣрославскій. Сынъ польскаго офицера и француженки, Мѣрославскій учился въ калишскомъ корпусѣ, участвовалъ въ офицерскомъ чинѣ въ польскомъ возстаніи 1830—31 годовъ, затѣмъ эмигровалъ во Францію, примкнулъ къ французскимъ соціалистамъ того времени, написалъ исторію возстанія 1830—31 годовъ. Принимая участіе въ дѣлахъ французскихъ и вообще европейскихъ революціонеровъ, онъ спорилъ и враждовалъ съ вожаками польскихъ „демократовъ“. Человѣкъ крайне самолюбивый и безпокойный, человѣкъ фразы и позы, онъ искалъ власти, искалъ случая выказать себя и прославиться. Польщенный приглашеніемъ быть преподавателемъ въ военной школѣ, Мѣрославскій, враждовавшій до того времени съ „демократическимъ обществомъ“, сталъ ревностнымъ членомъ его, горячимъ защитникомъ его и внесъ въ его дѣятельность оживленіе. Онъ настаивалъ на необходимости новаго возстанія. Агенты „общества“

въ разныхъ частяхъ бывшей Рѣчи Посполитой стали энергично подготавлять почву для новыхъ волненій. Въ Галиціи образовалось общество „Плебеевъ", готовившееся къ возстанію, и въ сосѣдней съ нею мѣстности Привислинскаго края вблизи г. Кельцъ ксендзъ Сцегенный поднялъ въ 1844 году своихъ прихожанъ—крестьянъ. Дѣятельность „Плебеевъ" и Сцегеннаго не имѣла значительныхъ послѣдствій, но время было тревожное наступала вторая половина сороковыхъ годовъ 19 вѣка: во Франціи готовилось низверженіе монархіи Людовика-Филиппа, назрѣвало возстаніе въ Венгріи и Сициліи, приближалось движеніе въ Германіи, Австріи и въ славянскихъ земляхъ. Мѣрославскій рѣшилъ во что-бы то ни стало вызвать новое польское возстаніе, которое связывалъ съ обще-европейскимъ революціоннымъ движеніемъ, и во главѣ этого возстанія поставилъ богатаго познанскаго помѣщика Домбровскаго, сына генерала наполеонскихъ польскихъ легіоновъ. Домбровскій велъ жизнь богатаго бонвивана и мало интересовался польскимъ дѣломъ, но его родственники склонили его принять участіе въ движеніи. Въ концѣ 1845 г. Мѣрославскій пріѣхалъ въ Познань и лично уговорилъ Домбровскаго стать во главѣ возстанія. Въ началѣ 1846 года Мѣрославскій появился въ Краковѣ, сдѣлалъ тамъ распоряженія о возстаніи въ Галиціи, а затѣмъ отправился въ Познань; назначилъ командующихъ возстаніемъ въ царство польское, въ Литву и Галицію, а самъ принялъ на себя главное руководительство возстаніемъ и непосредственное завѣдываніе ходомъ движенія въ Познани. Домбровскій, поѣхавшій послѣ переговоровъ съ Мѣрославскимъ, въ Варшаву, повидавшись съ тамошними агентами Мѣрославскаго купцомъ Добричемъ и Рупрехтомъ, рѣшилъ, согласно плану Мѣрославскаго, взять приступомъ крѣпость Ивангородъ, а одинъ помѣщикъ вызвался сдѣлать нападеніе на городъ Сѣдлецъ. Но жена Домбровскаго не пустила его штурмовать Ивангородъ, назвавъ его безумцемъ, нападеніе же на Сѣдлецъ, совершенное тремя заговорщикими съ десятью пьяными крестьянами, кончилось тѣмъ, что заговорщики, напавшіе ночью на клубъ, гдѣ происходилъ балъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, бѣжали. Вскорѣ ихъ арестовали крестьяне и представили властямъ. На югѣ царства польскаго появилось нѣсколько небольшихъ повстанскихъ отрядовъ, организованныхъ по почину Добрича. Въ Петербургѣ въ кружкѣ студентовъ-поляковъ въ 1846 году сильно агитировалъ студентъ Сѣраковскій—впослѣдствіи одинъ изъ главныхъ организаторовъ возстанія 1863 года. Когда выяснилось, что возстаніе 1846 г. не удалось въ самомъ зародышѣ, въ Варшавѣ составился небольшой заговоръ, въ которомъ приняли участіе гимназисты

старшихъ классовъ, но заговоръ этотъ своевременно былъ раскрытъ; число арестованныхъ по дѣлу возстанія 1846 г. въ царствѣ польскомъ составило всего 316 человѣкъ. „Дальнѣйшія открытія“,—писалъ Паскевичъ государю,—трудно было дѣлать, потому, что „по новому образованію секретныхъ обществъ, одинъ только про пятерыхъ знаетъ, что снисхожденіе прусскихъ и австрійскихъ властей сему также причиной. Въ царствѣ польскомъ цифра 316 человѣкъ вполнѣ удовлетворительна, и я надѣюсь, что открытія прусскія могутъ увеличить число заговорщиковъ. На австрійцевъ же я не надѣюсь; они, какъ мнѣ кажется, мало намъ будутъ открывать“ [4]). Въ Краковѣ и въ Галиціи возстаніе 1846 года приняло гораздо большіе размѣры, чѣмъ въ Россіи, но скоро было подавлено австрійскимъ правительствомъ руками крестьянъ, которые перерѣзали поднявшихъ—было возстаніе помѣщиковъ. Австрійское правительство воспользовалось антишляхетскимъ настроеніемъ крестьянъ, вызваннымъ усиленными возваніями Мѣрославскаго, который сулилъ крестьянамъ за участіе въ возстаніи раздѣлъ между ними помѣщичьихъ земель, и направило крестьянство на шляхту. Эта рѣзня помѣщиковъ крестьянами вызвала стихотвореніе „Съ дымомъ пожаровъ“ Уейскаго, въ которомъ выражена скорбь по поводу братской рѣзни и упрекъ Богу за упадокъ Польши. „Съ дымомъ пожаровъ“ было положено на музыку и въ 60-хъ годахъ стало пѣсней, которую распѣвали повстанцы. Главнымъ послѣдствіемъ возстанія 1846 года явилось занятіе русскими и австрійскими войсками Кракова, который послѣ этого пересталъ быть вольнымъ городомъ и перешелъ подъ власть Австріи. Послѣ рѣзни помѣщиковъ въ Австріи въ царствѣ польскомъ среди крестьянъ обнаружилось движеніе противъ помѣщиковъ, остановленное Паскевичемъ. Въ Познани возстаніе не имѣло большихъ размѣровъ. Мѣрославскій былъ арестованъ, преданъ суду и посаженъ въ тюрму. На судѣ онъ оправдывался тѣмъ, что поднималъ возстаніе не противъ Пруссіи, а противъ Россіи. Когда въ 1848 г. вспыхнуло революціонное движеніе въ Берлинѣ, и Мѣрославскій былъ освобожденъ изъ тюрмы, въ Познани опять начались волненія, во главѣ которыхъ снова оказался Мѣрославскій. Симпатіи „Молодой Германіи“, руководившей нѣмецкимъ революціоннымъ движеніемъ, были тогда на сторонѣ поляковъ, и вообще настроеніе нѣмецкаго общества и правительства было таково, что познанскіе поляки могли получить нѣкоторыя льготы. Въ виду этого и съ цѣлью не допустить Мѣрославкаго играть руководящую роль въ новомъ польскомъ движеніи, въ Берлинъ пріѣхалъ изъ Парижа кн. А. Чарторыйскій, но ему не удалось сойтись съ прускимъ правительствомъ, и онъ скоро

вернулся, не добившись никакихъ результатовъ. А на помощь Мѣрославскому между тѣмъ явился изъ Парижа польскій поэтъ Словацкій со своимъ другомъ, молодымъ человѣкомъ Фелинскимъ, будущимъ ревностнымъ проповѣдникомъ католичества въ Петербургѣ, занявшимъ затѣмъ, во время возстанія 1863 г., каѳедру варшавскаго католическаго митрополита. Въ половинѣ 40-хъ годовъ Фелинскій учился въ университетѣ въ Москвѣ, гдѣ безнадежно влюбился въ жену своего опекуна, что заставило его уѣхать въ Парижъ. Когда въ февралѣ 1848 г. возникла въ Парижѣ революція, Словацкій предложилъ организовать польскую „всенародную конфедерацію", въ составъ которой вошло нѣсколько поляковъ въ томъ числѣ и Фелинскій. Составили „актъ конфедераціи", написали воззванія и отправились въ Познань подъ начальство Мѣрославскаго. Въ одной изъ стычекъ съ прусскими войсками Фелинскій получилъ рану саблей въ голову. Вскорѣ Мѣрославскій былъ окончательно разбитъ и взятъ въ плѣнъ пруссаками, но въ этотъ разъ помилованъ и благополучно удалился въ Парижъ. Подъ вліяніемъ вѣстей о познанскихъ волненіяхъ въ Варшавѣ возникъ въ 1848 г. заговоръ мастеровыхъ, скоро раскрытый и неимѣвшій серіозныхъ послѣдствій. Между тѣмъ назрѣвало движеніе въ Венгріи, куда отправилось много польскихъ эмигрантовъ, и нѣкоторые изъ нихъ вступили въ командованіе большими отрядами венгерскихъ инсургентовъ, Мѣрославскій же принялъ на себя командованіе вспыхнувшимъ тогда же сицилійскимъ востаніемъ. Тамъ онъ потерпѣлъ неудачу, какъ вслѣдъ затѣмъ и въ Баденѣ, гдѣ тоже занималъ роль руководителя тамошнимъ движеніемъ.

Болѣе пылкіе изъ поляковъ возлагали на 1848 годъ большія надежды. Сѣраковскій, агитировавшій въ кружкѣ петербургскихъ студентовъ, членами котораго были тогда І. Огрызко и Я. Гейшторъ, впослѣдствіи видные дѣятели возстанія 1863 года, узнавъ о февральской революціи въ Парижѣ, сталъ говоритъ своимъ товарищамъ: „каждый добрый полякъ долженъ все бросить въ виду того, что произошло, и торопиться, куда зоветъ обязанность". Сѣраковскій былъ сосланъ солдатомъ въ оренбургскіе баталіоны. Многіе поляки вѣрили, что польскіе отряды, отправившіеся въ Венгрію, ворвутся затѣмъ въ Россію; въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1848—49 годахъ были попытки вызвать польское движеніе. Западно-славянскіе патріоты, мечтавшіе о независимости славянъ, созвали подъ вліяніемъ общеевропейскаго движенія 1848 г. въ Прагу славянскій съѣздъ. Болѣе горячіе участники съѣзда требовали низверженія Австрія и полной политической независимости славянъ. Поляки принимали въ это время мало участія въ славянскомъ движеніи,

мало интересовались имъ. Небольшая группа польскихъ славянофиловъ 20-хъ годовъ, мечтавшая объ объединеніи славянъ подъ главенствомъ Россіи, имѣла немного послѣдователей послѣ возстанія 1830 и 1831 годовъ. Во главѣ этой группы въ 40-хъ и 50-хъ годахъ стоялъ упомянутый выше Мацѣевскій. Въ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ поляки не принимали участія, но въ Прагу ко времени этого съѣзда отправились два лица, сыгравшіе потомъ крупную роль въ возстаніи 1863 г.: русскій офицеръ Бакунинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ революціонеромъ, и маркизъ Велепольскій, богатый привислинскій помѣщикъ. Маркизъ Велепольскій участвовалъ молодымъ человѣкомъ въ возстаніи 1830—1831 г. и былъ командированъ вмѣстѣ съ гр. А. Замойскимъ и Валевскимъ, сыномъ польки Валевской и Напалеона I-го, за-границу просить помощи для поляковъ у европейскихъ дворовъ и кабинетовъ. Когда возстаніе кончилось, маркизъ прожилъ нѣкоторое время за-границей, но отель Ламберъ, къ которому примкнулъ—было Велепольскій и въ которомъ воздавались „почти монархическія почести“ Чарторыйскому, игравшему, по словамъ Велепольскаго „жалкую мелодраму“, [5]) не привязалъ къ себѣ маркиза. Гордый маркизъ не былъ расположенъ воздавать кому-либо почести и подчиняться. Еще менѣе маркизъ могъ сойтись съ эмигрантами „демократической“ партіи. Вскорѣ онъ вернулся въ Россію, поселился въ своемъ имѣніи, выказалъ себя умѣлымъ и бережливымъ хозяиномъ, возобновилъ старинный процессъ о своемъ маіоратѣ, жилъ замкнуто, много читалъ. Въ 1835 году онъ помѣстилъ въ одномъ краковскомъ журналѣ „Мысли и замѣчанія“ на разныя филосовскія и политическія темы, а въ началѣ 40-хъ годовъ ѣздилъ въ Берлинъ слушать лекціи философія. Рѣзня помѣщиковъ въ Галиціи произвела на него сильное впечатлѣніе и обратила его въ противника Австріи. Онъ написалъ по поводу этой рѣзни „Lettre d'un gentilhomme polonais sur les massacres de la Galice, adressée au princē de Meternich a l'accasion de sa dépēche circulaire du 7 mars 1846“. Въ этомъ письмѣ, выступая противникомъ Австріи, маркизъ доказывалъ выгодность принадлежности поляковъ къ Россіи и высказывался за объединеніе славянства при политической помощи Россіи, но подъ культурнымъ главенствомъ поляковъ. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей онъ поѣхалъ въ Прагу слѣдить за ходомъ славянскаго съѣзда, но участія въ немъ не принялъ. Такимъ образомъ, уже въ 1845—1848 годахъ выдвинулись многіе изъ польскихъ дѣятелей эпохи возстанія 1863 г.: маркизъ Велепольскій, Мѣрославскій, Фелинскій, Сѣраковскій, Огрызко и др. Извѣстный русско-польскій писатель В. Д. Спасовичъ, игравшій также роль въ польскомъ дви-

женіи 60-хъ годовъ, былъ въ концѣ 40-хъ однимъ изъ членовъ польскаго кружка Сѣраковскаго.

Отчасти подъ воздѣйствіемъ идей славянскаго возрожденія, отчасти же подъ вліяніемъ западно-европейскаго движенія того времени, а также польскихъ теорій, утверждавшихъ, что между „москалями“ съ одной стороны и „русинами“, представляющими будто-бы собою разновидность поляковъ, съ другой—нѣтъ ничего общаго, въ первой половинѣ 40-хъ годовъ возникло такъ называемое украинофильское движеніе. Писатели польско-украинской школы Залѣскій, М. Чайковскій (Садыкъ-Паша) и М. Грабовскій въ стихахъ и въ прозѣ идеализировали отношенія Польши и казачества въ прошломъ, поэтиризовали Украину, звали малороссовъ идти рука объ руку съ поляками. Въ популярной въ то время повѣсти Чайковскаго „Вернигора“ казакъ Вернигора предсказываетъ возстановленіе Польши. М. Грабовскій, жившій въ Кіевѣ, близко сошелся тамъ съ Костомаровымъ и Кулишемъ. Образовавшійся тогда вокругъ Костомарова, Кулиша и Шевченка въ Кіевѣ кружокъ, названный затѣмъ кирилло-меѳодіевскимъ братствомъ, стремился къ общеславянской федераціи съ единой центральной властью, завѣдывающей внѣшними дѣлами, но съ полной внутренней автономіей каждаго изъ славянскихъ племенъ. Но въ то время, когда Костомаровъ и Кулишъ мечтали объ этомъ въ Кіевѣ, въ Галиціи послѣ рѣзни помѣщиковъ въ 1846 году поляки получили нѣкоторыя льготы, и галицкимъ намѣстникомъ былъ назначенъ полякъ Голуховскій, который энергичнымъ и насильственнымъ ополячиваніемъ галицкихъ малоросовъ сталъ наглядно доказывать ихъ единство и братство съ поляками. Кромѣ возникновенія въ Кіевѣ кирилломеѳодіевскаго братства западно-европейское движеніе второй половины 40-хъ годовъ 19 вѣка отразилось еще въ Россіи появленіемъ кружка Петрашевскаго въ Петербургѣ. Кружокъ этотъ, увлекавшійся тогдашнимъ французскимъ соціализмомъ, находился въ сношеніяхъ съ кіевскими украинофилами, а въ числѣ членовъ его былъ Ф. М. Достоевскій, впослѣдствіи горячій и убѣжденный противникъ соціализма и польскаго сепаратизма. Руководители кружка надѣялись дѣйствовать рука объ руку съ поляками, высказываясь за національную независимость поляковъ. Но не только въ этомъ кружкѣ русской литературной молодежи, но и въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго общества, поляки находили тогда сочувствіе, и даже явилась идеализація поляковъ съ русской стороны, какъ это видно, между прочимъ, изъ надѣлавшаго въ 1847 году много шума стихотворенія гр. Растопчиной „Насильственный бракъ“, въ которомъ Россія изображена подъ видомъ стараго барона, а Польша

подъ видомъ его молодой жены. Жена, жалуясь на мужа, между прочимъ, говоритъ:

— Жила я вольно и счастливо
Свою любила волю я,
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый...
Я продана .. Я предана...
Я узница, а не жена!
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ,
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться!
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена!
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ лучшихъ вѣрныхъ слугъ моихъ,
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ, лазучиковъ своихъ...

Вообще, къ концу 40-хъ годовъ между русскимъ и польскимъ образованнымъ обществомъ установились, повидимому, вполнѣ дружественныя отношенія. Одни изъ русскихъ, какъ, напр., М. П. Погодинъ старались сходиться съ поляками на почвѣ славянской идеи, другіе на почвѣ западно-европейской цивилизаціи. Недавно умершій ректоръ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфъ пишетъ: „Какъ современникъ и свидѣтель, могу утверждать, что уже въ 40-хъ годахъ образованные русскіе кружки въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Одессѣ (центрахъ высшихъ учебныхъ заведеній) относились съ полной симпатіей къ судьбѣ Польши, охотно входили въ дружескія отношенія съ поляками на почвѣ европейскаго просвѣщенія и равноправной общественности. Лучшіе профессора того времени К. Ф. Кесслеръ, П. В. Павловъ, В. Я. Шульгинъ, Н. Х. Бунге, М. А. Туловъ и А. И. Селинъ знакомились съ польской исторіей, поэзіей и романами, а нѣкоторые, напримѣръ, В. Я. Шульгинъ и Н. Х. Бунге, даже изучали польскій языкъ и многихъ изъ среды образованныхъ поляковъ считали своими близкими друзьями. Подобнымъ же образомъ относились къ польскому вопросу и въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы (Грановскій, Ешевскій), сколько можно судить по напечатаннымъ вос-

поминаніямъ того времени и по процессу Ф. М. Достоевскаго". Къ этимъ словамъ Ренненкампфа извѣстный московскій профессоръ Б. Н. Чичеринъ добавляетъ: „Прибавляю, что не только въ высшихъ умственныхъ сферахъ, но и въ провинціи господствовало то-же настроеніе. Помню изъ своего дѣтства, что въ Тамбовѣ жилъ ссыльный полякъ и тамбовское общество не только его не чуждалось, а напротивъ старалось всячески облегчить его горькую участь. Во многихъ домахъ онъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. Никогда я не слыхалъ, чтобы слово „полякъ" произносилось съ малѣйшимъ оттѣнкомъ недоброжелательности" [6]).

II.

Русское правительство эпохи императора Николая I сильной рукой сдерживало попытки польскихъ эмигрантовъ вызвать революціонное движеніе въ Россіи. Главными русскими дѣятелями въ эпоху императора Николая I въ бывшихъ земляхъ Рѣчи Посполитой были фельдмаршалъ Паскевичъ, митрополитъ Сѣмашко и генералъ Д. Г. Бибиковъ. Паскевичъ, усмиривъ возстаніе 1831 года, вступилъ въ управленіе царствомъ польскимъ. Онъ умѣлъ быть грознымъ въ глазахъ массы, умѣлъ быть любезнымъ и шутить съ польскими магнатами, но вмѣстѣ съ тѣмъ они стояли передъ нимъ на вытяжку. Умѣя пользоваться польскими магнатами для своихъ цѣлей и получая подробныя свѣдѣнія о дѣятельности польскихъ эмигрантовъ, Паскевичъ былъ всегда хорошо освѣдомленъ о настроеніи и планахъ поляковъ. Повиновеніе себѣ и своимъ распоряженіямъ онъ довелъ до крайнихъ предѣловъ. Кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ тоже съумѣлъ заставить поляковъ безпрекословно повиноваться. Говоря о силѣ власти Бибикова и его воздѣйствія на поляковъ, біографъ его, основатель газеты „Кіевлянинъ" профессоръ В. Я. Шульгинъ разсказываетъ такую сцену, свидѣтелемъ которой онъ былъ самъ: „Въ большой актовой залѣ университета послѣ торжественнаго молебствія собраны были воспитанники кіевскихъ гимназій. Вошелъ генералъ-губернаторъ въ сопровожденіи болѣе тридцати предводителей дворянства трехъ губерній, съѣхавшихся тогда въ Кіевъ. Все это было облечено въ полную мундирную форму. Началась странная команда ученикамъ: ложись, вставай, спи, храпи, садись. Когда всѣ эти приказанія безъ словъ и послушно, какъ однимъ человѣкомъ, выполнены были цѣлою массою молодаго поколѣнія, генералъ-губернаторъ обратился къ предводителямъ дворянства и, устремивъ свой многимъ памятный

фанзинирующій взглядъ, сказалъ: „Смотрите, вотъ что значитъ повиновеніе, и вотъ какъ я учу дѣтей вашихъ. Довольны ли вы?“ И вся эта масса шитыхъ дворянскихъ мундировъ въ безмолвіи отвѣсила низкій поклонъ передъ оригинальнымъ наставникомъ въ повиновеніи“ [7]). Въ Вильнѣ генералъ-губернаторскій постъ занимали люди далеко не столь выдающіеся, какъ Паскевичъ и Д. Г. Бибиковъ Но на судьбы сѣверо-западнаго края имѣлъ сильное вліяніе митрополитъ Сѣмашко, и съ нимъ считались и генералъ-губернаторы, и польское духовенство, и польскіе магнаты. Сѣмашко, преданный всей своей страстно-аскетической душой идеѣ располяченія и раскатоличенія западной Руси, получивъ польско-католическое образованіе (онъ учился въ виленскомъ университетѣ одновременно съ Мицкевичемъ), зналъ поляковъ и горячимъ, но въ то-же время настойчивымъ, преслѣдованіемъ своихъ цѣлей не только увлекалъ за собою подчиненное себѣ духовенство, но и подчинялъ своему вліянію дѣйствія властей и всю жизнь края. Установивъ вообще строгій режимъ, принявъ различныя мѣры противъ занесенія въ Россію революціонныхъ идей и выработавъ строгую систему школьнаго воспитанія, русское правительство эпохи императора Николая I примѣнило всѣ эти мѣры и къ полякамъ. По замѣчанію А. С. Павлова, долго служившаго въ сѣверо-западномъ краѣ, „достойно вниманія, что крутыя мѣры покойнаго императора Николая I, который ни съ кѣмъ шутить не любилъ, а тѣмъ менѣе со своими мятежными подданными, не возмущали ничуть польскаго шляхетства, и оно съ ними уживалось“ [8]). Павловъ объясняетъ это тѣмъ, что польское шляхство „воспитывалось“ съ дѣтства въ строгомъ повиновеніи родительской власти, въ юношескомъ возрастѣ (находилось) подъ нещадною ферулою суроваго манашества разныхъ орденовъ отъ базиліяновъ и піяровъ до іезуитовъ включительно“, а въ зрѣломъ возрастѣ привыкло безропотно преклоняться предъ авторитетомъ магнатовъ“. Но русское правительство не ограничилось въ борьбѣ съ польскими стремленіями къ возстановленію Польши послѣ возстанія 1830 — 31 годовъ, мѣрами строгости, подавленіемъ вооруженныхъ движеній, средствами полицейскаго характера, различными запретительными мѣропріятіями и предоставленіемъ широкихъ полномочій виленскому и кіевскому генералъ-губернаторамъ и намѣстнику царства польскаго. Примѣнивъ русскую систему школьнаго воспитанія къ польской молодежи въ западныхъ губерніяхъ, оно кромѣ этого средства и многими другими путями стремилось тѣснѣе сплотить съ ядромъ государства части бывшей Рѣчи Посполитой. Какъ только началось возстаніе 1830—31 годовъ М. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Виленскій, бывшій тогда

могилевскимъ губернаторомъ, возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ въ Бѣлоруссіи дѣйствія литовскаго статута и введеніи въ судопроизводство и управленіе русскаго языка. Тогда же Муравьевъ представилъ государю записку о преобразованіи въ западномъ краѣ учебной системы въ русскомъ направленіи, устраненіи католическаго духовенства отъ вліянія на учебное дѣло и о противогосударственной дѣятельности этого духовенства, а по окончаніи возстанія представилъ государю „записку о ходѣ мятежа въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ“, въ которой доказывалъ необходимость мѣропріятій для тѣснаго объединенія этихъ губерній съ центромъ государства. Назначенный въ это время гродненскимъ губернаторомъ, Муравьевъ дѣйствовалъ тамъ въ духѣ началъ, которыя излагалъ въ своихъ запискахъ, и содѣйствовалъ подготовкѣ воссоединенія уніатовъ сѣверо-западныхъ губерній къ православію. „Во всѣ времена во всѣхъ странахъ міра,—писалъ въ 1833 году во „всеподданнѣйшемъ донесеніи“ тогдашій виленскій генералъ-губернаторъ кн. Н. А. Долгоруковъ,—языкъ всегда будетъ и былъ непосредственнымъ орудіемъ правительствъ для достиженія всевозможныхъ видовъ и намѣреній. Вездѣ господствующій языкъ государства, какъ господствующее вѣроисповѣданіе, какъ разумъ коренныхъ законоположеній, долженъ имѣть преимущественное уваженіе передъ мѣстными нарѣчіями отдаленныхъ, пограничныхъ или ново-пріобрѣтенныхъ странъ. Общее употребленіе господствующаго языка въ государствѣ нечувствительно сближаетъ разнородныя племена онаго, истребляетъ народныя предубѣжденія, затемняетъ самыя преданія давней вражды, изглаживаетъ воспоминанія о происхожденіи и наконецъ сливаетъ всѣ чуждыя племена въ одинъ народъ“. [9]) „Общее начало всѣхъ преступныхъ замысловъ (поляковъ),—заявлялъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 27-го марта 1839 года кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ,—заключается въ разныхъ видахъ отдѣленія возвращенныхъ отъ Польши губерній отъ общей семьи русскихъ областей, а потому для предупрежденія ихъ слѣдуетъ принимать однажды и навсегда конечныя и рѣшительныя мѣры къ уничтоженію постепенно всѣхъ видовъ этого отдѣленія и къ сліянію сего края и по большинству жителей, и по исторіи своей—русскаго—съ Великороссіей, и таковое направленіе указать главною цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться управленію кіевской, подольской и волынской губерній“ [10]). Въ этихъ видахъ объединенія въ западныхъ губерніяхъ было введено общерусское законодательство, русскій языкъ сдѣланъ оффиціальнымъ языкомъ этихъ губерній, польскій виленскій университетъ и польскій лицей въ Кременцѣ закрыты, а вмѣсто нихъ

учрежденъ кіевскій университетъ, получившій русскій характеръ и названный университетомъ Св. Владиміра. Съ этой же цѣлью было необходимо уничтожить духовную и матеріальную зависимость западно-русскаго крестьянства отъ польской шляхты и польскаго духовенства. Весьма важный шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ 1839 году, когда, по почину архіепископа Іосифа Сѣмашко, возсоединились съ Православною Церковью уніаты западныхъ губерній. Но и послѣ возсоединенія уніатовъ русское населеніе западныхъ губерній, если и въ меньшей, то во всякомъ случаѣ въ весьма сильной степени, было подавляемо польскимъ потому, что громадное большинство русскаго населенія находилось въ крѣпостной зависимости у поляковъ—помѣщиковъ. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вполнѣ ясно сознавалась необходимость упраздненія этой зависимости для упроченія русскаго элемента въ Западной Россіи. Въ 1847 году, по проекту кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, въ юго-западномъ краѣ были введены съ цѣлью улучшенія положенія крестьянъ, такъ называемыя инвентарныя правила, распространенныя затѣмъ и на сѣверо-западный край. Въ введеніи этихъ правилъ въ юго-западномъ краѣ дѣятельное участіе принималъ занявшій въ 1849 г. мѣсто правителя канцеляріей кіевскаго генералъ-губернатора извѣстный писатель и общественный дѣятель Ю. Ф. Самаринъ. Но отсутствіе въ царствованіе императора Николая I окончательной рѣшимости освободить крестьянъ въ Россіи вообще, отразилось и на судьбѣ западныхъ губерній, помѣшавъ совершиться тамъ въ это время коренной перемѣнѣ въ положеніи крестьянства. Одновременно съ мѣропріятіями по объединенію западныхъ губерній съ остальными областями Россіи въ 1830—50 годахъ принимались мѣры, имѣвшія цѣлью объединеніе съ коренной Россіей и царства польскаго. Намѣстникъ царства кн. Паскевичъ,—говоритъ его біографъ,—„желалъ не только усилить русскій элементъ въ царствѣ польскомъ, но и сосредоточить наиболѣе важныя въ государственномъ отношеніи отрасли администраціи преимущественно въ вѣдѣніи людей русскихъ, но при этомъ онъ находилъ, что полное сліяніе Польши съ имперіей неудобно по многимъ причинамъ, которыя изложены имъ въ особой запискѣ для государя. Императоръ Николай Павловичъ соглашался съ фельдмаршаломъ, полагая, что полное соединеніе Польши съ Россіей—дѣло будущаго“ [11]). Въ силу такой программы за царствомъ была сохранена извѣстная административная и юридическая обособленность, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавѣ была учреждена православная архіерейская каѳедра и построенъ православный соборъ, французскій языкъ замѣненъ русскимъ въ дѣлопроизводствѣ министра статсъ-секретаря царства, и

русскій языкъ введенъ въ дѣлопроизводство высшихъ правительственныхъ учрежденій и отчасти въ учебныя заведенія царства, а варшавскій польскій сенатъ преобразованъ въ IX и X департаменты общеимперскаго сената. Какъ въ западныхъ губерніяхъ, такъ и въ царствѣ было обращено вниманіе на улучшеніе положенія крестьянъ, которые были чужды политическихъ стремленій верхняго слоя поляковъ. Въ царствѣ, правда, крестьяне по введенному при образованіи варшавскаго герцогства кодексу Наполеона были лично свободны, но положеніе ихъ послѣ введенія кодекса стало хуже прежняго: на дѣлѣ они находились въ весьма сильной зависимости отъ помѣщиковъ и, не смотря на личную свободу, отбывали барщину. 26-го мая 1846 г. былъ изданъ высочайшій указъ объ улучшеніи состоянія земледѣльческаго класса въ царствѣ польскомъ, но и въ царствѣ, какъ повсемѣстно въ Россіи, коренныхъ мѣръ для улучшенія положенія крестьянъ въ царствованіе Николая I принято не было.

Строгость режима императора Николая I, послѣдовательно проводимыя одна за другой съ 1831 года объединительныя мѣры, грозныя фигуры Паскевича и Д. Г. Бибикова, дѣятельность І. Сѣмашко и его воздѣйствіе на Сѣверо-Западную Русь, распространявшееся мнѣніе о политическомъ могуществѣ Россіи, усмиреніе Россіей венгерской революціи, блестящее военное торжество въ Варшавѣ, завершившее венгерскій походъ, совершенно неудачные для поляковъ исходы попытокъ поднять новое польское возстаніе въ 1846—1848 годахъ, когда, повидимому, общее настроеніе Европы обезпечивало успѣхъ возстанія,—все это вмѣстѣ взятое вызвало къ концу 40-хъ годовъ 19-го вѣка значительное ослабленіе польскихъ національно-политическихъ стремленій и рядъ попытокъ со стороны польскихъ магнатовъ и шляхты, а частью и духовенства, засвидѣтельствовать примиреніе со своимъ положеніемъ въ Россіи и свою преданность ей. Совершившійся въ большинствѣ поляковъ поворотъ былъ замѣченъ русскимъ правительствомъ. Спокойное въ общемъ поведеніи русскихъ поляковъ во время венгерской компаніи было зачтено имъ въ заслугу. Дворянство царства польскаго въ концѣ 1849 г. получило въ видѣ награды за спокойствіе сословную организацію по образцу русской, но съ предводителями по назначенію, а не по выборамъ, и эта мѣра польстила самолюбію польскихъ дворянъ. Отношеніе русской власти къ польскому вопросу замѣтно измѣнилось еще и потому, что Паскевичъ послѣ венгерскаго похода, которымъ онъ командовалъ, значительно постарѣлъ, потерялъ прежнюю энергію и силу, а въ 1852 году Д. Г. Бибиковъ оставилъ генералъ-

губернаторскій постъ въ Кіевѣ, получивъ назначеніе на должность министра внутреннихъ дѣлъ. Мѣсто Бибикова занялъ добродушный и мягкій князь И. И. Васильчиковъ. Характеризуя князя Васильчикова въ своей брошюрѣ „Юго-Западный край въ послѣднее 25-ти-лѣтіе“ (Кіевъ 1864 г.), В. Я. Шульгинъ передаетъ слѣдующій разсказъ: „Вскорѣ послѣ своего назначенія въ Кіевъ князь Васильчиковъ встрѣтилъ гимназиста съ разстегнутымъ мундиромъ и сказалъ ему: „Зачѣмъ вы разстегнуты? Ну, если встрѣтитъ васъ генералъ-губернаторъ, съ васъ строго взыщутъ.“—„Теперь не то, что было“—отвѣтилъ гимназистъ—„ нашъ князь очень добрый, и навѣрное простятъ“. Немногимъ раньше ухода Д. Г. Бибикова изъ Кіева, состоялось назначеніе въ Вильну генералъ-губернаторомъ И. Г. Бибикова. брата Д. Г., но мало похожаго на него, человѣка мягкаго характера, Въ русско-польскихъ отношеніяхъ наступило затишье. Какъ сказано выше на основаніи словъ Н. К. Ренненкампфа и Б. Н. Чичерина и на основаніи другихъ источниковъ, въ общественной жизни русскіе и поляки въ эти годы близко сходились. Казалось, русскіе поляки входятъ въ общій круговоротъ русской жизни.

Но скоро настроеніе большинства поляковъ въ Россіи стало измѣняться. Призракъ Польши снова толкнулъ ихъ на путь политическаго авантюризма. Перемѣну настроенія поляковъ вызвали шедшія изъ Франціи вѣсти, гдѣ 2-го декабря 1851 года воцарился Наполеонъ III. Новый императоръ французовъ выставлялъ себя преемникомъ идей и плановъ своего дяди Наполеона I, которымъ такъ увлекались поляки. Наполеонъ III вѣрилъ, какъ онъ самъ выражался, въ свою „звѣзду“, „въ побѣду наполеоновскихъ идей“. Повѣрили и поляки, что раньше или позже восторжествуютъ эти „идеи,“ а изъ напечатанной въ Лондонѣ наполеономъ III въ 1839 году, когда онъ только мечталъ о французскомъ престолѣ, брошюры „Des idées napoleoniennes“ они знали, что онъ считаетъ возстановленіе Польши однимъ изъ пунктовъ своей политической программы. „Италія и Польша—говорится, между прочимъ, въ этой брошюрѣ,—хотятъ возвратить себѣ національную организацію, которая блеснула имъ изъ рукъ Наполеона I. Польша—эта сестра Франціи—всегда готова на жертвы и полна благородства; она получила надежду на близкое воскресеніе, благодаря учрежденію варшавскаго герцогства, которое должно было быть зародышемъ національнаго самостоятельнаго существованія“. Ставъ императоромъ, Наполеонъ III не измѣнилъ своихъ взглядовъ на польскій вопросъ, связи его съ польской эмиграціей усилились. Онъ сблизился съ А. Чарторыйскимъ, а въ числѣ самыхъ довѣренныхъ его лицъ оказался графъ Валевскій, побочный сынъ Наполеона I, о ко-

торомъ упоминалось выше. По окончаніи польскаго возстанія 1830—31 г. Валевскій поселился въ Парижѣ, служилъ во французской арміи, писалъ политическія брошюры и выступалъ на дипломатическомъ поприщѣ. Примкнувъ къ Наполеону III, онъ былъ назначенъ посланникомъ сначала во Флоренцію, затѣмъ въ Мадридъ и, наконецъ, въ Лондонъ, гдѣ его застала восточная война. Видя въ Наполеонѣ III „Мессію", „человѣка Провидѣнія, геніальнаго политика и великаго полководца,", и зная, что отношенія между нимъ и императоромъ Николаемъ I отличаются натянутостью, польскіе эмигранты стали ожидать войны и надѣялись, что эта война возстановитъ Польшу. Большинство русскихъ поляковъ раздѣляло эти надежды, но съ другой стороны ихъ пугали уроки недавняго прошлаго, у нихъ рождались сомнѣнія. Началась крымская компанія. Ко времени начала ея отель Ламберъ усилилъ свою дѣятельность, оживились и польскіе „демократы"-эмигранты въ Парижѣ, заволновались и польскіе эмигранты, жившіе въ Лондонѣ, гдѣ поселился съ 1852 года и Герценъ, вывезшій изъ Россіи симпатіи къ полякамъ и сблизившійся за границей съ польскими эмигрантами. Герценъ, стремившійся къ перевороту въ Россіи, заключилъ съ польскими „демократами" условіе, по которому они обязались пересылать въ Россію его брошюры и воззванія вмѣстѣ со своими, за что онъ обязался печатать въ своей лондонской типографіи органъ лондонскихъ польскихъ „демократовъ" „Демократъ польскій", ихъ брошюры и воззванія. Въ 1853 году въ Лондонѣ состоялся польскій митингъ, въ которомъ принялъ участіе и Герценъ. Онъ надѣялся, что поляки воспользуются крымской войной и возстанутъ въ Россіи; поэтому въ началѣ 1854 году Герценъ написалъ воззваніе „Къ русскимъ воинамъ" въ царствѣ, приглашая ихъ не стрѣлять въ поляковъ, если начнется польское возстаніе, но вскорѣ отношенія между Герценовъ и поляками охладѣли. „Въ ноябрѣ 1854 года былъ снова польскій митингъ, пишетъ онъ, но уже совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ въ прошломъ году. Предсѣдателемъ былъ избранъ членъ парламента Жозуа Вомслей. Поляки ставили свое дѣло подъ англійскій патронатъ. Въ предупрежденіе слишкомъ красныхъ рѣчей Ворцель (глава лондонскихъ поляковъ-эмигрантовъ) написалъ къ кое-кому записки въ родѣ слѣдующей, полученной мною: „Вы знаете, что 29 у насъ митингъ; не можемъ пригласить васъ въ этотъ разъ, какъ въ прошлый, сказать намъ нѣсколько сочувственныхъ словъ: война и необходимость сближенія съ англичанами заставляютъ насъ дать митингу иной цвѣтъ. Не Герценъ, не Лебрю-Ролленъ и Пьянчани будутъ говорить, а большей частью англичане; изъ нашихъ же одинъ Кошутъ возьметъ

рѣчь, чтобы изложить положеніе дѣлъ“ [12]) и пр. Герценъ, жаждавшій перерожденія Россіи и поляковъ въ духѣ республиканскаго демократизма, не могъ сочувствовать исканію поляками поддержки у Наполеона и Англіи, онъ иронизировалъ надъ „вѣрой поляковъ во второе пришествіе Бонапарта“, называлъ поляковъ „недорослями революціи“ и находилъ, что если Европа и возстановитъ Польшу, то обратитъ ее „въ вооруженный лагерь“ противъ Россіи. По этому поводу Лелевель писалъ ему въ 1855 году, что „нынѣшняя Европа“ никогда не возстановитъ Польши, но что „хотя время рѣшенія нашего дѣла далеко, но побѣда его несомнѣнна“ и просилъ Герцена работать за одно съ поляками „для нашего и вашего дѣла“. [13]) Мицкевичъ, воспѣвшій походъ Наполеона I на Россію въ своемъ „Панѣ Тадеушѣ“, написалъ наканунѣ крымской войны оду въ честь Наполеона III на латинскомъ языкѣ и представилъ французскому правительству записку о блокадѣ Риги и занятіи Курляндіи, Пскова, Бѣлоруссіи и Литвы. Мицкевичъ увѣрялъ въ этой запискѣ, что въ случаѣ исполненія его плана въ Литвѣ немедленно вспыхнетъ возстаніе. Затѣмъ онъ переслалъ черезъ Чарторыйскаго англійскому правительству записку объ организаціи польскаго легіона и, наконецъ, выхлопоталъ себѣ у Наполеона командировку въ Константинополь, причемъ Чарторыйскій поручилъ ему примирить считавшагося генераломъ англійской службы В. Замойскаго съ находившимся на турецкой службѣ Чайковскимъ (Садыкъ-Пашею), между которыми возникли несогласія при организаціи польскихъ легіоновъ Вся эта затѣя образовать польскіе и славянскіе легіоны, которые сражались бы противъ Россіи, а также поднять противъ нея такъ называемыхъ турецкихъ казаковъ въ Добруджѣ и тамошнихъ русскихъ старообрядцевъ, имѣла мало успѣха, а впослѣдствіи попытки поляковъ обратить въ католичество русское населеніе Добруджи окончательно оттолкнули отъ нихъ это населеніе.

Въ то время, какъ польскіе эмигранты дѣйствовали противъ Россіи, многіе изъ русскихъ поляковъ-дворянъ поступали въ наши войска и на театрѣ военныхъ дѣйствій въ русской арміи оказалось немало офицеровъ-поляковъ, а въ числѣ ихъ сынъ маркиза А. Велепольскаго. Поляки юго-западныхъ губерній, по свидѣтельству Бобровскаго, присоединились „изъ страха и не дипломатическимъ соображеніямъ“ [14]) къ русскимъ въ выраженіи патріотическихъ чувствъ, и кіевское дворянство рѣшило въ началѣ войны безвозмездно доставить въ армію 2.800 воловъ и 1.000 повозокъ съ погонщиками. Поляки сѣверо-западныхъ губерній послѣдовали примѣру своихъ юго-западныхъ собратьевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ среди русскихъ поляковъ происходило движеніе въ обратную сторону, и изъ опа-

сенія польскихъ волненій въ западныхъ губерніяхъ, правительство перевело въ началѣ крымской войны брестскій кадетскій корпусъ изъ Бреста въ Москву. „Въ убѣжденіи всѣхъ (поляковъ)“ — говоритъ Бобровскій,— „развѣ лишь за немногими исключеніями, къ числу которыхъ принадлежалъ и я, коалиція должна была навсегда и окончательно сломать могущество Россіи, и дабы не допустить возстановленія этого могущества, воскресить Польшу отъ моря до моря. Нахожденіе польскихъ полковъ (легіоновъ) въ войскахъ коалиціи, а генерала Замойскаго въ ея совѣтѣ, казалось, извѣстной гарантіей, что въ Европѣ наконецъ подумали о насъ“ [15]). Авторъ польской книги „Исторія двухъ лѣтъ“ Z. L. S. такъ характеризуетъ настроеніе поляковъ-офицеровъ, участвовавшихъ въ защитѣ Севастополя: „Многіе поляки, служившіе въ русской арміи и запертые въ стѣнахъ Севастополя, испытывали постоянную горячку большихъ надеждъ и еще большихъ огорченій. Всякій разъ, когда казалось, что война разгорается все болѣе, угрожаетъ принять болѣе широкіе размѣры, на лицахъ польскихъ воиновъ блистала радость, въ противномъ же случаѣ ихъ лица облекала грусть. Тогда поляки запирались въ своихъ палаткахъ и предавались глухому отчаянію“. А Н. В. Бергъ говоритъ, что въ Крыму поляковъ называли „термометрами нашихъ побѣдъ“, и что въ случаяхъ нашихъ удачъ „они забивались въ свои палатки и сидѣли тамъ насупясь“ [16]). Впрочемъ, въ числѣ офицеровъ-поляковъ русской арміи были и такіе, которые увлекались ролью русскихъ офицеровъ, забывая о польскихъ политическихъ задачахъ и стремленіяхъ [17]). Когда стало извѣстно о враждебномъ для Россіи вмѣшательствѣ Австріи, о первыхъ успѣхахъ союзниковъ, увѣренность въ скоромъ разгромѣ Россіи усилилась въ полякахъ. А намѣстникъ Галиціи графъ Голуховскій, снискавшій себѣ большое довѣріе вѣнскаго двора и сблизившійся съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ Людвигомъ, располагалъ въ это время поляковъ въ пользу Австріи, благодаря чему явилась польская партія, ставшая мечтать о созданіи въ противовѣсъ Россіи подъ эгидой габсбургской династіи Западно-Славянской имперіи съ поляками во главѣ. „Эрцгерцогъ Карлъ, по словамъ одного изъ историковъ послѣдняго польскаго возстанія А. Подвысоцкаго, былъ уже провозглашенъ польскимъ королемъ во Львовѣ, и войско австрійцевъ, по мнѣнію поляковъ, должно было съ часу на часъ явиться въ Варшавѣ освободителемъ польской націи“. [18]) Наблюдая тогдашнее настроеніе поляковъ, литовскій митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, написалъ въ началѣ 1855 года письмо оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, въ которомъ предостерегалъ о возможности скораго возстанія и

указывалъ на то, что въ случаѣ вторженія непріятельскихъ войскъ въ Западную Россію они найдутъ тамъ для себя благопріятныя условія. [19]) Результатомъ этого письма было распоряженіе о незамѣщеніи поляками должностей въ сѣверо западномъ краѣ, скоро однако забытое. Болѣе сдержанные поляки выжидали воскресенія Польши Европой, болѣе пылкіе уходили за границу, чтобы поступить въ легіоны, или же пытались организовать возстаніе. Въ ковенской губерніи принялся собирать повстанскій отрядъ помѣщикъ Длусскій. Въ подольской помѣщикъ и польскій писатель А. Корженевскій устроилъ съѣздъ, на которомъ обсуждался вопросъ о возстаніи. На съѣздѣ было рѣшено послать одного изъ участниковъ съѣзда въ Парижъ къ кн. Чарторыйскому за указаніями. Князь посовѣтовалъ не браться за оружіе и положиться па европейскую дипломатію, которая, говорилъ онъ, не упуститъ случая возбудить вопросъ о возстановленіи Польши. Въ Минскѣ былъ образованъ кружокъ, который собирался поджечь этотъ городъ. „Ходившее по рукамъ печатное воззваніе его (организатора кружка—Рогалевича) гласило, что если поляки не воспользуются тотчасъ стѣсненнымъ положеніемъ Россіи, не позоботятся о томъ, чтобы общимъ возстаніемъ въ Польшѣ и Литвѣ напугать государя и отвлечь часть войскъ отъ Севастополя и Балтики, то навсегда испортятъ свое дѣло и лишатся поддержки Наполеона“. [20]) Но поляки не возстали во время крымской войны, прежде всего потому, что находились тогда еще подъ живымъ впечатлѣніемъ грозныхъ правителей И. Ф. Паскевича и Д. Г. Бибикова и послѣдовательно проводившихся послѣ 1831 года объединительныхъ реформъ, которыя ослабляли польскую національную силу. „Люди, не знавшіе нашего положенія,—говоритъ одинъ изъ главныхъ организаторовъ возстанія 1863 года Авейде, — [21]) но вспоминавшіе наши до 1850 года конвульсивные революціонные порывы, предлагали вопросъ: отчего мы не возстали во время крымской войны, несмотря на всю нашу ненависть къ русскому правительству? Мы не возстали потому, что не могли возстать, потому что мы отупѣли и были слабы, невыразимо слабы“ *). Кромѣ того, поляковъ удер-

*) Н. В. Бергъ въ своихъ „Запискахъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“, приводя эти слова Авейде, говоритъ, что даже „не было нигдѣ къ этому (т. е. къ востанію) видимаго поползновенія“. „Впрочемъ, Высоцкій,—продолжаетъ онъ,—входилъ отъ имени „демократическаго общества“ точнѣе, отъ его бренныхъ остатковъ, въ переговоры съ англійскимъ и турецкимъ правительствами о томъ, съ какой стороны поляки могли бы быть имъ полезны въ дѣйствіяхъ противъ русскихъ въ Крыму, но предложенія, сдѣланныя ему Англіей и Турціей, онъ нашелъ для Польши не только невыгодными, но даже оскорбительными и ничего не предпринялъ“. (Спр. 130—131). Бергъ въ этомъ случаѣ

жили отъ возстанія во время крымской войны, и увѣренность Чарторыйскаго въ могуществѣ Наполеона III, убѣжденіе, что, разгромивъ Россію, Европа, по почину Наполеона, устроитъ судьбу поляковъ. Наконецъ, сильное вліяніе на тогдашнее настроеніе поляковъ и ихъ образъ дѣйствій оказала совершившаяся во время войны 18 февраля 1855 года перемѣна царствованія въ Россіи. Въ нѣкоторыхъ польскихъ кружкахъ были замѣтны симпатіи къ новому императору, носившему имя основателя царства польскаго. Говорили о мягкости характера и добротѣ новаго государя, о его расположеніи къ прибалтійскимъ и польскимъ помѣщикамъ, которое онъ имѣлъ случай проявить въ бытность свою наслѣдникомъ. Какъ только Александръ II вступилъ на престолъ, польскіе помѣщики сѣверо-западныхъ губерній прислали въ Петербургъ депутацію ходатайствовать объ измѣненіи инвентарныхъ правилъ; ходатайство это было удовлетворено и вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ этихъ правилъ и защитникъ ихъ Д. Г. Бибиковъ, вооружившій противъ себя императора Александра II, когда послѣдній былъ наслѣдникомъ, именно своею настойчивостью въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Состоя министромъ, онъ не переставалъ работать надъ крестьянскимъ вопросомъ и выдвигалъ впередъ Н. А. Милютина, извѣстнаго затѣмъ дѣятеля по освобожденію крестьянъ въ 1861 г. и автора поземельной реформы 1864 г. въ Привислинскомъ краѣ. Слухи о добротѣ императора Александра II, его симпатіяхъ къ полякамъ и готовности выполнить ихъ, по мнѣнію поляковъ, справедливыя требованія, увѣренность въ Наполеонѣ, вѣра, что „Европа“ находитъ справедливымъ дать полякамъ удовлетвореніе, убѣжденіе въ слабости Россіи и въ томъ, что Наполеонъ прикажетъ Россіи измѣнить свое отношеніе къ полякамъ—все это смѣшивалось въ польскихъ головахъ, окрыляло польскія надежды, и одни изъ поляковъ полагали, что императоръ Александръ II, по собственной иниціативѣ, удовлетворитъ ихъ желанія, другіе, что Наполеонъ, разгромивъ Россію, возстановитъ Польшу, а третьи, что при заключеніи мира съ Россіей Наполеонъ выговоритъ много крупныхъ льготъ для поляковъ.

Въ мартѣ 1855 г. была созвана въ Вѣнѣ мирная конференція, не давшая результатовъ, вслѣдствіе интригъ Австріи. Насколько извѣстно, на этой конференціи не упоминалось о полякахъ и польскомъ вопросѣ, но вскорѣ послѣ окончанія ея, въ оффиціальномъ

ошибся. Приведенные выше факты доказываютъ, что „видимыя поползновенія“ къ возстанію во время крымской войны были, и участіе поляковъ въ крымской войнѣ не ограничивается упоминаемымъ Бергомъ предложеніемъ Высоцкаго.

французскомъ органѣ „Мониторѣ“ были напечатаны адресы и письма польскихъ эмигрантовъ по поводу совершеннаго тогда однимъ итальянцемъ покушенія на жизнь Наполеона. Въ числѣ этихъ писемъ были письма кн. А. Чарторыйскаго и одного изъ главныхъ участниковъ возстанія 1830 года Рыбинскаго. Въ письмѣ Рыбинскаго говорилось: „Вся Польша подтвердила бы мои слова, если бы ей позволено было выражать свои мысли. Да, пресвѣтлѣйшій государь, она страдаетъ и обратила свои очи на западъ, гдѣ видитъ и любитъ только тебя“. Вслѣдъ затѣмъ Франція формально предложила Англіи „включить возстановленіе Польши въ предѣлахъ договора 1815 года въ число основаній будущаго мира“ [22]). Несмотря на то, что въ англійскомъ парламентѣ раздавались страстныя рѣчи, требовавшія, чтобы Россія была урѣзана со всѣхъ сторонъ, и что мужъ королевы, принцъ Альбертъ, пользовавшійся вліяніемъ на дѣла, сочувствовалъ этимъ рѣчамъ, Англія не приняла предложенія Франціи ввести польскій вопросъ въ предполагавшіеся переговоры о мирѣ, отвѣтивъ, что считаетъ возбужденіе этого вопроса несвоевременнымъ Когда-же въ концѣ августа 1855 г. палъ Севастополь, Франція вторично предложила Англіи возбудить при предстоящихъ переговорахъ о мирѣ съ Россіей польскій вопросъ. Англія и въ этотъ разъ отказалась, такъ какъ въ Лондонѣ нашли, что если ввести польскій вопросъ въ программу переговоровъ, то война затянется и центръ тяжести ея перейдетъ на Вислу, отчего въ выигрышѣ будетъ Франція, располагавшая гораздо большей сухопутной арміей, чѣмъ Англія,— послѣдняя же вовсе не желала особеннаго усилія своей союзницы и соглашалась продолжать войну съ тѣмъ условіемъ, чтобы наносить удары Россіи съ Чернаго моря. Почти въ то-же время, когда Франція пыталась вторично склонить Англію возбудить польскій вопросъ, Али-Паша составилъ проектъ возстановленія польскаго государства, въ предѣлы котораго входила бы и принадлежащая Австріи Галиція и престолъ котораго занялъ бы одинъ изъ представителей австрійской династіи, но и это предложеніе не имѣло успѣха. [23]) Убѣдившись, что Англія не вѣритъ въ успѣхъ его предположеній поднять возстаніе въ принадлежащихъ Россіи бывшихъ областяхъ Рѣчи Посполитой, въ Финдляндіи и на Кавказѣ и отказывается отъ блокировки русскаго балтійскаго побережья, Наполеонъ склонился противъ желанія Англіи, которая грозила, что будетъ продолжать войну вмѣстѣ съ Турціей, къ миру съ Россіей. Узнавъ о готовности Наполеона заключить миръ съ Россіей и попыткѣ одного изъ ближайшихъ совѣтниковъ Наполеона Морни завязать сношенія съ нашимъ вѣнскимъ посломъ кн. А. М. Горчаковымъ, императоръ Александръ II изъявилъ согласіе, чтобы кн.

А. М. Горчаковъ вошелъ въ переписку съ Морни. Переписка эта шла удачно и уже былъ возбужденъ вопросъ о свиданіи Горчакова съ Морни въ Дрезденѣ, но вмѣшательство въ эти переговоры нашего канцлера графа Нессельроде и его зятя барона Зеебаха разрушило все, что было достигнуто Горчаковымъ и Морни. Снова роль посредницы приняла Австрія, грозившая Россіи войной, если ей будетъ отказано въ этой роли. 20 декабря 1855 г. и 3-го января 1856 года у государя состоялись засѣданія для обсужденія предложенія Австріи. Одинъ изъ членовъ совѣщанія гр. Киселевъ высказался, что въ случаѣ продленія войны можно ожидать возстанія поляковъ. Совѣщаніе рѣшило принять предложенныя Австріей условія, съ чѣмъ согласился государь и назначилъ на проектированный для заключенія мира парижскій конгрессъ нашими уполномоченными графа Орлова и барона Бруннова. Наполеонъ въ это время уже явно склонялся къ франко-русскому сближенію, надѣясь достигнуть при содѣйствіи Россіи отмѣны вѣнскаго трактата 1815 г., оскорбительнаго для Франціи и Бонапартовъ, и объединенія Италіи, раздробленной по вѣнскому трактату. Многія статьи вѣнскаго трактата были нарушены вскорѣ послѣ его заключенія. Вступленіе на престолъ Наполеона III-го было тоже однимъ изъ такихъ нарушеній, такъ какъ трактатъ лишилъ Бонапартовъ правъ на французскій престолъ. Но хотя этотъ трактатъ и безъ того фактически потерялъ силу, тѣмъ не менѣе Наполеонъ III желалъ формальной торжественной отмѣны его. Свои планы относительно поляковъ и данныя полякамъ обѣщанія, Наполеонъ, рѣшивъ сблизиться съ Россіей, надѣялся осуществить путемъ соглашенія съ нею. Въ первой же бесѣдѣ съ графомъ Орловымъ онъ заговорилъ о необходимости пересмотра вѣнскаго трактата 1815 г. и затронулъ польскій и итальянскій вопросы. Орловъ отвѣтилъ, что государь имѣетъ въ виду улучшить положеніе поляковъ. Съ открытіемъ засѣданій парижскаго конгресса Наполеонъ и графъ Валевскій поддерживали на нихъ Россію. Видя возможность франко-русскаго сближенія, Англія рѣшила поднять на конгрессѣ польскій вопросъ, чтобы вызвать раздоръ между Россіей и Франціей. Свое предложеніе англійскій первый министръ Пальмерстонъ мотивировалъ необходимостью „дать удовлетвореніе парламенту, печати, общественному мнѣнію, польской ассоціаціи въ Лондонѣ и старцу Чарторыйскому“ [24]). Франція холодно отнеслась къ этому предложенію. Вскорѣ послѣ этого польскіе лондонскіе эмигранты обратились съ адресомъ къ англійскому правительству, прося вступиться за Польшу. Пальмерстонъ переслалъ этотъ адресъ англійскому представителю на конгрессѣ лорду Кларендону, на что послѣдній отвѣтилъ, что, поднимая въ данный моментъ

на конгрессѣ польскій вопросъ, можно достигнуть лишь одного: затормазить намѣреніе Александра II улучшить положеніе поляковъ въ Россіи. Когда же засѣданія конгресса стали подходить къ концу, гр. Валевскій, оказывавшій во время конгресса услуги Орлову, заговорилъ съ нимъ частнымъ образомъ о полякахъ, прося его сказать на конгрессѣ нѣсколько словъ, благопріятныхъ для поляковъ, но Орловъ отклонилъ эту просьбу. А послѣ подписанія мирнаго договора лордъ Кларендонъ обратился съ просьбой къ Наполеону, чтобы гр. Орловъ заявилъ дипломатамъ о намѣреніи русскаго правительства предоставить полякамъ нѣкоторыя автономныя права. Въ разговорѣ по этому поводу съ Наполеономъ Орловъ повторилъ, что императоръ Александръ II принимаетъ близко къ сердцу счастье и преуспѣяніе поляковъ и воодушевленъ по отношенію къ нимъ самыми великодушными намѣреніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что Россія не можетъ допустить чьего-либо вмѣшательства въ свои отношенія къ полякамъ, и что потому онъ категорически отказывается отъ какихъ бы то ни было заявленій, касающихся поляковъ. То же самое онъ сказалъ и лорду Кларендону, а нѣсколько дней спустя онъ показалъ лорду отвѣтъ, полученный изъ Петербурга, на свое донесеніе о послѣдней бесѣдѣ съ Наполеономъ по польскому вопросу. Въ этомъ отвѣтѣ русское правительство безусловно отказывалось отъ заявленій о милостяхъ, которыя имѣлось въ виду даровать полякамъ по случаю предстоявшей коронаціи. Въ послѣднемъ своемъ донесеніи изъ Парижа графъ Орловъ, между прочимъ, писалъ: „Я вполнѣ доволенъ тѣмъ, что мнѣ не пришлось слышать имя Польши произнесеннымъ на засѣданіяхъ въ присутствіи представителей великихъ державъ Европы“ [25]). Прощаясь съ Орловымъ, Наполеонъ въ разговорѣ снова коснулся поляковъ, но, по словамъ Орлова, въ смыслѣ совершенно согласномъ съ намѣреніями императора Александра II. Заявленія Орлова въ Парижѣ о намѣреніи русскаго государя улучшить положеніе поляковъ не были пустой фразой. Государь, дѣйствительно, желалъ измѣнить положеніе поляковъ къ лучшему.

III.

Во время крымской войны во взглядахъ русскаго правительства и общества произошла перемѣна. Изъ неудачъ этой войны былъ сдѣланъ выводъ, что Россіи необходимы коренныя преобразованія. Военныя неудачи приписывались исключительно недостаткамъ въ организаціи арміи, государственнаго устройства и тем-

нымъ сторонамъ въ жизни русскаго общества. Хомяковъ во время крымской войны призывалъ Россію въ извѣстномъ стихотвореніи— очиститься отъ рабства, неправды и лести. А П. А. Валуевъ, впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, подалъ въ 1855 году вел. князю Константину Николаевичу записку, подъ заглавіемъ „Дума русскаго", въ которой, между прочимъ, говорилось о „многочисленности формъ, подавляющихъ сущность административной дѣятельности и обезпечивающихъ всеобщую оффиціальную ложь", и о томъ, что „всѣ мѣры законодательной предосторожности, іерархическаго надзора, взаимнаго контролированія различныхъ вѣдомствъ, ежедневно обнаруживаютъ свое безсиліе, и всюду творятся злоупотребленія" [26]). Въ обществѣ замѣчался сильный подъемъ духа; въ образованныхъ кругахъ заговорили о возрожденіи Россіи, возлагались надежды на молодого государя, воспитанника поэта—идеалиста В. А. Жуковскаго, на великаго князя Константина Николаевича, который съ первыхъ дней новаго царствованія принялъ видное участіе въ государственной жизни Россіи. Литература оживилась, появились новые журналы. Выпуская въ 1856 году первый номеръ „Русскаго Вѣстника", Катковъ писалъ: „Въ грозныхъ испытаніяхъ, въ браняхъ и бѣдствіяхъ обновляются силы народовъ, но послѣ ужасовъ бури прекраснѣе и свѣжѣе зеленѣетъ земля. Буря еще не стихла, и мы готовы на новыя испытанія и ждемъ смѣло новой борьбы, но, что бы ни было, мы съ живыми надеждами обращаемся къ будущему. Да будутъ нынѣ зачтены нашей землѣ ея прежнія страданія и жертвы, и да облегчатъ они для нея трудъ настоящаго испытанія! Крѣпко будемъ вѣрить, что въ жизни человѣчества и въ судьбахъ народовъ царствуетъ Божественный Промыслъ, что не допускаются имъ ни напрасныя созиданія, ни напрасныя разрушенія, и что въ народѣ, который такъ долго и съ такими болями рождался и мужалъ, скрыты великая сила и великая будущность" [27]). Вѣра въ возрожденіе Россіи и убѣжденіе въ необходимости реформъ, и прежде всего крестьянской, стали быстро распространяться. Выдвигался вопросъ и объ измѣненіи русско-польскихъ отношеній. Погодинъ съ самаго начала крымской войны мечталъ заинтересовать поляковъ въ побѣдоносномъ для Россіи окончаніи войны, ставя въ связь съ освобожденіемъ балканскихъ славянъ, если не независимость, то широкую автономію Польши. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ въ въ 1854 году „Записку" и „Посланіе къ полякамъ", представленныя тогда же наслѣднику Александру Николаевичу. Въ 1856 г. Погодинъ хлопоталъ, но безуспѣшно, о напечатаніи „Посланія къ полякамъ".

Принимая въ Москвѣ въ мартѣ 1856 года предводителей дворянства, императоръ Александръ II сказалъ свою первую рѣчь объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, а вскорѣ затѣмъ великая княгиня Елена Павловна вошла въ переговоры съ Н. А. Милютинымъ

Князь М. Д. Горчаковъ.
(Съ литографированнаго портрета работы Фаянса въ Варшавѣ).

объ освобожденіи своихъ крестьянъ. Дѣятели предыдущаго царствованія стали замѣняться новыми, и въ апрѣлѣ 1856 г. произошли крупныя перемѣны въ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ. Если въ царствованіе императора Николая I правительство стремилось скрѣпить окраины съ центромъ общностью государственнаго

языка, законовъ и учрежденій, то въ началѣ царствованія императора Александра II оно надѣялось привязать окраины къ себѣ дарованіемъ милостей, выраженіемъ довѣрія ихъ населенію и предоставленіемъ возможной свободы. Въ частности, по отношенію къ полякамъ, большинство которыхъ сдержаннымъ на видъ поведеніемъ во время крымской войны пріобрѣло болѣе довѣрія у русскаго правительства, императоръ Александръ II въ первое же время царствованія далъ рядъ доказательствъ своего намѣренія облегчить ихъ положеніе. Въ Варшаву намѣстникомъ былъ назначенъ гуманный князь М. Д. Горчаковъ. Онъ смѣнилъ скончавшагося въ январѣ 1856 года И. Ф. Паскевича, который принялъ было въ началѣ восточной войны командованіе арміей на Дунаѣ, но получилъ контузію подъ Силистріей и вернулся въ Варшаву, гдѣ вскорѣ и умеръ. Почти одновременно съ назначеніемъ Горчакова въ Варшаву, на должность виленскаго генералъ-губернатора, вмѣсто И. Г. Бибикова, вынужденнаго оставить эту должность вскорѣ послѣ ухода своего брата съ поста министра внутреннихъ дѣлъ, получилъ назначеніе В. И. Назимовъ. Кн. М. Д. Горчаковъ, родственникъ дипломата кн. А. М. Горчакова, занявшаго въ 1856 г. постъ министра иностранныхъ дѣлъ, по свидѣтельству современниковъ, въ молодости выдавался личной храбростью. Онъ долго служилъ при Паскевичѣ въ Варшавѣ въ военныхъ должностяхъ, былъ безпрекословнымъ исполнителемъ его приказаній, но вносилъ въ свои отношенія къ людямъ мягкость и предупредительность. Въ началѣ восточной войны князь занялъ постъ командующаго дунайской арміей и дѣйствовалъ вяло и неудачно, а къ концу войны былъ назначенъ главнокомандующимъ южной арміей въ Крыму и руководилъ съ февраля по августъ 1855 года, когда палъ Севастополь, обороной его. Какъ главнокомандующій, онъ заботился объ удовлетвореніи нуждъ арміи, но въ рѣшительныя минуты терялся и не обладалъ необходимой для полководца энергіей. Когда въ началѣ 1856 года онъ былъ назначенъ въ Варшаву намѣстникомъ, польскіе магнаты, знавшіе утонченно-вѣжливаго и предупредительнаго князя по прежней службѣ при Паскевичѣ, встрѣтили его, какъ стараго знакомаго. Престижа у него въ ихъ глазахъ, конечно, не было, и скоро по Варшавѣ стали ходить анекдоты о новомъ мягкосердечномъ и нерѣшительномъ намѣстникѣ. Много говорили о сильномъ вліяніи на него П. А. Муханова, долго служившаго въ Варшавѣ помощникомъ попечителя, а затѣмъ попечителемъ учебнаго округа и назначеннаго, вслѣдъ за назначеніемъ намѣстникомъ Горчакова, главнымъ директоромъ коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Между прочимъ, разсказывали, что, когда одинъ молодой

человѣкъ обратился къ Горчакову съ просьбой о рукѣ его дочери, послѣдній будто бы отвѣтилъ: „Отправьтесь къ Муханову, онъ это дѣло устроитъ“. На дѣлѣ Мухановъ далеко не имѣлъ на Горчакова такого исключительнаго вліянія, о какомъ ходили слухи. Кн. М. Д. Горчаковъ постоянно колебался, подчиняясь различнымъ вліяніямъ. Не довѣряя себѣ, онъ обращался за совѣтомъ то къ

П. А. Мухановъ.

(Съ фотографической карточки работы Баера въ Варшавѣ начала 60-хъ годовъ).

одному, то къ другому, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону. П. А. Мухановъ хорошо зналъ Привислинскій край, благодаря долгой службѣ въ немъ, и обладалъ выдержкой и большимъ тактомъ. Говоря о московскомъ училищѣ колонновожатыхъ, въ которомъ учился Мухановъ, А. Н. Пыпинъ пишетъ: „Это замѣчательное учрежденіе, существовавшее частными средствами, было

однимъ изъ лучшихъ выраженій того общественнаго духа, который пробуждается въ русскомъ обществѣ временъ императора Александра I. Оно доставляло своимъ воспитанникамъ основательныя знанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеальную любовь къ отечеству и ревностное желаніе служить его благу“ [28]). Вступивъ съ такими задатками въ жизнь и заявивъ себя, какъ писатель по вопросамъ сельскаго хозяйства и какъ собиратель древнихъ рукописей, Муха-

В. И. Назимовъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ «Русской Старинѣ» 1885 г.).

новъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Поляки игнорировали Горчакова, а Муханова возненавидѣли съ того времени, когда онъ занялъ видное мѣсто директора коммисіи внутреннихъ дѣлъ, что совпало съ усиленнымъ пробужденіемъ политическихъ надеждъ въ польскомъ обществѣ. Замѣтимъ кстати, что Мухановъ много потрудился надъ изученіемъ польской исторіи, прекрасно зналъ польскій языкъ, говорилъ со своими подчиненными, какъ большинство тогдашнихъ русскихъ варшавянъ, по-польски, былъ женатъ вторымъ бракомъ на полькѣ, и дома у него преобладалъ польскій языкъ.

Новый виленскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Назимовъ былъ лицомъ весьма близкимъ къ императору Александру II. Онъ состоялъ при государѣ Александрѣ Николаевичѣ, въ бытность его наслѣдникомъ, флигель-адъютантомъ. Въ 1841 году онъ производилъ въ Вильнѣ слѣдствіе по дѣлу сообщниковъ Конарскаго и оставилъ тамъ у поляковъ по себѣ хорошую память. Сторонникъ освобожденія крестьянъ, Назимовъ симпатизировалъ славянофиламъ. Занявъ въ 1849 году должность попечителя московскаго учебнаго округа, онъ явился покровителемъ просвѣщенія и литературы, ходатайствовалъ о разрѣшеніи новаго изданія сочиненій Гоголя и изданія славянофильскаго сборника, но, при своей просвѣщенности и благожелательности, Назимовъ былъ человѣкомъ исключительно кабинетнымъ, неспособнымъ къ живой борьбѣ, необладавшимъ находчивостью и рѣшимостью, нужными для политическаго дѣятеля, какъ это доказала его генералъ-губернаторская дѣятельность въ Вильнѣ. На посту виленскаго генералъ-губернатора онъ близко сошелся съ польскими помѣщиками, сталъ часто бывать у нихъ, устраивалъ балы, на которыхъ ставились живыя картины изъ прошлаго Польши, поддержалъ хлопоты гр. Тышкевича объ учрежденіи въ Вильнѣ музея, вскорѣ обратившагося въ польскій университетъ, въ которомъ безконтрольно читались лекціи во враждебномъ Россіи направленіи. Когда въ маѣ 1856 года государь отправился въ Варшаву, Назимовъ встрѣтилъ его въ Брестѣ-Литовскѣ. Какъ разсказываетъ біографъ Назимова Павловъ со словъ самого Назимова, государь въ интимномъ разговорѣ съ Назимовымъ высказалъ сожалѣніе, что дворянство не понимаетъ его и не раздѣляетъ его намѣреній относительно отмѣны крѣпостнаго права. Назимовъ отвѣтилъ, что многія обстоятельства ставятъ русское дворянство въ затруднительное положеніе въ виду освобожденія крестьянъ, и, указавъ на то, что „съ польскимъ вопросомъ въ западномъ краѣ мы не совладаемъ, пока русское и литовское крестьянство будутъ оставаться въ крѣпостной зависимости у польскаго шляхетства“, предложилъ начать освобожденіе крестьянъ съ западныхъ губерній, „какъ потому, что литовскому дворянству положительно извѣстны тѣ благопріятныя для помѣщиковъ послѣдствія, которыя доставила сосѣднимъ странамъ эмансипація крестьянъ, такъ и потому, что сколько мнѣ (т. е. Назимову) извѣстно, дворянство Литвы еще въ 1818 году, по собственному почину, ходатайствовало объ освобожденіи крестьянъ“ [29]). Государь согласился начать это дѣло съ западныхъ губерній, и Назимовъ, возвращаясь изъ Бреста въ Вильну, сталъ подготовлять почву для освобожденія крестьянъ.

Въ Варшавѣ государя ожидала блестящая встрѣча. Многіе поляки надѣялись, что императоръ Александръ II вернетъ имъ всѣ тѣ прерогативы, которыя были даны въ 1815 году Александромъ I. Нѣкоторые шли дальше и ожидали возстановленія Польши въ границахъ 1772 года, а тѣ, которые не довѣряли „благимъ намѣреніямъ москалей", все-таки приняли участіе въ торжественной встрѣчѣ государя, надѣясь, что впечатлѣніе, которое произведетъ на него эта встрѣча, подкупитъ его въ пользу поляковъ. Люблинскій предводитель дворянства, Езерскій, къ пріѣзду государя составилъ адресъ, въ которомъ ходатайствовалъ объ амнистіи для польскихъ эмигрантовъ, о возвращеніи ссыльныхъ поляковъ, объ учрежденіи польскаго университета въ Варшавѣ и введеніи инстинута выборныхъ мировыхъ судей. Первоначально имѣлось въ виду обратиться съ болѣе широкими ходатайствами, но затѣмъ рѣшили ограничиться этими, чтобы не напугать государя сразу слишкомъ большими требованіями. Писалъ этотъ адресъ, по порученію Езерскаго, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Фиркъсъ, напечатавшій подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти, въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ, за границей, нѣсколько брошюръ о Россіи. Прибывъ въ Варшаву и принимая католическое духовенство, предводителей дворянства и сенаторовъ, государь сказалъ по-французски рѣчь. „Господа,— началъ императоръ,—я прибылъ къ вамъ съ забвеніемъ прошлаго, одушевленный наилучшими намѣреніями для края. Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ въ ихъ осуществленіи. Но прежде всего я долженъ вамъ сказать, что взаимное наше положеніе необходимо выяснить. Я заключаю васъ въ сердцѣ своемъ, также какъ финляндцевъ и прочихъ моихъ русскихъ подданныхъ, но хочу, чтобы сохраненъ былъ порядокъ, установленный моимъ отцомъ. Итакъ, господа, прежде всего оставьте мечтанія". („Point de réveries"— слова эти государь повторилъ два раза). Предупреждая, что онъ съумѣетъ сдержать мечтанія, и упомянувъ, что поляки сражались въ крымскую войну заодно съ русскими, государь призывалъ ихъ содѣйствовать ему въ осуществленіи его намѣреній, помня, что счастье поляковъ въ сліяніи Польши съ Россіей. Эта велидушная рѣчь, говорившая о забвеніи и прощеніи и призывавшая поляковъ содѣйствовать правительству въ его заботахъ о краѣ, произвела большое впечатлѣніе, но не была понята. Были подхвачены только слова: „оставьте мечтанія". Пошли толки, что въ виду этихъ словъ полякамъ нечего ждать отъ Россіи, что послѣ этой рѣчи тѣ поляки, которые возлагали надежды на государя, должны разочароваться въ немъ. А маркизъ Велепольскій, всегда шедшій

противъ большинства, собравъ кругъ магнатовъ и дворянъ, предложилъ составить, по поводу этой рѣчи и вызванныхъ ею толковъ, адресъ, въ которомъ предположено было заявить, что польское общество, „вовсе не предается мечтаніямъ“, а ограничиваетъ свои желанія усовершенствованіемъ внутренней организаціи и проситъ о забвеніи прошлаго. Подача этого адреса не состоялась, но государь ознакомился съ проектомъ его. Въ честь государя были даны балы намѣстникомъ, дворянствомъ и варшавскимъ городскимъ обществомъ. Государь былъ очень милостивъ и ласковъ на этихъ балахъ, и, принимая комитетъ, устроившій балъ отъ дворянства, поблагодаривъ за балъ, сказалъ рѣчь, видимо, въ отвѣтъ на дошедшіе до него толки по поводу первой рѣчи его: „Я увѣренъ, что вамъ повторили слова, съ которыми я обратился къ представителямъ дворянства при ихъ пріемѣ пять дней тому назадъ. Будьте же, господа, дѣйствительно соединены съ Россіей и оставьте всякія мечты о независимости, которыя нельзя ни осуществить, ни удержать“. Указавъ опять, что благо Польши требуетъ, чтобы она соединилась съ Россіей, государь сказалъ, что сохраняетъ права и учрежденія, дарованныя императоромъ Николаемъ I, что будетъ дѣлать добро полякамъ, и опять просилъ содѣйствія ихъ, замѣтивъ: „на васъ ляжетъ отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическое сопротивленіе“. Въ заключеніе государь, въ доказательство расположенія къ полякамъ, объявилъ прощеніе польскимъ эмигрантамъ и разрѣшеніе имъ вернуться на родину. Замѣтивъ, что графъ Езерскій хочетъ что-то сказать,—государь продолжалъ: „Поняли ли вы меня? Лучше награждать, чѣмъ наказывать. Мнѣ пріятнѣе расточать похвалу, какъ я дѣлаю это сегодня, возбуждать надежды и вызывать благодарность, но знайте, господа, и будьте въ томъ увѣрены, что если это окажется нужнымъ, то я съумѣю обуздать, и вы увидите, что я наказываю строго. Прощайте, господа“. Во время пребыванія государя обсуждался вопросъ о высшемъ учебномъ заведеніи въ Варшавѣ, и было постановлено учредить медицинскую академію и при нѣкоторыхъ гимназіяхъ царства открыть юридическіе курсы. Многіе польскіе эмигранты воспользовались амнистіей, хотя руководители „демократической“ партіи эмигрантовъ составили протестъ противъ нея. Въ англійскомъ парламентѣ одинъ изъ членовъ подвергъ эту амнистію рѣзкой критикѣ и, распространясь о положеніи поляковъ, замѣтилъ, что результаты парижскаго конгресса, насколько они касаются поляковъ „унизительны и оскорбительны для Англіи“. Лордъ Кларендонъ отвѣтилъ на это, что уполномоченные Франціи и Англіи отказались возбу-

дить на конгрессѣ оффиціально польскій вопросъ, повѣривъ, что Россія искренно желаетъ дать полякамъ національныя учрежденія и вообще улучшить ихъ положеніе. Въ августѣ 1856 года состоялось коронованіе императора Александра II. По словамъ Козьмяна, предъ отъѣздомъ изъ Парижа на коронацію въ Москву французскаго посла Морни, Неполеонъ говорилъ съ нимъ о полякахъ и сказалъ ему, чтобы онъ повидался съ Чарторыйскимъ, который передалъ ему записку о польскихъ дѣлахъ. [30]) На коронаціи были представители западныхъ губерній и царства польскаго. Во время коронаціонныхъ торжествъ обсуждался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и между министрами внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ и Назимовымъ состоялось соглашеніе, по которому, подъ видомъ пересмотра инвентарныхъ правилъ, рѣшено было приступить въ сѣверо-западномъ краѣ къ подготовкѣ освобожденія крестьянъ. На одномъ изъ обѣдовъ во время коронаціонныхъ торжествъ между русскими и польскими дворянами произошло столкновеніе. Многіе изъ русскихъ дворянъ были недовольны тѣмъ, что въ крестьянскомъ вопросѣ польское дворянство западныхъ губерній выдвинуто на первый планъ, но въ общемъ настроеніе русскаго общества въ отношеніи поляковъ въ 1856 году было для нихъ весьма благопріятнымъ. Въ Кіевѣ, Вильнѣ и въ Варшавѣ коронація была отпразднована весьма торжественно. По случаю коронаціи были возвращены изъ Сибири декабристы, петрашевцы, было снято наказаніе съ Костомарова и другихъ украйнофиловъ; вернулись изъ Сибири, изъ оренбургскихъ баталіоновъ и съ Кавказа и ссыльные поляки, а вскорѣ послѣ коронаціи, по ходатайству варшавскаго намѣстника кн. Горчакова, состоялось замѣщеніе вакантныхъ католическихъ епископскихъ каѳедръ и возстановленіе въ силѣ конкордата съ папой, заключеннаго въ 1847 году, но не приводившагося въ царствованіе Николая I въ исполненіе. Ватиканъ, никогда не разставшійся съ мыслью объ окатоличеніи Россіи, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II усиленно сталъ хлопотать объ укрѣпленіи католичества въ Россіи и сдѣлался особенно несговорчивымъ. Папа не согласился принять предложенныхъ Россіей на вакантныя епископскія каѳедры кандидатовъ, такъ что эти каѳедры были замѣщены вполнѣ угодными Ватикану лицами. Варшавскимъ архіепископомъ былъ назначенъ ксендзъ Фіалковскій. По старости онъ не могъ самъ управлять епархіей, и хозяиномъ епархіи явилась партія молодыхъ фанатическихъ ксендзовъ. Оказанныя полякамъ милости, назначеніе поляка Хоминскаго ковенскимъ губернаторомъ, отмѣна празднованія взятія Варшавы въ 1831 году и ласковое обхожденіе государя съ

поляками,—привели польскихъ вожаковъ къ заключенію, что необходимо пользоваться этой уступчивостью, чтобы добиться достиженія завѣтныхъ польскихъ цѣлей. А чтобы поляки не прониклись благодарностью къ Россіи за дарованныя государемъ милости, польскіе политиканы распространяли слухи, что образъ дѣйствій государя и русскаго правительства обусловленъ давленіемъ на Россію Англіи и Франціи,—и поляки начали выказывать пренебреженіе къ Россіи, питая увѣренность, что польское дѣло находится подъ покровительствомъ Англіи и Франціи. Между тѣмъ въ русскомъ обществѣ крѣпла мысль о рѣшеніи польскаго вопроса въ благопріятномъ для поляковъ смыслѣ. Осенью 1856 года Погодинъ написалъ новую записку по польскому вопросу, принятую весьма сочувственно многими русскими. „Польша,—писалъ онъ,—была для Россіи самою уязвимою пятою, Польша должна сдѣлаться крѣпкою ея рукою. Польша отдѣлила отъ насъ весь славянскій міръ. Польшею мы поссорились съ лучшею европейскою публикою. Польшею мы должны и примириться съ нею. Какъ же достигнуть такой блистательной цѣли? Очень просто. Дайте ей (Польшѣ) собственное управленіе“. Останавливаясь на возраженіи, что поляки по своему характеру не будутъ довольствоваться свободою, а пожелаютъ прежнихъ границъ, Погодинъ замѣчаетъ, что „это возраженіе старое. Оно не имѣетъ теперь смысла: гдѣ говорятъ по польски, тамъ Польша, гдѣ говорятъ по русски, тамъ Россія. Мы, русскіе, отказываемся отъ всякихъ завоеваній, выходимъ, такъ сказать, изъ царства польскаго, нами пріобрѣтеннаго; точно также должны бы выйти сами поляки изъ западныхъ нашихъ губерній“. Записка заключалась словами: „Историкъ русскій, другъ отечества и человѣчества, Карамзинъ заклиналъ покойнаго Александра I отказаться отъ мысли возстановленія Польши, опасаясь за Россію. Прошло почти 50-ть лѣтъ. Обстоятельства перемѣнились, наступилъ новый вѣкъ съ новыми мыслями, видами, требованіями. То же чувство любви къ отечеству и человѣчеству побуждаетъ и меня, служителя той же исторіи, умолять государя императора о возстановленіи несчастной Польши въ предѣлахъ ея роднаго языка, но отнюдь не въ предѣлахъ 1772 года, на которыя возставалъ Карамзинъ, отнюдь не съ нашими западными губерніями, на пользу и славу Россіи. Новое воззрѣніе не разнится отъ карамзинскаго, время примиряетъ и соединяетъ ихъ воедино“. [31]) Погодинъ отправилъ эту записку великому князю Константину Николаевичу, прося представить ее государю, но великій князь не согласился со взглядами Погодина и отказался передать записку государю.

IV.

Отношенія между Россіей и Франціей, благодаря усиліямъ кн. А. М. Горчакова, Морни и назначеннаго въ Парижъ русскимъ посломъ гр. Киселева, со времени парижскаго конгресса принимали все болѣе дружественный характеръ, несмотря на сомнѣнія императора Александра II въ искренности Наполеона III, противодѣйствіе Австріи и Пруссіи и колебанія Наполеона. Нѣмецкая партія въ Петербургѣ, стремившаяся доказать опасность сближенія съ Франціей, косо смотрѣла на это сближеніе, ознаменовавшееся весною 1857 г. посѣщеніемъ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, по приглашенію Наполеона, Тулона и Парижа.

Великій князь былъ принятъ во Франціи весьма гостепріимно, и между нимъ и Наполеономъ происходили политическія бесѣды. Извѣстно, что въ этихъ бесѣдахъ Наполеонъ касался вопроса объ объединеніи Италіи и спрашивалъ, не пожелаетъ ли Россія присоединить Галицію, и что великій князь уклонился отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Лѣтомъ 1857 года пріѣзжалъ въ Киссингенъ, гдѣ тогда лѣчился императоръ Александръ II, гр. Киселевъ. Рѣчь шла о союзѣ съ Франціей, для которой въ это время особенно былъ желателенъ союзъ съ Россіей, такъ какъ отношенія ея съ Англіей стали натянутыми, а осенью состоялось свиданіе русскаго и французскаго императоровъ въ Штутгардтѣ. Тутъ были и дипломаты: князь Горчаковъ, графъ Киселевъ и графъ Валевскій. На это свиданіе возлагались большія надежды сторонниками франко-русскаго сближенія, а Пруссія съ опасеніемъ зорко слѣдила за нимъ. Между императорами и ихъ министрами шли оживленные переговоры, и Наполеонъ, „ободренный привѣтливостью русскаго государя“, завелъ рѣчь о Польшѣ. „Что касается до отношенія Россіи къ Франціи, то я вижу только одинъ вопросъ, который можетъ быть щекотливымъ. Это вопросъ—польскій, если онъ долженъ возобновиться и занять европейскую дипломатію. Я имѣю обязательства, отъ которыхъ не могу отказаться, и долженъ щадить общественное мнѣніе, которое во Франціи очень благопріятно Польшѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ я долженъ откровенно предупредить ваше величество, чтобы не пришлось прервать наши хорошія отношенія, которыми я такъ дорожу“, сказалъ онъ императору Александру II. Государь холодно и спокойно отвѣтилъ, что никто болѣе его самого не желаетъ Польшѣ спокойствія и преуспѣянія, но что всякое чужеземное

вмѣшательство можетъ только повредить исполненію его добрыхъ намѣреній, возбуждая въ полякахъ несбыточныя надежды, а когда Наполеонъ вышелъ отъ него, онъ сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „Со мной посмѣли заговорить о Польшѣ!“ Слова эти были произнесены такъ громко, что отголосокъ ихъ тогда же разнесся во всѣ концы Европы [32]). Такимъ образомъ, польскій вопросъ послужилъ камнемъ преткновенія для русско-французскаго сближенія.

Въ виду такого исхода своего разговора о полякахъ, Наполеонъ, склонявшійся уже послѣ парижскаго конгресса,—на которомъ онъ убѣдился, что Россія не соглашается допустить посторонняго вмѣшательства въ свои отношенія къ полякамъ,—выдвинуть на первый планъ итальянскій вопросъ, энергично занялся этимъ вопросомъ, по которому онъ получилъ въ Штутгардтѣ обѣщанія отъ Императора Александра II. А когда въ январѣ 1858 года на жизнь Наполеона было произведено итальянцемъ Орсини покушеніе, Наполеонъ окончательно рѣшилъ скорѣе покончить съ вопросомъ объ объединеніи Италіи. Относительно Италіи планъ Наполеона былъ ясенъ: онъ хотѣлъ объединенія Италіи, но желалъ сохранить папскую область и произвести объединеніе на консервативныхъ началахъ, при помощи консервативныхъ элементовъ, чѣмъ вызывалъ противъ себя неудовольствіе итальянской демократической и революціонной партіи. Относительно же поляковъ, за которыхъ, послѣ своей неудачи по польскому вопросу на парижскомъ конгрессѣ, онъ до штутгардтскаго свиданія нѣсколько разъ пытался ходатайствовать, предлагая Россіи за уступки полякамъ Галицію и свои услуги на турецкомъ востокѣ, у него не было яснаго плана. Онъ не понималъ польскаго вопроса во всей его сложности. Стоя на почвѣ традицій Наполеона I, создавшаго варшавское герцогство и увлекшаго за собой поляковъ, поддаваясь вліянію завѣреній поляковъ о ихъ преданности ему и жалобъ папы, помогшаго ему укрѣпиться на французскомъ престолѣ, на угнетеніе католичества въ Россіи, онъ, повидимому, хотѣлъ возстановить варшавское герцогство, соглашаясь на династическую связь его съ Россіей, и готовъ былъ увидѣть вице-королемъ герцогства великаго князя Константина Николаевича; но воскресеніе герцогства въ границахъ 1806 г. не могло бы удовлетворить поляковъ. О границахъ же новаго варшавскаго герцогства Наполеонъ точно не высказывался и вообще, по справедливому замѣчанію Козьмяна [33]), не имѣлъ точнаго представленія о польскомъ дѣлѣ, тѣсно связанномъ съ судьбами литовско-русскихъ областей. Изъ-за призрака Польши Наполеонъ пожертвовалъ реальными интересами Франціи, жестоко поплатившейся

въ 1870 г., благодаря тому, что онъ не оцѣнилъ важности начавшагося послѣ крымской войны сближенія Франціи съ Россіей.

По дорогѣ въ Штутгардтъ и на обратномъ пути оттуда государь останавливался въ Варшавѣ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ. Государь возвращался изъ Штутгардта съ государыней, и ей представлялись въ Варшавѣ польскія дамы. Тогда же государь согласился на учрежденіе въ Варшавѣ „Земледѣльческаго Общества", сыгравшаго видную роль въ польскомъ движеніи 50-хъ и 60-хъ годовъ, а осенью 1857 года Назимовъ привезъ въ Петербургъ адресъ отъ дворянъ сѣверо-западныхъ губерній, въ которомъ они выражали желаніе освободить крестьянъ. По представленіи этого адреса послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя Назимова объ образованіи подготовительныхъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ, и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ разосланъ циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ дворянство и другихъ губерній приглашалось послѣдовать примѣру сѣверо-западныхъ *). Въ томъ же году было разрѣшено, по докладу кн. Вяземскаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, весьма расположеннаго къ полякамъ и дружившаго въ молодости съ Мицкевичемъ, печатаніе въ Россіи произведеній этого поэта, и было введено преподаваніе польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа. Какъ въ 1856, такъ и въ 1857 было дано много разрѣшеній на постройку костеловъ въ западныхъ губерніяхъ. Польскія надежды оживали. Желая расположить польскихъ помѣщиковъ къ освобожденію крестьянъ, Назимовъ нерѣдко затрогивалъ съ этой цѣлью польскія патріотическія струны. Онъ указывалъ въ своихъ рѣчахъ, напр., что польскій вождь Костюшко желалъ освободить крестьянъ. Идея освобожденія крестьянъ быстро распространялась въ сѣверо-западномъ, а затѣмъ и въ юго-западномъ краѣ, но во-первыхъ,—что удостовѣряетъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей по крестьянской реформѣ Я. А. Соловьевъ,—польскіе помѣ-

*) Изъ этихъ фактовъ нѣкоторые польскіе писатели дѣлаютъ выводъ, что починъ освобожденія крестьянъ въ Россіи принадлежитъ польскимъ помѣщикамъ. Между тѣмъ извѣстно, что съ конца 18 вѣка изъ среды русскаго дворянства не разъ исходили голоса объ освобожденіи крестьянъ, что императоръ Николай I послѣдовательно готовился къ освобожденію крестьянъ, что въ его царствованіе среди русскихъ было не мало сторонниковъ этого акта, и что въ самомъ концѣ этого царствованія было возбуждено петербургскимъ дворянствомъ ходатайство объ урегулированіи отношеній помѣщиковъ и крестьянъ Вслѣдъ за рескриптомъ на имя Назимова, предложившаго начать освобожденіе съ западныхъ губерній, послѣдовалъ подобный же рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ нижегородскіе, московскіе и дворяне другихъ губерній подали адресы объ освобожденіи крестьянъ.

щики имѣли въ виду безземельное освобожденіе крестьянъ [34]), а во-вторыхъ, они хотѣли это дѣло поставить такъ, чтобы, давъ крестьянамъ призрачную свободу, на дѣлѣ еще сильнѣе подчинить ихъ себѣ и польской національной идеѣ. Мысль о привлеченіи крестьянъ на польскую сторону со времени Костюшко не разъ возникала въ польской средѣ и имѣла своихъ сторонниковъ. Не безъ вліянія Назимова она стала распространяться въ сѣверо-западномъ, а затѣмъ въ юго-западномъ краѣ и въ царствѣ польскомъ. Разжиганіе Назимовымъ польскаго политическаго чувства, и безъ того разгоравшагося во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и его уступчивость въ отношеніи поляковъ приводили его въ столкновеніе съ иниціаторомъ возсоединенія уніатовъ, митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко, стремившимся къ усиле-

Князь И. И. Васильчиковъ.
(Съ литографированнаго портрета работы Поль-Пети).

нію и укрѣпленію русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ. Отношенія двухъ главныхъ русскихъ дѣятелей этого края становились натянутыми. Въ юго-западномъ краѣ, подъ управленіемъ довѣрчиваго и добросердечнаго кн. Васильчикова, также росло польское движеніе. Въ 1857 году государь посѣтилъ Кіевъ. Польская шляхта юго-западныхъ губерній съѣхалась въ большомъ числѣ привѣтствовать государя въ Кіевѣ. „Пріемъ,—говоритъ Бобровскій,—былъ сердечный и безъ фальши съ нашей стороны, такъ какъ возлагались широкія, но несбыточныя надежды на великодушіе мо-

нарха. Дворянскій балъ прошелъ блестяще... Государь былъ очень доволенъ пріемомъ, благодарилъ и обѣщалъ опять вскорѣ пріѣхать..." [35]). Въ 1858 году состоялось учрежденіе въ Варшавѣ крестьянскаго комитета подъ руководствомъ командированнаго изъ Петербурга барона Икскуля, который сдружился съ польскими дворянами; тогда же было смягчено военное положеніе въ царствѣ, дѣйствовавшее тамъ съ 1831 года, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе объ изъятіи почтовыхъ учрежденій царства изъ общеимперскаго почтоваго управленія, и въ нихъ былъ введенъ на правахъ оффиціальнаго польскій языкъ. Осенью 1858 года, когда государь проѣздомъ въ Варшаву остановился въ Минскѣ, ему представилась прибывшая туда депутація витебскаго дворянства и ходатайствовала объ увеличеніи числа костеловъ въ витебской губерніи, учрежденіи польскаго университета въ Полоцкѣ и введеніи польскаго языка въ учебныя заведенія витебской губерніи. Это ходатайство, какъ и предпринятые въ томъ же году хлопоты юго-западныхъ поляковъ о введеніи польскаго языка въ тамошнія учебныя заведенія, не имѣло успѣха. По поводу этого посѣщенія государемъ Минска В. Ратчъ разсказываетъ, что къ пріѣзду государя былъ разукрашенъ костелъ, и что русскій священникъ со своими прихожанами хотѣлъ тоже убрать рядомъ стоявшую церковь, „но бывшій окружной начальникъ палаты государственныхъ имуществъ Квинто объявилъ, что начальство интересуется костеломъ, а не церковью" [36]). Изъ Минска государь отправился въ Вильну. Обращаясь тамъ къ представителямъ дворянства, государь сказалъ: „Господа, очень радъ, что лично могу поблагодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно за радушіе, оказанное вами моей гвардіи. Но это для меня не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ (въ 1849 году), какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный, радушный пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ собравшимися здѣсь и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ, и вся имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ" [37]).

„Несмотря на вполнѣ милостивое обращеніе государя съ митрополитомъ (І. Сѣмашко),—разсказываетъ біографъ Сѣмашка Г. Я. Кипріяновичъ,—посѣщеніе Вильны (государемъ) оставило въ немъ (митрополитѣ) однакожъ нѣсколько тягостное впечатлѣніе. При этомъ случаѣ митрополитъ могъ наглядно убѣдиться, что государя болѣе и болѣе стараются увлечь на сторону польской партіи и

притомъ не безъ успѣха. Высокопреосвященный Іосифъ горѣлъ желаніемъ лично высказать многое государю по поводу послѣдовавшей реакціи въ отношеніи правительства къ польскому дѣлу. Но не желая безпокоить высокаго гостя непріятнымъ разговоромъ, который даже могъ повредить дѣлу при неумѣніи Іосифа свободно объясняться на чисто-литературномъ русскомъ языкѣ и при невозможности въ краткой бесѣдѣ изложить осложнившееся и запутанное положеніе дѣлъ, митрополитъ отложилъ свое намѣреніе до болѣе благопріятнаго случая“ [38]). Посѣтивъ по пути Ковну, государь

Іосифъ Сѣмашко митрополитъ Литовскій и Виленскій.
(Съ портрета изъ книги Г. Я. Кипріановича „Жизнь Іосифа Сѣмашко“).

прибылъ въ Варшаву, куда съѣхались также принцъ Вильгельмъ прусскій, принцы баварскій и саксенъ-веймарскій, а затѣмъ прибылъ принцъ Наполеонъ, которому Наполеонъ III поручилъ отдать визитъ, сдѣланный великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и сообщить государю объ охлажденіи между Австріей и Франціей и неизбѣжности франко-австрійской войны изъ-за объединенія Италіи. Поляки встрѣтили съ демонстративной радостью принца Наполеона, получившаго отъ французовъ шуточное прозваніе Плонъ

Плона за свое легкомысліе и скандальныя похожденія и извѣстнаго своими выходками противъ Россіи и поддержкой враждебныхъ Россіи партій, въ частности польскихъ эмигрантовъ, государь же принялъ его холодно. Представители польской аристократіи усердно посѣщали принца, въ свитѣ котораго находилось нѣсколько эмигрантовъ-поляковъ. Графъ А. Потоцкій устроилъ для императора и принца Наполеона охоту и затѣмъ блестящій пріемъ.

О первыхъ посѣщеніяхъ императоромъ Александромъ II Варшавы и Вильны польскій писатель К. Бартошевичъ пишетъ: „Кто же не знаетъ, съ какимъ энтузіазмомъ принимали его (Александра II) почти всюду, гдѣ только на польской землѣ онъ появлялся? Кто не помнитъ того виленскаго альбома, въ которомъ Одынецъ (поэтъ, другъ Мицкевича) призывалъ прахъ Ягеллоновъ возрадоваться, такъ какъ прибываетъ „наслѣдникъ ихъ престоловъ, ихъ мыслей и любви", въ которомъ просилъ Бога, чтобы подъ скипертомъ Александра наступило „начало царства Божія на землѣ"? Кто не слышалъ о томъ, какъ Александра привѣтствовали Вильна и Варшава, какъ даже послѣ облитія имъ поляковъ холодной водой въ извѣстной рѣчи къ предводителямъ дворянства (т. е. въ варшавской рѣчи 1856 г.—„point de revéries!") поляки не лишались вполнѣ надеждъ, какіе устраивали въ честь его балы, пріемы и иллюминаціи. Ошибочное увлеченіе умовъ было настолько велико, что даже почтеннѣйшій Титъ Дзялынскій, хотя не былъ русскимъ подданнымъ, вознамѣрился посвятить свой „Діарій уніи"—„могущественнѣйшему владыкѣ славянскихъ народовъ", а Сырокомля перевелъ какую-то русскую оду, написанную въ честь Александра II Кукольникомъ. И позже во время второго и третьяго пребыванія Александра II въ Варшавѣ играли въ энтузіазмъ: охоты смѣнялись балами, а аристократки наряжались въ московскіе кокошники" *) [39]).

Уступчивость русскаго правительства въ отношеніи поляковъ вызывала сочувствіе въ большинствѣ русскаго общества, которое переживало тогда полосу оптимистическаго настроенія. Пульсъ русской жизни бился ускореннымъ темпомъ. Всюду замѣчалось оживленіе. Кн. В. А. Мещерскій, вспоминая 1857 и 1858 годы, говоритъ, что въ придворныхъ сферахъ было тогда три „центра оживленія": зимній дворецъ, дворецъ великой княгини Елены Павловны, на вечерахъ у которой велись бесѣды объ освобожденіи крестьянъ, а „третій придворный центръ былъ мраморный дворецъ.

*) Рѣчь идетъ о тѣхъ случаяхъ, когда польскія дамы, имѣвшія доступъ ко двору, согласно требованіямъ придворнаго этикета, были в русскомъ платьѣ, напр., при представленіи въ Варшавѣ въ 1857 г. императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Тутъ былъ исключительно политическій очагъ новыхъ людей и вѣяній. Имя великаго князя (Константина Николаевича) было уже тогда у всѣхъ на языкѣ и произносилось съ симпатіями. Тогда говорили о немъ вопервыхъ, потому, что онъ начиналъ свою роль генералъ-адмирала, а во-вторыхъ, потому, что онъ тогда занимался исканіемъ людей для своего брата—государя. Онъ мечталъ тогда создать цѣлую плеяду молодыхъ государственныхъ людей" [40]). Возникло много литературныхъ кружковъ и гостиныхъ. Въ обществѣ говорили о реформахъ, о томъ, что настало время возрожденія Россіи, время гуманности, время исполненія лучшихъ завѣтовъ Бѣлинскаго и Грановскаго. Славянофилы, которые раньше не могли высказываться въ печати, получили свободу слова. „Русскій Вѣстникъ" Каткова знакомилъ русскую публику съ англійскими политическими учрежденіями. „Современникъ", въ которомъ работали Чернышевскій, Добролюбовъ и Некрасовъ, пріобрѣлъ большое вліяніе, особенно на молодежь. Еще большимъ вліяніемъ сталъ пользоваться возникшій лѣтомъ 1857 года за границей „Колоколъ" Герцена. Въ № 1 „Колокола" (іюня 1857 г.) Герценъ писалъ: „намъ здѣсь, вдали, слышна другая жизнь: изъ Россіи потянуло весеннимъ воздухомъ". [41]) Общество зачитывалось тургеневскимъ „Рудинымъ", который такъ эффектно умеръ на баррикадѣ. Полемизируя въ 1858 году съ Герценомъ Г. Н. Чичеринъ писалъ: „Послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевидно, что прежнимъ путемъ идти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное устройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа". [42]) Быстро росла обличительная литература съ „Морскимъ Сборникомъ" во главѣ, который издавался подъ наблюденіемъ генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича. Но къ сожалѣнію, въ начавшемся въ Россіи послѣ крымской войны умственномъ и общественномъ движеніи, которое, повидимому, исходило изъ стремленія возродить и усилить родную страну, вскорѣ обозначились тевесьма прискорбнаго свойства и русское общество, не разобравшись въ этихъ теченіяхъ, въ своемъ большинствѣ вступило на путь, который велъ не къ усиленію Россіи, а къ ослабленію ея, не къ подъему культурно-экономическаго уровня, а къ пониженію его. Имѣвшіе въ то время самый большой успѣхъ писатели—Герценъ и Чернышевскій толкали русское общество на этотъ злополучный путь. Много говорилось тогда объ „европеизаціи" Россіи, но порой выступало и національное чувство, разбуженное крымской войной. На почвѣ націонализма развивалось нерасположеніе къ нѣмцамъ, изъ

числа которыхъ было много вліятельныхъ, но непопулярныхъ дѣятелей царствованія императора Николая I. Появившаяся во время войны въ рукописи статья генерала Мѣнькова — „Нѣмцы на Дунаѣ“—находила много читателей. Въ ней рѣзко осмѣивались наши нѣмецкіе генералы. Герценъ ѣдко острилъ надъ русскими нѣмцами, наши молодые ученые того времени вступили въ борьбу съ нѣмцами-профессорами и академиками, оттѣснявшими русскихъ ученыхъ. Но русскій національнзмъ всегда имѣетъ оборонительный, а не наступательный характеръ; поэтому русское національное чувство, разбуженное крымской войной, обращаясь въ эпоху крымской войны и въ ближайшіе послѣ нея годы противъ нѣмцевъ, бывшихъ въ Россіи у власти при императорѣ Николаѣ I и относившихся къ русскимъ высокомѣрно и пренебрежительно, не вооружалось противъ поляковъ, въ которыхъ русское общество видѣло побѣжденную народность. Мало того: въ русскомъ обществѣ, настроенномъ въ то время весьма свободолюбиво, національныя стремленія поляковъ пользовались широкимъ сочувствіемъ: часть русскаго общества (этотъ взглядъ до извѣстной степени раздѣляло и правительство) принимала оживленіе поляковъ, въ связи съ доходившими изъ Варшавы и Вильны вѣстями о торжественныхъ пріемахъ государя, за стремленіе ихъ къ національной независимости подъ властью Россіи и въ дружескомъ единеніи съ русскими. А Герценъ, Чернышевскій и всѣ, кто сошелъ съ пути русской національной жизни, считали поляковъ своими союзниками и такъ какъ нѣкоторые польскіе вожаки проводили польскую идею подъ флагомъ прогресса и западно-европейскихъ государственныхъ формъ, то при тогдашнемъ настроеніи русскаго общества они привлекали, благодаря этимъ пріемамъ, многихъ русскихъ на свою сторону. Извѣстнаго рода русско-польскому сближенію содѣйствовало и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ вернувшихся по манифестамъ русскихъ политическихъ ссыльныхъ сблизились въ Сибири съ ссыльными поляками. Не всѣ возвратившіеся въ 1856 г. изъ сибири русскіе ссыльные вернулись оттуда, какъ Достоевскій съ новыми глубоко-продуманными взглядами. Часть ихъ возвратилась „ничему не научившись, ничего не забывъ“, и по возвращеніи домой усилило начинавшееся въ русскомъ обществѣ броженіе, какъ и возвратившіеся по манифестамъ 1856 г. польскіе эмигранты и ссыльные подлили масла въ загоравшееся польское движеніе. Вернувшіеся изъ оренбургскихъ и кавказскихъ полковъ и баталіоновъ служившіе тамъ за наказаніе поляки, по большей части сгруппировались въ Петербургѣ, и нѣкоторые поступили въ военныя академіи. Одинъ изъ этихъ офицеровъ—узкій фанатикъ, настойчивый и смѣлый, благо-

даря своему фанатизму—Сѣраковскій, который за агитацію среди поляковъ-студентовъ въ концѣ 40-хъ годовъ былъ сосланъ, какъ упомянуто выше, въ оренбургскіе баталіоны, гдѣ дослужился до офицерскаго чина, вернувшись въ Петербургъ, занялъ вмѣстѣ со своимъ бывшимъ товарищемъ по университету Іосафатомъ Огрызко видную роль въ новомъ польскомъ движеніи. Огрызко, который получилъ къ тому времени солидное положеніе въ чиновничьей іерархіи, и Сѣраковскій образовали нѣсколько польскихъ кружковъ въ Петербургѣ и искали сближенія съ русскими профессорами и литераторами того времени, чтобы сойтись съ ними на почвѣ тѣхъ или другихъ „общихъ интересовъ", причемъ старались черезъ Костомарова и Шевченко подкрѣпить польское дѣло развитіемъ украинофильства. Открытый въ 1858 году въ Петербургѣ польскій офицерскій кружокъ Домбровскаго привлекъ много членовъ. „Въ отдаленной части Петербурга,—разсказываетъ Н. В. Гогель,—въ пяти пространныхъ комнатахъ собирались разъ въ недѣлю гости. Вся запрещенная литература, всѣ произведенія эмиграціи были къ услугамъ гостей (которыхъ собиралось числомъ до 30); гости расходились по комнатамъ и, по образующимся кружкамъ и по постоянству посѣщеній, коноводы могли судить о настроеніи каждаго, степени его задора и его готовности принять участіе въ дѣлѣ. При громкихъ разговорахъ, спорахъ и разсужденіяхъ еще только подготовлявшихся посвященные втихомолку переговаривались и дѣлали свои замѣтки о каждомъ гостѣ. Явились „тройки": каждый посвященный набиралъ себѣ трехъ, они записывались подъ псевдонимами. Кто составлялъ тройку высшаго разряда и кто поступалъ въ низшіе,—было тайною" [42]). На вечера Домбровскаго приглашались и русскіе. Въ 1858 году Огрызко рѣшилъ издавать въ Петербургѣ польскую газету „Слово". Деньги на эту газету Огрызко получилъ отъ вдовы сына историка Карамзина, дѣлами которой управлялъ.

Задумавъ издавать „Слово", Огрызко отправился заграницу и совѣщался тамъ съ главными руководителями польской эмиграціи и съ Герценомъ, а по возвращеніи оттуда открылъ въ Петербургѣ польскую типографію, выпустилъ объявленіе объ изданіи съ 1859 г. „Слова" и раскинулъ сѣть корреспондентовъ этой газеты по всей Россіи, особенно частую, конечно, въ бывшихъ земляхъ Рѣчи Посполитой. Такимъ образомъ, съ 1858 года въ Петербургѣ создался польскій центръ съ Сѣраковскимъ и Огрызкой во главѣ при участіи В. Спасовича, Станевича *) и другихъ. Изъ членовъ

*) Былъ сосланъ, потомъ возвращенъ и скончался въ 1901 г., служа въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. Организація петербургскаго польскаго центра подробно разоблачена въ брошюрахъ Н. В. Гогеля «Іосафатъ Огрызко

этого центра не всѣ вошли впослѣдствіи въ непосредственныя связи съ возстаніемъ, нѣкоторые, какъ, напр., Спасовичъ, уклонились отъ этого. Каждый изъ членовъ центра обязанъ былъ составить кружокъ, члены кружка знали изъ центра одно только лицо—главу своего кружка. Члены кружковъ въ свою очередь, какъ уже сказано, образовывали „тройки". Петербургскій центръ велъ свои сношенія съ Вильной, Кіевомъ, Варшавой и съ заграницей преимущественно устно черезъ кондукторовъ дилижансовъ и вернувшихся изъ-за границы польскихъ эмигрантовъ, многіе изъ которыхъ получили мѣста при строившейся тогда петербургско-варшавской ж. д. Переписка велась въ крайнихъ случаяхъ и притомъ иносказательно: Россія въ ней называлась—опекунъ, Пруссія—сосѣдъ, Варшава—Поневѣжъ, Вильна—Россіены, Герценъ—Сердечникъ и т. п. Русскіе, сочувствовавшіе полякамъ, назывались въ этой перепискѣ панурговымъ стадомъ. Извѣщая своихъ довѣренныхъ лицъ о пріѣздѣ въ Вильну Н. И. Костомарова, котораго уговорили съѣздить туда его польскіе друзья, чтобы убѣдить, что сѣверо-западный край не русскій, а польскій и католическій, центръ писалъ, что въ Вильну отправляется малороссійскій тонкорунный баранъ, которымъ могутъ воспользоваться помѣщики-овцеводы и который, какъ рѣдкій экземпляръ, требуетъ особаго ухода. Петербургскій центръ находился въ сношеніяхъ, какъ съ бѣлыми, такъ и съ красными польскими вожаками въ западныхъ губерніяхъ и увѣдомлялъ ихъ обо всѣхъ важныхъ съ польской точки зрѣнія событіяхъ петербургской жизни. Въ начавшемся тогда польскомъ движеніи приняло участіе и польское петербургское духовенство. Оно не только поддерживало въ полякахъ національныя чувства, но и старалось укрѣпить въ Россіи католичество и вовлечь въ него русскихъ, преимущественно дамъ. Особенно выдавался въ этомъ отношеніи профессоръ петербургской католической духовной академіи мистикъ и фанатикъ Фелинскій, участникъ познанскаго возстанія 1848 г. Петербургское католическое духовенство вело тогда оживленныя сношенія съ Римомъ, какъ свидѣтельствуетъ авторъ „Historyi dwóch lat", черезъ австрійское посольство въ Петербургѣ и получало изъ Рима тѣмъ же путемъ указанія, какъ дѣйствовать. Пользуясь своимъ положеніемъ профессора, Фелинскій съ 1858 года сталъ собирать у себя по вечерамъ студентовъ академіи и давалъ имъ тамъ „дружественные совѣты". Это были совѣты въ духѣ „польскаго катехизиса". Фелинскій видѣлъ въ русскомъ правительствѣ врага Рима и убѣж-

и петербургскій польскій революціонный жондъ" (изд. 2-е, Вильна 1867 г.). Разоблаченія Гогеля подтверждаются, какъ русскими, такъ и польскими авторами.

денный, что сила Рима, возобновлявшаго тогда съ новой силой попытки окатоличить Россію и располагавшаго въ то время услугами русскихъ іезуитовъ Мартынова и кн. Гагарина и „апостольскаго префекта“ С. С. Джунковскаго, растетъ, и что Римъ возстановитъ Польшу, внушалъ своимъ слушателямъ—будущимъ ксендзамъ твердо держаться католичества до того дня, когда въ награду за это Римъ возстановитъ Польшу, и воспитывать народъ въ этомъ направленіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелъ пропаганду католичества среди русскихъ и съ успѣхомъ обращалъ въ католичество русскихъ дамъ высшаго круга, пріобрѣталъ тайныхъ приверженцевъ папизма въ разныхъ слояхъ общества, основалъ въ Петербургѣ католическій пріютъ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ, начиная съ 1858 года, стали дѣйствовать Огрызко и Сѣраковскій, въ сѣверо-западномъ краѣ на первый планъ выдвинулся графъ Старженскій. Графъ Старженскій, воспитанникъ іезуитовъ, молодымъ человѣкомъ попалъ въ 40-хъ годахъ въ Петербургъ и пріобрѣлъ тамъ крупныя связи. Въ 1846 году онъ поступилъ въ военную службу. Уѣхавъ безъ разрѣшенія начальства въ Италію для женитьбы, графъ послѣ этого былъ переведенъ въ линейный полкъ на Кавказъ. Въ 1856 году ему разрѣшено было выйти въ отставку. Онъ поселился въ сѣверо-западномъ краѣ и принялъ живое участіе въ польскомъ движеніи и въ дѣлѣ подготовки освобожденія крестьянъ, вскорѣ сталъ гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и съ одной стороны укрѣплялъ свои связи и свое вліяніе въ Петербургѣ и вошелъ въ сношенія съ петербургскимъ польскимъ центромъ, а съ другой завязалъ сношенія съ кн. А. Чарторыйскимъ и гр. Андреемъ Замойскимъ, однимъ изъ главныхъ польскихъ дѣятелей въ Варшавѣ. Подъ покровительствомъ гр. Старженскаго были устроены въ сѣверо-западномъ краѣ братства трезвости, имѣвшія цѣлью пропаганду польской идеи среди народа; подъ его же руководствомъ было приступлено къ открытію польскихъ школъ, въ чемъ ему помогалъ его другъ и сотрудникъ Оскерко.

Другимъ виднымъ польскимъ дѣятелемъ того времени въ сѣверо-западномъ краѣ являлся архіепископъ Красинскій, энергично окатоличивавшій этотъ край, такъ что съ 1854 по 1863 годъ тамъ было построено 399 новыхъ костеловъ, а третьимъ—учитель виленскаго дворянскаго института Пржибыльскій, руководившій учащейся польской молодежью и введеніемъ польскаго языка въ учебныя заведенія виленскаго учебнаго округа. Къ этимъ дѣятелямъ надо прибавить еще сотрудниковъ издававшагося тогда на русскомъ и польскомъ языкахъ „Виленскаго Вѣстника“: Киркора,

Одынца и другихъ, литературная дѣятельность которыхъ была направлена къ полонизаціи сѣверо-западныхъ губерній. Виленскіе польскіе литераторы и учителя руководили музеемъ гр. Тышкевича и подъ видомъ объясненій читали тамъ лекціи о прошломъ Польши, идеализировавшія это прошлое, и настраивали своихъ слушателей и слушательницъ на „патріотическій“ ладъ.

Митрополитъ Сѣмашко съ обычной ему энергіей и настойчивостью сдерживалъ хлынувшія на литовскую Русь волны полонизма. „Узнавъ—разсказываетъ его біографъ Г. Я. Кипріановичъ,—что въ русскихъ букваряхъ, изданныхъ въ 1858 году, были пропущены молитвы, помѣщавшіяся прежде и помѣщенныя также вмѣстѣ съ польскимъ катехизисомъ въ польскихъ букваряхъ изданія 1858 г., и что на всѣхъ польскихъ букваряхъ значится разрѣшеніе римско-католическаго духовнаго цензора, между тѣмъ какъ русскіе буквари печатаются помимо разрѣшенія духовной цензоры, а также, что изданіемъ букварей занимаются въ Вильнѣ исключительно евреи“, настоялъ, чтобы въ русскихъ букваряхъ помѣщались молитвы, и чтобы они издавались христіанами и не иначе, какъ съ разрѣшенія православной духовной цензуры. Митрополитъ „не безъ основанія высказалъ предположеніе, что молитвы исключены изъ русскихъ букварей и напечатаны только въ польскихъ съ коварнымъ умысломъ заставить православное юношество изучить польскія молитвы по польскимъ букварямъ. Какъ-бы въ подтвержденіе указаннаго предположенія Іосифа священникъ Кунаховичъ донесъ своему духовному начальству, что помѣщица Пилецкая открыла частное училище въ деревнѣ Счечицахъ, населенной православными жителями, и что въ этомъ училищѣ учитель-католикъ, не знающій по-русски, обучаетъ 16 православныхъ дѣтей польскому чтенію, пѣнію польскихъ гимновъ и римско-католическому катехизису по польскимъ букварямъ и по такимъ-же молитвенникамъ. Въ виду слуховъ объ открытіи подобныхъ училищъ и въ другихъ мѣстахъ Іосифъ просилъ генералъ-губернатора закрыть означенное училище и возложить на обязанность мѣстныхъ гражданскихъ властей строго наблюдать за тѣмъ, чтобы впредь не учреждались подобныя училища безъ дозволенія гражданской власти и безъ вѣдома православнаго духовнаго начальства въ томъ случаѣ, если открывается училище среди православнаго населенія“ („Жизнь Іосифа Сѣмашки“ Г. Я. Кипріановича. Изд. 2-ое. Вильна. 1897. Стр. 358—359). Отвѣтомъ на эту борьбу митрополита противъ ополяченія и окатоличенія сѣверо-западной Руси и на ходатойства митрополита за православныхъ крестьянъ въ случаяхъ грубаго и несправедливаго обращенія съ ними поляковъ-помѣщи-

ковъ польскіе руководители жаловались на подчиненное Іосифу православное духовенство за то, что оно будто-бы волнуетъ и подстрекаетъ крестьянъ.

Въ юго-западномъ краѣ во главѣ польскаго движенія стояло нѣсколько помѣщиковъ и въ числѣ ихъ Корженевскій, по почину котораго группа юго-западныхъ помѣщиковъ обращалась во время крымской войны съ запросомъ къ Чарторыйскому, готовиться-ли къ возстанію, а въ кіевскомъ университетѣ среди студентовъ стали образовываться польскіе кружки „тройки“ о „десятки“. Польское движеніе сплеталось въ Кіевѣ съ украинофильскимъ. Для ослабленія русской національной силы и для болѣе успѣшнаго ополяченія малороссовъ поляки стремились раздуть такъ называемое украинофильство въ увѣренности, что оторванные посредствомъ украинофильства отъ общерусскаго ствола малороссы скорѣе поддадутся полонизаціи. Поддерживая украинофильство въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Галиціи поляки съ намѣстникомъ Голуховскимъ во главѣ, подготовляли примѣненіе латинской азбуки къ малорусской рѣчи, да и въ Кіевѣ въ концѣ 50-ыхъ годовъ и въ началѣ 60-хъ дѣлались попытки печатанія книгъ на малорусскомъ нарѣчіи латинскимъ алфавитомъ.

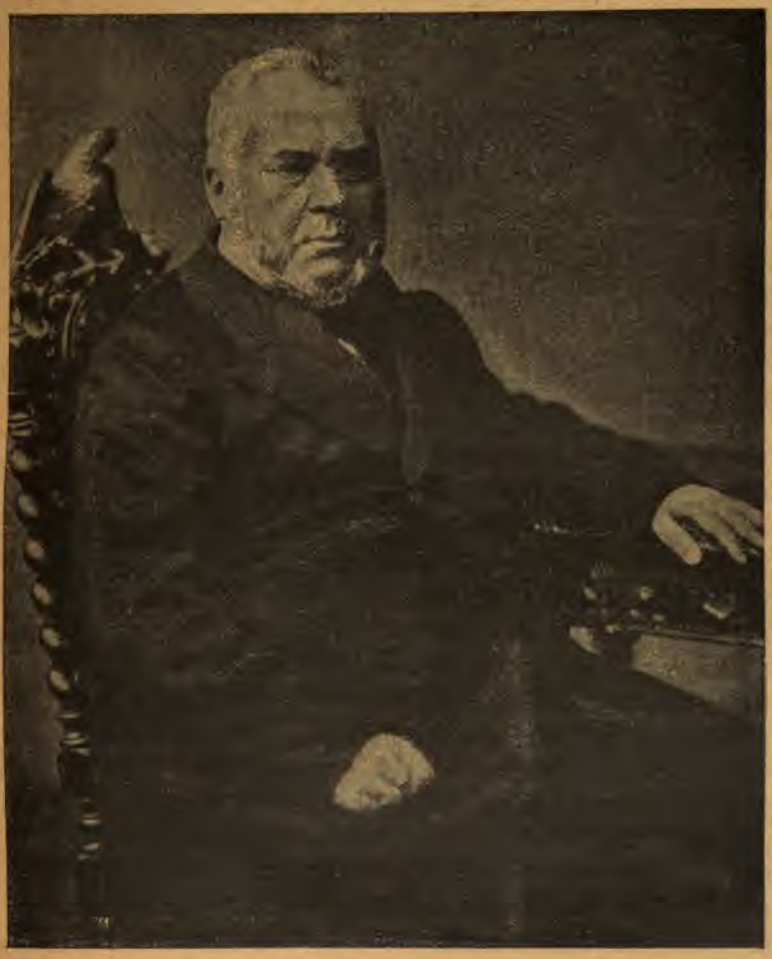
Возникшее въ Варшавѣ въ 1858 году, по почину гр. Андрея Замойскаго, „Земледѣльческое общество“, на открытіе котораго государь далъ согласіе осенью 1857 года, когда возвращался черезъ Варшаву изъ Штутгардта, стало однимъ изъ главныхъ органовъ тогдашняго польскаго движенія. Гр. А. Замойскій воспитывался въ Швейцаріи, гдѣ встрѣтился юношей съ Костюшкой, а затѣмъ въ Англіи. Отецъ его считался въ свое время англоманомъ и противникомъ Россіи. Изъ Англіи графъ Андрей вывезъ многія англійскія манеры и привычки, одѣвался и брился на анлійскій ладъ и былъ сторонникомъ англійскихъ теорій свободнаго труда, поклонникомъ англійскаго торгово-промышленнаго развитія. Въ молодости онъ служилъ въ Варшавѣ въ государственномъ совѣтѣ автономнаго царства польскаго, въ 1829 году (въ одинъ день съ А. Велепольскимъ, своимъ заклятымъ врагомъ впослѣдствіи) былъ назначенъ камергомъ, а въ 1830—31 годахъ принималъ участіе въ возстаніи и ѣздилъ вмѣстѣ съ А. Велепольскимъ и Валевскимъ по порученію тогдашняго революціоннаго правительства заграницу. Послѣ возстанія 1830—31 годовъ онъ, живя частью въ Варшавѣ, частью же въ своемъ имѣніи въ царствѣ польскомъ, дѣйствовалъ въ духѣ А. Чарторыйскаго, придерживаясь, что усиленно подчеркиваютъ его поклонники, строго-легальной почвы. Слѣдуя указаніямъ Чарторыйскаго, онъ явился сто-

ронникомъ экономическаго подъема поляковъ въ увѣренности, что въ извѣстный моментъ поляки отпадутъ отъ Россіи, „какъ зрѣлый плодъ отъ дерева“, чему поможетъ европейская дипломатія. Онъ былъ частымъ гостемъ у князя Паскевича, и однимъ изъ тѣхъ польскихъ аристократовъ, которыхъ Паскевичъ приближалъ къ себѣ и которыми онъ пользовался, когда нужно было оказать воздѣйствіе на польское общество. При Паскевичѣ гр. Замойскій заботился объ улучшеніи сельскаго хозяйства, устраивалъ съ этой цѣлью у себя въ имѣніи съѣзды помѣщиковъ, писалъ въ варшавскомъ „Ежегодникѣ сельскаго хозяйства“, старался развить промышленность и распространять мысль о пользѣ замѣны барщиннаго труда вольнымъ и о предоставленіи крестьянамъ земли на арендномъ правѣ.

Человѣкъ добраго сердца, привѣтливый и любезный, любившій популярность и искавшій ея, Замойскій пріобрѣлъ большую извѣстность въ Привислинскомъ краѣ и въ частности въ Варшавѣ, гдѣ онъ былъ всѣмъ извѣстенъ. Уличная толпа хорошо знала „графа Андрея“, фамильярно называя его „Андрюшкой“. Объ умѣ гр. А. Замойскаго много говорила и писала въ свое время его партія, но вообще онъ не пользовался репутаціей умнаго и сильнаго характеромъ человѣка. Его называли не только „Андрюшкой“, но и „глупымъ Андрюшкой“. Послѣ смерти кн. Паскевича слово Замойскаго стало дѣйствительно пріобрѣтать вліяніе у намѣстника, о чемъ прежде только говорили сторонники графа. Слабохарактерность Горчакова, вѣсти о всемогуществѣ Наполеона, распространявшіяся Чарторыйскимъ, истолкованіе стремленій Александра II улучшить положеніе поляковъ давленіемъ на Наполеона, содѣйствовали этому. Князь Горчаковъ считался съ Замойскимъ, какъ съ крупной политической силой, и графъ сталъ себя держать съ новымъ намѣстникомъ не такъ, какъ съ покойнымъ княземъ Варшавскимъ. Значеніе и популярность графа Замойскаго при кн. Горчаковѣ выросли, и онъ широко развилъ свою дѣятельность. Онъ являлся по многимъ дѣламъ ходатаемъ у Горчакова, добился открытія „Земледѣльческаго общества“, завелъ въ 1858 году пароходство на Вислѣ, во главѣ котораго поставилъ нѣкоего Круликовскаго, извѣстнаго въ то время въ Варшавѣ своими крайними польскими взглядами, и выхлопоталъ разрѣшеніе открыть подъ руководствомъ „Земледѣльческаго общества“ пріюты и ремесленныя и воскресныя школы, въ которыхъ крестьяне и низшій городской классъ воспитывались въ духѣ польскихъ надеждъ и стремленій. Въ то же время возвращенный изъ ссылки литераторъ Гиллеръ основалъ не безъ поддержки „Земледѣльческаго общества“ народный польскій журналъ „Воскресная Библіотека“. Впослѣдствіи Гиллеръ занялъ одно изъ главныхъ мѣстъ

въ революціонномъ польскомъ жондѣ. „Земледѣльческое общество“ очень скоро далеко вышло за предѣлы своей программы. Конечно, очень часто починъ принадлежалъ не Замойскому, и онъ былъ только фирмой, но за то, какъ заявляютъ поляки, въ значительной степени и любили его, что онъ давалъ свое имя другимъ, которые за него дѣйствовали и думали, а онъ являлся ходатаемъ за нихъ и защитникомъ ихъ. Въ то-же время, когда Замойскій выхлопоталъ учрежденіе въ Варшавѣ „Земледѣльческаго общества“, нѣкто Юргенсъ, пользуясь вліяніемъ въ среднемъ классѣ, основалъ въ Варшавѣ большой кружокъ и явился соединяющимъ звеномъ между среднимъ классомъ и аристократической партіей. Какъ многіе изъ главныхъ подготовителей и организаторовъ возстанія въ Варшавѣ Юргенсъ былъ нѣмецъ по происхожденію (Юргенсъ, Рупрехтъ, Эске, Денель, Уншлихтъ, Гиллеръ). Юргенсъ, участвовавшій въ концѣ 40-ыхъ годовъ въ польскихъ тайныхъ обществахъ, устроивъ свое общество подъ названіемъ научно-литературнаго, развивалъ на засѣданіяхъ этого общества мысль, „что Польша можетъ быть освобождена только при помощи вооруженнаго возстанія, кровавой и упорной войной. Въ этомъ отношеніи онъ соглашался съ красными. Но между тѣмъ, какъ эти послѣдніе считали всякій моментъ соотвѣтственнымъ для возстанія, лишъ бы къ этому подготовить край путемъ заговора и соотвѣтственной организаціи, между тѣмъ какъ они уже заявляли, что „вотъ черезъ минуту сядутъ на осиротѣвшее сѣдло“, Юргенсъ утверждалъ, что возстаніе можетъ быть лишь плодомъ продолжительной, систематической, подготовительной дѣятельности“ [43]). Прежде всего онъ считалъ нужнымъ подрывать довѣріе къ русскому правительству и пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы посѣвать нерасположеніе къ Россіи,—даже всякую случайность, если она непріятна обществу,—говорилъ онъ своимъ сообщникамъ,—истолковывайте, какъ результатъ недальновидности или враждебнаго отношенія къ обществу русскаго правительства. Имѣя много связей и знакомствъ, Юргенсъ, между прочимъ, сблизился съ богатымъ варшавскимъ банкиромъ Кроненбергомъ. Ожидая перемѣнъ въ положеніи поляковъ, Кроненбергъ присталъ къ начинавшемуся движенію. Въ Западной Европѣ въ то время капиталъ уже захватилъ громадную власть, въ Вѣнѣ и въ Парижѣ черезъ нѣкоторыхъ банкировъ велись важные дипломатическіе переговоры. Придворный банкиръ Наполеона III былъ однимъ изъ довѣренныхъ его совѣтниковъ. И варшавскій Кроненбергъ возмечталъ о политической роли, поддерживалъ новое польское движеніе, давалъ деньги на него. Подъ вліяніемъ Юргенса онъ рѣшилъ воспользоваться въ 1858 году своими знакомствами въ Петербургѣ, чтобы укрѣпить

польское дѣло въ западной Россіи, и съ этой цѣлью составилъ проектъ возстановленія въ Вильнѣ польскаго университета. Въ составленіи этого проекта ему помогалъ ксендзъ князь Лубенскій, который, состоя настоятелемъ католическаго прихода въ Ревелѣ, часто бывалъ въ Петербургѣ, велъ тамъ пропаганду католицизма, сообщалъ оттуда свѣдѣнія вліятельнымъ полякамъ и помогалъ имъ, когда



Маркизъ Александръ Велепольскій.
(Съ фотографической карточки работы Баера въ Варшавѣ).

они пріѣзжали въ Петербургъ. Потерпѣвъ неудачу съ проектомъ вилепскаго университета, Кроненбергъ, возвратясь въ Варшаву, купилъ газету, въ редакторы которой пригласилъ извѣстнаго тогда польскаго писателя Крашевскаго. Въ это-же время сталъ выступать

на борьбу съ гр. Замойскимъ маркизъ Александръ Велепольскій. Въ противность Андрею Замойскому маркизъ не пользовался симпатіями польскаго общества. Это и понятно: маркизъ держалъ себя крайне гордо и надмененно. Готовый быть однимъ въ полѣ воиномъ, напоминающій по складу своего характера Муравьева и Бисмарка, но какъ показали событія 60-хъ годовъ съ гораздо меньшей силой воли и меньшей предусмотрительностью, чѣмъ Муравьевъ и Бисмаркъ, Велепольскій, стремясь къ политической роли и предвидя значеніе „Земледѣльческаго Общества", рѣшилъ принять участіе въ его дѣлахъ. На открытіе общества онъ послалъ своего сына, но А. Замойскій, пользуясь своей предсѣдательской властью, не допустилъ сына замѣстить отца. Къ концу 50-хъ годовъ дѣйствій Велепольскаго программа вполнѣ опредѣлилась: онъ задался цѣлью достигнуть прежде всего широкой автономіи для царства польскаго путемъ постепенныхъ уступокъ русскаго правительства; вопросъ о присоединеніи къ царству западныхъ губерній онъ считалъ вопросомъ времени и въ первое время рѣшилъ не касаться этого вопроса. Глубоко убѣжденный въ вѣрности своихъ выработанныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ деревенской тиши плановъ, маркизъ жаждалъ дѣятельности, жаждалъ власти, но кружокъ его единомышленниковъ былъ невеликъ. Ему надо было пойти для его цѣлей рука объ руку съ высшимъ русскимъ правительствомъ, такъ какъ его планы опирались на Россію, а большинство поляковъ тогда отворачивалось отъ нея, устремляя свои взоры на Францію. Онъ придавалъ значеніе славянству, надѣясь, что Польша, которую онъ считалъ неизмѣримо выше и образованнѣе Россіи, оперевшись на Россію, займетъ въ славянствѣ первое мѣсто, но поляки тогда мало интересовались славянствомъ. Онъ ограничивалъ на время Польшу предѣлами привислинскихъ губерній, а тогдашнимъ польскимъ мечтателямъ нужна была сейчасъ же Польша отъ моря до моря. Успѣшное осуществленіе его плановъ требовало внѣшней лойяльности, которой можно было-бы снискать широкое довѣріе у русскаго правительства, а въ то время широкихъ надеждъ и горячихъ упованій было не до сдержанности. Съ нимъ соглашались нѣкоторые высшіе поляки-чиновники и нѣкоторые богатые евреи, за уравненіе правъ которыхъ съ христіанскимъ населеніемъ онъ высказывался. Вслѣдствіе этого и потому, что по своему непреклонному и упорному характеру Велепольскій представлялъ собою силу, съ нимъ сблизился зоркій Кроненбергъ, примыкавшій ко всякой выступавшей тогда новой силѣ, умѣвшій ладить и съ Замойскимъ, и съ Велепольскимъ, и съ красными. Но программа Велепольскаго, во многомъ напоминающая программу финляндскихъ

сепаратистовъ въ родѣ графовъ Армфельдовъ, не имѣла успѣха не только потому, что требовала сдержанности и компромиссовъ и вслѣдствіе этого не отвѣчала настроенію поляковъ того времени, но и потому, что глашатаемъ ея былъ Велепольскій. К. Бартошевичъ, говоря о его непопулярности, пишетъ: „Уже въ 1830 году, по словамъ Лисицкаго (біографа маркиза), были нѣкотораго рода предубѣжденія противъ его выбора дипломатическимъ агентомъ въ Лондонъ". Да, что уже тогда были противъ него „предубѣжденія",—есть доказательства въ мемуарахъ того времени. Въ запискахъ нѣкоего Каневска или Канескаго 1829 года я нашелъ слѣдующую лаконическую замѣтку: пріѣхалъ (въ Варшаву) Александръ Велепольскій, который многимъ не нравится, потому что грубъ на языкъ, жаденъ и эгоистиченъ. А въ мемуарахъ Богуславы (ур. Домбровской) Маньковской, дочери генерала, есть слѣдующія строки, относящіяся ко времени, предшествовавшему 1831 г.: „не стану далѣе упоминать о другихъ сосѣдяхъ и жильцахъ дворца Паца, но должна вспомнить о семьѣ Михаила Потоцкаго... Съ ними вмѣстѣ жила дочь Паулина или Тереза (обѣ одна за другой были женами маркиза Велепольскаго); коснувшись этой экзотической личности, нельзя умолчать о впечатлѣніи, которое производилъ тогда на всѣхъ маркизъ. Это былъ полякъ— не полякъ; съ самыхъ малыхъ лѣтъ у него не было достоинствъ, добродѣтелей и привычекъ и даже недостатковъ, присущихъ польскимъ шляхтичамъ и магнатамъ. Сухой, гордый, непопулярный, самонадѣянный, недоступный, онъ не любилъ общества равныхъ и всецѣло презиралъ тѣхъ, кого считалъ ниже себя". [41]) На бѣду Велепольскаго въ 1856 году возгорѣлось дѣло по завѣщанію нѣкоего Свидзинскаго, который умеръ въ 1855 году и завѣщалъ свою библіотеку и коллекціи Велепольскому, но съ тѣмъ, чтобы онѣ были общедоступны, и чтобы на деньги, полученныя отъ продажи его имѣнія Сульгестовъ, Велепольскій содержалъ библіотеку. Велепольскій помѣстилъ библіотеку и коллекціи Свидзинскаго въ своемъ имѣніи. Начались рѣзкія нападки на него въ газетахъ и журналахъ, обвинявшихъ маркиза въ присвоеніи общественной собственности, завязался судебный процессъ. Велепольскій самъ велъ дѣло въ разныхъ судебныхъ инстанціяхъ, самъ защищалъ себя въ печати. Въ своихъ возраженіяхъ онъ всегда былъ очень раздражителенъ, чѣмъ не располагалъ въ свою пользу слушателей и читателей. Велепольскій выигралъ въ концѣ концовъ это дѣло въ судѣ, но долженъ былъ уступить въ виду неудовольствія, которое онъ возбудилъ противъ себя всѣмъ ходомъ дѣла, и пошелъ съ наслѣдниками Свидзинскаго на мировую. Процессъ тянулся съ

1856 до 1859 года. Въ числѣ немногихъ сторонниковъ Велепольскаго былъ оберъ-прокуроръ варшавскихъ департаментовъ сената Ю. Энохъ, другъ банкира Кроненберга. Энохъ, еврей по происхожденію, человѣкъ ловкій и законовѣдъ, пользовался большимъ довѣріемъ кн. М. Д. Горчакова. По этому поводу въ Варшавѣ острили: у всякаго пана есть свой жидъ-факторъ, есть свой и у пана-намѣстника—Энохъ.

Партія Чарторыйскаго, руководимая въ Варшавѣ А. Замойскимъ, а въ Вильнѣ гр. Старженскимъ, сносилась съ отелемъ Ламберъ во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ, и Чарторыйскій, несмотря на свою старость продолжалъ руководить „политикой“, въ чемъ ему помогали главнымъ образомъ его сыновья Владиславъ и Витольдъ, графъ Владиславъ Замойскій, двоюродный братъ гр. А. Замойскаго, и гр. Браницкій, весьма близкій къ принцу Наполеону. Послѣдній, дѣйствуя за одно съ императрицей Евгеніей, оказывалъ полную поддержку отелю Ламберъ, какъ и Мѣрославскому. Изъ ближайшихъ совѣтниковъ Наполеона гр. Валевскій былъ къ услугамъ Чарторыйскаго. Морни и банкиръ Персиньи, игравшій при Наполеонѣ III выдающуюся политическую роль, удерживали императора Наполеона III отъ рѣшительныхъ шаговъ по польскому вопросу, но Наполеонъ нерѣдко говорилъ, что онъ измѣнилъ взгляды по многимъ вопросамъ, на польскій-же смотритъ такъ, какъ смотрѣлъ въ 30-хъ годахъ, и считалъ одной изъ задачъ своей династіи перерѣшеніе польскаго вопроса, то высказываясь за возстановленіе вполнѣ независимаго польскаго государства, то склоняясь къ мысли объ автономной Польшѣ, связанной съ Россіей личной уніей. Общественное мнѣніе Франціи въ это время было вполнѣ на сторонѣ поляковъ. Французскіе консерваторы поддерживали поляковъ, считая главой ихъ Чарторыйскаго, французскіе паписты, осуждавшіе назрѣвавшее итальянское движеніе, потому что оно было направлено противъ папы, оказывали поддержку полякамъ, видя въ нихъ католиковъ, а французскіе демократы протягивали руку полякамъ, потому что видѣли въ нихъ борцевъ за демократическія идеи. Словомъ, все во Франціи складывалось въ пользу поляковъ и объ этомъ намѣреніи, о каждомъ словѣ Наполеона III, императрицы Евгеніи и принца Наполеона о полякахъ или по поводу польскихъ дѣлъ „бѣлые“ въ Россіи извѣщались изъ Парижа. Въ чемъ заключалась разница во взглядахъ „бѣлыхъ“, представителемъ которыхъ былъ въ Варшавѣ гр. А. Замойскій, и маркиза Велепольскаго, — объ этомъ исписано польскими авторами немало страницъ, но въ сущности разницы въ ихъ цѣ-

ляхъ и стремленіяхъ не было. Хотя и Замойскій, и Велепольскій были противниками возстанія, но тотъ и другой мечтали о Польшѣ „отъ моря до моря“. Антагонизмъ ихъ истекалъ не столько даже изъ разногласія во взглядахъ на средства для достиженія завѣтной цѣли, сколько изъ различія въ характерахъ и соперничества, стремленія обоихъ—быть первыми въ краѣ. Въ то время, какъ Замойскій стремился достигнуть этого пріобрѣтеніемъ популярности, мягкостью и любезностью, Велепольскій шелъ къ той же цѣли силой, напроломъ, высокомѣрно закидывая голову и третируя всѣхъ. Руководители польскаго движенія въ Петербургѣ, Огрызко и Сѣраковскій, какъ и варшавскіе „бѣлые“, прислушивались къ указаніямъ Чарторыйскаго, но они находились въ сношеніяхъ не только съ аристократической (бѣлой) партіей эмигрантовъ, а и съ „демократической“—красной. Глава этой партіи Лелевель по старости мало проявлялъ свою дѣятельность во второй половинѣ 50-хъ годовъ, но Мѣрославкій работалъ съ большой энергіей.

Перемѣна въ положеніи поляковъ въ Россіи послѣ 1856 года дала толчекъ Мѣрославскому энергично взяться за агитацію въ Россіи. Въ числѣ возвращенныхъ изъ Сибири по коронаціонному манифесту были старые агенты Мѣрославскаго, напр.: Рупрехтъ, „а въ числѣ возвратившихся по амнистіи эмигрантовъ,—говоритъ М. П. Устимовичъ,—прибыло въ Польшу много эмиссаровъ и агентовъ его, которые наводнили край тысячами брошюръ, газетъ, инструкцій, критикъ и цѣлыхъ книгъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто, безспорно, занимали книги подъ заглавіемъ: „Народъ проснись“, разборъ возможности и необходимости народнаго возстанія и проч. Теплое слово, съ которымъ коварный риторъ обращался къ польской молодежи, подстрекая ее проснуться и взяться „за оружіе Болеславовъ и Баторіевъ“, „за рацлавицкую пику и косу“, за „гроховскій штыкъ“, за „пушки Бема и Совинскаго“, произвело всеобщее броженіе въ умахъ молодежи, немедленно примкнувшей къ партіи Мѣрославскаго, но остававшейся безъ коновода до половины мая 1858 г. Въ первыхъ числахъ мая того же года, по зову красныхъ, прибылъ изъ Кіева въ Варшаву отставной поручикъ Ольвіопольскаго уланскаго полка Наркисъ Янковскій, принадлежавшій къ заговору 1846 года и организовавшій въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 г. въ Кіевѣ изъ студентовъ тамошняго университета Бобровскихъ, Тромбинскихъ, Милевичей, Сабинскихъ и другихъ конспиративный кружокъ. Наркису Янковскому, безспорно, принадлежитъ право именоваться основателемъ разныхъ обществъ изъ молодежи, ставшихъ на сторонѣ Мѣрославскаго. Съ первыхъ дней прибытія въ Варшаву Янковскій для лучшаго сближенія съ молодежью на-

чалъ посѣщать лекціи естественныхъ наукъ въ варшавской медико-хирургической академіи и кромѣ того, въ качествѣ естествовѣда и любителя изящнаго, часто бывалъ въ маримонтскомъ институтѣ. (земледѣльческій институтъ въ Маримонтѣ подъ Варшавой, впослѣдствіи переведенъ въ посадъ Новую Александрію люблинской губерніи) и въ школѣ искусствъ. Одновременно съ этимъ Янковскій учредилъ у себя еженедѣльныя сходки, по вечерамъ, „на пріятельскій чай“ и для дружескихъ бесѣдъ. Подъ этимъ благовиднымъ прикрытіемъ Н. Янковскій имѣлъ возможность вкрасться въ душу молодежи и въ іюнѣ 1858 года организовалъ одновременно четыре кружка: два изъ студентовъ академіи, одинъ изъ воспитанниковъ маримонтскаго института и четвертый изъ учениковъ художественной школы“ [45]). Первымъ изъ этихъ кружковъ руководили студенты-медики Куржина и Ясневскій, вторымъ тоже студентъ - медикъ Асныкъ, впослѣдствіи небезъизвѣстный польскій поэтъ, третьимъ студенты земледѣльческаго института Дрогомирецкій и Рольскій, четвертымъ ученикъ школы художествъ Новаковскій. Самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ руководителей этихъ кружковъ былъ Куржина, сынъ варшавскаго городового. Онъ учился въ семинаріи, и родители предназначали его въ ксендзы, но онъ предпочелъ поступить въ медицинскую академію. Кружокъ Куржины и Ясневскаго своей дѣятельностью пріобрѣлъ большое вліяніе на молодежь. Этотъ кружокъ назывался „Тайнымъ академическимъ обществомъ“, выписывалъ разныя революціонныя изданія, и въ числѣ ихъ „Колоколъ“, и имѣлъ свою кассу и библіотеку.

Но не только эти кружки и революціонные листки и брошюры, ввозившіяся изъ заграницы, вносили броженіе въ польское общество. Варшавская польская печать, получивъ нѣкоторую свободу съ 1856 года и заручившись сотрудничествомъ вернувшихся ссыльныхъ и эмигрантовъ, повысила тонъ и разными намеками электризовала польскихъ читателей. Польское книгоиздательство въ Варшавѣ и въ Вильнѣ оживилось, и въ этихъ городахъ стали появляться книги, возбуждавшія польское общество. Католическое духовенство стало говорить и дѣйствовать смѣлѣе, разжигая фанатизмъ, пропагандируя тотъ особый католицизмъ, который отожествляетъ Польшу съ Христомъ, тотъ фантастическій культъ „распятой Польши“, который полонъ экзальтаціи и больной фанатической ненависти ко всему, что чуждо этого культа.

И духовенство, и заграничные листки стали чаще повторять, что близится *третій* день—день Воскресенія Христова, что надо полякамъ третій разъ возстать, и Польша воскреснетъ, встанетъ изъ могилы.

V.

Въ концѣ 1858 года Наполеонъ обратился къ бывшему тогда проѣздомъ въ Парижѣ великому князю Константину Николаевичу съ предложеніемъ, чтобы Россія, въ случаѣ войны Франціи съ Австріей изъ-за итальянскихъ дѣлъ, заняла Галицію, и представилъ великому князю проектъ союза Россіи, Франціи и германскихъ государствъ во главѣ съ Пруссіей, а послѣ отъѣзда Константина Николаевича изъ Парижа гр. Валевскій вступилъ въ переговоры съ гр. Киселевымъ о содѣйствіи, которое Франція могла бы ожидать со стороны Россіи въ случаѣ франко-австрійской войны. Желая не допустить русско-франко-германскаго союза, Англія вознамѣрилась сыграть роль посредницы между Франціей и Австріей, но Россія предупредила это намѣреніе Англіи и выдвинула вопросъ о пересмотрѣ на обще-европейскомъ конгрессѣ вѣнскаго трактата 1815 года и парижскаго 1856, встрѣченный рѣзкимъ протестомъ со стороны Англіи и Австріи. Пока происходила дипломатическая переписка по этому вопросу, началась франко-австрійская война, предрѣшенная уже въ августѣ 1858 года. Въ самомъ началѣ войны германскія государства, и въ числѣ ихъ Пруссія, мобилизовали свои войска въ помощь Австріи, но дипломатическое вмѣшательство Россіи остановило германское движеніе противъ Франціи. 120-тысячный французскій корпусъ и 60 тысячъ сардинскихъ войскъ (въ томъ числѣ альпійскіе стрѣлки Гарибальди) одержали рядъ побѣдъ надъ австрійцами, и послѣ побѣды при Сольферино Наполеонъ заключилъ миръ съ Австріей. Россія осталась не довольна этимъ миромъ, и отношенія между ней и Франціей охладѣли. Осенью 1859 года государь отправился въ Варшаву, куда къ этому времени пріѣхали императоръ австрійскій, эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, нѣсколько германскихъ принцевъ и дипломатовъ. По дорогѣ въ Варшаву государь былъ въ Кіевѣ и въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ польская шляхта торжественно встрѣчала его, причемъ въ Каменцѣ былъ поданъ государю адресъ съ ходатайствомъ о введеніи польскаго языка въ учебныя заведенія и замѣщеніи дворянскихъ должностей по выборамъ. Въ Варшавѣ, передъ пріѣздомъ государя, появились лондонскія возванія о возстаніи. Они циркулировали въ царствѣ польскомъ и въ Познани. По польскимъ источникамъ познанская полиція приказала перепечатать эти возванія во множествѣ экземпляровъ, разсылала сама таковыя и доставила русскому правительству. Она, повидимому, хотѣла раздуть этотъ инцинденть. На съѣздѣ въ Варшавѣ графъ Киселевъ представилъ

государю записку о заключеніи формальнаго русско-французскаго союза, но государь отвѣтилъ: „Довѣріе мое къ политическимъ видамъ Людовика-Наполеона сильно поколеблено. Его пріемы не безупречны“. Изъ Варшавы государь ѣздилъ въ сопровожденіи Бисмарка въ Бреславль для свиданія съ принцемъ-регентомъ прусскимъ [46]). Личная дружба государя съ прусскимъ принцемъ-регентомъ (впослѣдствіи королемъ Вильгельмомъ I), нерасположеніе послѣдняго къ Наполеону III, ловкій образъ дѣйствій назначеннаго въ началѣ 1859 года прусскимъ посломъ въ Петербургѣ князя Бисмарка, предшествовавшій этому уходъ изъ Петербурга французскаго посла Морни, мѣсто котораго, по вліянію, занялъ Бисмаркъ, колебанія Наполеона между дружественнымъ Россіи и противнымъ ей теченіями и, наконецъ, неожиданное для Россіи, быстрое заключеніе мира Франціи съ Австріей лично Наполеономъ съ Францомъ Іосифомъ—нарушили франко-русскія дружественныя отношенія, и, послѣ варшавскаго съѣзда въ 1859 году, союзницей Россіи явилась Пруссія, а Франція стала сближаться съ Англіей.

Объединеніе Италіи, явившееся результатомъ франко-австрійской войны, и еще болѣе, конечно, предстоявшее освобожденіе крестьянъ въ Россіи были главными интересами русскаго общества въ 1859 году. По крестьянскому вопросу боролось нѣсколько партій, какъ въ губернскихъ комитетахъ, такъ и въ редакціонной комиссіи въ Петербургѣ. Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, князь Черкасскій и Самаринъ съ трудомъ, но неуклонно отвоевывали побѣду своимъ взглядамъ — освобожденію крестьянъ съ землею, безъ которой они считали освобожденіе пустымъ звукомъ, примѣромъ чего являлось, между прочимъ, въ ихъ глазахъ царство польское, гдѣ, лично свободные съ 1807 года, крестьяне на дѣлѣ продолжали быть закрѣпощенными. Въ печати шла оживленная полемика по вопросу о надѣленіи крестьянъ землею и о формахъ землевладѣнія. Умственная и общественная жизнь въ Россіи били ключемъ. Журналы читались на расхватъ, вошли въ моду литературные вечера и публичныя лекціи. Выдвинулся вопросъ объ образованіи женщинъ и народа. Число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ быстро возросло, двери университетовъ широко распахнулись, и студенты получили широкую свободу. Быстро росла и заграничная русская литература. „Колоколъ“ пріобрѣлъ громадное вліяніе, и съ нимъ считались высокопоставленныя лица. Въ интересномъ „Дневникѣ“ Е. А. Штакеншнейдеръ, вращавшейся въ образованнѣйшемъ кругу петербургскаго общества, вотъ что говорится о тогдашнемъ вліяніи Герцена: „Боятся попасть на зубокъ и стараются изо всѣхъ силъ этого избѣгнуть. Съ другой стороны, лестно заслужить его одобреніе, и

стараются изо всѣхъ силъ дѣйствовать въ его духѣ. Но вопросъ въ томъ, какъ онъ все узнаетъ и узнаетъ первый изъ первыхъ рукъ? Что побывать у него считаютъ какъ бы долгомъ всѣ отправляющіеся за границу, въ особенности въ Лондонъ, — почти не тайна“ [47]). Въ числѣ секретныхъ документовъ, оглашенныхъ Герценомъ, было и письмо митрополита Сѣмашки къ оберъ-прокурору синода о положеніи сѣверо-западнаго края. Начавшееся съ окончаніемъ крымской войны умственное и общественное движеніе, къ сожалѣнію, къ началу 60-хъ годовъ стало принимать разнузданный характеръ, и эта разнузданность не находила сдержки и отпора. Въ Западной Европѣ въ то время всюду были свѣжіе слѣды революціоннаго движенія конца 40-хъ годовъ. Самый извѣстный писатель того времени Викторъ Гюго былъ республиканецъ по своимъ взглядамъ, большимъ успѣхомъ пользовался французскій соціалистъ Луи Бланъ, и входили въ моду нѣмецко-еврейскіе соціалисты Марксъ и Лассаль. „Передовая“ русская журналистика занялась пропагандой этихъ идей, а также поверхностнаго раціонализма и матеріализма. Почти запрещенныя въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I поѣздки заграницу стали весьма частыми во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и изъ-за границы ввозилось много запрещенныхъ книгъ и множество экземпляровъ „Колокола“. Слова „эмансинація“ и „освобожденіе“ у всѣхъ были на языкѣ. Освобождались крестьяне, эмансировались женщины, изъ-за границы шли вѣсти о готовившемся освобожденіи негровъ въ Америкѣ, объ освобожденіи и объединеніи Италіи. Гарибальди сталъ популярнымъ героемъ въ русскомъ обществѣ, дамы нарядились въ „гарибальдійки“. Возросталъ интересъ и къ полякамъ, говорили объ освобожденіи ихъ. Тургеневъ написалъ романъ „Наканунѣ“, герой котораго, гибнущій за независимость отчизны, по замыслу автора, долженъ былъ быть полякомъ, и лишь по требованію цензуры передѣланъ въ болгарина *). Герценъ съ 1859 года сталъ удѣлять много мѣста польскому вопросу въ своемъ „Колоколѣ“. „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ неотъемлемо полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи“,—писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей 1859 года. Въ 1858 и въ 1860 году онъ велъ въ „Коло-

*) Въ цитированномъ выше „Дневникѣ“ Е. Штакеншнейдеръ по поводу „Наканунѣ“ замѣчено: „говорятъ, что первоначально Тургеневъ задумалъ героя поляка, но по цензурнымъ условіямъ создалъ его болгариномъ. Съ полякомъ произведеніе много-бы выиграло. Поляки антипатичны вообще, но отдѣльныя личности можно сдѣлать привлекательными, и ужъ Тургеневу не съумѣть-бы? Ну, а изъ этого болгарина и Тургеневъ многаго сдѣлать не могъ. Еще ему помогло, то, что нынче студенты въ модѣ“. („Рус. В.“ 1901 г. августъ, стр. 412—413).

колѣ дружескую„ полемику съ парижскимъ „Przeglad'омъ Rzeczy Polskich". Признавая въ этихъ полемическихъ статьяхъ за Польшею право на самостоятельное государственное существованіе, Герценъ звалъ однако поляковъ къ добровольному союзу съ русскими, провозглашая свободный союзъ Польши съ Россіей и Украйной, за которой признавалъ такое же право на самостоятельную государственность, какъ и за Польшей. Но большинство польскихъ руководителей не сходилось съ Герценомъ по этимъ пунктамъ. Герцена, какъ и славянофиловъ, не влекла къ себѣ западная Европа. Онъ мечталъ объ юной славянской демократической федераціи съ Россіей во главѣ, въ противовѣсъ старой Европѣ. Но эти мечты не находили отклика у поляковъ. Ихъ тянуло къ западу, къ воскресенію старыхъ формъ Рѣчи Посполитой съ неотъемлемо—польскими, по ихъ взглядамъ, Литвой и Украйной. Если поляки и поддерживали украинофильское движеніе съ цѣлью раздуть рознь между великоруссами и малороссами, то смотрѣли на это движеніе единственно, какъ на орудіе противъ Россіи. Какъ въ крестьянскомъ вопросѣ поляки не прочь были говорить о свободѣ крестьянъ, но были противниками фактической свободы ихъ съ землею, какъ они старались привлечь крестьянъ на свою сторону рѣчами о свободѣ, но готовы были дать имъ лишь призрачную свободу, такъ и въ украинскомъ вопросѣ они не шли дальше посуловъ независимости Украйнѣ, на дѣлѣ же эту независимость понимали, какъ сліяніе съ Польшей. Но, можетъ быть, задавался вопросомъ Герценъ, Польша дѣйствительно принадлежитъ къ старо-западному міру „и хочетъ рыцарски дѣлить его послѣднія судьбы, лить за него кровь, какъ герой Понятовскій, и увидѣть, какъ самъ Понятовскій, въ пѣснѣ Беранже, какъ западъ не подастъ руки тонущему за него? Да будетъ воля ея!" [48]).

Выяснившіяся въ полемикѣ Герцена съ „Przeglad'омъ Rzeczy Polskich" 1859 и 1860 годовъ, различія въ русскихъ и польскихъ взглядахъ усиливались еще болѣе вслѣдствіе различнаго отношенія русскихъ и поляковъ къ крестьянскому вопросу, но русское общество въ то время какъ-бы не замѣчало этихъ различій и продолжало идти на встрѣчу полякамъ. Въ то время, какъ выдающіеся русскіе государственные люди, какъ и большинство образованнаго русскаго общества, были за надѣленіе крестьянъ землею, поляки допускали лишь аренду крестьянами земли. Въ этомъ смыслѣ они высказывались и въ русской печати (см., напримѣръ, брошюру Козаковскаго „О крестьянскомъ вопросѣ въ польской литературѣ, и поземельная собственность, аренда, батрачество. Спб. 1859 г.", въ которой собраны статьи этого автора, печатавшіяся въ Экономическомъ Указателѣ въ 1858 г.). Говоря о дѣятельности крестьян-

скихъ комитетовъ въ западныхъ губерніяхъ, Я. А. Соловьевъ пишетъ, что въ этихъ комитетахъ „не было ни пререканій, ни борьбы большинства съ меньшинствомъ, которыхъ тамъ не существовало. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что тамъ дѣло шло хорошо. Напротивъ, кромѣ одного комитета, тамъ крестьянскій вопросъ предполагалось разрѣшить крайне неблагопріятно, съ явными отступленіями отъ началъ, установленныхъ правительствомъ“ [49]). Въ Привислинскомъ краѣ, Замойскій со своей громадной партіей былъ, какъ уже сказано, за аренду. Такъ смотрѣлъ на крестьянскій вопросъ и противникъ Замойскаго А. Велепольскій. Приступивъ, по порученію правительства, въ концѣ 1859 года къ обсужденію крестьянскаго вопроса, „Земледѣльческое общество“, въ которомъ предсѣдательствовалъ А. Замойскій, остановилось на предоставленіи крестьянамъ земли на арендномъ началѣ. Это общество на первый планъ ставило просвѣщеніе крестьянъ. Многочисленные члены общества старались вліять на народъ, учреждая въ деревняхъ школы и пріюты. Сыновья и дочери многихъ помѣщиковъ, членовъ „Земледѣльческаго общества“, стали учить крестьянскихъ дѣтей, распространять среди крестьянъ основанный Гиллеромъ народный журналъ „Воскресная Библіотека“. Въ западныхъ губерніяхъ, общеніе которыхъ съ царствомъ усиливалось, помѣщики тоже усиленно просвѣщали народъ, а католическое духовенство энергично пропагандировало „братства трезвости“. Число ихъ быстро возрастало. Помѣщики принимали въ этомъ дѣлѣ горячее участіе. „Быстрое развитіе—говоритъ г. Z., L. S. — этой пропаганды, которую вело низшее духовенство—люди темные, фанатическіе, заржавѣвшіе въ глухихъ литовскихъ лѣсахъ, ея принудительный характеръ—придали всему этому дѣлу политическую окраску, и политическимъ было въ самомъ дѣлѣ. Печать поддерживала его усиленно. Сырокомля написалъ стихи, ходившіе по всей Литвѣ:

Довольно, братья, лить шампанское,
Сегодня отъ мужика до пана
Надлежитъ быть трезвыми.
Пусть тостомъ будетъ согласіе,
Напиткомъ нашимъ чистая вода [50]).

Митрополитъ Сѣмашко, писавшій въ 1852 году письмо оберъ-прокурору свѣтѣйшаго Синода графу Протасову о положеніи дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ, не рѣшился, какъ упомянуто выше, не рѣшился въ 1858 году во время пребыванія государя въ Вильнѣ доложить ему свой взглядъ на тогдашнее состояніе сѣверо-западнаго края и отложилъ тогда на время свое намѣреніе освѣдомить государя объ истинномъ положеніи края. „Долгъ мой, однакожъ, пишетъ Сѣмашко въ своихъ „Запискахъ“,—не долго позволилъ

мнѣ выжидать. Я увидѣлъ вскорѣ, что обстоятельства принимаютъ опасный оборотъ. Примирительныя мѣры въ рукахъ недальновиднаго Назимома сдѣлались безотчетнымъ потворствомъ видамъ латино-польской партіи. Она всѣмъ завладѣла, все подготовляла къ своимъ цѣлямъ. Тутъ я, какъ бы въ дополненіе къ означенному выше письму графу Протасову отправилъ 26 февраля 1857 года письмо и особую записку государю императору съ полнымъ и яснымъ изложеніемъ положенія Польши и Литвы между собою и въ отношеніи къ Россіи. За эту записку благодарилъ меня государь и, вѣроятно, имѣла она вліяніе на прекращеніе дальнѣйшихъ уступокъ латино-польской партіи. Къ несчастію, было уже поздно, и слишкомъ скоро оправдались и мои опасенія и мои предсказанія" („Записки Іосифа, митрополита Литовскаго" Спб. 1887 г. Изданіе Академіи Наукъ. Стр. 256). Объ уступкахъ Назимова полякамъ митрополитъ Іосифъ выражается такъ: „онѣ не составляли большой важности, однако ободрили, оживили и усилили поляковъ и латинянъ и довели до требованій и ожиданій неисполнимаго" („Записки", стр. 261).

Въ Привислинскомъ краѣ Мухановъ запретилъ въ 1857 году учрежденіе братствъ трезвости, получившихъ широкое распространеніе въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Тѣмъ не менѣе духовенство и помѣщики дѣйствовали въ этомъ направленіи. Такъ подъ видомъ просвѣщенія и отъученія народа отъ пьянства шла пропаганда, готовившая край къ революціи, создавшая кружки и субординацію. Во главѣ стояло католическое духовенство и „Земледѣльческое общество". Въ 1859 и 60-хъ годахъ оно окрѣпло, число членовъ постоянно увеличивалось. Образовалась правильная организація, обнявшая весь Привислинскій край. „Хотя, говоритъ польскій историкъ Смоленскій, — „Земледѣльческое общество" должно было заниматься только дѣлами земледѣлія, тѣмъ не менѣе въ составъ его вошли промышленники, купцы, учителя и литераторы—всѣ, жаждавшіе участія въ общественныхъ дѣлахъ, хотя бы въ такой сферѣ, какъ воздѣлываніе земли, посѣвъ хлѣба или посадка картофеля" [51]). Впрочемъ, дѣятельность общества далеко выходила за предѣлы агрономіи, вслѣдствіе чего оно пріобрѣло громадную власть. Горчаковъ съ Мухановымъ дѣлали попытки, но безуспѣшно, ввести дѣятельность „Общества" въ предѣлы программы. Несмотря на то, что предсѣдателемъ „Общества" былъ глава „бѣлыхъ" (гр. А. Замойскій), въ составъ Общества вошло много такъ называемыхъ красныхъ, а многіе бѣлые члены „Общества", подъ вліяніемъ происходившей агитаціи, быстро покраснѣли. Въ концѣ 1860 года „Общество" вошло въ переговоры съ революціонерами. Красные заставляли „Общество" дѣйство-

вать смѣлѣе, придавали ему свою окраску. Не они поблѣднѣли, а общество краснѣло подъ ихъ вліяніемъ. Велепольскій въ 1860 году снова сдѣлалъ попытку играть роль въ „Обществѣ“, внесъ въ „Общество“ проектъ, чтобы оно выбрало комиссію для составленія адреса государю, въ которомъ было бы заявлено, что „Общество“ считаетъ себя не компетентнымъ въ обсужденіи крестьянскаго вопроса и проситъ передать этотъ вопросъ на разсмотрѣніе представителей сословій, установленныхъ органическимъ статутомъ 1832 года. Этотъ статутъ былъ изданъ въ замѣнъ конституціи 1815 года, но не былъ введенъ въ дѣйствіе, потому что вслѣдъ за изданіемъ его появилось новое волненіе среди поляковъ, вызванное эмиссаромъ Заливскимъ. Велепольскій, предлагая „Земледѣльческому обществу“ проектъ адреса, надѣялся побудить правительство ввести въ дѣйствіе органическій статутъ. Онъ надѣялся достигнуть этой цѣли на томъ основаніи, что государь въ своей рѣчи 1859 года въ Лозенкахъ обѣщалъ сохранить учрежденія, дарованныя императоромъ Николаемъ I, но, конечно, государь имѣлъ въ виду учрежденія существовавшія, а не проектированныя, но не осуществленныя. Этотъ софистическій, проектъ Велепольскаго провалился, отчасти вслѣдствіе непопулярности Велепольскаго, отчасти же потому, что поляки мечтали тогда не объ органическомъ статутѣ, а о полной независимости. Итальянская война сильно подняла настроеніе поляковъ. Эта война, слухи о переходѣ Австріи отъ централистической системы къ автономіи областей, осуществившемся въ 1860 году, причемъ, правда, на короткое время на первый планъ выдвинулся въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ намѣстникъ Галиціи полякъ Голуховскій, броженіе среди славянъ и въ русскомъ обществѣ, либеральное настроеніе русскаго правительства, усиливавшаяся мягкость и уступчивость намѣстника князя Горчакова — все это подливало масла въ польскій огонь. Н. В. Бергъ объясняетъ усиленіе съ начала 1859 года уступчивости Горчакова, въ значительной степени, вызванное общими взглядами нашего правительства, все болѣе склонявшагося къ предоставленію большей свободы населенію и большей самостоятельности окраинамъ, инцидентомъ съ газетой Огрызки „Слово“ [52]). Эта газета существовала очень не долго. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1859 года въ „Газетѣ Варшавской“ появилась статья, задѣвшая евреевъ. Въ то время польская печать призывала поляковъ къ единству и стала заговаривать о польско-еврейскомъ братствѣ; пропаганда эта имѣла быстрый успѣхъ, обусловленный въ значительной степени тѣмъ, что еврейскіе банкиры (особенно, Кроненбергъ и Эпштейнъ) давали деньги на революціонныя цѣли, и многіе молодые евреи приняли участіе въ революціонныхъ кружкахъ. Статья „Газеты Варшавской“, въ виду начинавшагося польско-еврейскаго

сближенія, прозвучала диссонансомъ и вызвала большую сенсацію въ Варшавѣ. Евреи пришли въ негодованіе, Кроненбергъ и Энохъ выхлопотали у намѣстника запрещеніе варшавскимъ польскимъ газетамъ бранить евреевъ, а авторъ злополучной статьи былъ вызванъ на дуэль. Евреи подняли шумъ въ русской, французской и нѣмецкой печати. Вся польская заграничная печать занялась этимъ инцидентомъ, осуждая редактора „Варшавской Газеты“ за то, что онъ „ссорилъ дѣтей одной земли“. Редакторъ вздумалъ было оправдываться, но варшавская цензура, получившая приказаніе не дозволять статей противъ евреевъ, не дала ему возможности напечатать объясненіе. Тогда онъ обратился съ письмомъ въ редакцію петербургскаго „Слова“. Въ то время въ Петербургѣ находился князь Горчаковъ, Энохъ и Кроненбергъ. Энохъ доложилъ Горчакову о напечатаніи „Словомъ“ запрещенной въ Варшавѣ статьи. Между тѣмъ за „Словомъ“ уже былъ цензурный проступокъ: напечатаніе письма Лелевеля. „Слово“ было закрыто, и Огрызко посаженъ въ крѣпость. По выходѣ оттуда онъ сталъ печатать въ своей типографіи польскія книги, проникнутыя тѣми же тенденціями, которымъ служило „Слово“. Закрытіе „Слова“ и арестъ Огрызки вызвали опять сенсацію въ Россіи и за границею. „Колоколъ“ зазвонилъ о наказаніи „невиннаго“. Тургеневъ напечаталъ по этому поводу письмо. Министръ народнаго просвѣщенія, бывшій противъ закрытія „Слова“, шефъ жандармовъ и нѣкоторые другіе сановники заговорили тогда о безтактности Горчакова, вызвавшей шумъ во всей Европѣ. Горчаковъ, вернувшись, въ Варшаву, сталъ уступчивѣе и нерѣшительнѣе прежняго. А Кроненбергъ по возвращеніи въ Варшаву рѣшилъ энергичнѣе приняться за пропаганду идеи еврейско-польскаго братства, купилъ съ этой цѣлью газету, въ редакторы пригласилъ извѣстнаго въ то время польскаго писателя Крашевскаго. Сначала польское общество рѣзко возстало противъ изданія Кроненбергомъ газеты и противъ Крашевскаго, принявшаго мѣсто у Кроненберга, но скоро примирилось съ этимъ, и Кроненберъ по прежнему занялъ вліятельное мѣсто въ Варшавѣ, а за нимъ и Крашевскій. Одновременно со всѣми этими волненіями шла усиленная работа красныхъ. Мѣрославскій рѣшилъ испытать, насколько польская публика подготовлена уже къ манифестаціямъ, и предложилъ устроить демонстрацію. Предлогомъ послужила послѣдовавшая въ февралѣ 1859 года въ Парижѣ смерть поэта Красинскаго. По случаю этой смерти кружокъ Куржины устроилъ, по желанію Мѣрославскаго, торжественную панихиду за души Адама Мицкевича, Юлія Словацкаго и Сигизмунда Красинскаго. Въ костелъ собралось множество студентовъ и публики, но духовенство не отслужило панихиды, такъ какъ полиція предупредила, что эта панихида не можетъ быть допущена. Запрещеніе

панихиды вызвало недовольство въ польскомъ обществѣ и въ польской заграничной печати. По множеству публики, явившейся въ костелъ, красные увидѣли, что они пріобрѣли не малое вліяніе. Янковскій заговорилъ о необходимости скорѣе поднять возстаніе и сталъ приготовлять инструкціи для возстанія. Между тѣмъ въ Варшаву пришли вѣсти объ успѣхахъ Гарибальди, о сближеніи съ нимъ Мѣрославскаго и формируемомъ подъ начальствомъ Мѣрославскаго международномъ легіонѣ, объ открытіи Мѣрославскимъ военной школы въ Генуѣ. Юргенсъ, оставаясь вѣрнымъ своей медлительной программѣ, былъ противъ немедленнаго возстанія. За это красные прозвали его и его сторонниковъ „милленерами“, т.-е. откладывающими возстаніе на тысячу (mille) лѣтъ. Многіе, впрочемъ, изъ сторонниковъ Юргенса стали переходить на сторону красныхъ. Замѣтивъ сильное броженіе среди студентовъ варшавской медицинской академіи, начальство ея издало строгую программу экзаменовъ съ цѣлью путемъ строгихъ экзаменовъ удалить изъ академіи безпокойные элементы. Большинство студентовъ подало прошенія объ увольненіи. Эта исторія однако была улажена, многіе студенты взяли свои прошенія обратно, а нѣкоторые, и въ числѣ ихъ Куржина, были исключены и высланы въ разные города. Куржинѣ удалось бѣжать заграницу, гдѣ онъ сталъ секретаремъ Мѣрославскаго, а свою „власть“ въ Варшавѣ передалъ студенту Карлу Маевскому (изъ евреевъ). Маевскій ввелъ организацію пятерокъ и десятковъ, увеличилъ библіотеку и средства кружка, вошелъ въ сношенія съ Кроненбергомъ, организовалъ въ академіи „общество братской помощи“ (по примѣру возникшихъ тогда въ русскихъ университетахъ польскихъ студенческихъ обществъ подъ этимъ названіемъ), чтобы объединить всѣхъ студентовъ, и склонилъ Янковскаго, исключеннаго какъ и Куржина изъ академіи и составившаго въ концѣ 1859 года тайное общество изъ учениковъ художественной школы и варшавской городской молодежи, связать свое общество съ его кружкомъ. Маевскій отличался большой подвижностью и, исполняя приказанія Мѣрославскаго, съ конца 1859 г. сталъ усиленно распространять запрещенныя пѣсни и портреты Костюшки и Килинскаго, писалъ корреспонденціи въ заграничный „Przeglad Rzeczy Polskich“. Кромѣ портретовъ Костюшки и Килинскаго въ то время распространялись также портреты Мѣрославскаго, Чарторыйскаго, Лелевеля, Высоцкаго и другихъ эмигрантовъ, а также снимки съ аллегорическихъ картинъ, изображавшихъ раздѣлы и страданія Польши. По собственному признанію Маевскаго въ его „Показаніяхъ“ [53]) онъ былъ противникомъ мысли, чтобы польскимъ движеніемъ руководили эмигранты, и хотѣлъ, чтобы центръ, въ которомъ сосредоточивались-бы всѣ нити движенія, былъ въ Вар-

шавѣ, считая эмигрантовъ лишь вспомогательной силой. Янковскій, соединивъ основанное имъ общество съ кружкомъ Маевскаго, уѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ, изъ опасенія быть арестованнымъ, и тамъ образовалъ тайное общество изъ студентовъ. Между тѣмъ въ первыхъ числахъ іюня 1860 года умерла вдова нѣкоего Совинскаго, бывшаго полковникомъ въ польской арміи 1815—1830 годовъ и участвовавшаго въ польской революціи. Литераторъ Гиллеръ, редакторъ „Праздничной газеты", посовѣтовалъ молодежи устроить демонстративные похороны Совинской. На объявленіяхъ объ ея смерти (въ Варшавѣ объявленія о смерти принято съ давнихъ поръ до сего времени расклеивать на углахъ площадей и улицъ) появились разныя дописки въ родѣ: „Да здравствуетъ Польша! Честь герою Совинскому!" Множество студентовъ и публики собралось на похороны въ лютеранскую кирку. Гробъ понесли на кладбище студенты на рукахъ. Когда пасторъ въ надгробной рѣчи на кладбищѣ назвалъ покойную вдовой полковника, послышались голоса—„генерала, генерала изъ-подъ Воли". Дѣло въ томъ, что польское революціонное правительство 1831 года произвело Совинскаго въ генералы за защиту Воли. (Воля предмѣстье Варшавы, въ которомъ въ 1831 году было устроено укрѣпленіе, защищавшее Варшаву и взятое Паскевичемъ, а впослѣдствіи на мѣстѣ бывшаго укрѣпленія устроено православное кладбище). По окончаніи похоронъ раздались крики: „А теперь пойдемъ на Волю". Толпы двинулись на православное вольское кладбище и стали ломать деревья, кусты жасмина и брать вѣтки на память. Вышелъ удивленный кладбищенскій священникъ, явились кладбищенскіе сторожа, заявившіе, что нельзя ломать деревьевъ, но ихъ обругали и побили. Въ виду слуховъ о скоромъ возстаніи въ русскихъ кругахъ заговорили о необходимости строго отнестись къ демонстраціи, но Горчаковъ ограничился усиленіемъ полицейскаго надзора въ Варшавѣ. Вскорѣ послѣ этой демонстраціи, стали появляться подпольные листки, рекомендовавшіе бережливость, а дамамъ скромно одѣваться, чтобы запастись деньгами для скораго возстанія Многіе начали получать безъименныя письма, воспрещавшія устраивать балы и пріемы. „А. Замойскій въ это время—говоритъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ"—сооружалъ на свой счетъ, предъ костеломъ св. Креста колоссальную каменную статую Христа, несущаго крестъ и взывающаго къ снующей у его стопъ толпѣ: „Sursum corda!", какъ будто эти сердца, горѣвшія горячкой дѣйствія, надо было еще поднимать и питать надеждой!" [54]) Костелъ этотъ и монахи такъ называемаго миссіонерскаго ордена, въ рукахъ которыхъ онъ находился, были тогда въ большой модѣ, какъ и ксендзы-

капуцины. Ксендзы-миссіонеры „спѣшили пользоваться временемъ, чтобы соединить,—говоритъ А. Подвысоцкій,—„славу католицизма съ собственнымъ матеріальнымъ преуспѣніемъ, но такъ какъ церковь св. Креста при всей огромности ея размѣровъ не могла вмѣстить всѣхъ ревностныхъ посѣтительницъ, то преимущество давалось тѣмъ, которыя были въ состояніи заявить не только нравственное, но и матеріальное благочестіе, вслѣдствіе чего мѣста на хорахъ сдѣлались привиллегированными за плату отъ 100 до 150 руб. Примѣръ благочестія аристократокъ, поддерживаемый пламенными внушеніями съ амвона, пустилъ корни въ низшіе слои общества: жены и дочери жителей средняго сословія, не будучи въ состояніи удовлетворить возростающихъ нуждъ матери-церкви, платили ей дань собственными личностями, дѣлаясь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства". [55]) Проповѣди ксендзовъ становились всё пламеннѣе, всё чаще говорилось о страданіяхъ Польши, въ монастырскихъ типографіяхъ печатались различные листки и „молитвы за отчизну". Передъ самымъ пріѣздомъ государя осенью 1860 года въ Варшаву, варшавскіе купцы получили приглашенія стереть русскія надписи на вывѣскахъ. Къ этому пріѣзду, собственно съѣзду въ Варшаву императора Александра II съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ, рѣшено было передъ лицомъ трехъ монарховъ, государства которыхъ раздѣлили Польшу, выразить протестъ. Чарторыйскій со своими совѣтниками составлялъ адресъ, въ которомъ былъ бы принятъ за исходную точку вѣнскій трактатъ 1815 года. Чарторыйскій всегда клалъ въ основаніе своей „дипломатической" кампаніи противъ Россіи вѣнскій трактатъ 1815 г., въ составленіи котораго самъ принималъ участіе. Онъ билъ на то, что этотъ трактатъ предоставлялъ царству польскому „особое управленіе" и „національныя государственныя учрежденія". Эта почва, на которой комбинировалъ Чарторыйскій, была очень шаткая. Не говоря о томъ, что въ вѣнскомъ трактатѣ объ „особомъ управленіи" сказано уклончиво (Его императорское величество *предполагаетъ* даровать, *по своему благоусмотрѣнію*...), равно какъ и о „національныхъ государственныхъ учрежденіяхъ" (національныя государственныя учрежденія, *согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія*, который каждымъ изъ правительствъ (Россіи, Австріи, Пруссіи) будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу его владѣній") *), вѣнскій договоръ во второй поло-

*) Основываясь на томъ, что въ вѣнскомъ трактатѣ употреблено слово „конституція", многіе польскіе писатели старались доказать, что въ силу этого трактата царство польское должно имѣть конституціонный строй. Точно также

винѣ 19 вѣка былъ уже совершенно отжившимъ трактатомъ, со всѣхъ сторонъ нарушеннымъ, и Россія не могла быть связана этимъ трактатомъ въ отношеніи поляковъ, такъ какъ они возстали въ 1830 г. и провозгласили низложеніе съ польскаго престола русской династіи, послѣ чего были въ 1831 г. покорены силой оружія. Вся исторія польскаго возстанія 1863 г., кстати сказать, полна противорѣчій. То же надо замѣтить и о ссылкахъ на вѣнскій трактатъ. Чарторыйскій, усердно ссылавшійся на этотъ трактатъ въ 50 хъ годахъ и на основаніи его желавшій для царства польскаго режима 1815 — 1830 годовъ, самъ стоялъ въ 1815 — 1830 годахъ во главѣ движенія противъ этого режима. Мало того: Чарторыйскій, искавшій поддержки у Наполеона III, хотѣлъ опереться на вѣнскій трактатъ, а Наполеонъ, нарушившій этотъ трактатъ ужъ однимъ фактомъ своего восшествія на престолъ, мечталъ о торжественной отмѣнѣ этого трактата. Поляки сочувствовали объединенію Италіи и надѣялись, что Наполеонъ, объединивъ Италію, возстановитъ Польшу, а вѣдь это объединеніе было прямымъ нарушеніемъ вѣнскаго трактата. Поляки искали поддержки и у клерикальной, и у революціонной партіи въ Западной Европѣ, прибѣгали подъ покровительство папы и служили у Гарибальди, врага папы.

Въ то время, когда Чарторыйскій рѣшилъ составить упомянутый адресъ, въ Парижъ пріѣхалъ Велепольскій. Устраненный отъ участія въ дѣлахъ „Земледѣльческаго Общества“ и убѣдившійся въ своей непопулярности въ Варшавѣ, маркизъ, не переставая стремиться къ политической роли, явился въ Парижъ искать поддержки у Чарторыйскаго. Ему предложили передать составленный Чарторыйскимъ адресъ въ Варшавѣ государю, но маркизъ отказался.

Вообще, его переговоры съ сателитами Чарторыйскаго огра-

финляндскіе дѣятели, ссылаясь на акты конца 18 вѣка, доказываютъ права Финляндіи на парламентскій режимъ Въ отвѣтъ на эти доказательства финляндцевъ проф. Н. Д. Сергѣевскій („Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ“. Спб. 1902 г.) пишетъ: „Въ дѣйствительности все недоразумѣніе по вопросу о конституціи разъясняется довольно легко. Слово „конституція“ получила значеніе строгаго термина, обозначающаго парламентское устройство, ограничивающее верховную власть волей представителей населенія, лишь въ 30-хъ годахъ (19 вѣка); раньше-же этого времени слово „конституція“ на всѣхъ языкахъ означало не болѣе, какъ установленный закономъ порядокъ управленія вообще и, сообразно этому, вполнѣ соотвѣтствовало русскимъ словамъ: установленіе или учрежденіе, а также уставъ, уложеніе“ (стр. 29). Очевидно, что и въ вѣнскомъ трактатѣ 1815 г. слово „конституція“ было употреблено въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Императоръ Александръ I, дѣйствительно, далъ Царству Польскому „хартію“, устанавливавшую порядокъ управленія, ограничивавшій власть государя, но сдѣлалъ это по собственному сонзволенію, а не въ силу обязательствъ по вѣнскому трактату.

ничились обмѣномъ колкостей и болѣе ни къ чему не привели. Такимъ образомъ, манифистація бѣлыхъ не удалась, но красные зато выпустили дерзкую прокламацію передъ пріѣздомъ государя въ Варшаву. По дорогѣ въ Варшаву государь остановился въ Вильнѣ. Сѣверо-Западная шляхта собиралась подать адресъ, въ которомъ хотѣла просить государя объ устройствѣ польскаго университета въ Вильнѣ, объ открытіи „Земледѣльческаго Общества“ по образцу варшавскаго (на что Назимовъ уже раньше не соглашался), объ усиленіи преподаванія польскаго языка, объ отмѣнѣ закона о смѣшанныхъ бракахъ и т. д. Такъ какъ Назимовъ былъ противъ подачи этого адреса, то шляхта отказалась устроить балъ въ честь государя. Государь былъ сухъ съ поляками во время пребыванія въ Вильнѣ тѣмъ болѣе, что уже было обнаружено, что въ Вильнѣ образовались въ связи съ Варшавой и Мѣрославскимъ агитаціонные кружки красныхъ. Около того же времени тамъ появились воззванія и брошюра, въ которой говорилось, что „Польша спитъ въ гробѣ въ боляхъ мученицы“, и заключался призывъ къ возстанію. Распространялось также стихотвореніе „Тосты“, начинавшееся такъ:

Нальемъ чарки, подадимъ другъ другу руки,
Пусть соединитъ насъ единодушіе и согласіе!
Да окончимъ уже время неволи!
Да увѣнчаетъ чело наше лавръ свободы! [56])

Къ пріѣзду государя въ Варшаву появились приглашенія не выходить на улицы и не принимать участія въ торжествахъ, а передъ торжественнымъ представленіемъ въ театрѣ былъ испорченъ бархатъ въ царской ложѣ, во время же представленія разлита вонючая жидкость. При закладкѣ въ присутствіи государя моста черезъ Вислу уличники обливали платья дамъ сѣрной кислотой и рѣзали ножиками. Когда пріѣхалъ австрійскій императоръ, у австрійскаго министра Рехберга украли на вокзалѣ портфель съ бумагами. Эта кража была произведена по порученіи Наполеона III, который просилъ Мѣрославскаго украсть бумаги у австрійскаго министра. Мѣрославскій поручилъ это сдѣлать своимъ варшавскимъ агентамъ, что тѣ и исполнили. Иллюминаціи на улицахъ тушились, на гуляніе въ Лозенкахъ явилось очень мало публики, и на балу у Горчакова польки за малыми исключеніями отсутствовали. Несмотря на всё это, государь, уѣзжая изъ Варшавы, разрѣшилъ открыть „Общество поощренія художествъ“, отпустилъ 10.000 руб. на новый костелъ и 10.000 на бѣдныхъ, а наслѣдникъ даровалъ сумму на бѣдныхъ и на ветерановъ бывшихъ польскихъ войскъ.

Герценъ по поводу варшавскаго съѣзда, между прочимъ, писалъ, что „этимъ съѣздомъ обижена Россія, ввиду возможности союза съ Австріей, обижена Польша, обиженъ австрійскій императоръ, который увидѣлъ, что въ Польшѣ его ненавидятъ такъ же, какъ въ Италіи“, и что „Россія и Польша соединились въ одно чувство порицанія и осужденія“. [57]) По отъѣздѣ государя начались аресты, слѣдствія, нѣкоторые изъ зачинщиковъ демонстраціи бѣжали изъ Варшавы. Кружки Маевскаго и ученика школы художествъ Новаковскаго распались. Мѣрославскій нашелъ, что его подчиненные въ Варшавѣ увлеклись и приступили къ дѣлу слишкомъ рано. Онъ прислалъ въ Варшаву нѣкоего Годлевскаго, поручивъ ему руководить подготовкой возстанія. Годлевскій образовалъ комитетъ, въ составъ котораго вошли Новаковскій и Маевскій. Комитетъ сталъ выпускать разнаго рода воззванія, молодежь и женщины явились главными пособниками его. 17-го ноября состоялась у кармелитскаго костела демонстрація, привлекшая много участниковъ, въ память революціи 1830—31 годовъ. Пѣли „Боже,сь Польске“, „Еще Польша не погибла“ и съ этими пѣснями разошлись по улицамъ. Раздавались плакаты, портреты. Въ это же время была организована „народная полиція“, запрещавшая танцы, слѣдившая за всѣмъ. Вскорѣ послѣ этого состоялась въ костелѣ Св. Креста понихида по убитыхъ во время революціи 1830—31 годовъ. Бѣлые стали уговаривать красныхъ прекратить манифестаціи. Красные отвѣтили, что согласны, если „Земледѣльческое Общество“ подастъ адресъ правительству. Это предложеніе рѣшено было обсудить на собраніи „Общества“ въ январѣ 1861 года. Анонимныя угрожающія письма сыпались, какъ изъ рога изобилія, русскія вывѣски срывались. Актеры въ театрахъ стали отпускать со сцены политическія остроты и дѣлать патріотическія вставки. Вліяніе красныхъ видимо росло. Для водворенія въ Варшавѣ порядка на должность оберъ-полицмейстера былъ назначенъ Ф. Ф. Треповъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи извѣстность, какъ дѣятельный петербургскій градоначальникъ. Такъ кончался въ Варшавѣ 1860 годъ, который былъ годомъ усиленія красныхъ, годомъ революціонныхъ успѣховъ, сближенія крайнихъ русскихъ элементовъ съ поляками на почвѣ украинофильства и революціонныхъ взглядовъ. Въ Кіевѣ въ 1860 году, какъ и всюду въ Россіи, среди поляковъ замѣтно усилилось броженіе, несмотря на то, что именно въ 1860 году были удовлетворены нѣкоторыя требованія юго-западныхъ поляковъ, а именно введено преподаваніе польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ и разрѣшено образовать „Общество для улучшенія сельскаго хозяйства“, явившееся отдѣломъ варшавскаго „Земледѣльческаго Общества“. Въ брошюрѣ, изданной въ 1861 г.

въ Парижѣ бѣлыми „Polska w 1860 roku“ („Польша въ 1860 году“) говорилось, что въ 1860 году замѣтно повысилось польское національное чувство и укрѣпилось сознаніе единства Польши, Литвы и Руси, но рекомендовалась осторожность и указывалось, что поляки должны основывать свои требованія на излюбленномъ Чарторыйскимъ вѣнскомъ трактатѣ 1815 г. Усиленіе польскаго движенія, главные руководители котораго находились въ Парижѣ, гдѣ поддерживались принцемъ Наполеономъ, побудило русское правительство обратиться въ концѣ 1860 года къ французскому съ заявленіемъ, что польскіе эмигранты, находящіеся подъ покровительствомъ принца Наполеона, высылаютъ въ Россію изъ Парижа эмиссаровъ и воззванія. Русско-французскія отношенія нѣсколько улучшились въ началѣ 1860 года, когда Англія отказалась признать за Франціей Ниццу и Савойю, уступленныя ей Италіей, а Россія поддержала Францію и вошла съ нею въ дружественные переговоры по восточному вопросу; но послѣ варшавскаго съѣзда государей, въ октябрѣ 1860 года, отношенія между Франціей и Россіей окончательно испортились, и предложеніе Киселева поднять на этомъ съѣздѣ вопросъ о франко-русскомъ союзѣ было рѣшительно отклонено государемъ. Тогда даже говорили о возможности новой войны съ Франціей, Англіей и Турціей. Когда въ концѣ 1860 года Киселевъ заявилъ о сношеніяхъ принца Наполеона съ польскими эмигрантами, Наполеонъ III прислалъ къ нему принца Наполеона съ оправдательными документами, которыми принцъ хотѣлъ доказать свою невинность. Этотъ случай не измѣнилъ однако отношеній французскаго правительства и принца Наполеона къ польскимъ эмигрантамъ, и послѣдніе въ 1861 году еще дѣятельнѣе прежняго повели черезъ своихъ агентовъ пропаганду въ Россіи.

VI.

1861 годъ, ознаменованный освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и окончательнымъ перевѣсомъ въ правительственныхъ сферахъ идеи о необходимости дальнѣйшихъ преобразованій, начался въ Варшавѣ битьемъ стеколъ у аристократовъ, дававшихъ балы, несмотря на подпольныя запрещенія (напр., у варшавскаго придводителя дворянства гр. Урускаго), и у тѣхъ изъ поляковъ, которые считались преданными Россіи и сторонились отъ начавшагося броженія. Устраивая эти мелкіе скандалы, красные готовились организовать „концертъ надъ концертами“, т. е. большую демонстрацію, которая привлекла бы множество народа, и для того, чтобы произвести возможно сильное впечатлѣніе на низ-

шіе слои варшавскаго населенія, рѣшили придать этой демонстраціи религіозный характеръ. Красные надѣялись, что вызванное на этой почвѣ столкновеніе низшихъ слоевъ населенія съ властями, озлобитъ варшавскую городскую массу противъ властей и войска. Распространялись воззванія, различные возбуждающіе слухи, фотографическіе снимки съ картины „Геній Польши молится за нее“ (картина эта изображала лежащую женщину (Польшу), а надъ ней въ небесахъ Богородицу и святыхъ, молящихся за нее) и съ другихъ подобныхъ картинъ. Этими демонстраціями главнымъ образомъ руководилъ комитетъ Годлевскаго, въ которомъ видную роль играли студенты — братья Франковскіе. Маевскій, участвуя въ этомъ комитетѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ состоять предсѣдателемъ академическаго общества, а кромѣ того, сойдясь съ Юргенсомъ, составилъ съ нимъ и съ чиновникомъ Големберскимъ „тріумвиратъ“. Големберскій велъ сношенія съ эмигрантами, Юргенсъ съ Познанью и Галиціей, съ бѣлыми и съ варшавскою буржуазіей, а Маевскій съ молодежью, какъ варшавскою, такъ и другихъ городовъ, и съ комитетомъ Годлевскаго. Въ Вильнѣ представителемъ тріумвирата былъ тесть Сѣраковскаго Далевскій, а въ Кіевѣ студентъ Буржинскій. Были связи и съ Петербургскимъ польскимъ кружкомъ. Хотя тріумвиратъ и имѣлъ сношенія съ эмигрантами, тѣмъ не менѣе не подчинялся имъ, находя, что управлять польскимъ движеніемъ надо на мѣстѣ, а не изъ-за границы. Кн. М. Д. Горчаковъ зналъ о готовящейся демонстраціи и приказалъ произвести нѣсколько арестовъ, причемъ былъ арестованъ и Маевскій. Тогда поднялся ропотъ противъ „Земледѣльческаго Общества“. Оно обвинялось въ томъ, что не принимаетъ мѣръ къ введенію реформъ въ царствѣ польскомъ, что не обращается съ адресомъ къ государю, въ которомъ былъ бы заявленъ протестъ противъ существующаго порядка и были бы предложены пребразованія, вслѣдствіе чего, молъ, продолжается въ царствѣ режимъ „русскаго гнета“. Между тѣмъ для участія въ предполагавшихся засѣданіяхъ „Общества“ въ Варшаву съѣхалось множество членовъ его, а также много помѣщиковъ западныхъ губерній, поляковъ, служившихъ въ разныхъ городахъ Россіи, и поляковъ-студентовъ изъ Петербурга, Москвы, Кіева. Приглашенія на этотъ съѣздъ разсылались Юргенсомъ и Маевскимъ. Распространялись извѣстія, что будетъ рѣшаться судьба Польши. Официальной задачей предстоявшихъ засѣданій „Земледѣльческаго Общества“, признаннаго поляками „органомъ представительства польскаго народа“, было обсужденіе крестьянскаго вопроса, тайной — рѣшеніе объ отношеніи „Общества“ къ краснымъ и къ ихъ требованію, чтобы „Общество“ подало адресъ государю. А. Замойскій

и его ближайшіе приверженцы, мечтавшіе о возсозданіи Польши, поддерживавшіе эти мечты въ полякахъ и претендовавшіе на роль представителей поляковъ и ходатаевъ по польскимъ дѣламъ, уклонялись отъ исполненія требованія красныхъ, но у нихъ не хватало рѣшимости рѣзко отшатнуться отъ красныхъ изъ опасенія потерять популярность, которой такъ дорожилъ и гордился Замойскій и которой онъ, какъ представитель „некоронованнаго короля Польши"— Чарторыйскаго и какъ членъ польскаго „моральнаго правительства", долженъ былъ дорожить, такъ какъ сила этого „правительства" основывалась, главнымъ образомъ, на популярности лицъ, стоявшихъ во главѣ его. Было, безспорно, и опасеніе сдѣлаться жертвой разныхъ выходокъ красныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Замойскаго, этого благовоспитаннаго аристократа, не могли не коробить красные съ ихъ уличными скандалами, и Замойскій хорошо понималъ, что Россія силой оружія, силой власти можетъ легко остановить въ сущности дутое польское движеніе, за которымъ не стоялъ народъ, и въ которомъ игралъ большую роль ненавистный ему, какъ аристократу, демагогъ—Мѣрославскій, и потому онъ не могъ рѣшиться выступить открыто въ роли представителя движенія и выразителя требованій красныхъ. Эта роль навязывалась ему, но не могъ же онъ, графъ Замойскій, стать подъ одно знамя съ уличной чернью, раздѣлять взгляды и требованія взволнованной молодежи, которою руководили Мѣрославскій и Маевскій. Онъ колебался и не торопился открывать засѣданій „Общества", но раньше или позже надо было открыть, тѣмъ болѣе, что недовольство красныхъ противъ „Общества" росло, надо было рѣшиться идти налѣво или направо, или-же такъ или иначе оттянуть рѣшеніе этого вопроса и найти средство для этого. Когда съѣхалось въ Варшаву множество поляковъ, и „Земледѣльческое Общество" готовилось приступить къ засѣданіямъ, въ Варшаву явился изъ своего имѣнія и неутомимый Велепольскій. Прежніе неуспѣхи его въ „Земледѣльческомъ Обществѣ" и неудачи въ Парижѣ не смущали его, и онъ по прежнему стремился къ роли перваго человѣка въ краѣ. Не имѣя доступа въ „Земледѣльческое Общество", онъ повелъ среди членовъ его закулисную агитацію, чтобы отъ имени шляхты былъ поданъ государю черезъ намѣстника адресъ о дарованіи автономіи царству, но, по обыкновенію, его предложеніе не было принято поляками. 9-го февраля открылись засѣданія. Между тѣмъ красные, видя колебанія Замойскаго, обратили свои взоры на Кроненберга, стремившагося выдвинуться впередъ и находившагося въ сношеніяхъ съ ними. Для него было ясно, что популярность Замойскаго падаетъ. Онъ не могъ также не знать, что русское правительство

и общество настроены такъ, что можно добиться уступокъ. Онъ зналъ мягкость и безхарактерность Горчакова, къ которому былъ близокъ другъ его Энохъ. Онъ видѣлъ, что демонстраціи 1860 и начала 1861 года пугаютъ Горчакова. И вотъ, разсчитавъ, что, ссылаясь на эти демонстраціи, можно во имя успокоенія края требовать автономіи для Привислинья и преобразованія въ духѣ буржуазно-европейскаго конституціонализма, съ уравненіемъ евреевъ въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ, Кроненбергъ рѣшилъ взять знамя движенія въ свои руки. Еврейство, съ богатыми банкирами и главнымъ варшавскимъ раввиномъ Майзельсомъ во главѣ, пошло за Кроненбергомъ; примѣру евреевъ послѣдовали и варшавскіе богатые нѣмцы. Собственно говоря, въ движеніи участвовалъ небольшой процентъ привислинскихъ нѣмцевъ. Большинство, храня тевтонскую нелюбовь къ полякамъ-славянамъ, относилось враждебно къ полякамъ, и за это многіе изъ нѣмцевъ сдѣлались жертвами революціоннаго террора, но принявшіе участіе въ движеніи нѣмцы заняли выдающіяся въ немъ мѣста. Къ движенію примкнулъ кружокъ варшавскихъ богатыхъ нѣмцевъ и группа молодыхъ ополяченныхъ нѣмцевъ, рвеніе которыхъ, быть можетъ, было рвеніемъ неофитовъ, отчасти же эти молодые нѣмцы, увлекаясь германскими либерально-демократическими идеями, въ силу этого принимали участіе въ движеніи и силились придать ему демократическо-либеральный характеръ. Рупрехтъ, участникъ польскаго движенія 40-хъ годовъ и затѣмъ дѣятель возстанія 60 годовъ, былъ воспитанникомъ берлинскаго университета и во время своего студенчества въ Берлинѣ находился въ сношеніяхъ съ нѣмецкой революціонной партіей. Главными повстанскими дѣятелями изъ нѣмцевъ кромѣ Рупрехта были: фабрикантъ Шленкеръ, плохо говорившій по-польски, Юргенсъ, отецъ котораго почти не зналъ польскаго языка и который получилъ нѣмецкое образованіе въ дерптскомъ университетѣ, фотографъ Баеръ, распространявшій портреты „патріотовъ“ и снимки съ демонстративныхъ сценъ, пасторъ Отто и нѣкоторые варшавскіе купцы-нѣмцы, явившіеся горячими польскими дѣятелями. Эти купцы стали впослѣдствіи революціонными кассирами, Кроненбергъ же главнымъ казначеемъ возстанія. Послѣ возстанія нѣмцы-кассиры обвинялись въ томъ, что присвоили себѣ часть „народныхъ денегъ“. Если это и вѣрно, то врядъ ли во всякомъ случаѣ цѣлью присоединенія къ революціонному движенію богатыхъ нѣмцевъ была этого рода нажива. Вѣрнѣе всего ихъ, какъ и Кроненберга, толкнуло на революціонный путь убѣжденіе, что, какъ въ Германіи революція 1848 года привела къ буржуазно-парламентскому режиму, такъ и польское движеніе дастъ тотъ-же результатъ, заста-

витъ Россію дать царству автономно-конституціонный строй. Это убѣжденіе въ связи со стремленіемъ, въ случаѣ успѣха движенія, захватить въ свои руки власть, привело ихъ въ ряды революціи. Возможно, что если не всѣ, то часть нѣмцевъ, облекшихся въ польскую патріотическую тогу и стремившихся захватить вліяніе въ Варшавѣ, дѣйствовала по тайнымъ указаніямъ изъ Берлина, гдѣ не переставали и не перестаютъ до сихъ поръ мечтать о томъ, чтобы подвинуть границу Германіи къ Вислѣ, а если можно—и дальше, и гдѣ въ 60-хъ годахъ была въ силѣ партія, которая считаетъ желательнымъ возстановленіе Польши, конечно, не за счетъ Германіи, а за счетъ Россіи, чтобы ослабить славянство, и чтобы сосѣдомъ Германіи была не сильная Россія, а слабая Польша, которую съ теченіемъ времени легко можно было бы онѣмечить. Варшавскіе евреи и нѣмцы, руководимые Юргенсомъ и Кроненбергомъ, сблизившись при посредствѣ Маевскаго, учившагося до поступленія въ медицинскую академію въ берлинскомъ университетѣ, съ красными, стали, какъ люди со средствами и гораздо болѣе энергичные, чѣмъ поляки, выдающимися организаторами движенія.

Красные, готовившіеся устроить „концертъ надъ концертами“, возвѣстили на 13 февраля демонстрацію на Гроховскомъ полѣ подъ Варшавой, на которомъ происходила битва между русскими и поляками въ 1831 году. Эта кровопролитная битва, въ которой Дибичъ-Забалканскій одержалъ полную побѣду надъ поляками, но не рѣшился преслѣдовать польскую армію и войти въ Варшаву, за что навлекъ на себя гнѣвъ императора Николая I, была объявлена красными въ 1861 году побѣдой надъ „москалями“. О празднованіи этой „побѣды“ раздавались и расклеивались на углахъ улицъ объявленія, приглашавшія собраться 13 февраля на Гроховскомъ полѣ. Но потому ли, что разведеніе моста черезъ Вислу измѣнило проектъ вожаковъ, или же они нарочно разглашали объ этой манифестаціи, чтобы сосредоточить вниманіе властей на Гроховскомъ полѣ, сами же тайно готовили демонстрацію въ другомъ мѣстѣ,—такъ или иначе на Гроховскомъ полѣ собралось мало, но къ вечеру явились толпы на площадь Старое Мѣсто. Собравшаяся въ большомъ числѣ городская чернь подшучивала надъ требованіями полицейскихъ разойтись, а нѣкоторые полицейскіе-поляки, радуясь, что творится что-то „на злость москалямъ“, тоже отпускали шутки, либо, какъ того требовали отъ нихъ агитаторы, только дѣлали видъ, что разгоняютъ толпу, на дѣлѣ-же не мѣшали демонстрантамъ. [58]) Горчаковъ собралъ у Замка войска и совѣщался, что дѣлать. Оберъ-полиціймейстеръ Треповъ совѣтовалъ

послать на Старое Мѣсто войско. Горчаковъ отправилъ самого Треповa съ полуэскадрономъ жандармовъ. Въ это время изъ находящагося на Старомъ Мѣстѣ костела вышла процессія (безъ ксендзовъ), въ которой находились вожаки демонстраціи. У участниковъ процессіи были значки польскихъ цвѣтовъ, надъ процессіею развѣвалось знамя, пѣли „Еще Польша не погибла“. Стоявшая на площади толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, увидѣвъ процессію со знаменемъ и услышавъ пѣніе, пришла въ волненіе: многіе бросились къ знамени, тысяча голосовъ подхватила „Еще Польша не погибла“. Въ это время явился Треповъ съ жандармами. Произошло столкновеніе, толпа отстаивала знамя, которымъ безуспѣшно пытались овладѣть жандармы, дѣйствуя саблями плашмя. Многихъ арестовали, у нѣкоторыхъ нашли воззванія Мѣрославскаго и портреты съ надписью: „Янъ Килинскій, сапожникъ и полковникъ временъ Костюшки, братьямъ-ремесленникамъ и мужичкамъ въ память торжественнаго чествованія 30-ой годовщины побѣды, одержанной надъ москалями подъ Гроховомъ“. Городъ взволновался больше прежняго, пошли толки о нападеніи войска на безоружныхъ. На слѣдующій день въ газетахъ появилось объявленіе за подписью Трепова, заявлявшее, что подобныя вчерашнимъ процессіи и пѣнія, какъ нарушающія общественный порядокъ, не могутъ быть терпимы. А красные распорядились, чтобы варшавяне и варшавянки облеклись въ трауръ. Мужчины въ знакъ траура измяли свои шляпы, дамы одѣлись въ черныя платья. На улицахъ гимназисты и уличные мальчишки издѣвались надъ тѣми, кто былъ безъ траура. У приходившихъ на засѣданія „Земледѣльческаго Общества“ мялъ шляпы одинъ изъ членовъ, который стоялъ у входа. Къ вечеру въ одной изъ кондитерскихъ собрались сторонники Кроненберга: они рѣшили выбрать делегацію, чтобы она принесла жалобу на полицію намѣстнику и требовала реформъ для Привислинскаго края. Въ делегацію были избраны: Кроненбергъ, редакторъ его газеты писатель Крашевскій, раввинъ Майзельсъ, докторъ Халубинскій, два ксендза, сапожникъ Гишпанскій и еще нѣсколько лицъ. Такимъ образомъ, на ряду съ „Земледѣльческимъ Обществомъ“, которое, нося шляхетскій характеръ, было признано однако поляками ихъ всенароднымъ польскимъ органомъ,—явилась делегація, имѣвшая не шляхетскую окраску, а буржуазную.

Власть, утраченная законнымъ правительствомъ и перешедшая къ Замойскому, ускользала ужъ и изъ рукъ Замойскаго и переходила къ Кроненбергу. На 15 февраля была назначена панихида за убитыхъ во время демонстраціи 13 февраля. Надо замѣтить, что 13 февраля убитыхъ и смертельно раненыхъ не было, такъ что

эта панихида была совершенно праздной; 15-го же вечеромъ должно было состояться первое засѣданіе делегаціи въ купеческомъ клубѣ. „Земледѣльческое Общество“, опасаясь, что красные, недовольные имъ, пустятъ на него толпу, обратилось къ намѣстнику съ просьбою прислать для охраны войска, что и было исполнено. „Общество“ обсуждало крестьянскій вопросъ. Замойскій, вѣрный своимъ взглядамъ, былъ за предоставленіе крестьянамъ земли въ аренду за плату. Часть помѣщиковъ, перешедшихъ на сторону красныхъ, высказывалась за надѣленіе крестьянъ землею, видя въ этомъ средство привлечь крестьянъ къ начавшемуся движенію. За надѣленіе землею былъ и видный аристократъ, графъ Ѳома Потоцкій, который, подобно Велепольскому, стремился соперничать съ Замойскимъ. Въ пользу крестьянъ высказывался и представитель правительственной власти П. А. Мухановъ, часто участвовавшій въ засѣданіяхъ „Общества“. Въ концѣ концовъ „Общество“ высказалось за предоставленіе крестьянамъ *„возможности“* путемъ выкупа пріобрѣсти въ собственность свои участки.

Въ то время, когда „Земледѣльческое Общество“ подъ охраною войска въ присутствіи Муханова обсуждало крестьянскій вопросъ, многіе члены его находились на панихидѣ „по убитымъ“ 13 февраля. Послѣ совершенія панихиды изъ костела вышелъ крестный ходъ, къ которому примкнула громадная толпа народа, и отправился на Замковую Площадь. Полиція слѣдовала сзади, впереди несли иконы Богоматери, а на одной изъ улицъ изъ оконъ стали бросать крестики, образки Богоматери и портреты Килинскаго, которые многіе прикрѣпляли къ палкамъ. У замка стояли войска. Попытки казаковъ остановить шествіе, къ которому присоединялось все больше и больше народа и передніе ряды котораго прикрывались иконами, не имѣли успѣха. Въ это время изъ сосѣдняго съ замкомъ костела вышло похоронное шествіе: хоронили какого-то чиновника. Толпа рвалась на выходящую на Замковую Площадь улицу Краковское Предмѣстье, гдѣ находилось помѣщеніе „Земледѣльческаго Общества“, къ которому манифестанты вели народъ, но казаки старались не пустить туда толпу. Во время суматохи досталось и кзендзамъ—монахамъ, и церковной прислугѣ, участвовавшимъ въ похоронной процессіи. Въ толпѣ кто-то крикнулъ: „кресты ломаютъ у насъ, надъ святынею ругаются“. Утверждалось офиціально и подтверждается разсказами очевидцевъ, что никакой крестъ не былъ сломанъ, но на толпу эти крики—„кресты ломаютъ у насъ, надъ святынею ругаются“—произвели громадное впечатлѣніе: она освирѣпѣла, въ казаковъ и въ появившіяся войска полетѣли камни, а о поломанномъ крестѣ стали затѣмъ вставлять стихи

въ польскіе революціонныя пѣсни, слагать цѣлыя легенды; поломанный крестъ сдѣлался мистическою эмблемою Польши, стали раздавать и продавать множество медалей съ изображеніемъ надломленнаго креста. Когда до засѣдавшихъ въ „Земледѣльческомъ Обществѣ“ дошли слухи о крупныхъ безпорядкахъ въ городѣ, сторонники красныхъ заговорили о необходимости положить конецъ безпорядкамъ, удовлетворить красныхъ и съ этой цѣлью отправить въ замокъ депутацію съ просьбою у намѣстника реформъ, какихъ желаютъ красные. Вдругъ въ залъ засѣданія явился жившій въ Варшавѣ кутила-помѣщикъ Наржимскій со своими пріятелями. Онъ былъ въ грязи и крови, охалъ и стоналъ. Замойскій, шокированный этой комедіей, спросилъ: „чего же вы хотите, господа?“. — „Посылки депутаціи въ замокъ“—былъ отвѣтъ. Замойскій замѣтилъ, что „Земледѣльческому Обществу“ не подобаетъ вмѣшиваться въ уличные скандалы.—„Да вѣдь онъ помѣщикъ, онъ членъ нашего общества“—отвѣчали многіе, указывая на Наржимскаго.—„Если онъ помѣщикъ и нашъ членъ,—возразилъ графъ,—то ему слѣдовало бы засѣдать съ нами, а не лѣзть за одно съ мальчишками въ свалку съ войсками. Былъ бы здѣсь,—остался бы цѣлъ!“ Раздался ропотъ, послышались намеки на связи Замойскаго съ русскимъ правительствомъ, на его боязнь скомпрометировать себя въ глазахъ правительства заступничествомъ за „народъ“. Замойскій отвѣтилъ, что напрасно его обвиняютъ въ боязни скомпрометировать себя въ глазахъ правительства, что онъ въ случаѣ надобности поѣхалъ бы къ намѣстнику, но что въ данномъ случаѣ приличіе не позволяетъ ему вмѣшиваться въ дѣло: „Вы хотите, чтобы я стоялъ во главѣ уличнаго скандала,—воскликнулъ онъ,—никогда!“ Раздались крики, одни были за графа, другіе противъ него, нѣкоторые члены вышли изъ зала засѣданія и на улицѣ примкнули къ толпѣ демонстрантовъ. Одинъ изъ членовъ „Земледѣльческаго Общества“ устроилъ баррикаду изъ извощичьихъ экипажей. Въ это время на Краковскомъ Предмѣстьѣ появился дежурный штабной генералъ Заболоцкій съ ротою солдатъ. Изъ толпы и изъ оконъ домовъ посыпались камни. „Кресты у насъ рубятъ, вѣру поносятъ“,—раздавались крики. Нѣсколько солдатъ было ранено камнями, Заболоцкій получилъ ударъ камнемъ въ спину. Какой-то казакъ, подъѣхавъ къ Заболоцкому, доложилъ, что поляки разбиваютъ гауптвахту. Генералъ крикнулъ толпѣ, что прикажетъ стрѣлять, если она не успокоится.—„Не смѣетъ, Наполеонъ запретилъ“—раздалось изъ толпы. Польская сторона была въ полной экзальтаціи, русскія войска, осыпаемыя въ послѣднее время насмѣшками и бранью, а тутъ еще и камнями, были раздражены и, по свидѣтельству очевидцевъ и

участниковъ, только силой военной дисциплины сдерживались отъ того, чтобы не броситься на поляковъ. Заболоцкій повторилъ угрозу, что будетъ стрѣлять, а когда опять посыпались камни, раздались выстрѣлы,—и пять человѣкъ было убито. Демонстранты занялись убитыми—„пятью павшими“, какъ они были тогда названы. Быстро сложились цѣлыя легенды объ этихъ „пяти павшихъ“, слухъ о нихъ облетѣлъ всю Европу. Агитаторы рѣшили, что насталъ удобный моментъ требовать отъ Горчакова уступокъ. Намѣстникъ, узнавъ о выстрѣлахъ Зоболоцкаго, сказалъ: „parfaitement fait“, но затѣмъ, уступая польскимъ вліяніямъ, нарядилъ надъ Заболоцкимъ слѣдствіе, которое, впрочемъ, ничѣмъ не кончилось. Замойскій, гордо заявлявшій, что онъ не хочетъ вмѣшиваться въ уличные скандалы, уступая агитаціи, отправился съ Ѳ. Потоцкимъ и архіепископомъ Фіалковскимъ къ намѣстнику. Они упрекали Горчакова въ томъ, что онъ раздражаетъ населеніе, прибѣгая къ оружію, что самъ вызываетъ безпорядки. Горчаковъ растерялся: онъ то спрашивалъ,—„что же дѣлать“, то угрожалъ. Въ разговорѣ съ Фіалковскимъ у него вырвалась фраза: „я велю стрѣлять изъ всѣхъ орудій цитадели“.—„А я велю звонить во всѣ колокола“—отвѣтилъ архіепископъ. На вопросъ Горчакова: что дѣлать? обращенный къ Замойскому, послѣдній отвѣтилъ: „оставить край“. Такъ въ 1830 году поступилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но Горчаковъ рѣшилъ поступить иначе: успокоить поляковъ уступками. Вслѣдъ за Замойскимъ, Потоцкимъ и Фіалковскимъ къ Горчакову явилось нѣсколько депутацій, которыя выражали неодобреніе дѣйствіямъ его и его подчиненныхъ, и въ числѣ ихъ даже депутація отъ мясниковъ. Между тѣмъ въ купеческомъ клубѣ подъ предсѣдательствомъ Кроненберга засѣдала делегація. Кроненбергъ угощалъ на славу, вино лилось. Послѣ долгихъ разсужденій и возліяній делегація отправилась къ намѣстнику выразить отъ имени города осужденіе дѣйствій Заболоцкаго и представить требованія, въ случаѣ исполненія которыхъ обѣщала успокоить городъ. Она явилась въ замокъ около 11 часовъ вечера и поставила намѣстнику слѣдующія требованія: разрѣшить торжественно похоронить „пять павшихъ“, освободить арестованныхъ въ этотъ день, смѣнить оберъ-полиціймейстера Трепова, разрѣшить отправить государю адресъ съ ходатайствомъ о реформахъ. Горчаковъ колебался, совѣщался съ Мухановымъ и Энохомъ, разрѣшилъ торжественно хоронить убитыхъ и освободить арестованныхъ, сказалъ, что вмѣсто Трепова назначается полковникъ Демонкаль; но депутація стала просить о назначеніи хорошо извѣстнаго Варшавѣ весельчака—генерала маркиза Паулуччи, занимавшаго мѣсто

начальника тайной полиціи и сыгравшаго въ польскомъ движеніи 60-хъ годовъ весьма странную роль. Въ концѣ концовъ Горчаковъ на все согласился съ условіемъ, чтобы адресъ государю былъ переданъ ему для отсылки по почтѣ. На слѣдующій день варшавскіе поляки занялись составленіемъ адреса. Одни предлагали изложить въ адресѣ точно и опредѣленно желанія поляковъ, другіе, напротивъ, стояли за неопредѣленность выраженій. Вторая партія взяла верхъ. Составили туманный адресъ, чтобы не связывать себя въ отношеніи правительства никакими обязательствами и что бы, въ случаѣ уступокъ со стороны правительства, имѣть возможность сказать, что желали бо́льшаго. Первымъ подписалъ адресъ Замойскій, вторымъ архіепископъ Фіалковскій, третьимъ раввинъ Майзельсъ. Съ этого момента бѣлые съ Замойскимъ во главѣ, уступая краснымъ, стали дѣйствовать за одно съ ними и съ делегаціею. Велепольскій предлагалъ адресъ другой редакціи и сталъ собирать подписи для него; но и въ этотъ разъ изъ затѣи Велепольскаго ничего не вышло. Несмотря на то, что государь извѣщалъ Горчакова, что не приметъ адреса, о чемъ поручилъ опубликовать, Горчаковъ переслалъ адресъ императору, а вслѣдъ затѣмъ, отправилъ въ Петербургъ одного изъ высшихъ варшавскихъ чиновниковъ—Карницкаго съ запискою о необходимости предоставленія царству реформъ. Донося государю о случившихся безпорядкахъ рядомъ телеграммъ, Горчаковъ значительно смягчалъ положеніе дѣла. Государь настойчиво требовалъ строгихъ мѣръ и введенія военнаго положенія, но Горчаковъ уклонялся исполнить волю императора, какъ уклонился и отъ предложенія государя учредить должность помощника намѣстника. Въ это время Мухановъ, подъ вліяніемъ интригъ поляковъ и ген. Коцебу, потерялъ довѣріе Горчакова, и имъ овладѣлъ еврей Энохъ. Делегація *) подъ предсѣдательствомъ Кроненберга, ставшая фактическимъ правительствомъ, образовала „стражу безопасности“, которая замѣнила полицію. Во главѣ этой стражи были поставлены: Рупрехтъ, Карлъ Маевскій, выпущенный по просьбѣ делегаціи изъ подъ ареста, Юргенсъ, а также лютеранскій пасторъ Отто. Вѣсти объ установленіи делегаціи разлетѣлись во всѣ города бывшей Рѣчи Посполитой. Въ нѣкоторыхъ городахъ царства возникли делегаціи по образцу варшавской—въ зависимости отъ нея. На 18 февраля были назначены похороны „пяти павшихъ“, тѣламъ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней приходила поклоняться

*) У делегаціи было много противниковъ, которые называли ее „Обществомъ взаимнаго обожанія“. Представителемъ ремесленниковъ въ делегаціи былъ сапожникъ Гищпанскій, который многаго изъ того, что говорилось въ делегаціи, не понималъ, такъ какъ не зналъ французскаго языка.

Варшава. Нѣсколько разъ пріѣзжалъ смотрѣть на церемонію поклоненія новый начальникъ полиціи маркизъ Паулуччи. Его встрѣчали криками: „Да здравствуетъ Гарибальди! И Гарибальди итальянецъ, и Паулуччи итальянецъ!“ Похороны имѣли вполнѣ опереточный характеръ. Впереди ѣхалъ верхомъ маркизъ Паулуччи, роль полиціи играла „стража безопасности“ съ Рупрехтомъ, Юргенсомъ, Маевскимъ, пасторомъ Отто и другими во главѣ, „почетный караулъ“ составляли пожарные съ брандмейстеромъ. Хоронили съ музыкой при участіи опернаго оркестра, въ похоронахъ участвовало кромѣ католическаго лютеранское и еврейское духовенство, были разныя депутаціи, знамя съ гербами Литвы и Польши, старцы, калѣки и дѣти варшавскихъ пріютовъ и богадѣленъ, цехи и такъ называемые „друцяржи“, т. е. приходящіе въ Варшаву на заработокъ словаки-лудильщики. Дамы несли терновый вѣнокъ, графъ Замойскій шелъ рядомъ съ крестьяниномъ, знаменуя этимъ союзъ шляхты съ крестьянствомъ. Нѣкоторые помѣщики привезли на свой счетъ на похороны крестьянъ, щедро угостивъ ихъ за согласіе ѣхать и пообѣщавъ имъ надѣлить ихъ землею. А вскорѣ послѣ похоронъ ксендзы объявили въ костелахъ крестьянамъ, что паны готовятся улучшить ихъ положеніе. Варшавскій католическій архіепископъ Фіалковскій по случаю похоронъ разослалъ посланіе по всему Привислинскому краю и западнымъ губерніямъ, приглашая поляковъ и полекъ облечься въ національный трауръ въ память „пяти павшихъ“, чтобы трауромъ обозначить границы Польши. И по его приглашенію не только въ царствѣ, но и въ западныхъ губерніяхъ и даже въ поволжскихъ городахъ поляки облеклись въ трауръ. Въ городахъ Привислинья и западныхъ губерній служились панихиды за „пять павшихъ“. Всюду распространялись возбудительныя воззванія и патріотическія молитвы. Кроненбергъ, Эпштейнъ, Майзельсъ и другіе варшавскіе евреи разослали по поводу этихъ похоронъ посланіе къ евреямъ, провозглашая польско-еврейское братство и приглашая всѣхъ евреевъ принять участіе въ „народномъ траурѣ“. На кладбищѣ при похоронахъ „пяти павшихъ“ ксендзъ сказалъ надгробное слово, въ которомъ называлъ „пять павшихъ“ „однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ символовъ, передъ которыми народы такъ часто преклоняютъ свои головы“, и говорилъ, что „кровь павшихъ, быть можетъ, послѣдняя пролитая, чтобы умилостивить тяготѣющій надъ нами гнѣвъ Божій“. Онъ призывалъ поэтому сердца „христіанъ и всего народа польскаго“ облечься веселіемъ. Онъ рѣзко нападалъ на „бѣшеныхъ черкесовъ, бичевавшихъ іереевъ, четвертовавшихъ изображенія Богородицы и изрубившихъ въ куски крестъ“, хвалилъ „народъ“ за то, что будто бы онъ стоитъ „какъ Богоматерь у креста Спасителя“,

убѣждалъ вѣрить, что кровь „павшихъ“ искупитъ Польшу, и совѣтовалъ ждать дня искупленія съ вѣрою въ Бога и „съ надеждою на государя, который осуществляетъ нынѣ освобожденіе русскихъ крестьянъ и, вѣроятно, и насъ не забудетъ и удовлетворитъ законныя желанія польскаго народа“. Войска въ день похоронъ были заперты въ казармахъ, по требованію делегаціи, „чтобы не раздражать населенія“. Многіе русскіе, опасаясь рѣзни, спрятались въ казармахъ. Попадавшимъ случайно на пути русскимъ участники похоронъ грозили кулаками. Одному военному врачу сдѣлали знакъ, что его зарѣжутъ. Онъ отвѣчалъ знакомъ, означающимъ повѣшеніе. Насмѣтникъ и другіе власти отправили цѣнныя вещи въ цитадель. На валахъ цитадели стояли заряженныя орудія.

Послѣ похоронъ делегація выпустила слѣдующее воззваніе: „Вчера совершилось погребеніе пяти жертвъ. Вчера народъ доказалъ, что понимаетъ значеніе обязанностей въ отношеніи къ отечеству. Всѣ безъ изъятія, соединенные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, мы прощались съ погибшими братьями. Пусть это чувство обязанности правитъ нами и впередъ во всякую минуту!“ Вслѣдъ затѣмъ и „Земледѣльческое Общество“ выпустило воззваніе: „Именемъ всѣхъ членовъ „Земледѣльческаго Общества“ комитетъ онаго благодаритъ васъ, благородное юношество академіи и школъ, за оказанную вами помощь въ сохраненіи порядка въ минуту столь печальнаго и вмѣстѣ торжественнаго обряда погребенія жертвъ, павшихъ 27 февраля (н. ст.), между которыми было также нѣсколько членовъ „Земледѣльческаго Общества“. Собственно былъ одинъ членъ, одинъ ученикъ реальнаго училища и три ремесленника.

Послѣ похоронъ среди польской публики распространялось „Письмо княгини Янины Четвертинской“. Привожу это письмо по переводу, приложенному къ книгѣ А. Подвысоцкаго. „Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 годахъ“ (Спб. 1869 г. стр. 151). „Скорбь нашу, милые братья, раздѣляетъ весь Парижъ. И мы носимъ печальныя ризы, и мы совершаемъ торжественныя богослуженія, и мы силою мысли переносимся къ могилѣ польскихъ мучениковъ, и мы бросали на нее издалека орошенную слезами горсть земли. Величіе печали вашей можно сравнить только съ величіемъ души вашей, ибо мы имѣемъ право озариться блескомъ, отражающимся отъ самаго имени поляка. Вы знаете, мои милые, что съ 26 февраля до сегодняшняго числа получаются здѣсь непрерывныя свѣдѣнія телеграфическимъ путемъ. Массы публичныхъ вѣдомостей разглашаютъ ихъ во всѣхъ мѣстностяхъ Европы, а Парижъ потрясается отъ негодованія и съ тѣмъ вмѣстѣ съ умиленія: малѣйшія подробности случившихся до-нынѣ со-

бытій разсказываются въ кругу простаго народа, мѣщанъ, дипломатіи и высшаго свѣта. Императорскій дворъ поражаетъ какою-то необыкновенной пасмурностью и благопріятствуетъ нашему дѣлу и даже императрица является среди блестящаго двора въ траурной одеждѣ. Поляки-же всѣ ходятъ не иначе, какъ въ траурѣ. Вы не повѣрите что дѣлается! Джонъ Россель въ прекрасной рѣчи передъ парламентомъ высказалъ себя нашимъ другомъ, а три дня тому назадъ Наполеонъ написалъ собственноручное письмо къ императору Александру..."

Въ это-же время Мѣрославскій разослалъ воззваніе, въ которомъ говорилось, что «надѣленіе крестьянъ (землею), принятое „Земледѣльческимъ Обществомъ", должно служить исходной точкою для мѣръ, принимаемыхъ къ подготовкѣ народнаго возстанія», рекомендовалось полякамъ постоянно заявлять Европѣ о себѣ демонстраціями, въ которыхъ Мѣрославскій видѣлъ доказательство живучести поляковъ, и доставлять западно-европейской печати сообщенія о различныхъ волненіяхъ (а если волненій не будетъ, то можно выдумывать ихъ) и о „мстительномъ и всеразрушающемъ вліяніи поляковъ на этотъ механизмъ, созданный Петромъ Великимъ". Въ концѣ воззванія было сказано, что приводимые въ немъ совѣты даны людьми, „которые хорошо знакомы съ политикой тюльерійскаго кабинета и которые указывали на итальянцевъ, достигшихъ устраненія всѣхъ дипломатическихъ преградъ и убѣдившихъ императора исполнить то, чего онъ никогда не думалъ и не хотѣлъ дѣлать"... Такъ подготовлялась почва для мятежа.

Вслѣдъ за похоронами „пяти павшихъ" во многихъ городахъ Привислинья (въ Калишѣ, Люблинѣ, Кельцахъ и въ другихъ) произошли безпорядки и начались безъ конца панихиды за „пять павшихъ". Панихиды служились, объявленія о нихъ раздавались и продавались въ Варшавѣ на площадяхъ и улицахъ: „купите объявленіе у раненнаго москалями, помогите раненому, помогите сиротѣ, отецъ котораго убитъ москалями"—нерѣдко кричали мальчишки, и варшавскія власти не препятствовали этому. Не взирая на требованія государя упразднить делегацію, она продолжала засѣдать послѣ похоронъ и вести переговоры и переписку съ намѣстникомъ и образовала „памятнико-вспомогательный комитетъ для постановки памятника надъ могилою пяти павшихъ и вспомоществованія ихъ родственникамъ".

Многія требованія делегаціи исполнялись намѣстникомъ. Въ делегаціи говорили о конституціи для царства польскаго, составляли протоколы засѣданій, и эти протоколы печатали для публики. Въ этихъ протоколахъ делегація говорила такимъ языкомъ, будто бы

опа—законное правительство, передавала свои переговоры съ намѣстникомъ въ значительно искаженномъ видѣ съ цѣлью показать, что правительство безпрекословно исполняетъ ея требованія. Крайніе элементы изъ красныхъ однако не были довольны дѣятельностью делегаціи.

Разъ на засѣданіе делегаціи ворвался одинъ изъ главныхъ демонстрантовъ Новаковскій со своими товарищами и хотѣлъ разогнать делегацію. Рупрехту, искусно, какъ и Маевскій, лавировавшему между бѣлыми и красными, стоило большого труда успокоить Новаковскаго, который непремѣнно хотѣлъ произвести переворотъ и, разогнавъ делегацію и овладѣвъ цитаделью и замкомъ, захватить въ Варшавѣ власть въ свои руки. Въ числѣ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся делегаціею было удѣлено много вниманія еврейскому. Она рѣшила измѣнить положеніе евреевъ въ польскомъ обществѣ: отмѣнить запрещенія о принятіи евреевъ въ члены варшавскаго купеческаго общества, избрать старшиною этого общества Кронепберга и ходатайствовать о назначеніи на одну изъ главныхъ должностей въ „Земскомъ Кредитномъ Обществѣ“ лица еврейскаго происхожденія. Намѣстникъ исполнилъ ходатайства делегаціи объ евреяхъ, а Кроненбергъ, Майзельсъ и другіе извѣстные варшавскіе евреи издали „циркуляръ евреевъ города Варшавы къ евреямъ всего края“, призывая евреевъ идти рука объ руку съ поляками. Въ польскомъ обществѣ разгорались „несбыточныя мечтанія“, относительно которыхъ предостерегалъ поляковъ императоръ Александръ II. Поляки ожидали въ отвѣтъ на посланный въ Петербургъ адресъ исполненія этихъ мечтаній Нѣкоторые высшіе чиновники-поляки стали выходить въ отставку, желая показать польскому обществу, что они пренебрегли службой „москалей“, и надѣясь, что при новомъ режимѣ они будутъ вознаграждены за это. Велепольскій счелъ моментъ удобнымъ предложить свои услуги Горчакову; за него хлопоталъ Энохъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ Горчакову подробный проектъ автономіи Привислинья. Начались переговоры между Горчаковымъ и Велепольскимъ. Маркизъ убѣждалъ князя, что путемъ реформъ край будетъ успокоенъ, и брался водворить порядокъ, если правительство приметъ его предложенія и предоставитъ ему власть. Князь Горчаковъ, увѣровавшій въ административныя дарованія Велепольскаго, послалъ его въ Петербургъ, гдѣ ужъ Карницкій, статсъ-секретарь царства польскаго Платоновъ и извѣстный юристъ Губе (Платоновъ и Губе поддержали ходатайство Горчакова о реформахъ) работали надъ проектомъ преобразованій въ варшавскомъ намѣстничествѣ. Въ Петербургѣ не имѣли яснаго представленія о томъ, что происходитъ въ Вар-

шавѣ. Одни умаляли значеніе варшавскихъ происшествій, другіе, напротивъ, преувеличивали и, считая польскую шумиху—народнымъ возстаніемъ, указывали на необходимость исполненія польскихъ желаній. Никто не обращалъ вниманія на то, что Привислинье находилось въ самыхъ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, что народныя и религіозныя чувства польскаго народа никѣмъ не затрогивались, что поэтому не было повода къ возстанію, что крестьянство было совершенно спокойно, успѣло сжиться съ русскими, и что броженіе было вызвано искусственно. Это броженіе, вовсе не исходившее изъ нѣдръ народа, а созданное фанатизмомъ латинскаго духовенства, политическими планами Наполеона III, властолюбивыми стремленіями революціонеровъ по ремеслу въ родѣ Мѣрославскаго и „некоронованнаго короля“ Чарторыйскаго и его сателитовъ, и поддержанное въ интересахъ еврейства Кроненбергомъ, а также нѣмцами,—принималось за народное польское движеніе, и предполагалось, что это движеніе естественно вытекало изъ народнаго чувства національной свободы. Въ настроенномъ въ то время очень свободолюбиво Петербургѣ не замѣчали, что польское крестьянство и не думаетъ о возстаніи, что поляки стремятся не къ національной независимости, а къ возстановленію Польши съ Литвою и Русью, т. е. къ власти надъ Западной Россіею. Оставляя все это безъ вниманія, многіе русскіе выражали полное сочувствіе польскимъ стремленіямъ: на устроенную поляками въ Петербургѣ торжественную панихиду по „пяти павшихъ“ собралось въ костелъ много русскихъ, и русскіе подпѣвали „Боже, который Польшу“ и „Съ дымомъ пожаровъ“. Къ этому времени петербургскій польскій „центръ“ привлекъ на свою сторону многихъ извѣстныхъ въ то время русскихъ писателей и ученыхъ и въ числѣ ихъ Костомарова. Сближенію поляковъ съ Костомаровымъ, который тоже былъ на панихидѣ по „пяти павшихъ“, много содѣйствовало участіе поляковъ въ похоронахъ умершаго въ февралѣ 1861 г. Шевченко, обращенныхъ въ шумную демонстрацію. Но, несмотря на всѣ усилія поляковъ привлечь Костомарова въ польское дѣло и на его временное увлеченіе поляками, въ концѣ концовъ польскія попытки обратить его въ полонофила потерпѣли неудачу. Полякамъ, правда, удалось усилить такъ называемое украинофильство, которое въ 61 году даже основало въ Петербургѣ свой органъ печати — „Основу“, существовавшій, впрочемъ, не долго. Но украинофилы 60-хъ годовъ скоро поняли, что полякамъ нужна Украина для ополяченія и окатоличенія, и потому отшатнулись отъ нихъ, и раньше другихъ Костомаровъ, какъ знатокъ

прошлаго Украины, хорошо знавшій пути и средства, которыми укрѣплялись въ Западной Руси полонизмъ и католичество. Видя, что русское общество переживаетъ періодъ броженія, польскіе вожаки, полагаясь на его поддержку, усилили агитацію. Правдивой исторіи умственнаго и общественнаго движенія 60-хъ годовъ и такъ называемаго нигилизма у насъ нѣтъ до сихъ поръ. М. Н. Катковъ считалъ поляковъ главными сѣятелями нигилизма въ Россіи, и Вс. Крестовскій иллюстрировалъ эту мысль въ своемъ извѣстномъ романѣ „Кровавый Пуфъ". Гр. М. Н. Муравьевъ не раздѣлялъ этого взгляда. Онъ не признавалъ польскую интригу корнемъ нигилизма. Извѣстна близость петербургскихъ польскихъ революціонеровъ съ главой литературно-журнальнаго нигилизма 60-хъ годовъ—Чернышевскимъ, и несомнѣнно, что поляки принимали крупное, преимущественно закулисное, участіе въ революціонномъ броженіи 60-хъ годовъ, но, конечно, не ими было вызвано это броженіе. Раскрытіе истинной причины этого броженія, находящагося въ органической связи съ отрицательными и печальными явленіями нашей жизни послѣдующаго времени,— дѣло будущаго историка эпохи 60-хъ годовъ. И когда явится этотъ историкъ, многіе литературные и иные дѣятели 60-хъ годовъ, окруженные до сихъ поръ ореоломъ гражданскихъ добродѣтелей, предстанутъ совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ, напр., они выводятся въ имѣвшей успѣхъ книгѣ Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ": нѣкоторые тогдашніе божки окажутся только маріонетками, которыми управляли пити, шедшія изъ-за рубежа.

Правительство въ это время было занято крестьянскимъ вопросомъ и разработкою новыхъ реформъ. Среди различныхъ намѣченныхъ въ 1861 году преобразованій были и реформы для окраинъ въ духѣ децентрализаціи и предоставленія большей самостоятельности окраиннымъ общественнымъ силамъ. Если въ царствованіе императора Николая I главными принципами внутренней политики были строгость и справедливость, то теперь выдвинулись впередъ гуманность и довѣріе. Было рѣшено, что надо покорять не строгостью, а любовью. Отсутствіе привязанности къ Россіи у окраинныхъ элементовъ объяснялось ошибками прошлаго. Свобода, гуманность, просвѣщеніе и гласность были признаны средствами исцѣленія государственныхъ и общественныхъ язвъ. Окончательное торжество этихъ взглядовъ высказывалось въ дѣйствіяхъ правительства и внутри Россіи, и на окраинахъ. Смѣло докончившій въ 1859 году покореніе Кавказа, князь Барятинскій ставилъ своею цѣлью, по его собственнымъ словамъ, „какъ можно больше привязать къ правительству кавказцевъ, управляя каждой народностью съ любовью и относясь съ полнымъ почтеніемъ къ ея

завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ“ [59]); Финляндіею управлялъ графъ Бергъ, поддерживавшій сепаратистскія стремленія финляндцевъ, а прибалтійскими губерніями — „гуманный внукъ воинственнаго дѣда“ князь Суворовъ, предоставлявшій полную свободу нѣмецкому элементу. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ хлопоты кн. М. Д. Горчакова, Эноха и Велепольскаго о реформахъ въ царствѣ польскомъ могли имѣть успѣхъ. Правительство рѣшило подавлять въ Варшавѣ безпорядки, по вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить строгости и предоставить полякамъ болѣе свободы. Маркизъ Велепольскій, предназначенный на должность директора новой коммисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, былъ принятъ въ Петербургѣ очень хорошо. Вице-канцлеръ Горчаковъ и другія высокопоставленныя лица отнеслись къ нему весьма сочувственно.

Генералъ Хрулевъ.

(Изъ альбома, приложеннаго къ львовскому изданію „Записокъ“ Берга).

1 марта намѣстникъ Горчаковъ пригласилъ къ себѣ Замойскаго, Малаховскаго, Кроненберга, Шленкера и епископа Фіалковскаго и прочиталъ письмо государя съ обѣщаніемъ реформъ. Замойскій сказалъ, что для нихъ, для партіи умѣренныхъ, это все, что нужно, что это даже превосходитъ ихъ ожиданія, но что противоположная сторона этимъ не удовлетворится. Реформы состояли въ возстановленіи государственнаго совѣта царства польскаго, въ учрежденіи коммисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ упраздненіемъ варшавскаго учебнаго округа и съ изъятіемъ духовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія коммисіи внутреннихъ дѣлъ, въ учрежденіи городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ выборныхъ совѣтовъ для совѣщанія о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ съ правомъ входить о нихъ съ представленіями въ государственный совѣтъ царства польскаго. О предоставленіи царству этихъ реформъ европейскія державы были извѣщены вице-канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ особою нотою. Тогда же для руководства усмиреніемъ безпорядковъ, если бы они опять возникли, въ Варшаву былъ посланъ извѣстный севастопольскій генералъ Хрулевъ, и городъ былъ раздѣленъ на четыре военныхъ отдѣла.

На слѣдующій день получился на имя намѣстника отвѣтъ государя на адресъ: „Я прочиталъ просьбу, которую вы мнѣ прислали, долженъ бы счесть ее за несуществующую, такъ какъ нѣсколько человѣкъ, пользуясь безпорядками на улицахъ, взяли на себя самовольное право пренебрегать всѣми распоряженіями правительства, но я не вижу въ этомъ покамѣстъ ничего кромѣ увлеченія. Я устремляю всѣ мои мысли къ изготовленію реформъ, какихъ требуютъ время и развитіе нуждъ государства. Подданные мои въ царствѣ составляютъ также предметъ моихъ попеченій. Все, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находитъ и не найдетъ меня никогда равнодушнымъ. Я уже далъ имъ доказательство того, что желаю сдѣлать ихъ соучастниками въ предпринимаемыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ государства. Остаюсь нынѣ все въ тѣхъ же намѣреніяхъ и чувствахъ. Имѣю право разсчитывать на то, что таковыя чувства встрѣтятъ полный отвѣтъ съ ихъ стороны и не будутъ задержаны на пути желаніями чего-либо несвоевременнаго, чего бы я не могъ имъ дать, не нанося ущерба интересамъ моихъ подданныхъ въ Имперіи. Исполняя всѣ мои обязанности, ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ ничего строить нельзя. Требованія, которыя захотѣли бы на нихъ опереться, сами бы себя тѣмъ самымъ подкопали, уничтожили бы всякую довѣренность и встрѣтили бы съ моей стороны суровый отпоръ, какъ нѣчто такое, что можетъ совратить государство съ правильнаго пути, коему я хочу неуклонно слѣдовать“. Государь требовалъ немедленнаго опубликованія этого рескрипта и закрытія делегаціи. Горчаковъ колебался. „Колебанія эти жалости достойны“, надписалъ государь на одномъ изъ донесеній Горчакова [60]). Не успѣлъ Горчаковъ закрыть далегацію, какъ члены делегаціи узнали, что Мухановъ сдѣлалъ подтвержденіе о соблюденіи давнишняго и нѣсколько разъ повторявшагося циркуляра о задержаніи безпаспортныхъ и внушеніи крестьянамъ, что заботящееся о нихъ правительство ожидаетъ, что они не послѣдуютъ совѣтамъ подстрекателей. Въ делегаціи поднялись крики: „Долой Муханова!“ „Земледѣльческое общество“, видя въ циркулярѣ Муханова желаніе удержать крестьянъ на русской сторонѣ, въ свою очередь, чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, издало циркуляръ, въ которомъ оповѣщало, что оно постановило надѣлить крестьянъ землею. Горчаковъ рѣшилъ удалить Муханова и объявилъ ему объ этомъ 11 марта, приказавъ въ тотъ же день ѣхать за границу. Въ дѣлѣ удаленія Муханова изъ Варшавы не обошлось, несомнѣнно, безъ еврейской мести. Когда въ началѣ царствованія императора Александра II въ Варшавѣ была образована комиссія по еврейскому

вопросу, директоръ комиссіи юстиціи Воловскій (еврей по происхожденію) составилъ проектъ въ юдофильскомъ духѣ, но Мухановъ не далъ хода этому проекту и высказался противъ льготъ евреямъ. Глава делегаціи еврей Кроненбергъ не могъ, конечно, поэтому быть расположеннымъ къ Муханову.

Мухановъ, женатый на полькѣ, употреблявшій дома польскій языкъ, разрабатывавшій исторію русско-польскихъ отношеній, былъ болѣе, чѣмъ кто либо, далекъ отъ нелюбви къ полякамъ. Даже по рекомендаціи его противниковъ онъ былъ „не дурнымъ во многихъ отношеніяхъ“, и у поляковъ не было причинъ ненавидѣть его; но объятые революціоннымъ экстазомъ и подстрекаемые еврействомъ, они увидѣли въ Муханове своего злѣйшаго врага.

Съ Мухановымъ сдѣлалось дурно, когда Горчаковъ объявилъ ему объ отставкѣ, но въ тотъ же день онъ оставилъ Варшаву. Его провожали изъ Варшавы кошачьей музыкой, на станціяхъ повторялось то-же и раздавался нескончаемый свистъ локомотивовъ. По возвращеніи изъ-за границы П. А. Мухановъ былъ назначенъ предсѣдателемъ императорской археографической коммисіи.

Почти одновременно съ увольненіемъ Муханова было объявлено о назначеніи Велепольскаго главнымъ директоромъ комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Принимая дня три спустя своихъ подчиненныхъ, онъ сказалъ: „Господа, привѣтствую въ лицѣ вашемъ сотрудниковъ, привѣтствую не чиновниковъ варшавскаго учебнаго округа, а—возсозданной коммисіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія. Эта перемѣна названія означаетъ еще болѣе глубокую, существенную перемѣну вещей. Симъ монархъ возвращаетъ нашему отечеству самое важнѣйшее для народа достояніе: дѣла вѣры и просвѣщенія. Настоящее собраніе наше есть первое осуществленіе реформъ, милостиво намъ гарантированныхъ, а затѣмъ въ насъ и нами долженствующая совершиться перемѣна да будетъ основаніемъ другихъ спасительныхъ улучшеній, ибо къ чему бы это все послужило, если бы мы не постарались образовать изъ молодого поколѣнія людей, способныхъ принять участіе въ такихъ серьезныхъ преобразованіяхъ? Трудъ нашъ тяжелъ и великъ: полнѣйшая реорганизація школъ, воспольненіе отдѣловъ главной школы, въ теченіе столь долгаго времени праздныхъ,—это задача не малая. Чтобы содѣйствовать успѣху всего этого, подадимъ другъ другу руки!“

Духовенство не торопилось представиться, питая болѣе другихъ несочувствіе къ Велепольскому. Когда оно, наконецъ, явилось, Велепольскій сказалъ:

„Достойный ксендзъ-епископъ! Уважаемые прелаты и отцы! Въ

предстоящемъ здѣсь римско-католическомъ и уніатскомъ духовенствѣ привѣтствую нынѣ вѣстниковъ мира! Отверстую въ народѣ предъ нашими глазами пропасть всемогущая десница Провидѣнія начинаетъ замыкать, и послѣ дней скорби настаетъ отрадная тишина, Богъ дастъ, и радость! И кому же теперь въ самомъ дѣлѣ менѣе поводовъ роптать, какъ не духовенству? Вы чувствуете вмѣстѣ съ нами, а послѣ долгихъ испытаній и лучше насъ, какъ много облагодѣтельствовалъ насъ монархъ, установивъ въ краѣ особую власть для дѣлъ духовныхъ и повелѣвъ сзывать отовсюду пастырей, по старому обычаю, въ совѣтъ царства. Римско-католической церкви надлежитъ все мое вниманіе. Памятовать мнѣ объ этомъ тѣмъ естественнѣе, что вѣра католическая есть моя и отцовъ моихъ вѣра. Но сіе мое расположеніе я, представитель власти, съумѣю пока обуздать и остановить. Такъ, дойстойный ксендзъ-епископъ, уважаемые прелаты и отцы, я—представитель власти, завѣдывающей исповѣданіями соединенно съ просвѣщеніемъ,—я буду слѣдовать только дѣйствительной и разумной терпимости, одному изъ величайшихъ достояній нашего вѣка. Будучи членомъ правительства всемилостивѣйшаго нашего монарха, я нигдѣ, насколько могу,—тѣмъ болѣе въ нашемъ вѣдомствѣ,—не допущу правительства въ правительствѣ". Обѣщая затѣмъ заботиться о нуждахъ вѣры, Велепольскій закончилъ словами: „Полагаюсь на ваше благоразуміе, а вы, уважаемые господа, полагайтесь на мои добрыя вамъ пожеланія". Принимая еврейское духовенство, маркизъ благодарилъ его „за оказанное лестное довѣріе", сказалъ, что будетъ стремиться къ уравненію въ правахъ евреевъ, и подчеркнулъ важную роль евреевъ, какъ представителей торговли и промышленности. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ письмо „отъ всего католическаго духовенства Польши", полное упрековъ и брани, а затѣмъ начались у него нескончаемыя недоразумѣнія съ духовенствомъ. Прежде всего онъ потребовалъ отъ католическаго духовенства, чтобы оно запретило пѣть въ костелахъ революціонныя пѣсни. Не добившись согласія на это духовенства, онъ объявилъ въ газетахъ, что духовенство запрещаетъ пѣть въ костелахъ революціонныя пѣсни, чѣмъ еще болѣе возстановилъ противъ себя ксендзовъ.

На Пасху онъ сдѣлалъ визитъ Замойскому, чтобы помириться съ нимъ, но тотъ принялъ его холодно. Кстати сказать, Пасха 1861 г. замѣчательна тѣмъ, что на ней происходило въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ Привислинья торжественное братаніе шляхты съ народомъ и съ евреями. Богатые приглашали бѣдныхъ, христіане евреевъ, евреи христіанъ. Было издано воззваніе къ евреямъ о совмѣстномъ празднованіи Пасхи, въ синагогахъ заго-

рили по-польски, былъ даже изданъ на польскомъ языкѣ „Молитвенникъ для полекъ Моисеева исповѣданія“. Возникшій къ этому времени на польскомъ языкѣ еврейскій журналъ усердно проповѣдывалъ польско-еврейское братство.

Вооруженный еще болѣе прежняго противъ Замойскаго его нежеланіемъ помириться, Велепольскій тотчасъ послѣ Пасхи закрылъ „Земледѣльческое Общество“. Въ отвѣтъ на закрытіе „Общества“ была устроена шумная уличная демонстрація. Толпа направилась къ дому Замойскаго, вызвала его на балконъ, а затѣмъ пошла къ замку. Вышелъ Горчаковъ, сталъ уговаривать разойтись, но въ отвѣтъ послышались насмѣшки. Хрулевъ, командовавшій войсками, собранными на Замковой площади, всячески уговаривалъ демонстрантовъ разойтись. Демонстранты заявили, что разойдутся, если будутъ убраны войска. Войска были уведены, и демонстранты разошлись съ криками „побѣда“, сбивая цилиндры у встрѣчныхъ, распѣвая революціонныя пѣсни. На слѣдующій день появилось объявленіе, запрещавшее сборища и предупреждавшее, что въ случаѣ нарушенія этого распоряженія войска будутъ стрѣлять. Несмотря на это, въ тотъ же день собрались толпы на похороны нѣкоего Стобницкаго, возвращеннаго изъ Сибири, а толпа евреевъ собралась на еврейскомъ кладбищѣ у воротъ на поминки по нѣкоемъ Эйзенбаумѣ, который проповѣдовалъ польско-еврейское братство. Съ кладбища евреи и поляки подъ руководствомъ Новаковскаго отправились къ находящейся недалеко отъ замка статуѣ Богоматери. Въ это время проѣзжала почтовая карета, почтарь затрубилъ: „Еще Польша не погибла“, толпа ринулась съ криками за каретой къ замку, у котораго стояли войска. Здѣсь предложили ей разойтись, пробовали разгонять, наконецъ Хрулевъ приказалъ стрѣлять. Когда раздались выстрѣлы, Новаковскій выдвинулся впередъ съ крестомъ въ рукахъ. Горчаковъ и нѣкоторые генералы смотрѣли въ окно изъ замка.—„Сущіе гугеноты“, сказалъ кто-то подлѣ Горчакова,—разсказываетъ Н. В. Бергъ. Онъ отвѣчалъ: „да!“ [61]) Новаковскаго арестовали, онъ защищался крестомъ и пѣлъ: „Святый Боже, святый крѣпкій“. Толпа не расходилась, въ солдатъ стали бросать камнями, Хрулевъ велѣлъ стрѣлять, нѣкоторые демонстранты бросились на солдатъ, но послѣ выстрѣловъ толпа разбѣжалась. Было убито 7 демонстрантовъ и 130 ранено, а съ нашей стороны оказалось 2 убитыхъ и 12 раненыхъ. Услышавъ выстрѣлы, Велепольскій поѣхалъ въ замокъ. Его карету окружили демонстранты, и солдатамъ съ полиціею пришлось выручать его. Когда толпа разошлась, Хрулевъ явился къ Горчакову, который спросилъ его: „Вы стрѣляли не холостыми зарядами—кто приказалъ?“ Хрулевъ, полу-

чившій отъ Горчакова приказаніе стрѣлять, рѣзко отвѣтилъ ему, сталъ упрекать его въ безхарактерности и слабости: „надо бы подать сигналъ къ тревогѣ: это бы окончательно успокоило городъ“, закончилъ онъ. Горчаковъ велѣлъ дать сигналъ. Кроненбергъ и ксендзъ Стецкій явились въ замокъ съ какими-то требованіями, но не были приняты кн. Горчаковымъ. Была произведена тревога, по улицамъ помчались войска, городъ охватила паника. „Многіе дрожали дрожью“, говоритъ Н. В. Бергъ [62]). А бывшій въ то время варшавскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Панютинъ въ своей запискѣ „Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.“ („Русская Старина“ № 5, 1902 г.) пишетъ по этому поводу: „простой народъ понялъ, что его выставляли только впередъ и употребляли, какъ орудіе, а при первой возможности бросили на произволъ судьбы. Извѣстно, что главные зачинщики не были съ народомъ, они оставались въ сторонѣ и выжидали обстоятельствъ, а послѣ несчастныхъ событій нѣкоторые даже пѣшкомъ бѣжали изъ города. Куда дѣвались Замойскіе, Островскіе, Шленкеры, Эпштейны и другіе? Они оставались у себя въ заперти и дома выжидали исхода обстоятельствъ. Имъ нужны были новыя жертвы, которыя дали бы снова возможность воспользоваться слабостью правительства, чтобы на трупахъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ потребовать для себя новыхъ уступокъ“ (стр. 282).

Войска были разставлены на площадяхъ, на которыхъ оставались до пріѣзда въ Варшаву преемника М. Д. Горчакова—Н. О. Сухозанета. Вожаки испугались. Это былъ моментъ, когда легко можно было подавить движеніе, но, конечно, это было не по силамъ Горчакову, здоровье котораго въ то время совершенно разстроилось, а Велепольскій не съумѣлъ этого сдѣлать. Сдѣлалъ попытку воспользоваться моментомъ начальникъ штаба Коцебу, который содѣйствовалъ сверженію Муханова. Онъ написалъ въ Петербургъ письмо, въ которомъ говорилъ, что въ Варшавѣ все пришло въ безпорядокъ, что необходима радикальная перемѣна, и видѣлъ средство для водворенія порядка въ строгомъ милитаризмѣ. Горчаковъ прочелъ это письмо, одобрилъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же написалъ письмо, жалуясь на интриги Коцебу. Въ то время, когда Горчаковъ и Коцебу интриговали другъ противъ друга, а Велепольскій стремился проводить дарованныя реформы и вошелъ съ ходатайствомъ къ государю о новыхъ, смятеніе, вызванное военной тревогою, прошло, красные оправились. Заговорили опять, что намѣстникъ самъ вызываетъ безпорядки, а затѣмъ велитъ стрѣлять. Директоръ комиссіи юстиціи Воловскій (изъ евреевъ), подписавшій послѣднее распоряженіе, воспрещавшее

сборища подъ угрозой выстрѣловъ, вышелъ въ отставку. Его мѣсто занялъ Велепольскій, присоединивъ къ своей должности главнаго директора комиссіи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ должность главнаго директора комиссіи юстиціи. Такимъ образомъ, въ рукахъ Велепольскаго оказались школа, духовенство и судъ. Явилось стихотвореніе популярнаго поэта Сырокомли, написанное по поводу закрытія „Земледѣльческаго Общества“ и заявлявшее, что тотъ, кто препятствуетъ земледѣльцамъ мирно трудиться, заставляетъ ихъ „перековать плуги въ мечи“. Броженіе среди поляковъ росло повсюду. Въ началѣ мая въ Вильнѣ въ первый разъ запѣли въ костелахъ: „Боже, Который Польшу“... Произведенные по этому случаю аресты вызвали безпорядки въ городѣ, на улицахъ стали приставать къ русскимъ, бросать въ полицію камнями. Въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ ставились на дорогахъ кресты въ память „пяти павшихъ“, распространялись желѣзные кресты тоже въ память „пяти павшихъ“, увѣряли, что Наполеонъ и Гарибальди идутъ освобождать Польшу, раздавались тенденціозныя картинки, изображавшія уличные безпорядки въ Варшавѣ. Появились разнообразныя каррикатуры на Велепольскаго, ненависть противъ котораго все болѣе усиливалась. Вожаки польскаго движенія называли его предателемъ, говорили, что ради чиновъ и орденовъ онъ запродалъ себя Россіи. Приходившія изъ Варшавы все болѣе тревожныя вѣсти привели государя къ рѣшенію, что правители царства не въ силахъ справиться со своею задачею. Было постановлено учредить должность помощника намѣстника по гражданской части съ назначеніемъ на эту должность варшавскаго генерала поляка Мерхелевича, а Горчаковъ и Коцебу были уволены въ отпускъ. Совсѣмъ больной Горчаковъ слегъ. Мерхелевичъ, вступая въ исполненіе должности намѣстника, напечаталъ воззваніе, призывая къ сохраненію порядка и объявляя, что самъ будетъ охранять порядокъ „съ добросовѣстностью солдата“. На слѣдующій день, 17 мая, Горчакова уже не было въ живыхъ. Жалкій видъ представляло перевезеніе его тѣла въ Варшавѣ на вѣнскій вокзалъ для отправленія черезъ Австрію въ Севастополь. Шторы въ окнахъ домовъ были опущены: поляки даже не хотѣли видѣть похоронъ человѣка, который, стараясь исполнять желанія ихъ, во всемъ уступалъ имъ. Въ шествіи участвовали только тѣ, кто былъ вынужденъ къ этому, но при этомъ многіе курили папиросы и развязно разговаривали, чтобы выказать пренебреженіе. Мѣстами раздавался свистъ уличныхъ мальчишекъ, слышался смѣхъ...

Какая громадная перемѣна въ настроеніи края произошла въ теченіе 5-лѣтняго управленія кн. М. Д. Горчакова Приви-

слиньемъ! Авторы многихъ воспоминаній о возстаніи 1863 г. приписываютъ эту перемѣну слабохарактерности кн. Горчакова. Нельзя отрицать явнаго вліянія этой слабохарактерности князя на подрывъ въ глазахъ поляковъ авторитета русской власти, но не одной этой слабохарактерностью было вызвано возстаніе. Стремленіе къ возстановленію Польши въ 50-хъ годахъ возгорѣлось съ новою силою подъ вліяніемъ Франціи и Англіи, поддерживавшихъ національныя надежды поляковъ съ цѣлью ослабленія Россіи, и отчасти подъ вліяніемъ Австріи и Пруссіи, которыя, опасаясь усиленія славянства путемъ единенія славянскихъ племенъ, старались, по возможности, ухудшать русско-польскія отношенія. Сильно отразились на полякахъ объединеніе Италіи, совершившееся въ 1859 г., и движенія турецкихъ славянъ къ освобожденію отъ турецкой власти. Кромѣ того, на поляковъ имѣли вліяніе успѣхи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ революціонныхъ идей въ западной Европѣ. Анархическое прошлое Польши обусловливаетъ особую легкость пересадки этихъ идей на польскую почву, а многочисленность польскаго еврейства и сила его еще болѣе способствуютъ революціоннымъ увлеченіямъ поляковъ, такъ какъ еврейство всегда и всюду является сторонникомъ революціоннаго броженія и часто руководитъ имъ. Весьма ощутительно сказывалось на полякахъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ воздѣйствіе германской мысли. Такъ называемые „польскіе евреи“, собственно—евреи нѣмецкіе, говорящіе на испорченномъ нѣмецкомъ языкѣ, носящіе нѣмецкія фамиліи, въ образованной части своей тяготѣли къ германской культурѣ и были вмѣстѣ съ нѣмцами проводниками въ польскую среду германскихъ идей. Польская философско-политическая литература была въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ рукахъ нѣмцевъ (Кремеръ, Либельтъ *), Гельцель), лучшими польскими публицистами въ то время были въ Варшавѣ — Кенигъ, а въ Краковѣ — Маннъ, оба нѣмцы по происхожденію. Какъ уже сказано выше, первымъ руководителемъ революціоннаго движенія въ Варшавѣ въ 50-хъ годахъ явился нѣмецъ Юргенсъ, много нѣмцевъ было и въ числѣ главныхъ организаторовъ возстанія, какъ напр., Шленкеръ, Отто, Баеръ, Рупрехтъ, Денель, Эске, Шварце. Всѣ эти евреи и нѣмцы, чуждые славянскаго чувства, враждебные Россіи, какъ представительницѣ антиреволюціонныхъ и антиконституціонныхъ началъ, толкали поляковъ идти противъ Россіи. А съ другой стороны ихъ толкалъ Римъ, стремившійся къ распространенію своей власти на востокъ. Участіе католическаго духовенства въ движеніи, мисти-

*) Либельтъ задавался цѣлью составить славянскую философію, тѣмъ не менѣе славянскаго въ немъ было мало: въ философіи онъ былъ послѣдователемъ Гегеля и на политическіе вопросы смотрѣлъ сквозь нѣмецкіе очки.

ческо-религіозный характеръ, который былъ приданъ стремленію поляковъ къ возстановленію Польши ихъ поэтами—Мицкевичемъ и Красинскимъ, религіозно-мистическая окраска, приданная польскому движенію 60-хъ годовъ не только католическимъ духовенствомъ, но и руководителями его изъ числа людей невѣрующихъ, либо лютеранъ или евреевъ,—сильно дѣйствовали на городской низшій классъ и на женщинъ.

Если-бы Россія въ то время, когда началось польское движеніе 60-хъ годовъ, не переживала момента слишкомъ быстрыхъ и рѣзкихъ реформъ, если-бы русское правительство въ то время не отступило въ отношеніи окраинъ отъ того принципа, что связь ихъ съ государствомъ не можетъ быть основана только на чувствахъ преданности и благодарности, а должна выражаться въ общности государственнаго языка, законовъ и учрежденій, каковая общность воспитываетъ чувство государственнаго единства, если-бы часть русскаго общества того времени не была увлечена революціонными теоріями, то, конечно, польское движеніе не могло бы развиться и окрѣпнуть, несмотря на слабохарактерность кн. М. Д. Горчакова, на политическую недальновидность виленскаго ген.-губ. В. И. Назимова и излишнюю довѣрчивость кіевскаго—кн. Васильчикова. Но, къ сожалѣнію, моментъ, который переживала тогда Россія, способствовалъ успѣхамъ польскаго движенія—и оно развилось очень быстро. Когда умеръ кн. М. Д. Горчаковъ, это движеніе уже разлилось широкой волной. Въ него уже была вовлечена, какъ въ Привислиньѣ, такъ и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, городская чернь. Въ непросвѣщенныхъ людей уже было вселено убѣжденіе, что русскіе „кресты ломаютъ“. Многіе ремесленники и рабочіе были оторваны отъ труда, находя болѣе пріятнымъ занятіемъ участіе въ демонстраціяхъ, за что имъ платили и угощали ихъ. Полиція и чиновничество, состоявшія въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ изъ поляковъ, были деморализованы и частью активно способствовали революціонерамъ, частью же изъ страха передъ ними не противодѣйствовали имъ.

Внутри Россіи также, какъ въ западныхъ и привислинскихъ губерніяхъ, замѣчалось броженіе. Освобожденіе крестьянъ совершилось, правда, въ общемъ спокойно: болѣе или менѣе серьёзные безпорядки были лишь въ двухъ уѣздахъ, да въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западныхъ губерній возникали волненія тамошнихъ русскихъ крестьянъ на почвѣ недовѣрія къ полякамъ-мировымъ посредникамъ. „Но,—говоритъ С. С. Татищевъ („Русскій Біографическій Словарь“. Т. I. Спб. 1896. Ст. „Императоръ Александръ II“. Стр. 560),—въ повременной печати уже нѣсколько лѣтъ преобла-

дало крайнее направленіе, заимствованное съ запада и проповѣдывавшее политическія и соціальныя ученія самаго разрушительнаго свойства. Вліяніе ихъ на незрѣлые умы воспитанниковъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ не замедлило сказаться въ цѣломъ рядѣ безпорядковъ, въ неповиновеніи начальству, нарушеніи установленныхъ имъ правилъ, созваніи недозволенныхъ сходокъ и проявленіи при каждомъ случаѣ недовѣрія и дерзкой враждебности къ правительству".

VII.

Въ виду противоправительственнаго броженія среди русской молодежи и извѣстной части русскаго общества и въ виду безпорядковъ въ Привислиньѣ и въ западныхъ губерніяхъ, весною 1861 г. состоялось засѣданіе комитета министровъ, на которомъ обсуждалось положеніе дѣлъ. Рѣшено было строго подавлять безпорядки, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отступать отъ дальнѣйшихъ реформъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской и его товарищъ Н. А. Милютинъ, которому послѣ усмиренія польскаго мятежа 1863 года пришлось вводить коренныя преобразованія въ Привислинскомъ краѣ, оставили свои посты, и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ П. А. Валуевъ, расположенный къ полякамъ и поддерживавшій ихъ въ Петербургѣ.

Восторжествовало, какъ въ то время говорили, умѣренно—либеральное дворянское теченіе, главнымъ представителемъ котораго былъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ. Въ частности, относительно царства польскаго было рѣшено водворить тамъ порядокъ военною строгостью, а затѣмъ приступить къ реформамъ. Для проведенія этихъ реформъ и управленія царствомъ на новыхъ началахъ подыскивался новый намѣстникъ, а между тѣмъ, по случаю смерти Горчакова, временно былъ посланъ въ Варшаву военный министръ Сухозанетъ, котораго предполагалось замѣстить на должности военнаго министра Д. А. Милютинымъ. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ шагъ къ смѣщенію Сухозанета съ должности военнаго министра и вмѣстѣ съ тѣмъ Варшавѣ данъ военный администраторъ, который, казалось, водворитъ порядокъ.

Варшавскій временный намѣстникъ Сухозанетъ происходилъ изъ ополяченныхъ бѣлоруссовъ. Это былъ человѣкъ военной дисциплины, засвидѣтельствовавшій свою преданность Россіи участіемъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1830 года, но вмѣстѣ съ

тѣмъ сердечно привязанный къ полякамъ, какъ къ народности, любившій польскій языкъ и окружавшій себя поляками, когда служилъ въ Варшавѣ при Паскевичѣ начальникомъ артиллеріи. Пріѣхавъ въ Варшаву управлять взволнованнымъ краемъ, добродушный старый генералъ хотѣлъ напугать варшавянъ своимъ грознымъ видомъ, подавить ихъ впечатлѣніемъ величія. Но ему трудно было это сдѣлать. Его разсѣянность, частыя орѳографическія ошибки, перевираніе словъ и фамилій давали пищу насмѣшкамъ надъ нимъ. Много насмѣшекъ и остротъ вызвала, напримѣръ, положенная имъ на одномъ донесеніи, въ которомъ излагались мѣры для усмиренія края, резолюція: „фимъ!“. Оказалось, что Сухозанетъ хотѣлъ напи-

Генералъ Н. О Сухозанетъ.

сать: „миѳъ“. Онъ въѣхалъ въ Варшаву, окруженный многочисленнымъ конвоемъ. При первомъ представленіи въ замкѣ онъ вошелъ, „гремя волочившеюся саблею, и, увидѣвъ своего стараго знакомаго виноторговца, стоявшаго съ оттопыренными руками, потому что надѣтый на него мундиръ былъ очень узокъ, крикнулъ: „это что

значитъ? руки по швамъ!“ Виноторговецъ быстро прижалъ руки къ бокамъ, причемъ мундиръ съ трескомъ лопнулъ [63]). Вскорѣ послѣ первого представленія въ замкѣ былъ назначенъ смотръ въ центрѣ города. На смотръ явился и тогдашній петербургскій журналистъ И. Арсеньевъ, приглашенный въ Варшаву еще при Горчаковѣ. Сухозанетъ пріѣхалъ на смотръ, какъ всегда, съ большимъ конвоемъ и громко сказалъ Арсеньеву: „Вы нашъ защитникъ предъ Европой и истолкователь нашихъ дѣйствій предъ Россіей; смотрите, наблюдайте за всѣмъ и пишите. Вашему перу будетъ теперь много пищи. Защищайте насъ, боритесь, покажите, что вы истинно русскій писатель“.

Сойдясь близко съ Мерхелевичемъ, Сухозанетъ устраивалъ смотры и военныя торжества, говорилъ рѣчи, увѣрялъ, что онъ быстро „оболванитъ *) царство польское, и, расхаживая по терасѣ Бельведерскаго дворца, напѣвалъ:

Я считалъ дежурство вѣкомъ,
А вотъ скоро и пройдетъ:
Такъ бываетъ съ человѣкомъ—
Подежуритъ и уйдетъ.

Но насколько Сухозанетъ сблизился съ Мерхелевичемъ, настолько же разошелся съ Велепольскимъ. Властолюбивому маркизу трудно было съ кѣмъ-либо ужиться, а тѣмъ болѣе со старикомъ, имѣвшимъ разныя причуды и не раздѣлявшимъ взглядовъ маркиза. Сухозанетъ старался погасить движеніе частью дѣйствительными, но еще болѣе кажущимися строгостями, а Велепольскій реформами. Сухозанетъ предавалъ демонстрантовъ военному суду, высылалъ кзендзовъ, полиція то и дѣло арестовывала, хотя, впрочемъ, на слѣдующій день выпускала. Руководителямъ движенія легко было догадаться, что строгости Сухозанета были по преимуществу показныя. Доброта, старческая слабость, симпатія къ полякамъ, боязнь прослыть отсталымъ удерживали его отъ дѣйствительныхъ мѣръ строгости. Демонстраціи шли непрерывно: въ костелахъ, синагогахъ служились панихиды за умершаго одновременно съ Горчаковымъ Лелевеля, на улицахъ предъ статуями Богородицы и святыхъ распѣвались революціонныя пѣсни, появилась „Молитва москалей“, въ которой „москали“ жаловались, что „въ то время, когда поляки вознесены къ славѣ и просвѣщенію, русскіе остались въ тѣни невѣжества“, и обращались съ мольбою: „о, просвѣти насъ, Господи!“ Стали продавать литографированныя картины: „Извощикъ, отпрягающій лошадей, чтобы

*) Оболванить—артиллерійскій терминъ; значитъ обдѣлать вчернѣ. Этимъ выраженіемъ Сухозанетъ хотѣлъ сказать, что онъ водворитъ порядокъ въ царствѣ, подготовивъ, такимъ образомъ, край къ реформамъ.

впречь въ пушку", „Св. Іосафатъ, замученный москалями". Раздавалась и продавалась также картинка, изображающая Св. Іосифа—Обручника, окруженнаго косами, съ молитвеннымъ обращеніемъ къ нему, чтобы онъ помогъ полякамъ возстановить Польшу ихъ „собственными силами". Организовалась подпольная печать, первымъ органомъ которой была газета „Щербецъ", болѣе пылкіе люди стали запасаться оружіемъ, которое тайно ввозилось въ край. Чиновничество и полиція въ громадномъ большинствѣ были къ этому времени вполнѣ къ услугамъ революціонеровъ. Видя слабость Горчакова и чудачества Сухозанета и заключая въ виду этого о слабости русскаго правительства, и тѣ поляки, которыхъ до тѣхъ поръ удерживалъ страхъ, стали переходить явно на сторону повстанцевъ, явились прокламаціи къ помѣщикамъ. Молодежь стала учиться фехтовать; дѣти начали играть въ русскаго и польскаго короля, причемъ полки перваго всегда побивались; продавались образки съ изображеніемъ сломаннаго креста. Патрули и разъѣзды (войска съ площадей были уведены, вмѣсто того стали посылать патрули) подвергались насмѣшкамъ, забрасывались камнями. То и дѣло разбивались стекла и устраивались кошачьи концерты. Нашелся даже спеціалистъ, который за плату брался устраивать такіе концерты. Число тайныхъ кружковъ росло. Особенно выдѣлился въ это время образовавшійся послѣ похоронъ „пяти павшихъ" кружокъ молодого еврея Эпштейна, сына предсѣдателя правленія варшавско-вѣнской ж. д. Къ этому кружку примкнули братья Франковскіе и Игнатій Хмѣленскій, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Этотъ кружокъ устраивалъ демонстраціи, издавалъ воззванія и сжигалъ правительственныя распоряженія о реформахъ. Маевскаго лѣтомъ 1861 г. не было въ Варшавѣ; онъ уѣхалъ лѣчиться, поручивъ свои „дѣла" переселившемуся изъ юго-западнаго края въ Варшаву помѣщику А. Корженевскому, который собирался поднять возстаніе во время крымской войны.

Въ началѣ іюня скончался въ Парижѣ князь А. Чарторыйскій, „польскую корону" котораго унаслѣдовалъ его сынъ Владиславъ.

Смерть Чарторыйскаго вызвала оживленную полемику въ польской заграничной печати. Лондонскій польскій журналъ „Польскій Демократъ", выходившій при денежномъ содѣйствіи Герцена, перепечатывая изданное лѣтомъ 1861 года воззваніе сына князя Адама Чарторыйскаго Владислава по случаю смерти его отца,—воззваніе, заявлявшее, что князь Владиславъ взялъ въ свои руки завѣщанное ему отцомъ „знамя польской службы заграницею",—а также воззваніе Мѣрославскаго и комитета „объединяющейся польской эмиграціи",—(№ отъ 26 октября нов. ст. 1861 года) пишетъ: „Умеръ

старый Чарторыйскій, но есть молодой, который намѣренъ дѣлать то же, что дѣлалъ его отецъ, т. е. дипломатизировать со дворами и собирать пожертвованія. Нѣтъ уже Бемовъ для формированія португальско-испанскихъ легіоновъ, но есть Мѣрославскій, который, дополняя себя то Куржиной, то Высоцкимъ, продѣлываетъ неисчислимые военные фокусы и съ этою цѣлью также собираетъ пожертвованія. Нѣтъ Лелевелей и Звѣрковскихъ, но нѣтъ недостатка въ охотникахъ засѣдать въ комитетѣ „объединенія“, нѣтъ недостатка въ охотникахъ повторять старую работу склейки самыхъ противорѣчащихъ элементовъ“... Курьезно, что, насмѣхаясь надъ сборомъ пожертвованій Мѣрославскимъ и Чарторыйскимъ, „Польскій Демократъ“ въ № отъ 9 ноября 1861 года нов. ст. самъ обратился къ своимъ читателямъ съ просьбою о нравственной и денежной поддержкѣ. Выпустивъ воззваніе по случаю смерти отца, Владиславъ Чарторыйскій вскорѣ затѣмъ напечаталъ брошюру „Голосъ изъ края“, въ которой говорилось, что поляки признаютъ преемникомъ князя Адама Чарторыйскаго Владислава Чарторыйскаго. Въ эмиграціи произошелъ переполохъ, стали появляться протесты противъ „узурпированія“ власти представителемъ „измѣнническаго“ рода Чарторыйскихъ.

По случаю кончины А. Чарторыйскаго [64]) въ Варшавѣ состоялась панихида, на которую собрались и бѣлые, и красные. Служилъ архіепископъ Фіалковскій, который во время богослуженія самъ запѣлъ: „Боже, Который Польшу“; публика подхватила хоромъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ панихидъ за Чарторыйскаго. Торжественныя панихиды по Лелевелѣ и Чарторыйскомъ служились во многихъ городахъ привислинскихъ и западныхъ губерній. Всюду при этомъ пѣлись революціонныя пѣсни. Около этого же времени распространялись агентами Мѣрославскаго подложныя депеши Мѣрославскаго и Гарибальди, что они съ легіономъ идутъ „спасать Польшу“, а въ Times'ѣ появилась статья о полякахъ и о необходимости помочь имъ, которая вызвала подачу адреса поляками англійскому консулу въ Варшавѣ. Цѣлая компанія агентовъ Мѣрославскаго, проникшая въ Привислинье и въ западныя губерніи, стала торопить поднять вооруженное возстаніе, но большинство мѣстныхъ руководителей находило, что начинать вооруженный мятежъ рано. Бѣлые и мѣстные красные желали, по возможности, оттянуть начало возстанія. Подавъ другъ другу руки, они рѣшили вмѣстѣ устроить манифестаціи въ день годовщины люблинской уніи 31 іюля, чтобы „поддержать духъ въ народѣ“ и показать Россіи, что западный край—польскій. Главная манифестація предполагалась въ Ковнѣ и въ лежащемъ противъ Ковны на противоположномъ берегу Нѣмана селеніи Алек-

сотѣ. Было разослано воззваніе, начались приготовленія. Между тѣмъ 27 іюля, въ день рожденія императрицы Маріи Александровны произошла въ Варшавѣ демонстрація въ католическомъ соборѣ, а вечеромъ толпы уличниковъ стали гасить иллюминацію, разбивать окна въ квартирахъ русскихъ. 31 іюля въ Варшавѣ по случаю годовщины уніи всѣ сняли трауръ, вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Въ Люблинѣ было устроено гулянье, распѣвались революціонныя пѣсни, вечеромъ въ окнахъ домовъ свѣтились транспаранты съ гербами Литвы и Польши, портретомъ Костюшки и т. п. Видное участіе въ этой люблинской демонстраціи принимала дочь русскаго генерала Пустовойтова. Въ Ковну съѣхалось много помѣщиковъ. Изъ Ковны и Алексоты вышли процессіи при огромномъ стеченіи народа и направились къ мосту, на которомъ встрѣтились при пѣніи: „Боже, Который Польшу“. Чтобы помѣшать процессіямъ сойтись, власти хотѣли-было развести мостъ, но успѣли выдвинуть лишь одинъ плашкоутъ. Затѣмъ участники, собравшись, пѣли пѣсни, плакали, пили, ѣли и составили актъ о новомъ соединеніи Литвы и Польши. 3 августа предполагалось въ Варшавѣ устроить большую манифестацію въ честь Наполеона, но дѣло ограничилось молебномъ Богородицѣ. Разбрасывались воззванія, появился новый подпольный журналъ: „Стражница“. Въ своихъ донесеніяхъ государю Сухозанетъ говорилъ о принимаемыхъ имъ мѣрахъ строгости, и государь, одобряя эти мѣры, просилъ не измѣнять системы до пріѣзда графа Ламберта, который назначался на должность намѣстника въ Варшаву. Пререканія и борьба между Велепольскимъ, настаивавшимъ, чтобы судить демонстрантовъ въ гражданскихъ судахъ,—что не имѣло никакого смысла, такъ какъ эти суды, бывшіе подъ вліяніемъ революціонеровъ, оправдывали явно виновныхъ,—и Сухозанетомъ, постоянно жаловавшимся на Велепольскаго, дошли до крайности. Печатая въ официальной газетѣ рѣчь Сухозанета по поводу открытія засѣданій государственнаго совѣта, Велепольскій передѣлалъ ее по своему, что, конечно, возмутило Сухозанета. Наконецъ, маркизъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Донося объ этомъ государю, Сухозанетъ пояснилъ, что главной причиной подачи Велепольскимъ прошенія являются „рѣшенія мои противъ злоумышленниковъ внѣ правилъ мѣстнаго судебнаго порядка“. Государь отвѣтилъ, что желаетъ, чтобы маркизъ оставался на занимаемыхъ должностяхъ до пріѣзда графа Ламберта.

Русскіе военные были недовольны Сухозанетомъ, который отталкивалъ ихъ отъ себя тѣмъ, что приближалъ къ себѣ поляковъ или ополяченныхъ русскихъ, и двойственностью предписаній. Онъ

повторялъ, напр., распоряженіе Горчакова, разрѣшавшее стрѣлять „въ крайнемъ случаѣ", но вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ воздерживаться отъ употребленія оружія даже тогда, когда бросаютъ въ войска камнями, грязью, и даже, если будутъ въ нихъ стрѣлять, а въ одномъ изъ своихъ приказаній онъ говорилъ: „Вижу, что оскорбленія, наносимыя войску, возбуждаютъ между господами офицерами сильное раздраженіе, начинающее выражаться громкимъ ропотомъ. Обстоятельство это, усиливая затрудненія правительства, показываетъ, что господа офицеры съ не надлежащей точки зрѣнія смотрятъ на свое положеніе здѣсь и не ясно понимаютъ свою роль. Оскорбленія, коихъ виновники разсчитываютъ всегда укрыться отъ отвѣтственности, не составляютъ никакого безчестія для тѣхъ, которые бываютъ случайными ихъ жертвами. Надѣюсь, что господа офицеры, обдумавъ это, поймутъ, что въ такихъ обстоятельствахъ хладнокровно переносить неизбѣжныя непріятности есть дѣло истиннаго мужества" [65]).

Преемникъ Сухозанета графъ К. К. Ламбертъ пріѣхалъ въ Варшаву 12 августа. Сравнительно молодой, изящный, салонный генералъ, французскаго происхожденія, католикъ по вѣроисповѣданію, графъ Ламбертъ отправлялся въ Варшаву, чтобы умомъ, тонкостью обращенія, ласкою, проведеніемъ дарованныхъ реформъ и милостями привязать къ Россіи поляковъ. Онъ въѣхалъ въ Варшаву безъ всякаго конвоя и сейчасъ же обнародовалъ данный на его имя высочайшій рескриптъ: „Карлъ Карловичъ, назначая васъ исправляющимъ должность намѣстника царства польскаго, я поручаю вамъ принять всѣ мѣры къ благоуспѣшному дѣйствію государственныхъ учрежденій, дарованныхъ царству указомъ моимъ 14 марта сего года. Остаюсь при этомъ въ твердой увѣренности, что жители царства польскаго просвѣщеннымъ и здравымъ умомъ своимъ поймутъ, что только въ правильномъ развитіи этихъ учрежденій, они могутъ обрѣсти залогъ дальнѣйшаго успѣха въ самобытности управленія и общественнаго благосостоянія, а не въ раздорѣ и народныхъ волненіяхъ, поставляющихъ преграды къ осуществленію лучшихъ моихъ намѣреній и предначертаній. Призовите къ содѣйствію въ трудахъ вашихъ людей способныхъ и благомыслящихъ, чтобы дѣйствительныя нужды любезныхъ мнѣ подданныхъ восходили ко мнѣ черезъ посредство ваше, какъ законное выраженіе общихъ желаній, зрѣло обдуманныхъ въ кругу просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ согражданъ, а не въ видѣ заявленій, обманчивыхъ увлеченій, внушаемыхъ врагами всякаго порядка. Возстановите спокойствіе въ царствѣ, а я со своей стороны съ радостью готовъ предать прошедшее забвенію и на довѣріе ко мнѣ и любовь польскаго народа отвѣчать всегда тѣмъ же" [66]). Въ этомъ рескриптѣ заключалась программа дѣйствій

графа Ламберта, новая и опредѣленная. Естественно, что Ламбертъ, задавшійся цѣлью умиротворить поляковъ реформами, выработанными маркизомъ Велепольскимъ, пошелъ съ нимъ рука объ руку. Естественно, что онъ открылъ настежь двери замка для польскаго общества, изъ среды котораго хотѣлъ избрать „людей способныхъ и благомыслящихъ“, чтобы опираться на нихъ. Польскіе аристократы говорили ему о непопулярности Велепольскаго, о необходимости устранить его посредничество между русскимъ правительствомъ и поляками, если правительство желаетъ дѣйствительнаго примиренія. Сторонники А. Замойскаго предлагали назначить его на должность вице-предсѣдателя государственнаго совѣта царства польскаго.

Русскіе, какъ и поляки не любившіе маркиза за его надменность и высокомѣріе, и кромѣ того видѣвшіе его презрѣніе ко всему русскому, недовѣрявшіе его „лояльности“ и „преданности монарху“ и находившіе, что никакія реформы не успокоятъ расходившейся черни и агитаторовъ, какъ варшавскихъ, такъ и управлявшихъ изъ-за границы движеніемъ, высказывались противъ маркиза, но Ламбертъ не измѣнилъ своего отношенія къ Велепольскому и представилъ его на должность вице-предсѣдателя государственнаго совѣта, а другъ маркиза Кроненбергъ съ нѣкоторыми другими членами бывшей городской делегаціи стали ближайшими совѣтниками и сотрудниками Ламберта. Рѣшивъ открыть губернскіе и городскіе совѣты и выборы въ нихъ членовъ, Ламбертъ расчитывалъ, что при помощи Кроненберга и другихъ будетъ выбрано большинство „людей способныхъ и благомыслящихъ“, а меньшинство, которое будетъ проведено красными частью присоединится вскорѣ къ побѣдившему большинству, частью же мало-по-малу будетъ устранено и замѣнено спокойными людьми. Въ то время, какъ маркизъ Велепольскій проводилъ реформы и писалъ статьи объ этихъ реформахъ въ основанномъ имъ вмѣсто русско-польской варшавской „Оффиціальной газеты“ офиціозномъ органѣ „Всеобщій Дневникъ“, а графъ Ламбертъ обсуждалъ съ Кроненбергомъ, фабрикантомъ Шленкеромъ, ксендзами Стецкимъ и Вышинскимъ и съ другими лицами нужды и положеніе края, въ Варшавѣ состоялся, по почину Маевскаго и Юргенса, съѣздъ для обсужденія вопроса, что дѣлать: готовиться-ли къ возстанію и когда приступить къ нему, или же, повидимому примиряясь съ правительствомъ, подкапываться подъ него. Мѣрославскій тоже устроилъ съѣздъ въ Гомбургѣ (въ Гессенѣ), на который прибыли довѣренные варшавскихъ красныхъ. Въ Гомбургѣ же была тогда напечатана брошюра „О польскомъ начальникѣ Костюшкѣ и рацлявицкой битвѣ 7 апрѣля 1794 года“, предназначенная для рас-

пространенія среди крестьянъ. Эта брошюра заключала въ себѣ біографію Костюшки, заканчивавшуюся словами: „А вѣрьте именемъ Бога и Матери Ченстоховской, нашей польской Королевы,

К. К. Ламбертъ.

(Съ портрета, находящагося въ Варшавскомъ Замкѣ).

что это (изгнаніе москалей изъ Польши) состоится очень скоро, и что мы этого дождемся, ибо москаль и нѣмецъ очень теперь ослабѣли и хотя дѣлаютъ видъ, что угрожаютъ, сами на дѣлѣ

не знаютъ, что сдѣлать, такъ какъ боятся и насъ, поляковъ, и французовъ, и итальянцевъ, и венгерцевъ, и чеховъ, и всѣхъ народовъ, которые любятъ святую вѣру, свободу, свое отечество и справедливость. Что дай, Боже, скоро! Аминь". Далѣе въ этой брошюрѣ приведены поддѣльныя народныя пѣсни о Костюшкѣ съ соблазнительными примѣчаніями въ такомъ родѣ: „Пушки не очень вредоносны, такъ какъ только издали убиваютъ народъ, а вблизи вреда не приносятъ, особенно московскія, потому что москали плохо стрѣляютъ. Кто съ Богомъ и отечествомъ въ сердцѣ идетъ на москаля, тотъ навѣрное его побьетъ... Польскіе крестьяне издавна употребляютъ косы въ войнахъ съ врагами. Для этой цѣли косы прикрѣпляются по прямой линіи къ палкѣ, чтобы можно было и колоть, какъ пикой, и рубить, какъ саблею. Съ такими косами наши молодцы не разъ побивали москалей и нѣмцевъ и отнимали у нихъ пушки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ генералъ Мѣрославскій съ косарями здорово поколотилъ нѣмцевъ въ Познани". Ранѣе появленія этой брошюры въ Парижѣ была напечатана брошюра „Ученье косарей" съ подробнымъ изложеніемъ военныхъ пріемовъ косами.

Варшавское совѣщаніе бѣлыхъ рѣшило образовать народное правительство, которое приняло бы на себя общее руководство страною и которое было названо дирекціею бѣлыхъ. Во главѣ ея былъ поставленъ Юргенсъ, а членами оказались Кроненбергъ (членъ казначей), графъ Владиславъ Замойскій (сынъ гр. А. Замойскаго), Маевскій и три помѣщика. Графъ Андрей Замойскій не засѣдалъ въ дирекціи, но дирекція признавала его „верховную власть" надъ собою: онъ былъ признанъ,—говоритъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ",—какъ бы „конституціоннымъ королемъ". Дирекція раздѣлила царство польское на 8 воеводствъ и назначила въ каждое воеводство воеводу, а для контролированія дѣйствій воеводъ каждый изъ членовъ дирекціи считался „мужемъ довѣрія" одного изъ воеводствъ и кромѣ того въ каждомъ же воеводствѣ были члены—корреспонденты; въ западныхъ губерніяхъ предполагалось учредить въ зависимости отъ варшавской дирекціи болѣе или менѣе автономныя „провинціальныя управленія", при чемъ эти губерніи въ варшавской дирекціи бѣлыхъ, какъ въ центральномъ польскомъ правительствѣ, имѣли своихъ представителей. Въ это же время красные выпустили прокламацію, въ которой говорилось о нераздѣльности Польши въ границахъ 1772 года и о постоянныхъ протестахъ поляковъ противъ раздѣловъ и заявлялось: „повелѣваемъ имъ (выборнымъ въ учреждавшіеся правительствомъ совѣты) ясно, безбоязненно и окончательно представить намѣст-

нику царства нужды польскаго народа, безъ удовлетворенія коихъ онъ не можетъ быть спокойнымъ и не сумѣетъ добровольно признать существующій порядокъ вещей законнымъ; для этого даемъ избраннымъ слѣдующій мандатъ: 1, что царство польское и столица Варшава домогаются исторгнутыхъ правъ и свободы и требуютъ тѣхъ же правъ и свободы для провинцій, отъ вѣковъ нераздѣльныхъ съ ними, т. е. для княжества литовскаго и для Руси; 2, что только слитое съ этими провинціями царство польское можетъ принять участіе въ управленіи государствомъ, централизуя власть въ Варшавѣ“ [67]). Это воззваніе составилъ переселившійся въ Варшаву изъ юго-западнаго края польскій писатель и помѣщикъ Корженевскій. Когда въ 1861 году въ юго-западномъ краѣ шла агитація въ пользу возстанія и образовались агентуры бѣлыхъ и красныхъ, большинство рѣшило, что поднимать возстаніе въ юго-западныхъ губерніяхъ немыслимо въ виду малочисленности поляковъ въ этомъ краѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено высылать въ царство желающихъ принять участіе въ возстаніи и помогать деньгами. Однимъ изъ первыхъ поѣхалъ въ Варшаву Корженевскій, а за нимъ послѣдовалъ его шуринъ студентъ Бобровскій, на интересныя „Воспоминанія“ (Pamiętniki) брата котораго пришлось нѣсколько разъ ссылаться въ этой книгѣ. Пріѣхавъ въ Варшаву, Корженевскій сталъ во главѣ кружка Новаковскаго. Вслѣдствіе ареста Новаковскаго въ апрѣлѣ 1861 г. этотъ кружокъ нѣкоторое время былъ безъ вожака. Въ составъ его входили (Шаховскій, братья Франковскіе)—главные устроители уличныхъ скандаловъ и демонстрацій. Одновременно съ появленіемъ воззванія, составленнаго Корженевскимъ, красные образовали въ Варшавѣ въ противовѣсъ дирекціи бѣлыхъ городской комитетъ, задачею котораго была организація возстанія и формированія пятерокъ, десятковъ, сотенъ и тысячъ заговорщиковъ. Во главѣ комитета оказался Хмѣленскій, который затѣмъ игралъ видную роль въ возстаніи, а помощниками его были чиновникъ Верещинскій и студентъ кіевскаго университета Гловацкій. Хмѣленскій—молодой человѣкъ, „сынъ промотавшагося помѣщика“, личность весьма темная, сдѣлавшая себѣ статью дохода изъ агитированія и организаціи возстанія, человѣкъ грубый, невѣжественный, агитаторъ—профессіоналъ, дорвавшійся до революціоннаго пирога и устранявшій, не разбирая средствъ, всѣхъ мѣшавшихъ ему коллегъ.

Красные и бѣлые до организаціи дирекціи бѣлыхъ и городского комитета и послѣ организаціи продолжали при Ламбертѣ устраивать манифестаціи. Къ фонарнымъ столбамъ привѣшивались фотографическія карточки навлекшихъ на себя неудовольствіе лицъ

устраивались кошачьи концерты, въ костелахъ распѣвались революціонныя пѣсни, ксендзы говорили зажигательныя проповѣди, всѣ были въ траурѣ, магазинамъ разрѣшалось выставлять въ витринахъ только черное, дамы одѣли браслеты съ цѣпями, устраивались панихиды за „пять павшихъ“ и молебствія за благоденствіе Польши. Молебны устраивали цехи, чиновники, офицеры—поляки, служившіе въ русской арміи, варшавскія акушерки, польскія вдовы и сироты, дѣвицы, прислуживающія въ ресторанахъ, крестьяне изъ подъ Варшавы и т. п. Иниціаторомъ этихъ молебновъ былъ Корженевскій. Курьёзно приглашеніе на молебенъ въ синагогу отъ имени „польской молодежи моисеева вѣроисповѣданія“. На немъ сверху надпись: „Боже, спаси Польшу“; съ одной стороны—изображенъ еврей, вырывшій саблю изъ земли, съ другой—еврей, обнимающійся съ полякомъ у пушки; внизу двѣ скрещенныя пушки. На нѣкоторыхъ приглашеніяхъ изображались гербы Литвы и Польши.

(Снимокъ съ медали въ память празднованія соединенія Литвы и Польши въ Городлѣ).

2 сентября въ день храмоваго праздника монастыря Св. Креста на Лысой горѣ радомской губерніи собралось до 30.000 народа; нѣкоторыя партіи богомольцевъ явились съ польскими знаменами. Всѣмъ бывшимъ на праздникѣ раздавался листокъ, распространявшійся затѣмъ среди поляковъ. На верху этого листка надпись: „свобода, единство, независимость“. Подъ нею гербы Литвы и Польши. На-право: шляхтичъ держитъ за руку крестьянина, а на-лѣво: полякъ обнимаетъ еврея. (См. рис. на стр. 118). Въ тотъ же день въ другомъ концѣ Привислинья въ м. Городлѣ на границѣ сѣверо-западныхъ губерній произошла большая манифестація въ память соединенія Литвы и Польши. Съѣхалось множество помѣщиковъ. Глава дирекціи бѣлыхъ Юргенсъ тоже былъ тутъ

Графъ Ламбертъ послалъ за нѣсколько дней до манифестаціи въ Городло отрядъ войска, приказалъ не допускать манифестаціи, но когда между нѣсколькими драгунами и манифестаторами дня за три до манифестаціи вышло столкновеніе, Ламбертъ, боясь крово-

пролитія, смягчилъ свои строгія распоряженія. Манифестація состоялась, и былъ составленъ „протестъ“, въ которомъ заявлялось о нераздѣльности на вѣчныя времена Литвы и Польши. Передъ этой демонстраціею въ западныхъ губерніяхъ распространялось „воззваніе къ полякамъ, русинамъ и литвинамъ“ о присылкѣ въ Городло депутатовъ Въ Кіевѣ въ день демонстраціи въ Городлѣ студенты, надѣвъ чамарки, собрались въ костелъ и пѣли „Боже, Который Польшу“ [68]).

Pamiątka z góry S^ego Krzyża

Храмовой праздникъ на Лысой горѣ.

(Изъ коллекціи В. П. Афанасьева).

Въ тотъ же день, когда были произведены манифестаціи въ Городлѣ и на Лысой Горѣ, въ Варшавѣ происходили похороны скон-

чавшагося архіепископа Фіалковскаго. Былъ установленъ церемоніалъ похоронъ, въ которыхъ долженъ былъ принять участіе и намѣстникъ со своею свитою, но бѣлые и красные, не взирая на церемоніалъ, рѣшили обратить похоронную процессію въ опереточное шествіе, какъ было съ похоронами „пяти жертвъ“. Явилась „народная полиція“, картонныя короны Литвы и Польши, знамена, были приведены крестьяне, шествовали раввины съ еврейскими депутаціями и т. п., такъ что намѣстникъ не счелъ удобнымъ присоединиться къ этому шествію. Привезенныхъ для участія въ похоронахъ Фіалковскаго нѣкоторыми помѣщиками крестьянъ угощали послѣ похоронъ въ Европейской гостинницѣ обѣдомъ, причемъ говорились

М. В. Юзефовичъ.

(Съ портрета, приложеннаго къ его брошюрѣ „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи. 2-е изданіе“. Кіевъ 1895 г.).

рѣчи о единеніи помѣщиковъ и крестьянъ для блага отчизны. Похоронами Фіалковскаго и крупными демонстраціями у монастыря Св. Креста, въ Ковнѣ и Городлѣ вожаки движенія хотѣли подчеркнуть братство шляхты съ крестьянами братство поляковъ съ евреями и нераздѣльность „Литвы и Польши“. И въ то время, какъ въ Ковнѣ и Городлѣ праздновалось соединеніе Литвы и Польши, во французской печати велась усиленная агитація, доказывавшая, что Западная Россія—польскій край. Журналъ Аксакова „День“ полеми-

зировалъ съ этими статьями французской печати Въ этой полемикѣ принялъ живое участіе предсѣдатель кіевской археографической коммисіи М. В. Юзефовичъ, одинъ изъ видныхъ кіевскихъ русскихъ дѣятелей того времени. Юзефовичъ отвѣчалъ на польско-французскіе доводы о принадлежности Западной Руси полякамъ въ „Днѣ“ и въ брюссельской газетѣ „Nord“. Главная польская научно-литературная сила въ Кіевѣ М. Грабовскій напечаталъ отвѣтъ Юзефовичу въ томъ же „Днѣ“. Въ этомъ отвѣтѣ Грабовскій говорилъ, что шляхта западно-русскаго края „русинскаго“ происхожденія, но тѣмъ отличается отъ простого народа, что приняла высшую (польскую) цивилизацію и католичество, и что право господства въ странѣ должно принадлежать передовому сословію, каковымъ въ Западной Руси является польская шляхта. Въ своихъ русскихъ опонентахъ, доказывавшихъ, что Западная Русь—русская страна, Грабовскій видѣлъ соціальныхъ революціонеровъ, къ числу которыхъ относилъ и знаменитаго гетмана Хмѣльницкаго, и обращалъ вниманіе правительства на опасность русской пропаганды въ западно-русскомъ краѣ. Конечно, Юзефовича, сотрудника Бибикова, при которомъ онъ служилъ помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, митрополита Арсенія, занимавшаго съ конца 50-ыхъ годовъ кіевскій митрополичій престолъ и мно́го заботившагося о просвѣщеніи въ духѣ Православія и русской народности народныхъ массъ Юго-Западной Руси, профессоровъ Шульгина и Иванишева, Андріашева, бывшаго въ то время директоромъ народныхъ училищъ, и другихъ лицъ, старавшихся поднять матеріально и просвѣтить въ русско-православномъ духѣ мѣстное русское крестьянство, довольно мудрено было назвать соціальными революціонерами, но это обычный польскій пріемъ: подобныя обвиненія высказывались и противъ гр. М. Н. Муравьева *).

Государь съ самаго пріѣзда графа Ламберта въ Варшаву настаивалъ на введеніи военнаго положенія въ виду не прекращавшихся демонстрацій и рекомендовалъ проводить реформы подъ охраною

*) Въ 1866 году въ газетѣ „Кіевлянинъ“ была напечатана статья о подготовкѣ польскаго возстанія 1863 г. въ юго-западныхъ губерніяхъ. Въ этой статьѣ сказано, что къ 1856 году въ Кіевѣ образовалось вполнѣ организованное общество іезуитовъ, во главѣ котораго стояли г.г. П. К. и Ш. и ксендзъ Г. Іезуиты систематически воздѣйствовали на поляковъ-студентовъ, выдавали имъ пособія, собирали деньги на постройку костеловъ и открывали католическія училища въ деревняхъ, а въ Кіевѣ основали польскую библіотеку. Первыми эмиссарами пріѣхавшими въ Кіевъ въ 1861 г. для подготовки возстанія „Кіевлянинъ“ называетъ Моцкевича и Леви (еврей?). Перепечатывая эту статью, „Вѣстникъ Западной Россіи“ (№ 9—1866 г. Стр. 352—359) замѣтилъ, что въ сѣверо-западномъ краѣ были совершенно сходныя явленія. Варшавская польская печать поддерживала дѣятельность іезуитовъ въ западныхъ губерніяхъ.

этого положенія, но Велепольскій убѣждалъ Ламберта, что этимъ можно только испортить дѣло. Въ сѣверо-западномъ краѣ военное положеніе было введено въ августѣ 1861 года. Разнаго рода демонстраціи и пѣніе въ костелахъ польскихъ революціонныхъ гимновъ не прекращались въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ теченіе всего лѣта 1861 г. Въ Вильнѣ толпа дамъ—„патріотокъ“ пыталась взять приступомъ генералъ-губернаторскій домъ, а въ Гроднѣ губернаторскій.

Въ демонстративныхъ празднованіяхъ соединенія Литвы и Польши въ Ковнѣ на Нѣманѣ и въ Городлѣ сѣверо-западные поляки принимали живое участіе и устроили шумную манифестацію въ честь графа Андрея Замойскаго, пріѣзжавшаго въ Бѣлостокъ.

„Манифестаціи получили,—говоритъ историкъ польскаго возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ В. Ратчъ,—прочное основаніе, всѣ самые отдаленные отъ центра конспиративной дѣятельности могли убѣдиться, что рѣшительный мятежъ къ возстановленію Польши уже не за горами. Разгаръ костельно-патріотическаго фанатизма охватывалъ всѣ матеріалы, могущіе на русской почвѣ воспламениться отъ польско-патріотическаго огня. Варшавскіе вожаки приступили тогда къ разъясненію населенію второй части конспиративныхъ программъ, въ этомъ случаѣ одинаковыхъ, какъ Ламберова отеля, такъ и Мѣрославскаго—о сліяніи Литвы и Польши“. („Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ Сѣверо-Западной Россіи“, т. I. Вильна. 1867 г. стр. 140). (4 августа въ Вильнѣ собралась большая толпа передъ статуей Спасителя, кто-то крикнулъ: „шпіонъ“. Схватили какого-то человѣка, оказавшагося полякомъ-фанатикомъ, какъ и тѣ, которые его схватили, и потащили въ рѣку Вилію, но на пути онъ успѣлъ увѣрить демонстрантовъ, что онъ „добрый полякъ“, и его отпустили. 6 августа громадная толпа направилась къ мѣсту, гдѣ въ 1839 году былъ казненъ эмиссаръ Конорскій. Казаки разогнали толпу. Послѣ этого виленскій католическій епископъ Красинскій разослалъ циркуляръ по епархіи, приглашавшій служить по убитыхъ русскими 6 августа, хотя убитыхъ вовсе не было. Во множествѣ были распространены также литографированныя картинки, изображавшія въ разукрашенномъ видѣ столкновеніе толпы съ казаками. Вскорѣ послѣ этой демонстраціи состоялось введеніе военнаго положенія. Нѣсколько раньше былъ уволенъ предводитель дворянства графъ Тышкевичъ, принявшій дѣятельное участіе въ агитаціи, а также наказано нѣсколько ксендзовъ, призывавшихъ къ возстанію и собиравшихъ деньги на эту цѣль, и закрыто тайное благотворительное общество, раздававшее денежныя вспомоществованія и жизненные продукты въ низ-

шихъ классахъ народа, обязывая при этомъ всѣхъ носить трауръ по убитымъ въ Варшавѣ [69]). Но сѣть заговора быстро раскидывалась, несмотря на эти мѣры, по сѣверо-западнымъ губерніямъ. Назначенные послѣ 19 февраля 1861 года изъ мѣстныхъ помѣщиковъ мировые посредники въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ стали склонять крестьянъ на свою сторону. Видя неуспѣхъ этого, они старались по возможности обрѣзать крестьянскіе надѣлы. Поляки-помѣщики въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ кромѣ того стали выписывать изъ за границы подъ видомъ рабочихъ изъ Познани и Галиціи разный сбродъ, долженствовавшій составить повстанскія банды и охранять помѣщиковъ въ случаѣ нападенія на нихъ крестьянъ [70]).

Саксонская площадь въ 1861—1864 годахъ съ расположенными на ней въ палаткахъ войсками.

(Съ современнаго фотографическаго снимка).

Постепенно гр. Ламбертъ начиналъ разочаровываться въ государственномъ умѣ Велепольскаго и преданности его Россіи, онъ видѣлъ, что край не умиротворяется, а все болѣе волнуется, что на польское чиновничество и польскихъ совѣтниковъ полагаться нельзя, и что сближеніемъ съ ними онъ отшатнулъ отъ себя русскихъ. Похороны Фіалковскаго, отъ участія въ которыхъ онъ долженъ былъ отказаться, увидѣвъ, что они обращены въ политическую

демонстрацію, заставили его свернуть съ избраннаго имъ пути, и онъ поручилъ управляющему своей военной канцеляріей А. К. Козачковскому, долго служившему въ Варшавѣ при Паскевичѣ, человѣку большой выдержки, напечатать объявленіе о введеніи военнаго положенія, составленное Козачковскимъ еще при Горчаковѣ. Козачковскій раньше нѣсколько разъ убѣждалъ Ламберта сдѣлать этотъ шагъ и даже подавалъ ему записку объ этомъ, напечатанную впослѣдствіи въ 1869 г. самимъ Козачковскимъ въ „Чтеніяхъ Императорскаго общества исторіи и древностей Россіи при московскомъ университетѣ“ (Козачковскій былъ воспитанникомъ московскаго университета). Въ объявленіи говорилось, что намѣстникъ, прощавшій

Банковая площадь въ Варшавѣ съ расположенными на ней войсками.

(Съ фотографическаго снимка изъ коллекціи В. П. Афанасьева).

всѣ выходки, наконецъ, вынужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, но еще разъ проситъ образумиться и приглашаетъ отцовъ повліять на молодежь. „Поляки! Исполненіемъ своихъ обязанностей къ монарху“,—заключалось это объявленіе,—„довѣріемъ къ благимъ его начертаніямъ и повиновеніемъ установленнымъ отъ него властямъ приблизьте то время, когда мнѣ можно будетъ ходатайствовать у государя о дозволеніи снять военное положеніе и снова приступить къ правильному развитію всемилостивѣйше дарованныхъ царству польскому учрежденій“ [71]). Объявивъ о введеніи военнаго положенія въ государственномъ совѣтѣ, Ламбертъ рѣзко обошелся тамъ съ Велепольскимъ, идя по указкѣ котораго, онъ довелъ край до

полной революціи. Въ силу военнаго положенія сады, театры, трактиры были закрыты. Площади опять заняли войска. На 3 октября были заранѣе назначены панихиды по Костюшкѣ. Не смотря на введеніе военнаго положенія, красные и бѣлые рѣшили не отмѣнять панихидъ. Намѣстникъ распорядился въ день панихиды окружить костелы войсками и при выходѣ изъ нихъ народа арестовать мужчинъ, не трогая женщинъ и дѣтей. Въ виду этого собравшіеся на панихиды по Костюшкѣ вмѣстѣ съ ксендзами рѣшили не выходить изъ костеловъ и пробыли въ нихъ цѣлый день. Наконецъ, къ концу вторыхъ сутокъ ксендзы порѣшили выйти изъ костеловъ съ крестными ходами, когда наступитъ ночь. Въ дни разгара революціоннаго броженія при Ламбертѣ русскіе въ Варшавѣ прятались по домамъ. Многія русскія дамы ходили въ траурѣ во избѣжаніе непріятностей, генералы, а такъ же Велепольскій ѣздили съ конвоемъ, одинъ Хрулевъ ходилъ смѣло по городу, бравировалъ своею храбростью, вмѣшивался въ толпу, шутилъ, вступалъ въ разговоры. Прослышавъ про готовящееся ночное шествіе, Хрулевъ явился къ Ламберту и сказалъ, что настаетъ опасная минута, что если придется стрѣлять, первыми жертвами падутъ ксендзы, чѣмъ можно привести народъ въ ярость, втолкнуть въ движеніе и тѣхъ, которые до сихъ поръ держатъ себя въ сторонѣ, а ксендзы, видимо, понимая это, идутъ на ножи. Намѣстникъ распорядился во избѣжаніе катастрофы, чтобы въ костелы вошли офицеры съ невооруженными солдатами. Когда вошли въ одинъ изъ костеловъ, тамъ никого не застали: всѣ ушли подземнымъ ходомъ. Въ соборный костелъ Св. Яна вошла команда подъ руководствомъ генераловъ Герштенцвейга, варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, и ген. Потапова, присланнаго тогда въ Варшаву для реформы полиціи, уже тогда искавшаго популярности у поляковъ, а впослѣдствіи прославившагося своимъ полонофильствомъ. Находившіеся въ костелѣ, пробывъ тамъ цѣлый день и часть ночи, были въ состояніи полнаго экстаза: многіе отдавались безъ сопротивленія солдатамъ, иные отчаянно защищались, но чувствовалось, что люди дѣйствуютъ ненормально да и русскіе генералы и офицеры, не спавшіе нѣсколько ночей, въ ожиданіи взрыва, были въ состояніи нервнаго напряженія. Арестованныхъ въ костелахъ Герштенцвейгъ отправилъ въ цитадель. На слѣдующій день въ католической консисторіи состоялось совѣщаніе, на которомъ было постановлено закрыть „осквернённые костелы“, о чемъ были тотчасъ-же разосланы объявленія. Пасторы и раввины, по примѣру ксендзовъ, закрыли кирку и синагогу. Узнавъ объ этомъ, намѣстникъ вызвалъ къ себѣ прелата Бялобржескаго, управлявшаго епархіей вслѣдствіе смерти епископа Фіалковскаго, и имѣлъ

съ нимъ объясненіе, которое кончилось тѣмъ, что Лампертъ велѣлъ менѣе виновныхъ выпустить изъ цитадели. Когда пріѣхалъ въ замокъ генералъ-губернаторъ Герштенцвейгъ и узналъ объ этомъ распоряженіи, между нимъ и намѣстникомъ произошло крупное объясненіе. Лампертъ и Герштенцвейгъ были старые знакомые, говорившіе другъ другу „ты“, оба—генералъ адъютанты, оба были одновременно назначены въ Варшаву, гдѣ однако разошлись во взглядахъ и мнѣніяхъ. Герштенцвейгъ оказался во главѣ военной партіи, желавшей быстрыми и рѣшительными мѣрами прекратить мятежъ. По отзывамъ современниковъ,—это былъ человѣкъ пылкій и смѣлый. Понятно, что вслѣдствіе этого и вслѣдствіе крайней нервной напряженности, охватившей всѣхъ въ то время, объясненіе вышло рѣзкимъ. Пріѣхавъ домой, Герштенцвейгъ сдѣлалъ себѣ два выстрѣла въ голову (говорятъ между Г. и Л. произошла американская дуэль), а обманувшійся въ своей системѣ и въ своихъ силахъ, обманутый своими совѣтниками, окончательно потерявшій здоровье, харкавшій кровью графъ Лампертъ, донося государю о всемъ совершившемся, телеграфировалъ: „Ради Бога, пришлите кого-нибудь на наши мѣста!“ Между тѣмъ пока Герштенцвейгъ мучился въ предсмертныхъ страданіяхъ, длившихся 19 дней, а разбитый и раздраженный графъ Лампертъ страдалъ отъ припадковъ кровотеченія, пока государь успѣлъ вызвать къ себѣ извѣстнаго въ то время боеваго генерала Лидерса, который былъ намѣченъ въ преемники гр. Ламберта, и снестись съ находившимся въ Дрезденѣ Сухозанетомъ, изъявившимъ желаніе временно замѣстить должность намѣстника, Лампертъ поручилъ Велепольскому потребовать отъ Бялобржескаго подробныя объясненія по дѣлу закрытія костеловъ, на что Бялобржескій отвѣчалъ въ дерзко-насмѣшливомъ тонѣ. Лампертъ вышелъ изъ себя, начались аресты на улицахъ и штрафы. Въ число арестованныхъ попали и нѣкоторые изъ недавнихъ совѣтниковъ графа. 14 октября его полуживого увезли изъ Варшавы на островъ Мадеру. Велепольскій между тѣмъ заявилъ, что онъ выходитъ въ отставку. Государь выразилъ желаніе, чтобы онъ остался на службѣ. Въ отвѣтъ на это прибывшій въ Варшаву Сухозанетъ доносилъ: „Велепольскій отвѣтилъ уклончиво, хочетъ съ курьеромъ писать вашему величеству. Причина желанія удалиться есть убѣжденіе, что я съ усиленною строгостью буду исполнять военное положеніе, на которое онъ согласился въ надеждѣ смягченія графомъ Ламбертомъ, ибо объясненіе по сему дѣлу имѣлъ съ нимъ Платоновъ. Мое убѣжденіе въ необходимости увольненія его, по крайней мѣрѣ оставленія его при одной только юстиціи. Въ просвѣщеніи и духовной коммисіи онъ положительно вреденъ. Мнѣніе сіе раздѣляется

графомъ Ламбертомъ и Платоновымъ". 16 дней пребыванія Сухозанета въ Варшавѣ до пріѣзда Лидерса ушли на переговоры съ Велепольскимъ, который вызывающе игнорировалъ Сухозанета, и на аресты виновныхъ въ послѣднихъ безпорядкахъ. Государь повелѣлъ Велепольскому прибыть въ Петербургъ, онъ оттягивалъ поѣздку, чтобы окончить редакцію проекта закона о крестьянахъ и опубликовать его, на что не имѣлъ права, но что хотѣлъ сдѣлать, чтобы показать свою дѣятельность полякамъ. Наконецъ, маркизъ заявилъ, что ѣдетъ черезъ три дня. „Ибо у него не было ни дорожнаго экипажа, ни шубы" [72]), — пояснялъ эту новую отстрочку въ телеграммѣ государю Сухозанетъ.

Польское движеніе разросталось. Внутри Россіи тоже обнаруживалось безпокойное настроеніе. Когда въ Варшавѣ осенью 1861 года происходили описанныя демонстраціи, въ Петербургѣ готовились студенческіе безпорядки, стали появляться прокламаціи. Проникали прокламаціи и въ войска, въ частности въ варшавскіе полки. Въ Москвѣ и Петербургѣ возникли не безъ участія поляковъ русскіе революціонные кружки. Русское общество продолжало переживать періодъ увлеченій, радикальный журналъ „Русское Слово" съ рѣзкими статьями Писарева завоевалъ большой успѣхъ. Западно-европейская печать вела ожесточенную войну противъ Россіи. Русскіе и польскіе эмигранты безпрепятственно готовились поднять революцію въ Россіи и въ частности въ Привислиньѣ и въ западныхъ губерніяхъ. Въ Парижѣ В. Чарторыйскій склонялъ на сторону поляковъ французскую аристократію, Браницкій—вліялъ на принца Наполеона, Мѣрославскій,—на радикаловъ, Замойскій (участникъ крымской войны)—на дворянство. Въ Лондонъ въ помощь Герцену явился бѣжавшій изъ Сибири Бакунинъ.

VIII.

На новаго временнаго намѣстника Лидерса было возложено возстановленіе наружнаго порядка и раскрытіе тайной революціонной организаціи. Государь не отступилъ отъ мысли провести всѣ дарованныя реформы, надѣясь, что онѣ удовлетворятъ желанія поляковъ, успокоятъ волненіе и установятъ порядокъ, обезпечивающій мирное процвѣтаніе страны. Лидерсъ былъ отважный генералъ, человѣкъ веселый и хлѣбосольный. Онъ выдался храбростью въ венгерскую кампанію. Командуя въ концѣ крымской войны южной арміей въ Крыму, онъ попалъ въ опалу, подъ которой находился до назначенія въ Варшаву, за обнаруженныя въ арміи интенданскія злоупотребленія. Оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, каковы

были эти злоупотребленія, повидимому, раздутыя въ свое время, и былъ-ли къ нимъ непосредственно причастенъ Лидерсъ, нельзя не замѣтить, что при несомнѣнной отвагѣ и рѣшимости, онъ имѣлъ слабость пожить широко. Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ, касающихся времени пребыванія Лидерса въ Варшавѣ, много говорится объ его увлеченіяхъ польками. Безъ этихъ увлеченій и въ самомъ дѣлѣ

А. Н. Лидерсъ.

(Съ литографированнаго портрета работы Фаянса въ Варшавѣ).

не обходилось, но вліяніе ихъ на образъ дѣйствій Лидерса въ Варшавѣ сильно преувеличивается авторами воспоминаній. Въ общемъ онъ при содѣйствіи назначеннаго вмѣсто ген. Герштенцвейга военнымъ генералъ-губернаторомъ ген. Крыжановскаго водворилъ наружный порядокъ и успѣшно разоблачалъ подпольную организацію, а если его дѣятельность въ Варшавѣ не принесла ощутительныхъ результатовъ, то прежде всего потому, что рѣшитель-

ныхъ мѣръ принимать онъ не могъ, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ Петербургѣ все еще сохранялась надежда успокоить поляковъ милостями, и что многіе проекты Лидерса не утверждались въ Петербургѣ подъ вліяніемъ находившагося тамъ маркиза Велепольскаго. Исполняя данныя ему указанія, Лидерсъ продолжалъ начатое при графѣ Ламбертѣ открытіе выборныхъ учрежденій. Открытіе этихъ учрежденій въ то время, когда была въ силѣ подпольная революціонная пропаганда, и верхніе классы населенія, для которыхъ предназначались эти учрежденія, были охвачены революціонной лихорадкой, привело къ тому, что новые городскіе и уѣздные совѣты стали центрами пропаганды.

„Въ Варшавѣ тишина,—пишетъ Н. И. Павлищевъ [73]) въ своихъ „Седмицахъ польскаго мятежа“ подъ 1 ноября 1861 года, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Варшаву Лидерса,—лагери, раскинутые на площадяхъ, и патрули, предшествуемые двумя козаками съ пиками на перевѣсъ, снующіе день и ночь по улицамъ, напоминаютъ жителямъ осадное положеніе города. Случаи нарушенія военнаго положенія день ото дня рѣже и неважны, какъ-то: ношеніе запрещенной одежды или эмблематическихъ значковъ, хожденіе безъ фонаря и т. п. За отсутствіемъ общественныхъ увеселеній при закрытіи публичныхъ садовъ и театровъ публика гуляетъ по улицамъ, женщины въ траурѣ, мужчины не въ обыкновенной одеждѣ, но въ фуражкахъ или низенькихъ шляпахъ, изгнавшихъ обыкновенныя круглыя, прозванныя цилиндрами“. Почти всѣ костелы, а также лютеранская церковь, еврейскія синагоги стояли запертыми, но кирка и синагоги вскорѣ, впрочемъ, были открыты. Крупныя демонстраціи пріостановились, руководители движенія теперь были заняты ужъ не демонстраціями, а приготовленіемъ къ вооруженному возстанію. Въ воззваніи отъ 17 ноября 1861 г. по случаю годовщины возстанія 1830 года, между прочимъ говорилось: „Въ Варшавѣ будетъ молиться каждый въ своемъ домѣ. Публичная манифестація была бы нынѣ излишнею и даже принесла бы болѣе вреда, нежели пользы; поэтому мы не требуемъ ея“... Но, говорилось далѣе, надо готовиться къ вооруженной борьбѣ, на что нужны деньги: „итакъ, о пожертвованіяхъ просимъ васъ, братья, о пожертвованіяхъ для героевъ 29 ноября (нов. ст.) и для ихъ преемниковъ, о пожертвованіяхъ на польское войско“.

Демонстраціи 1861 года, нарушивъ нормальное теченіе жизни, оторвали отъ работы много ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ. Появилось множество нищихъ и празднаго люда, который пріобрѣлъ вкусъ къ демонстраціямъ тѣмъ болѣе, что вожаковъ изъ уличной черни руководители движенія награждали деньгами и угощали. Лидерсу съ Крыжановскимъ вскорѣ удалось обнаружить нити подгото-

вительной организаціи и арестовать болѣе или менѣе видныхъ организаторовъ. Многіе предавались суду, сдавались въ солдаты, прелатъ Бялобржескій за закрытіе костеловъ былъ приговоренъ судомъ къ разстрѣлянію, но намѣстникъ вслѣдствіе данныхъ Бялобржескимъ на судѣ показаній, его просьбъ и старости смягчилъ приговоръ, заключивъ прелата на годъ въ Бобруйскую крѣпость. Большую сенсацію произвело тогда обнародованіе Лидерсомъ показанія Бялобржескаго на судѣ. Въ этомъ показаніи онъ говорилъ, между прочимъ, что онъ „въ продолженіи всей своей жизни, особенно при исполненіи ввѣренныхъ обязанностей постоянно заботился о томъ, чтобы никогда ни малѣйшимъ выраженіемъ не оскорблять высшей власти“, и закрытіе костеловъ объяснялъ тѣмъ, что въ нихъ „народъ пѣлъ неблагочестивыя пѣсни“. Показаніе заканчивалось словами: „примите меня подъ ваше покровительство и защиту, и я сохраню до конца дней моихъ благодарность къ вамъ, а Богъ, читающій въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ сердецъ человѣческихъ, воздастъ вамъ щедрое благословеніе въ позднѣйшемъ потомствѣ вашемъ“ [74]). Польскіе руководители заявили, что опубликованное показаніе Бялобржескаго подложно. По дорогѣ въ Бобруйскъ Бялобржескому устраивались торжественныя встрѣчи. Часто повторявшіеся случаи прощенія наказанныхъ вскорѣ привели къ тому, что на ссылку стали смотрѣть, какъ на поѣздку на казенный счетъ. Ссыльныхъ приходили въ Варшавѣ провожать на вокзалъ толпы публики, кричавшей „до скораго свиданія“. Прелатъ Бялобржескій, сосланный въ концѣ декабря 1861 г., въ началѣ апрѣля 1862 г. былъ уже возвращенъ. Возвращеніе его въ Варшаву было тріумфальнымъ шествіемъ, поляки въ западныхъ и привислинскихъ губерніяхъ устраивали ему овація и осыпали его цвѣтами. Жандармскій генералъ Роткирхъ [75]) объясняетъ постоянно повторявшіеся случаи прощенія вліяніемъ на Лидерса полекъ. Вѣроятно бывало и такъ, но въ общемъ частые случаи прощенія виновныхъ обусловливались продолжавшимся стремленіемъ высшихъ правительственныхъ сферъ успокоить поляковъ не строгостями, а милостями. Генералъ Крыжановскій, успѣшно распутывая клубокъ заговора, понялъ значеніе еврейства въ польскомъ броженіи и арестовалъ многихъ вліятельныхъ евреевъ и въ томъ числѣ раввина Майзельса, но эти аресты, какъ и другіе, принесли мало пользы, потому что арестованные скоро были освобождены. Во всякомъ случаѣ къ новому (1862) году въ Варшавѣ и вообще въ Привислинскомъ краѣ броженіе замѣтно улеглось, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ смягчить внѣшнюю строгость военнаго положенія и открыть театры. „Въ день новаго года,—разсказываетъ Павли-

щевъ,—генералъ-адъютантъ Лидерсъ, принимая поздравленія духовенства, военныхъ и гражданскихъ властей и знатнѣйшихъ обывателей, выразилъ желанія свои и надежды, что возрожденное спокойствіе будетъ упрочено и дозволитъ употребить всѣ старанія къ правильному развитію всемилостивѣйше жалованныхъ учрежденій, но что для этого нужно общее содѣйствіе и полное довѣріе къ благимъ предначертаніямъ монарха“ [76]). Самъ человѣкъ веселаго нрава, Лидерсъ хотѣлъ заставить городъ веселиться, поднять развлеченіями духъ въ русскихъ, разсѣять мрачное и гнетущее настроеніе, господствовавшее у поляковъ. Онъ устраивалъ у себя пріемы, приказалъ играть каждый день передъ Замкомъ военной музыкѣ, открылъ публичные сады и пивныя. Между тѣмъ находившійся въ Петербургѣ маркизъ Велепольскій съ присущею ему неуклонностью проводилъ свои планы. Онъ объяснялъ всѣ свои неудачи, всѣ польскія волненія гнётомъ милитаризма и при тогдашнемъ настроеніи высшихъ столичныхъ сферъ находилъ себѣ много сторонниковъ. Его поддерживали вице-канцлеръ А. М. Горчаковъ, шефъ жандармовъ кн. Долгорукій и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, довѣрявшій польскому дѣятелю сѣверо-западнаго края графу Старжинскому, который состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и обвинялъ въ своихъ письмахъ русскую администрацію въ подстрекательствѣ и раздраженіи поляковъ. Велепольскій находилъ также радушный пріемъ у предсѣдателя государственнаго совѣта графа Блудова, дочь котораго графиня Антонина Блудова, извѣстная своей преданностью православію и своими славянофильскими симпатіями, весьма близкая къ императрицѣ Маріи Александровнѣ, мечтала о всеславянскомъ единеніи и считала, что маркизъ стоитъ на почвѣ всеславянской идеи и стремится къ сближенію поляковъ съ русскими на почвѣ славянскаго единства. Онъ бывалъ и во дворцѣ вліятельной въ то время великой княгини Елены Павловны и сблизился съ германскимъ посломъ гр. Бисмаркомъ, котораго маркизъ „очень уважалъ“, по словамъ его біографа Лисицкаго [77]). Бисмаркъ оказывалъ вниманіе маркизу въ Петербургѣ. Цѣлью Велепольскаго, какъ и польскихъ бѣлыхъ и красныхъ, было возвращеніе полякамъ утраченной ими политической самостоятельности, но въ то время, какъ красные шли къ этой цѣли революціоннымъ путемъ, а бѣлые надѣялись достигнуть ея при помощи Европы, главнымъ образомъ Франціи, Велепольскій разсчитывалъ добиться этого путемъ постепенныхъ уступокъ со стороны русскаго правительства. Какъ въ Венгріи Деакъ достигъ этимъ путемъ ея автономіи, чего не могъ достигнуть революціей Кошутъ, такъ и Велепольскій, дѣйствуя въ духѣ Деака, былъ убѣжденъ, что онъ, возвратитъ полякамъ поли-

тическую независимость. Бисмаркъ не могъ не разгадать истинной цѣли стремленій маркиза и, какъ противникъ возстановленія Польши, противодѣйствовалъ Велепольскому, предостерегая русское правительство довѣрять маркизу. Но, находя, что возстановленіе Польши противорѣчитъ интересамъ Пруссіи и потому всегда выступая противъ польскихъ стремленій къ независимости, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ въ началѣ 60-хъ годовъ виды на царство польское, если не на всё, то, по крайней мѣрѣ, на лѣвый берегъ Вислы съ Варшавой. Пруссія, граница которой, послѣ третьяго раздѣла Польши, достигала Вислы, потерявъ затѣмъ во время наполеоновскихъ войнъ часть полученныхъ по раздѣламъ Польши земель, не отказывалась отъ мысли возвратить себѣ эти земли, и въ началѣ 60-хъ годовъ, когда разрослось польское революціонное движеніе въ Россіи и русское правительство колебалось относительно поляковъ и подчасъ приходило въ раздумье, что дѣлать съ ними, Бисмаркъ считалъ возможнымъ получить отъ Россіи согласіе на присоединеніе части царства польскаго къ Пруссіи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы отыскать поляковъ, которые былибы готовы помочь ему въ этомъ, и его вниманіе къ маркизу вызывалось надеждою завербовать маркиза въ свои сторонники, найти въ немъ союзника для достиженія своей цѣли.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ Велепольскій былъ принятъ государемъ. Въ виду рѣзкаго образа дѣйствій маркиза въ отношеніи намѣстниковъ Сухозанета и Ламберта и въ виду рѣшенія на время сохранить въ царствѣ польскомъ военную диктатуру въ лицѣ Лидерса для подавленія революціонной дѣятельности, маркизъ былъ уволенъ отъ должностей съ пожалованіемъ ему ордена Бѣлаго Орла и оставленъ въ Петербургѣ, причемъ рѣшено было пользоваться его услугами и совѣтами.

Получивъ власть, Велепольскій прежде всего постарался парализовать русское вліяніе на духовенство и учебно-воспитательное дѣло и добился учрежденія комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, упраздненія варшавскаго учебнаго округа и изъятія дѣлъ католическаго духовенства изъ вѣдѣнія комиссіи внутреннихъ дѣлъ русской администраціи. П. А. Мухановъ, занимавшій должность попечителя учебнаго округа и главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, такимъ образомъ, былъ устраненъ отъ завѣдыванія духовенствомъ и учебнымъ дѣломъ, а вслѣдъ затѣмъ и совсѣмъ долженъ былъ оставить Варшаву. Кромѣ того маркизъ на первыхъ же порахъ добился упраздненія начавшей свои работы въ Петербургѣ еще при императорѣ Николаѣ I комиссіи по объединенію царства польскаго съ коренной Россіей въ

отношеніи гражданскихъ законовъ. Маркизъ былъ горячимъ сторонникомъ такъ называемаго кодекса Наполеона, дѣйствовавшаго и дѣйствующаго до сихъ поръ въ Привислиньѣ. Этотъ кодексъ, на которомъ сильно отразились такъ называемыя идеи „великой французской революціи", во многомъ противорѣчитъ основнымъ принципамъ русской государственности и потому во многомъ былъ ограниченъ въ Привислиньѣ. Нѣкоторыя ограниченія были сдѣланы по польской иниціативѣ до 1830 г. Тенденціозные польскіе писатели, желая умалить значеніе крестьянской реформы 1864 г., утверждаютъ, что кодексъ Наполеона установилъ личную свободу крестьянъ царства польскаго, но эта личная свобода была вполнѣ фиктивной. Съ введеніемъ кодекса Наполеона, какъ уже замѣчено выше, положеніе крестьянъ не улучшилось, а ухудшилось, но евреи дорожили этимъ кодексомъ, такъ какъ надѣялись, основываясь на немъ, улучшить свое положеніе. Вотъ почему привислинское еврейство было противъ отмѣны этого кодекса въ царствѣ и распространенія на царство общихъ русскихъ гражданскихъ законовъ, и вполнѣ естественно, что еврей Энохъ, составляя для кн. М. Д. Горчакова проектъ преобразованій въ царствѣ, требовалъ упраздненія комиссіи по объединенію царства съ Имперіей въ отношеніи гражданскихъ законовъ; естественно также, что Велепольскій, опиравшійся на евреевъ и выдвигавшійся ими, явился также противникомъ объединенія царства съ Имперіей въ отношеніи гражданскихъ законовъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ совпадало съ основнымъ его стремленіемъ отстаивать обособленность царства въ какомъ бы то ни было отношеніи. Къ сожалѣнію, начатое въ царствованіе императора Николая I объединеніе Привислинья съ остальной Россіей въ отношеніи гражданскихъ законовъ до сихъ поръ не приведено въ исполненіе.

Уѣзжая осенью 1861 г. изъ Варшавы въ Петербургъ, маркизъ оставилъ въ Варшавѣ три проекта, выработанные подъ его руководствомъ. Эти проекты подлежали обсужденію въ государственномъ совѣтѣ. Первый касался преобразованія учебнаго дѣла съ цѣлью создать польскую національную школу, второй—уравненія евреевъ въ правахъ съ христіанами и третій—очиншеванія крестьянъ.

Проектъ учебнаго дѣла, составленный по порученію маркиза послѣ назначенія его главнымъ директоромъ комиссіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, устанавливалъ въ царствѣ учебную систему, направленную къ ополяченію тамошнихъ евреевъ и нѣмцевъ и устранявшую всякую связь тамошней школы съ русскою, лишавшую ее русскаго государственнаго характера и обращавшую въ національную польскую.

Всѣ учебныя заведенія, начиная съ начальныхъ и кончая высшими, имѣли, по проекту маркиза, строго-польскій характеръ, даже начальныя школы въ русскихъ уѣздахъ съ уніатскимъ населеніемъ. Въ этихъ школахъ допускалось, правда, преподаваніе „богослужебнаго церковно-славянскаго“ языка, какъ въ школахъ для нѣмецкихъ колонистовъ „богослужебнаго нѣмецкаго“, но всѣ предметы преподавались на польскомъ языкѣ, который и являлся офиціальнымъ языкомъ школы. Придавая начальной школѣ польско-національный характеръ и подчиняя ее надзору мѣстнаго духовенства и помѣщиковъ, а въ городахъ — духовенства и выборныхъ городскихъ обывателей, Велепольскій хотѣлъ ввести обязательное начальное обученіе. Среднее образованіе, какъ и высшее, маркизъ стремился сдѣлать, по возможности, общедоступнымъ, въ виду чего заботился объ увеличеніи числа гимназій и уѣздныхъ училищъ, окончаніе курса въ которыхъ открывало доступъ въ высшіе классы гимназій. Для полученія высшаго образованія онъ намѣтилъ открытіе политехническо-земледѣльческаго института и главной школы, въ составъ которой должна была войти, какъ факультетъ, варшавская медицинская академія.

Проектъ о евреяхъ упразднялъ многія ограничительныя мѣры въ отношеніи ихъ и, между прочимъ, разрѣшалъ имъ пріобрѣтеніе поземельной собственности. Въ получившемъ высочайшее утвержденіе, въ маѣ 1861 года, положеніи о государственномъ совѣтѣ и губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтахъ царства польскаго не было сдѣлано ограниченій относительно евреевъ, такъ что они избирались въ члены городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ совѣтовъ, а еврей Матіасъ Розенъ вошелъ даже въ составъ государственнаго совѣта. Новый проектъ еще болѣе уравнивалъ евреевъ въ правахъ съ христіанскимъ населеніемъ.

Что касается крестьянъ, то выше сказано, что маркизъ Велепольскій былъ сторонникомъ очиншеванія ихъ и противникомъ надѣленія ихъ землею на правѣ собственности. Добившись власти, Велепольскій образовалъ въ апрѣлѣ 1861 г. совѣщаніе для обсужденія крестьянскаго вопроса. Это совѣщаніе выработало законъ о замѣнѣ барщины оброкомъ, утвержденный въ въ маѣ 1861 г., и затѣмъ занялось выработкой закона объ обязательномъ очиншеваніи, т. е. объ обязательномъ предоставленіи крестьянамъ земли на арендномъ началѣ. По закону 1861 г., такса оброка была назначена столь высокая, что сами помѣщики дѣлали съ нея скидки крестьянамъ, такъ какъ она значительно превосходила платежныя силы крестьянъ. „Велепольскій, — говоритъ г. Спасовичъ,— являлъ себя хотя и прогрессивнымъ человѣкомъ, но

стоящимъ на точкѣ зрѣнія помѣщика, охраняющимъ бережливо интересы крупнаго землевладѣнія и, можетъ быть, разсчитывающимъ на то, что, давши партіи (бѣлыхъ), которую онъ считалъ, несмотря на ея къ нему враждебность, моральнымъ представительствомъ страны, столь существенныя гарантіи, онъ ее привлечетъ къ себѣ и пріобрѣтетъ ея содѣйствіе и поддержку для своихъ политическихъ реформъ" („Жизнь и политика маркиза Велепольскаго", стр. 178—179). Такимъ образомъ, проекты маркиза Велепольскаго имѣли въ виду, не улучшеніе положенія крестьянъ, что, дѣйствительно, необходимо было тогда сдѣлать, и чего желалъ государь, а улучшеніе положенія шляхты. Маркизъ, какъ поклонникъ принциповъ французской революціи 1789 г., былъ противникомъ сословнаго строя,—что отразилось на устройствѣ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ и на (неосуществленномъ) проектѣ маркиза гминнаго устройства въ царствѣ. Онъ имѣлъ въ виду лишь дворянство и такъ называемое третье сословіе, котораго въ Польшѣ, можно сказать, не было, и которое онъ хотѣлъ создать изъ еврейства и польскихъ нѣмцевъ, предоставляя имъ одинаковыя права со шляхтой и ополячивая ихъ. Уравнивая въ правахъ эти два сословія, крестьянское сословіе и его интересы онъ игнорировалъ отчасти вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ сословному устройству, отчасти-же потому, что дворянство царства польскаго было организовано по общерусскому образцу, всегда и во всемъ не располагавшему къ себѣ марвиза,—и эта организація по проекту Велепольскаго, была упразднена. Маркизъ, бѣлые и красные считали евреевъ силой, безъ помощи которой не находили возможнымъ обойтись; евреи же принимали дружбу и красныхъ, и бѣлыхъ, и маркиза. Они помогали всѣмъ тремъ сторонамъ и изъ борьбы этихъ сторонъ и революціоннаго броженія извлекали себѣ пользу. И бѣлые, и красные старались также привлечь на свою сторону крестьянъ, но въ то время, какъ красные хотѣли подкупить ихъ въ свою пользу земельнымъ надѣломъ и даже обѣщаніями отдать имъ всю шляхетскую землю, бѣлые хотѣли отдѣлаться красивыми фразами о братствѣ шляхты и крестьянъ и тостами за это братство, и если подчасъ склонялись къ предоставленію крестьянамъ земли въ собственность, то лишь подъ натискомъ красныхъ и притомъ весьма условно. Серіозной заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ ни у бѣлыхъ, ни у красныхъ не было. Тѣ и другіе смотрѣли на крестьянъ, какъ на орудіе для достиженія собственныхъ политическихъ цѣлей. Маркизъ Велепольскій сходился съ главою бѣлыхъ, гр. А. Замойскимъ во взглядѣ на рѣшеніе крестьянскаго вопроса путемъ обязательнаго очиншеванія, но въ то время, какъ бѣлые вообще и гр.

А. Замойскій въ частности старались заигрывать съ крестьянами, чтобы имѣть ихъ на своей сторонѣ, маркизъ чуждъ былъ этого заигрыванія. Крестьянство для высокомѣрнаго маркиза какъ бы не существовало и не играло существенной роли въ его политическихъ комбинаціяхъ. Крестьянскій вопросъ былъ поднятъ не имъ, а русскимъ правительствомъ, и маркизъ, получивъ въ свои руки рѣшеніе этого вопроса, разрѣшилъ его не въ интересахъ крестьянъ и не въ интересахъ правительства, а исключительно шляхты. Если при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ коренной Россіи были допущены увлеченія въ сторону крестьянской „автономіи“, то маркизъ, напротивъ, хотѣлъ разрѣшить крестьянскій вопросъ въ царствѣ со слишкомъ ужъ узкой точки зрѣнія односторонне понимаемыхъ интересовъ одного сословія.

Въ то время, когда маркизъ находился въ концѣ 1861 г. въ Петербургѣ и хлопоталъ тамъ въ пользу своихъ проектовъ—школьной, крестьянской и еврейской реформы, въ Варшавѣ эти проекты обсуждались въ подлежащихъ вѣдомствахъ и въ государственномъ совѣтѣ.

Въ первыхъ числахъ ноября (1861) государственный совѣтъ царства польскаго разсмотрѣлъ проекты о школахъ и евреяхъ. Русскіе члены государственнаго совѣта, напр., новый директоръ комиссіи внутреннихъ дѣлъ Крузенштернъ, сынъ знаменитаго мореплавателя, пытались оспаривать нѣкоторые пункты проектовъ маркиза, но такъ какъ они были въ меньшинствѣ, то ихъ протесты не имѣли силы. Тогда-же, въ ноябрѣ, государственный совѣтъ царства принялъ предложенія епископа Маерчака, чтобы терминъ „греко-уніатское исповѣданіе“ официально замѣнить терминомъ „греко-уніатскій обрядъ“, и чтобы лучшіе воспитанники холмской семинаріи посылались для дальнѣйшаго ученія не въ православныя академіи, а въ варшавскую католическую. Цѣлью Маерчака, конечно, было поглощеніе уніи католицизмомъ, и замѣна термина „греко-уніатское исповѣданіе“ терминомъ „греко-уніатскій обрядъ“ вела къ признанію уніатовъ католиками, отличающимися лишь обрядами. Вообще, съ момента удаленія изъ Варшавы Муханова было сдѣлано нѣсколько шаговъ къ ополяченію русско-уніатскаго населенія холмско-подляшской Руси. Маркизъ Велепольскій явно и сознательно стремился къ этому. Разсмотрѣніе проекта маркиза о крестьянахъ было отложено до весны 1862 г. Ко дню засѣданія государственнаго совѣта по этому вопросу Велепольскій пріѣхалъ съ разрѣшенія государя въ Варшаву. Государь сообщилъ Лидерсу о поѣздкѣ Велепольскаго въ Варшаву слѣдующей телеграммой: „Велепольскій по его желанію и съ моего раз-

рѣшенія возвращается въ Варшаву для участвованія въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, послѣ чего онъ долженъ вновь явиться сюда". Русское правительство не сочувствовало проекту крестьянской реформы маркиза и имѣло въ виду надѣленіе крестьянъ въ царствѣ землею. Даже былъ выработанъ проектъ этого надѣленія, но при тогдашней нерѣшительности и уступчивости правительства въ отношеніи поляковъ, проектъ маркиза въ концѣ концовъ былъ принятъ. Нѣкоторые поляки, а по словамъ автора „Исторіи двухъ лѣтъ", большинство поляковъ, что, впрочемъ, невѣрно, были противъ проекта маркиза, считая нужнымъ надѣлить крестьянъ землею. Но, поясняетъ авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ",— польскіе противники маркиза, когда его проектъ о крестьянахъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, приняли сторону маркиза—„изъ ненависти" къ главному оппоненту маркиза, Крузенштерну, въ которомъ видѣли „нѣмца болѣе московскаго, чѣмъ сами москали" („Исторія двухъ лѣтъ". Z. L. S. т. IV стр. 189 и слѣд.). Главнаго сторонника изъ поляковъ надѣленія крестьянъ землею и, несмотря на несогласіе съ Велепольскимъ въ этомъ вопросѣ, чуть-ли не единственнаго его союзника изъ польскихъ аристократовъ въ другихъ вопросахъ, графа Ѳомы Потоцкаго ужъ не было въ живыхъ, когда проектъ Велепольскаго разсматривался въ государственномъ совѣтѣ: онъ умеръ въ концѣ 1861 г. Находясь въ Варшавѣ въ мартѣ 1862 г., маркизъ не ограничился поддержкой своего проекта въ государственномъ совѣтѣ, а кромѣ того подготовлялъ почву для осуществленія дальнѣйшихъ своихъ плановъ. Дѣло въ томъ, что подавая въ ноябрѣ прошеніе объ увольненіи отъ должностей товарища предсѣдателя государственнаго совѣта и директора комиссій юстиціи, а также народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Велепольскій вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ государю записку о раздѣленіи въ царствѣ гражданскаго управленія и военной власти. Въ февралѣ 1862 г. онъ вторично подалъ записку по этому вопросу. Онъ доказывалъ, что введенное въ царствѣ военное положеніе раздражаетъ населеніе и усиливаетъ волненія. Ослабивъ вліяніе русскихъ на католическое духовенство, на школу и на администрацію, маркизъ хотѣлъ окончательно устранить это вліяніе и добиться окончательной автономіи для царства, что было-бы достигнуто, если-бы гражданское управленіе въ царствѣ было возложено на поляка. При образованіи въ 1815 г. царства польскаго былъ принятъ принципъ раздѣленія гражданской и военной власти, и во главѣ гражданскаго управленія былъ поставленъ полякъ—намѣстникъ, ген. Заіончекъ, который, впрочемъ, на дѣлѣ подчинялся командовавшему ...ской арміей цесаревичу Константину Павловичу. Императоръ

Александръ II признавалъ необходимымъ сохранять военное положеніе въ Варшавѣ до полнаго успокоенія поляковъ, но многіе соглашались съ маркизомъ, что военное положеніе не улучшаетъ, а ухудшаетъ положеніе дѣла.

Когда осенью 1861 возникли въ Петербургѣ студенческіе безпорядки, и появились подметные листки, революціоннаго содержанія, рѣшено было сдержать революціонный потокъ не мѣрами строгости, а мягкости. Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ вмѣсто гр. Игнатьева кн. А. А. Суворовъ, который пользовался извѣстностью, какъ мягкій и популярный администраторъ. Въ концѣ 1861 г. и въ началѣ 1862 г. произошли новыя перемѣны въ составѣ центральнаго управленія. „Большинство новыхъ совѣтниковъ императора, — говорится по поводу этихъ увольненій и назначеній въ статьѣ С. С. Татищева „Императоръ Александръ II“ въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“,—принадлежали къ кружку государственныхъ дѣятелей, группировавшихся вокругъ великаго князя Константина Николаевича и извѣстныхъ за ревностныхъ и убѣжденныхъ сторонниковъ коренныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія. Замѣщеніе ими важнѣйшихъ министерскихъ постовъ указывало на твердую рѣшимость государя неуклонно продолжать предпринятое имъ дѣло государственнаго обновленія Россіи“ [78]). А въ новый 1862 годъ въ „Сѣверной Почтѣ“ было напечатано сообщеніе о цѣломъ рядѣ предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ. Естественно, что, при общемъ стремленіи къ преобразованіямъ, проекты маркиза, объяснявшаго броженіе среди поляковъ строгимъ военнымъ режимомъ царствованія Николая I, имѣли шансы успѣха, тѣмъ болѣе, что русское правительство и общество были вполнѣ благожелательно настроены въ отношеніи поляковъ и желали обезпечить имъ возможную національную свободу. Противъ проекта Велепольскаго раздѣленія властей въ царствѣ приводилось только два возраженія: одни находили, что передать гражданское управленіе въ царствѣ всецѣло въ руки поляковъ рискованно, и потому полагали, что, сохраняя за администраціей царства польскій характеръ, какой она получила въ послѣднее время, слѣдуетъ однако во главѣ гражданскаго управленія царства поставить русскаго, который контролировалъ-бы польскихъ администраторовъ, а другіе, считая возможнымъ назначить гражданскимъ правителемъ царства поляка, высказывались однако противъ назначенія на эту должность Велепольскаго, который, конечно, стремился къ занятію ея. Они указывали на непопулярность его въ польскомъ обществѣ и утверждали, что если принятыми и проектируемыми реформами имѣется въ виду привязать

поляковъ къ Россіи и успокоить ихъ, то назначеніе въ Варшаву гражданскимъ правителемъ маркиза не поможетъ достиженію этой цѣли. На первое возраженіе маркизъ отвѣчалъ, что русскаго нельзя сдѣлать гражданскимъ правителемъ царства, такъ какъ русскіе не знаютъ и не понимаютъ мѣстныхъ законовъ, обычаевъ и характера народа. Опровергая второе возраженіе, онъ ссылался на то, что его проекты одобряются государственнымъ совѣтомъ царства, и усиленно хлопоталъ объ образованіи партіи приверженцевъ въ Варшавѣ. Имъ и его друзьями роспускались слухи о необычайномъ вліяніи его въ Петербургѣ, и это льстило національному самолюбію поляковъ. Пріѣхавъ въ Варшаву въ мартѣ 1862 г., онъ усиленно хлопоталъ о привлеченіи приверженцевъ, совѣщался съ Энохомъ, Кроненбергомъ и другими. По словамъ польскихъ авторовъ, онъ держалъ себя въ этотъ пріѣздъ съ особеннымъ высокомѣріемъ въ отношеніи русскихъ, о чемъ громко говорили его сторонники, и что подкупало въ его пользу поляковъ. Въ пріобрѣтеніи расположенія къ себѣ польскаго общества или, по крайней мѣрѣ, въ пріобрѣтеніи согласія не противодѣйствовать себѣ, маркизъ много надѣялся на новаго варшавскаго архіепископа Фелинскаго, назначеннаго въ Варшаву въ началѣ 1862 г. по рекомендаціи Велепольскаго и помогавшаго маркизу въ достиженіи его цѣлей своими жалобами въ Петербургъ „на грубый милитаризмъ и безтактность Лидерса“. Вскорѣ послѣ пріѣзда Велепольскаго осенью 1861 г. въ Петербургъ ему было поручено указать кандидата на каѳедру варшавскаго католическаго архіепископа вмѣсто умершаго Фіалковскаго. Посовѣтовавшись съ ксендзомъ Лубенскимъ, Велепольскій вошелъ чрезъ него въ переговоры съ ксендзомъ Фелинскимъ, о которомъ нѣсколько разъ упоминалось выше. Фелинскій согласился, имѣлъ двѣ аудіенціи у государя, который сказалъ ему, что исполнитъ всѣ законныя желанія поляковъ, если они успокоятся. Фелинскій принялъ варшавскую католическую архіепископскую каѳедру и представилъ государю составленное имъ архипастырское посланіе. Въ своемъ посланіи Фелинскій призывалъ поляковъ къ порядку, осуждалъ революціонеровъ—агентовъ Мѣрославскаго, подъ командою котораго онъ сражался въ 1846 году, называлъ начавшееся польское движеніе дѣломъ рукъ демагоговъ. Выборъ Фелинскаго вызвалъ полное сочувствіе въ Ватиканѣ, но въ Варшавѣ его назначеніе было принято несочувственно всѣми. Лидерсъ, намѣтившій на архіепископскую каѳедру кс. Зволинскаго, былъ недоволенъ, что присылаютъ неизвѣстнаго ему ксендза, многіе поляки видѣли въ Фелинскомъ „петербургскаго ксендза“, „московскаго шпіона“, а для нѣкоторыхъ онъ былъ несимпатиченъ, какъ бывшій

сторонникъ Мѣрославскаго; говорили также о его романическихъ похожденіяхъ, о бурной жизни въ Парижѣ. Даже то обстоятельство, что онъ былъ другомъ такого популярнаго поэта, какъ Словацкій, который умеръ на его рукахъ въ Парижѣ и составляетъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ и Красинскимъ чтимую поляками какую-то мистическую „троицу“, не побѣдило нерасположенія къ нему, и онъ, пріѣхавъ въ Варшаву въ началѣ февраля 1862 г., былъ встрѣченъ тутъ очень недружелюбно. Давъ государю обѣщаніе, открыть костелы, онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ это, но въ общемъ дѣйствовалъ двулично, балансируя между правительствомъ и революціонерами. Узнавъ о томъ, что имъ будутъ открыты костелы, революціонеры распространили объявленія, въ которыхъ называли его „слесаремъ изъ Петербурга“ и „епископомъ московскимъ“.

Составленное въ Петербургѣ архипастырское посланіе Фелинскій показалъ въ Варшавѣ графу Андрею Замойскому. Замойскій не одобрилъ этого посланія, утверждая, что польское движеніе имѣетъ національный, а не революціонный характеръ. Фелинскій въ виду этого рѣшилъ не оглашать утвержденнаго государемъ посланія, а между тѣмъ оно появилось въ одномъ французскомъ клерикальномъ журналѣ. Государь остался очень не доволенъ опубликованіемъ посланія Фелинскаго въ заграничной печати. Красные по пріѣздѣ Фелинскаго въ Варшаву послали къ нему депутацію съ Маевскимъ во главѣ. Послѣдній распространился о важной роли въ движеніи евреевъ, Фелинскій однако не раздѣлялъ симпатій къ евреямъ. На первыхъ же порахъ Фелинскимъ было сказано нѣсколько словъ и обращеній, въ одномъ изъ которыхъ онъ между прочимъ говорилъ: „Если бы отъ насъ потребовали, чтобы мы перестали любить свою отчизну или перестали молиться объ ея преуспѣяніи, я самъ заклиналъ бы васъ не слушаться правительства, ибо предпочелъ-бы, чтобы матери наши были безплодными, чѣмъ рождали бы безучастное къ отчизнѣ поколѣніе“. Но, доказывалъ онъ, правительство желаетъ лишь порядка, за что обѣщаетъ „неоцѣненныя выгоды“.—„Я вѣрю слову монарха!“ часто повторялъ онъ. Много шума надѣлала его рѣчь въ варшавскомъ благотворительномъ обществѣ, въ которой онъ просилъ не дѣлать заключеній о немъ по внѣшнимъ признакамъ и говорилъ, что время не позволяетъ полякамъ сходить съ легальнаго пути, „идя по которому, мы можемъ сдѣлаться судьями тѣхъ, которые насъ теперь судятъ“. Авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ“ говоритъ по поводу этой рѣчи, что она произвела на многихъ поляковъ прекрасное впечатлѣніе, и что русскіе не безъ основанія назвали за нее Фелинскаго Валенродомъ, но въ тотъ же день, когда была произнесена эта іезуитская рѣчь, Фелинскій полу-

чилъ памфлетъ „Слово польскаго народа къ епископу-митрополиту Фелинскому“. Въ этомъ „Словѣ“ утверждалось, что на немъ лежатъ, какъ на архіепископѣ, важныя задачи „въ эпоху междуцарствія“, что Россія и Австрія скоро распадутся, что Россія на вулканѣ; авторы „Слова“ упрекали его въ преданности Россіи и измѣнѣ польскому дѣлу. „Кто не съ нами, тотъ нашъ врагъ“ [79])—говорилось въ памфлетѣ. Лидерсъ и Крыжановскій скоро убѣдились, что полагаться на новаго архіепископа нельзя, и что его „лойяльность“ весьма ненадежна и двусмысленна.

При первомъ знакомствѣ съ Фелинскимъ Лидерсъ и Крыжановскій говорили съ нимъ откровенно, причемъ сказали, что бѣлыхъ они считаютъ болѣе опасными, чѣмъ красныхъ, видя въ первыхъ скрытыхъ и ловкихъ враговъ, а во вторыхъ открытыхъ, явныхъ. Фелинскій, мечтавшій о католической Польшѣ „отъ моря до моря“, дававшій іезуитскіе совѣты, о которыхъ упоминалось выше, своимъ слушателямъ въ академіи, конечно, не могъ сойтись съ Лидерсомъ и Крыжановскимъ. Отправляясь въ Варшаву на архіепископскую каѳедру, которую убѣдилъ его принять Велепольскій, Фелинскій ѣхалъ туда въ увѣренности, что ему удастся повліять успокаивающимъ образомъ на Варшаву, что ему удастся убѣдить своихъ соотечественниковъ, что они скорѣе достигнутъ своей цѣли „примиреніемъ“ съ правительствомъ, которое, по его мнѣнію, было склонно къ уступкамъ. Но въ Варшавѣ поляки его не поняли. Однимъ изъ агитаторовъ нужна была лишь революція для революціи, и начавшееся броженіе давало имъ возможность жизни безъ труда, во вкусъ которой они вошли; другіе отвергали систему постепенности, выдвигавшуюся Велепольскимъ и затѣмъ Фелинскимъ, требуя сразу „Польшу отъ моря до моря“. А Замойскій возлагалъ свои надежды на Наполеона, находя излишнимъ считаться съ русскимъ правительствомъ, крупные-же дѣятели возстанія изъ евреевъ были вѣрны общему всюду всѣмъ евреямъ стремленію поддерживать революціонныя броженія и были увѣрены, что начавшееся движеніе ничего кромѣ выгоды еврейству не принесетъ. Могъ ли остановить все это запутанное и сложное броженіе Фелинскій? Подчиненное ему духовенство сразу возстало противъ него. Папа, съ которымъ Фелинскій находился въ перепискѣ въ тайнѣ отъ русскаго правительства, одобрялъ его дѣйствія, но часть польскаго духовенства была до глубины фанатизирована противъ Россіи, часть-же была далека отъ католичества, являясь крайними революціонерами—демагогами, а потому и голосъ папы не подѣйствовалъ. Фелинскій назвалъ начавшееся броженіе въ своемъ архипастырскомъ посланіи дѣломъ рукъ демагоговъ, что отчасти и было правдой, но вызвалъ протестъ противъ

этого со стороны гр. А. Замойскаго, что и понятно, такъ какъ за спиной „демагоговъ"—красныхъ стояли бѣлые, несмотря на всѣ свои ссоры съ красными, дававшіе имъ деньги и убѣжденные, что начавшееся броженіе, поддерживаемое Франціей, приведетъ Россію въ столкновеніе съ Европой, результатомъ чего будетъ возстановленіе Польши.

Расчеты Велепольскаго на успокоеніе Фелинскимъ поляковъ и на образованіе имъ большой партіи сторонниковъ не оправдались. Ни религіозный экстазъ Фелинскаго, ни его краснорѣчіе, ни его іезуитизмъ не помогли ему. Правда, у него образовался небольшой кругъ поклонницъ изъ старыхъ дѣвъ и дамъ, снявшихъ, какъ онъ того требовалъ, трауръ и одѣвшихся въ честь его въ фіолетовый цвѣтъ (у католическихъ архіепископовъ фіолетовое одѣяніе); правда, прозорливый Крашевскій, редакторъ „Польской Газеты" Кроненберга, вскорѣ послѣ пріѣзда Фелинскаго въ Варшаву писалъ о немъ: „Чѣмъ выше и тяжелѣе призваніе человѣка, чѣмъ важнѣе моментъ, въ который оно выполняется, тѣмъ съ большей строгостью слѣдуетъ отвергать неосновательныя догадки и предположенія. Великія и трудныя дѣла совершаются медленно, терпѣливо, не взирая на то, что по пути къ цѣли вызываютъ крики и неудовольствіе. Но сопротивленіе и преждевременное неодобреніе отвлекаютъ и замедляютъ то, что любовь и сочувствіе могутъ ускорить и облегчить. Тамъ, гдѣ одинъ человѣкъ становится за тысячи и дѣйствуетъ отъ ихъ имени и для ихъ блага,—необходимо, чтобы всѣ вооружили его своей силой и подкрѣпили довѣріемъ. Простые солдаты должны идти въ рядахъ, а не судить своего вождя и не разсуждать. Мы же почти всѣ такіе солдаты въ моментъ тяжкаго кризиса. Каждое дѣйствіе прежде всего возбуждаетъ въ насъ недовѣріе, подозрѣніе, сомнѣніе, и мы нерѣдко прежде бросаемъ камень, нежели разсмотримъ цѣль, въ которую онъ попадетъ". Но главари бѣлыхъ и красные были противъ Фелинскаго. Вліятельные евреи, какъ Кроненбергъ и Энохъ, не прощали ему его презрѣнія къ еврейству, которое онъ называлъ каналомъ, спускающимъ польскія нечистоты.

Красные видѣли въ немъ измѣнника. Надъ его поклонницами въ фіолетовыхъ платьяхъ издѣвались на улицахъ; въ костелахъ устраивались выходки противъ него; заграничныя польскія газеты систематически агитировали противъ него; не находя среди варшавскихъ ксендзовъ для себя вѣрныхъ помощниковъ, Фелинскій выписалъ двухъ ксендзовъ изъ Кракова и одного изъ небольшого городка Велюня и приблизилъ ихъ къ себѣ, что очень вооружило ксендзовъ варшавской епархіи, а распоряженіе о томъ,

чтобы не допускать къ причастію находящихся въ услуженіи у евреевъ, болѣе прежняго вооружило послѣднихъ противъ Фелинскаго.

Полученное Фелинскимъ „Слово польскаго народа къ архіепископу-митрополиту Фелинскому“ навело правительство на нѣкоторые слѣды революціонной организаціи. Маркизъ Велепольскій за время своего кратковременнаго управленія комиссіей народнаго просвѣщенія лишилъ мѣстъ не мало лицъ, которыхъ называлъ вредными съ политической точки зрѣнія. Частью при увольненіи этихъ лицъ играли роль личные счеты, частью случайное нерасположеніе крутого и высокомѣрнаго маркиза къ тому или другому лицу, частью же опасеніе маркиза передъ „русскими шпіонами“. Въ числѣ уволенныхъ Велепольскимъ былъ инспекторъ 5-ти класснаго училища въ Варшавѣ Фелькнеръ—человѣкъ съ большой семьей, по словамъ автора „Исторіи двухъ лѣтъ“.

Лишившись мѣста и не находя другого занятія, Фелькнеръ поступилъ въ агенты тайной полиціи въ Варшавѣ и выказалъ много энергіи, за что и былъ впослѣдствіи убитъ революціонерами. Первымъ шагомъ Фелькнера въ сферѣ полицейской дѣятельности былъ арестъ нѣкоего Замойскаго, который напечаталъ „Слово польскаго народа къ архіепископу-митрополиту Фелинскому“ и печаталъ кромѣ того, какъ оказалось, подпольный журналъ „Рулевой“. Вскорѣ послѣ ареста Замойскаго распространились слухи, проникшіе и въ заграничную печать, что Замойскаго подвергаютъ пыткамъ. Въ отвѣтъ на эти слухи Лидерсъ образовалъ комиссію, въ составъ которой вошли: популярный въ Варшавѣ—комендантъ князь Бебутовъ, извѣстный своимъ польскимъ патріотизмомъ, славившійся въ свое время въ Варшавѣ—докторъ Халубинскій и еще два лица, которые отправились въ цитадель, гдѣ составили протоколъ о томъ, что „ничья рука не дотрогивалась до Замойскаго, что онъ подтвердилъ честнымъ словомъ“. Но опубликованіе намѣстникомъ Лидерсомъ, любившимъ прибѣгать къ гласности, этого протокола, какъ ранѣе подлиннаго показанія прелата Бялобржескаго, не вполнѣ достигло цѣли. Красные утверждали, что напечатанное показаніе Бялобржескаго подложно, хотя подлинность его была засвидѣтельствована извѣстнымъ въ то время ксендзомъ Чаевичемъ, а теперь увѣряли, несмотря на участіе въ комиссіи такого польскаго дѣятеля, какъ Халубинскій, что Замойскаго заставили угрозами отрицать, что его пытали. Арестъ Замойскаго и слухи объ испытанныхъ имъ будто-бы мученіяхъ еще болѣе вооружили варшавскую молодежь и „политическихъ“ дамъ и дѣвицъ противъ Фелинскаго. Какъ разъ въ это-же время Фелинскій отказался служить панихиду за убитыхъ въ февралѣ 1861 г. во время демонстра-

ціи. Красные рѣшили устроить противъ него манифестацію въ каѳедральномъ костелѣ, которая и состоялась 29 марта. Въ костелѣ кричали и шикали, а нѣкая г-жа Цверцякевичъ, недавно умершая и извѣстная въ Варшавѣ, какъ составительница поваренныхъ книгъ, прокляла Фелинскаго и его потомство „до четвертаго поколѣнія“, хотя Фелинскому, какъ архіепископу, потомства имѣть не полагалось. Вообще, начиная съ конца марта въ Варшавѣ опять начались на время притихшіе безпорядки. Русскимъ дамамъ и „фіалкамъ“, т. е. поклонницамъ Фелинскаго, носившимъ фіолетовый цвѣтъ, въ Варшавѣ не давали на улицахъ прохода. Въ другихъ городахъ Привислинья тоже задѣвали русскихъ дамъ и полекъ, не носившихъ траура. Въ костелахъ снова запѣли запрещенныя пѣсни и стали вставлять въ церковныя пѣснопѣнія моленія объ освобожденіи „отъ неволи“. Нѣкоторыя польскія газеты осуждали выходки красныхъ въ костелахъ, но вообще печать поддерживала революціонное броженіе преимущественно статьями о венгерскихъ, итальянскихъ и славянскихъ дѣлахъ. Въ статьяхъ этихъ выражалось сочувствіе національно-освободительнымъ стремленіямъ. Городскіе, губернскіе и уѣздные совѣты, во главѣ которыхъ стояли люди, дѣйствовавшіе по указаніямъ изъ Варшазы, придавали организацію революціонному броженію. Политика „милостей“, возвращеніе изъ ссылки Бялобржескаго, оппозиція Велепольскаго варшавскимъ русскимъ властямъ, ходившіе слухи о растерянности властей въ Петербургѣ и готовящейся въ Россіи революціи, а также о скоромъ отозваніи изъ Варшавы Лидерса и побѣдѣ надъ нимъ Велепольскаго—еще болѣе подливали масла въ огонь. Арестовъ уже не боялись. „Дошло, наконецъ, до того, что тѣ, которымъ не удалось ни однажды попасть подъ арестъ, были нерѣдко заподозрѣваемы въ политической неблагонадежности, — говоритъ А. Подвысоцкій. Самые евреи при всей ихъ боязливости и трусливости принадлежали къ ревностнымъ претендентамъ на арестованіе ихъ въ качествѣ польскихъ возмутителей, и случаи, подобные тому, какъ одинъ изъ извѣстныхъ въ Варшавѣ еврейскихъ купцовъ считалъ себя обиженнымъ по тому поводу, что сынъ его, какъ утверждалъ онъ, никому не уступавшій въ чувствахъ хорошаго поляка, ни разу не былъ арестованъ,—были нерѣдки“ [80]). Возвращаемымъ изъ ссылки и отправляемымъ устраивались въ Варшавѣ и другихъ городахъ овація. Разъ цѣлый кортежъ экипажей провожалъ изъ Варшавы партію ссыльныхъ до уѣзднаго города Пултуска, гдѣ въ честь ихъ были устроены овація. Къ тому-же нерѣдко аресты и ссылки дѣлались ошибочно: ссылали и арестовывали не главныхъ вожаковъ, которые умѣли не попадаться, а если

и попадались, то умѣли, употребляя польское выраженіе „вылгаться, т. е. оправдаться при помощи лжи. Полиція ходила въ потьмахъ, и часто ее наводили на ложные слѣды ложные доносы. Писаніе доносовъ въ это время, по словамъ автора „Исторіи двухъ лѣтъ“, было въ большомъ ходу. Этимъ путемъ многіе сводили личные счеты. Многіе полицейскіе агенты сочувствовали революціонному движенію, иные, опасаясь мести со стороны революціонеровъ, закрывали глаза. Начальникъ тайной полиціи маркизъ Паулуччи часто поступалъ съ полной оплошностью, иногда, повидимому, умышленно выпуская изъ своихъ рукъ нити преступленій и преступной организаціи. А и безъ того трудное положеніе Лидерса и Крыжановскаго усложнялось постоянными заступничествомъ и ходатайствами Фелинскаго, которому предписывалъ папа заступаться за арестованныхъ, и который, желая пріобрѣсти популярность, надѣялся этимъ путемъ достигнуть ея. Между тѣмъ администрація при всей своей мягкости не могла допускать пѣнія революціонныхъ гимновъ въ костелахъ и безпорядковъ передъ костелами и, прибѣгая къ арестамъ, давала краснымъ, увѣрявшимъ, что аресты производятся по требованію „измѣнника Фелинскаго“, оружіе противъ него. 24 апрѣля намѣстникъ напечаталъ воззваніе, въ которомъ увѣщевалъ прекратить безпорядки, а 5 мая съ согласія государя объявилъ, что, по просьбѣ Фелинскаго, на время прекращаетъ арестованія, но если эта мѣра не подѣйствуетъ и безпорядки будутъ продолжаться, то „усмиритъ силою не внемлющихъ голосу убѣжденія“. Фелинскому намѣстникъ предложилъ употребить все вліяніе, чтобы въ костелахъ прекратилось пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Фелинскій собралъ у себя духовенство и сталъ убѣждать его повліять на мірянъ, чтобы они воздерживались отъ пѣнія революціонныхъ пѣсенъ. Въ отвѣтъ на эти увѣщанія Фелинскаго ксендзъ Микошевскій, одинъ изъ главныхъ руководителей революціоннаго движенія, составитель „Слова польскаго народа къ архіепископу Фелинскому“, разразился рѣзкими упреками по адресу Фелинскаго и убѣждалъ своихъ товарищей „не слушаться архіепископа“. А наканунѣ у Фелинскаго былъ оберъ-полиціймейстеръ Пилсудскій и разсказывалъ, что послѣ того, какъ Микошевскаго продержали нѣсколько дней подъ арестомъ и пригрозили ему, что въ случаѣ повторенія революціоннаго пѣнія въ его костелѣ его сошлютъ въ Сибирь, въ этомъ костелѣ водворился порядокъ. Фелинскій, возмущенный Микошевскимъ, сказалъ ему: „Ксендзъ Микошевскій! Итакъ, когда дѣло касалось твоей собственной шкуры, у тебя хватило мужества заглушить въ груди народа стонъ отчаянныхъ жалобъ, и ты не поколебался запретить пѣніе въ своемъ костелѣ, теперь-же, когда дѣло касается независимости храмовъ

(т. е. недопущенія въ нихъ полиціи), чести и даже жизни невинныхъ нашихъ дѣвушекъ, ты полагаешь, что пастырь, желающій устранить поводъ этихъ несчастій, измѣняетъ своей священной миссіи и содѣйствуетъ угнетенію народа! Нужны не слова, а дѣйствія; судите, братья, на чьей сторонѣ негодяйство!" Ксендзъ Микошевскій, смутившись, удалился. Такъ разсказываетъ этотъ характерный эпизодъ самъ Фелинскій въ своей автобіографической запискѣ, напечатанной въ приложеніи къ 5 тому „Исторіи двухъ лѣтъ".

Кто-же вызывалъ безпорядки въ Варшавѣ, кто руководилъ ими? Велепольскій и Фелинскій возлагали вину на Лидерса, Крыжановскаго и полицію. Нѣкоторыя польскія заграничныя и французскія газеты увѣряли, что сама полиція подстраиваетъ демонстраціи, но кто-же, въ самомъ дѣлѣ, былъ виновникомъ безпорядковъ? Конечно, демонстраціями руководили красные; бѣлые-же съ Замойскимъ и Кроненбергомъ во главѣ, составившіе такъ называемую дирекцію бѣлыхъ въ концѣ 1861 г., раздѣлившіе тогда Привислинье на воеводства и установившіе связи съ юго-западными и сѣверо-западными поляками, не принимали активнаго участія въ устройствѣ мелкихъ демонстрацій. Нѣкоторыя изъ этихъ демонстрацій осуждались ими по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, но въ общемъ они не только не противодѣйствовали демонстраціямъ, которыя, по ихъ мнѣнію, поддерживали въ населеніи анти-русскій и анти-правительственный духъ, и, опираясь на которыя, они требовали отъ правительства уступокъ, а даже поддерживали красныхъ, давая имъ деньги и мѣста и всегда имѣя при себѣ лицъ, каковыми были, напр., Маевскій, Рупрехтъ и Круликовскій, управлявшій пароходствомъ Замойскаго на Вислѣ, которыя посредничали между бѣлыми и красными. Приступивъ къ собиранію капитала для будущаго возстанія и войдя въ соглашеніе съ нѣкоторыми поляками въ Познани и Галиціи, бѣлые поручили Рупрехту составить программу своей партіи, которая и была напечатана въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „Задачи текущей минуты". Брошюра была полна громкихъ фразъ о страдающей отчизнѣ и отличалась крайней туманностью, такъ какъ бѣлые не хотѣли раскрывать своихъ картъ. На дѣлѣ-же они рѣшили поднять возстаніе въ 1865 году въ увѣренности, что къ тому времени соберутъ нужныя для этого средства и заручатся содѣйствіемъ державъ поддержать возстаніе. Для обезпеченія успѣха возстанія они рѣшили, между прочимъ, хлопотать о томъ, чтобы правительство согласилось оставлять рекрутовъ царства польскаго въ войскахъ, квартирующихъ въ царствѣ, полагая, что ополяченные такимъ путемъ русскіе полки присоединятся къ возстанію. Назначивъ воз-

станіе на 1865 годъ, варшавскіе бѣлые отправили въ Парижъ одного изъ своихъ—Колачковскаго для переговоровъ съ кн. Чарторыйскимъ и вообще съ эмигрантами. Но когда Колачковскій появился въ Парижѣ, онъ былъ тамъ арестованъ по требованію своихъ парижскихъ кредиторовъ. Въ переговоры съ Чарторыйскимъ вступилъ пріѣхавшій также въ Парижъ познанскій помѣщикъ Гутри, находившійся въ сношеніяхъ съ варшавскими бѣлыми. Князь Чарторыйскій не согласился съ проектомъ варшавскихъ бѣлыхъ поднять возстаніе въ 1865 г. и отказался содѣйствовать осуществленію этого проекта. Вступалъ-ли тогда въ Парижѣ принадлежавшій къ бѣлымъ, но бывшій близкимъ и къ краснымъ, Гутри въ переговоры съ Мѣрославскимъ и вообще съ красной партіей эмигрантовъ,—неизвѣстно, но вполнѣ вѣроятно. А Мѣрославскій въ это время, поддерживая сношенія съ Варшавой, Вильной и Кіевомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ссорился со своими товарищами—эмигрантами. Въ основанной имъ въ Генуѣ военной школѣ, въ которую поступали многіе молодые поляки изъ Россіи, царилъ безпорядокъ. Мѣрославскій подозрѣвалъ своихъ учениковъ въ шпіонствѣ, читалъ ихъ письма. Ученикъ Качинскій, считая ученика Янчевскаго шпіономъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и затѣмъ бросился въ море. Хотя у Янчевскаго голова оказалась настолько крѣпкой, что выпущенная изъ плохо заряженнаго револьвера пуля сплющилась объ его голову, и хотя Качинскаго вытащили изъ моря, такъ что оба остались цѣлы и невредимы, тѣмъ не менѣе этотъ случай вызвалъ много толковъ. Затѣмъ Мѣрославскій потребовалъ, чтобы ученики школы дали ему отъ имени всѣхъ поляковъ полномочіе исключительнаго руководства польскимъ дѣломъ. Это окончательно вооружило польскихъ эмигрантовъ противъ Мѣрославскаго, и вскорѣ послѣ этого Мѣрославскій вынужденъ былъ въ февралѣ 1862 г. оставить школу, и его мѣсто занялъ эмигрантъ Высоцкій, помощникомъ котораго явился волынскій помѣщикъ бывшій русскій офицеръ Падлевскій. По требованію итальянскаго правительства, школа вскорѣ была переведена изъ Генуи въ небольшой итальянскій городокъ Кунео, а къ концу 1862 г. закрыта, по настоянію Россіи.

Въ февралѣ 1862 г. въ дѣятельность красныхъ въ Варшавѣ внесъ оживленіе и систему назначенный въ Варшаву адъютантомъ штаба 6-й пѣхотной дивизіи Ярославъ Домбровскій, сотрудникъ Сѣраковскаго по Петербургу. Польскій петербургскій революціонный кружокъ къ концу 1861 г. близился къ упадку, такъ какъ главные члены его—Домбровскій, Гейденрейхъ, Варасскій кончали курсъ въ академіяхъ и должны были получить назначенія въ провинцію; къ тому-же кружокъ этотъ, члены котораго принимали большое уча-

стіе въ распространеніи революціонныхъ идей и въ частности въ устройствѣ студенческихъ безпорядковъ въ русскихъ университетахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ напечатанныя воспоминанія русскихъ студентовъ того времени, и что близко къ истинѣ живо описалъ Вс. Крестовскій въ своемъ романѣ „Кровавый пуфъ“,— сталъ обращать на себя вниманіе полиціи. А кромѣ того къ концу 1861 года цѣли, которыя преслѣдовались этимъ кружкомъ, были въ значительной степени достигнуты: польская и русская молодежь были сильно настроены на революціонный ладъ, были завязаны тѣсныя сношенія съ русскими революціонерами, поляки въ Западной Россіи, особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, были организованы, и вообще поляки въ Россіи были сплочены. Съ окончаніемъ курса въ академіяхъ членами кружка и назначеніемъ ихъ въ провинцію, главари поляковъ въ Петербургѣ, Огрызко и Сѣраковскій, пріобрѣтали вѣрныхъ помощниковъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Вслѣдствіе всего этого было рѣшено закрыть кружокъ; Сѣраковскому и Огрызкѣ оставалось лишь при помощи своихъ друзей хлопотать о польскомъ дѣлѣ въ Петербургѣ, привлекать къ нему русскихъ, поддерживать сношенія со „своими“ людьми въ разныхъ городахъ и получать служебныя командировки, преимущественно въ сѣверо-западный край, для переговоровъ съ мѣстными польскими дѣятелями. О возстаніи въ ближайшемъ будущемъ Сѣраковскій и Огрызко не думали, откладывая таковое до того момента, когда Россія поведетъ трудную войну, или-же когда въ ней вспыхнетъ революція, о которой они мечтали. Но передъ окончательнымъ распаденіемъ кружка въ виду частыхъ безпорядковъ въ Варшавѣ было рѣшено отправить туда одного изъ членовъ кружка, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ характеромъ, причинами и цѣлями безпорядковъ. Вызвался поѣхать Я. Домбровскій. Въ Варшавѣ у него былъ родственникъ, писатель І. Корженевскій, сотрудникъ Велепольскаго по учебному дѣлу. Кромѣ того онъ получилъ рекомендательныя письма къ разнымъ лицамъ, между прочимъ, къ Маевскому. Въ Варшавѣ Домбровскій узналъ, что „кругъ“, примыкавшій къ городскому комитету, городской комитетъ и „тайное академическое общество“ готовятся къ возстанію въ очень скоромъ времени и вербуютъ повстацевъ, приводя ихъ къ присягѣ. Домбровскій сталъ убѣждать руководителей, что возставать въ данный моментъ противъ Россіи безцѣльно, но въ концѣ концовъ, сблизившись съ нѣкоей Згличинской, которая была наэлектризована политической поэзіей Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго, проповѣдями фанатическихъ ксендзовъ и демонстраціями, изъ противника скораго возстанія обратился въ рьянаго сторонника его и, возвратясь въ Петербургъ въ январѣ

1862 г., объявилъ въ тамошнемъ польскомъ кружкѣ, что возстаніе неизбѣжно, и что можетъ вспыхнуть каждую минуту. Выдержавъ выпускные экзамены въ академіи, онъ выхлопоталъ себѣ назначеніе въ Варшаву. Въ то время польскіе офицеры пользовались большимъ довѣріемъ, и Сѣраковскій, ихъ глава и руководитель, умѣлъ помогать имъ и выдвигать ихъ. Домбровскій пріѣхалъ въ Варшаву на должность въ февралѣ; въ Вильнѣ ужъ былъ на службѣ офицеръ генеральнаго штаба, членъ кружка Звѣрждовскій, пріобрѣвшій довѣріе у виленскаго генералъ-губернатора Назимова, а въ Житомиръ около этого-же времени былъ переведенъ съ Кавказа штабной полковникъ Ружицкій, другъ Сѣраковскаго. Пріѣхавъ въ Варшаву, Домбровскій принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ красныхъ, примкнулъ къ городскому комитету и рѣшилъ съ Хмѣленскимъ и нѣкоторыми другими красными поднять возстаніе въ апрѣлѣ въ великій четвергъ, т. е. въ день устроенной Килинскимъ рѣзни русскихъ въ 1794 г. Домбровскій увѣрялъ, что стоитъ полякамъ возстать и взять цитадель, которую сдадутъ офицеры, принимающіе участіе въ заговорѣ, и Англія съ Франціей поддержатъ возстаніе. Все препятствіе, по мнѣнію Домбровскаго, было въ томъ, что красные не обладали средствами, необходимыми для возстанія. Домбровскій пробовалъ-было обратиться къ Кроненбергу и другимъ банкирамъ, но тѣ не дали ему денегъ. Онъ попробовалъ уговорить одного изъ бѣлыхъ, свиданіе съ которымъ устроила ему въ своей квартирѣ Цверцякевичъ 29 марта, т. е. въ тотъ-же день, когда она въ костелѣ прокляла Фелинскаго, присоединиться къ краснымъ, дать имъ средства и склонить бѣлыхъ на ихъ сторону, но эти переговоры кончились ничѣмъ. Мысль о возстаніи въ великій четвергъ пришлось отложить тѣмъ болѣе, что въ это время въ Варшаву пріѣхалъ на службу Варасскій, совершившій объѣздъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края. Онъ привезъ извѣстіе, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ вожаки не находятъ возможнымъ поднять возстаніе въ ближайшемъ будущемъ. Далевскій и Звѣрждовскій въ Вильнѣ сказали, что, несмотря на всѣ успѣхи польскаго дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, немыслимо тамъ поднимать возстаніе. Въ Гроднѣ оказался „комитетъ“ красныхъ, подготовлявшій возстаніе и вербовавшій заговорщиковъ, но сами главари этого „комитета“ заявили, что возстаніе еще совсѣмъ не подготовлено. Въ Бѣлостокѣ агитировалъ служившій на петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ Шварце, а въ Бѣловѣжской пущѣ лѣсничій Врублевскій. Оба послѣдніе завѣряли, что къ возстанію можно приступить хоть сейчасъ, но Варасскій не соглашался съ ними и

вообще пришелъ къ заключенію, что до возстанія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а тѣмъ болѣе въ юго-западныхъ, еще далеко.

Убѣдившись въ невозможности начать возстаніе въ великій четвергъ, Домбровскій, не теряя надежды на возможность скораго возстанія, занялся отыскиваніемъ денегъ для этого, сплоченіемъ красныхъ и улучшеніемъ ихъ организаціи. Онъ дѣйствовалъ рука объ руку съ Хмѣленскимъ, котораго всѣ мало-мальски разумные польскіе историки возстанія 1863 г. называютъ не иначе, какъ негодяемъ, а о Домбровскомъ говорятъ, что у него на первомъ планѣ было самолюбіе и властолюбіе, и что онъ стремился къ первой роли въ возстаніи, не разбирая средствъ. Чтобы получить деньги, Домбровскій съ Хмѣленскимъ рѣшили ограбить ожидавшагося въ Варшавѣ изъ Петербурга интендантскаго чиновника, который везъ казенныя деньги, но это не удалось. Обладая подвижностью и умѣньемъ въ разговорахъ съ различными людьми приспособляться къ ихъ вкусамъ и взглядамъ, Домбровскій вскорѣ занялъ видное положеніе въ глазахъ красныхъ, которымъ до извѣстной степени импонировалъ офицерскій мундиръ Домбровскаго. Заручившись поддержкой красно-бѣлыхъ въ родѣ Маевскаго и сойдясь съ Хмѣленскимъ, Домбровскій въ началѣ мая 1862 г. вошелъ въ составъ городскаго комитета. Около этого времени варшавскія власти уловили важныя нити подпольной организаціи. По распоряженію изъ Варшавы, 23 апрѣля люблинскій жандармскій полковникъ Масловскій произвелъ обыскъ у гувернера-француза, агента Мѣрославскаго, Бонгарда въ имѣніи графа Старжинскаго близъ г. Холма. „Когда его (Бонгарда) вели къ бричкамъ, стоявшимъ въ концѣ деревни,—пишетъ Павлищевъ въ своихъ „Седмицахъ“, — онъ попросилъ зайти къ управляющему напиться чаю, чувствуя себя разстроеннымъ отъ испуга. Едва всѣ вошли въ комнату и успѣли сѣсть, какъ вбѣжалъ сынъ Старжинскаго, двадцатилѣтній юноша, съ револьверомъ въ рукѣ, первымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ унтеръ-офинера, вторымъ прострѣлилъ шею капитану Цывинскому, который потомъ умеръ отъ раны, а третьимъ ранилъ полковника Масловскаго, и, наконецъ, выбѣжавъ въ сѣни, самъ застрѣлился. Масловскій, хотя и раненый, имѣлъ еще довольно силы, чтобы отвезти арестованнаго Бонгарда въ Грубешовъ, откуда онъ отправленъ въ варшавскую цитадель“. А подъ 30 мая Павлищевъ отмѣчаетъ: „Въ Варшавѣ на-дняхъ, 26 мая, открыто общество, цѣль котораго состоитъ въ образованіи революціоннаго войска изъ молодыхъ людей, преимущественно ремесленнаго и фабричнаго класса, обязываемыхъ присягою къ готовности дѣйствовать противъ общихъ враговъ—москалей. Оно раздѣляется на десятки и сотни, подчиненные своимъ

особымъ начальникамъ. Все это объявилъ завербованный уже мастеровой Пивонскій и указалъ домъ, гдѣ отбирается присяга однимъ человѣкомъ, выдающимъ себя за графа Воловскаго. Въ домѣ, сходномъ съ его описаніемъ, въ квартирѣ, состоящей изъ трехъ пустыхъ комнатъ, одной темной съ распятіемъ на столѣ, съ двумя стульями и кроватью, захваченъ въ кровати нѣкто Оборскій, приказчикъ изъ книжной лавки. При немъ найдены: „Regulamin piechoty“, „Взглядъ на тактику европейской пѣхоты“ (по русски) и подозрительныя письма съ выраженіями, понятными только посвященнымъ въ тайну“ [81]). Сначала присягали только въ этой квартирѣ, но затѣмъ съ марта и въ нѣкоторыхъ костелахъ, ксендзы которыхъ приняли участіе въ вербовкѣ десятковъ и сотенъ. „Тайное демократическо-академическое общество“ хвасталось, что оно привело къ присягѣ 175,000 человѣкъ. Цифра эта была разъ въ 15 больше дѣйствительной.

Въ сѣверо-западномъ краѣ число заговорщиковъ, завербованныхъ въ это время „комитетами“ красныхъ, было совсѣмъ ничтожно. Попытки ихъ привлечь къ движенію бѣлоруссовъ не имѣли успѣха тѣмъ болѣе, что тамошнее православное духовенство, руководимое митрополитомъ I. Сѣмашко, за весьма малыми исключеніями, успѣшно противодѣйствовало пропагандѣ. Распространялись стихи, въ которыхъ говорилось: „кали станемъ зъ поляками будземъ ровными зъ панами“; закидывались и другія удочки, но народъ не шелъ на революціонныя приманки. Назимовъ, какъ сказано выше, хлопоталъ въ 1861 году о запрещеніи помѣщикамъ-полякамъ выписывать заграничныхъ рабочихъ, подъ видомъ которыхъ являлся сбродъ, представлявшій собой матеріалъ для формированія повстанскихъ бандъ, но въ началѣ 1862 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ рѣшилъ вопросъ о выпискѣ заграничныхъ рабочихъ противъ желанія Назимова въ пользу помѣщиковъ. Назимовъ боролся также противъ польскихъ народныхъ школъ, которыя поддерживались графомъ Старжинскимъ и въ которыхъ польки-помѣщицы вели политическую пропаганду, но графъ Старжинскій, съумѣлъ увѣрить Валуева, что школы преслѣдуютъ исключительно просвѣтительныя цѣли, что Назимовъ неосновательно придирается къ нимъ, и что вообще администрація своей безтактностью и подозрительностью вызываетъ недовольство и волненія. Въ началѣ 1862 г. въ органѣ Валуева „Сѣверной Почтѣ“ появилась статья, поощрявшая и одобрявшая дѣятельность польскихъ дамъ въ сѣверо-западномъ краѣ по учрежденію школъ. Валуевъ не замѣчалъ, что польское дворянство преслѣдуетъ, учреждая школы, не просвѣтительныя, а политическія цѣли, что школы въ рукахъ поляковъ являлись орудіями ополяченія

и окатоличенія Западной Руси. Въ запискахъ, которыя подавались въ то время по вопросу о школахъ польскими дворянами, прямо говорилось о необходимости придать начальнымъ школамъ исключительно польскій характеръ. Напр., въ запискѣ гр. Чайскаго ученію дѣтей на русскомъ языкѣ приписывалось „распространеніе въ краѣ мрака невѣжества“ и далѣе говорилось: „Въ училищахъ народныхъ и низшихъ классахъ гимназій, главная цѣль которыхъ развить первыя силы ребенка и влить въ него самыя основанія наукъ наилегчайшимъ, по возможности, способомъ,—при изложеніи наукъ долженъ быть употребленъ языкъ мѣстный и тѣмъ болѣе, что такимъ языкомъ въ Литвѣ есть *повсюду польскій языкъ*, родственный россійскому, богатый въ своемъ составѣ и высоко обработанный въ формахъ, желать упадка котораго въ здѣшнемъ краѣ никакъ не должны всѣ наши братья“. Несмотря на покровительство Валуева польскимъ школамъ, митрополиту Сѣмашкѣ, тогдашнему виленскому попечителю кн. Ширинскому-Шихматову и Назимову, который въ этомъ вопросѣ стоялъ на вѣрной точкѣ зрѣнія, удалось въ общемъ удержать начальную школу на вѣрномъ пути и во многихъ случаяхъ не только остановить польскую пропаганду путемъ польскихъ школъ, но даже вмѣсто нихъ открыть школы русскаго характера *). Указанія Назимова на то, что при строившейся тогда петербургско-варшавской ж. д. работаетъ много подозрительныхъ иностранцевъ, и что мѣста на этой дорогѣ предоставляются ненадежнымъ лицамъ, также оставлялись Валуевымъ безъ вниманія.

IX.

Въ 1861 и 1862 годахъ главное вниманіе Россіи было сосредоточено на внутреннихъ реформахъ. Въ сферѣ внѣшнихъ отношеній готовилось сближеніе съ Пруссіей. Бисмаркъ, подготовляя почву для объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, заботился о сохраненіи съ Россіей самыхъ дружественныхъ отношеній и, желая заслужить благодарность и довѣріе Россіи, не переставалъ указывать на опасность, которою грозятъ польскія волненія, и давать совѣты относительно поляковъ. Австрія, относясь съ Россіи съ видимымъ злорадствомъ по поводу осложненій въ царствѣ польскомъ, была занята, главнымъ образомъ, своими внутренними дѣлами.

*) См. подробно объ этомъ въ брошюрѣ А. Бѣлецкаго „Сорокалѣтіе русской начальной школы въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи“. Вильна. 1901 г.

Федералистическая конституція 1860 г. была замѣнена въ 1861 году цeнтралистической, причемъ глава федералистическаго кабинета гр. Голуховскій сошелъ на время со сцены политической жизни. Борьба австрійскихъ народностей за автономныя права обострялась. Италія продолжала при участіи Гарибальди свое объединеніе. Въ Америкѣ шла борьба между Сѣверомъ и Югомъ, причемъ Россія выражала полное сочувствіе Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Въ Англіи и Франціи общественное мнѣніе было настроено противъ Россіи. И въ Лондонѣ, и въ Парижѣ находили пріютъ и поддержку русскіе революціонеры. Пріѣхавшій къ Герцену въ Лондонъ Бакунинъ вошелъ въ сношенія со всѣми европейскими революціонерами, говорилъ объ образованіи всеславянской федераціи и стремился раздуть революціонное движеніе въ Россіи, идя рука объ руку съ польскими революціонерами. Французскій книжный рынокъ наполнялся въ 1862 году брошюрами по польскому вопросу. Въ числѣ ихъ появилась и брошюра Бакунина, изданная по-французски и по-русски. Бакунинъ указывалъ въ этой брошюрѣ, что главный сложный пунктъ въ русско-польской исторической тяжбѣ составляетъ западный край. Для рѣшенія этого вопроса Бакунинъ предложилъ устроить въ западныхъ губерніяхъ всеобщее голосованіе, путемъ котораго рѣшился-бы вопросъ, желаютъ-ли бѣлоруссы и малороссы примкнуть къ русскимъ или къ полякамъ, или-же хотятъ существовать самостоятельно *).

Во французскомъ и англійскомъ парламентахъ въ 1861 и 1862 годахъ не разъ поднимался польскій вопросъ, но какъ французскіе, такъ и англійскіе государственные люди заявляли, что поляки должны всецѣло положиться на великодушіе императора Александра II. Впрочемъ, весною 1862 г. глава англійскаго кабинета Пальмерстонъ въ одной изъ своихъ рѣчей распространился о „неодолимомъ, нескончаемомъ, неистощимомъ“ патріотизмѣ поляковъ и упомянулъ о разочарованіяхъ поляковъ, причиненныхъ имъ Наполеономъ I. Это упоминаніе о Наполеонѣ I, о неисполненныхъ имъ обѣщаніяхъ полякамъ, было сдѣлано, конечно, по адресу Наполеона III. Но послѣдній, несмотря на хлопоты о полякахъ императрицы Евгеніи и принца Наполеона, уклонялся отъ явнаго вмѣша-

*) Эта брошюра Бакунина вызвала со стороны нѣсколькихъ русскихъ авторовъ основательные отвѣты, что малороссы и бѣлоруссы въ массѣ давно рѣшили поставленный Бакунинымъ вопросъ, слившись въ одно государственное тѣло съ великороссами и принявъ одинъ общій литературный языкъ; одинъ изъ многочисленныхъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ графовъ Тышкевичей подъ вліяніемъ брошюры Бакунина совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ 1862 году, по сѣверо западному краю и собиралъ голоса, по рецепту Бакунина.

тельства въ польскій вопросъ. Э. Оливье находитъ, что если-бы Наполеонъ въ началѣ 60-хъ годовъ отказался отъ своей польской политики, то первенствующее положеніе въ средней Европѣ сохранилось-бы за Франціей, и Германія не достигла-бы своего нынѣшняго положенія [82]). Но императоръ Наполеонъ III колебался. Онъ опасался разрыва съ Россіей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рѣшался отказаться отъ польской политики своего дяди Наполеона I. Вслѣдствіе этой двойственности Наполеона III и стремленія Бисмарка сблизиться съ Россіей и оттолкнуть отъ нея Францію русско-французскія отношенія всё болѣе ухудшались и въ половинѣ 1862 г. горячій сторонникъ русско-французскаго сближенія русскій посолъ въ Парижѣ Киселевъ былъ замѣненъ барономъ Будбергомъ. Первымъ шагомъ Будберга было обращеніе съ просьбой къ Наполеону объ отозваніи изъ Варшавы французскаго консула Сегюра, заподозрѣннаго въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскими революціонерами. Наполеонъ исполнилъ эту просьбу и, коснувшись польскаго вопроса, намекнулъ Будбергу, что желателенъ созывъ европейскаго конгресса, который рѣшилъ-бы нѣсколько вопросовъ, въ томъ числѣ и польскій. А прощаясь съ Киселевымъ, императрица Евгенія сказала ему въ разговорѣ: „Если-бы спросили меня (по вопросу о полякахъ), то я посовѣтовала-бы предоставить поляковъ самимъ себѣ, съ правомъ выбрать себѣ короля. Россія при своемъ могуществѣ всегда будетъ стоять выше, всегда будетъ сильнѣе и дома, и въ отношеніи другихъ. Всякія иныя придуманныя мнимыя примиренія не установятъ прочнаго спокойствія, столь желаемаго Европой, и котораго должна желать и Россія. Я говорю въ интересахъ Польши и въ то-же время въ интересахъ Россіи и Европы“. Гр. Киселевъ отвѣтилъ, что русско-польскія осложненія—дѣло семейное, и что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ отказаться отъ Польши [83]).

Въ то время, какъ во Франціи и Англіи и отчасти въ Германіи вообще и въ Пруссіи въ частности такъ называемое общественное мнѣніе обращалось противъ Россіи и выражало сочувствіе польскимъ революціоннымъ стремленіямъ, въ Ватиканѣ польская аристократія усердно хлопотала за поляковъ и возстановляла папу противъ Россіи. Поддерживая польское движеніе и находясь въ тайныхъ сношеніяхъ съ католическими епископами въ Россіи, Ватиканъ однако не порывалъ открыто связей съ Россіей, не желая отталкивать отъ себя Россію. Какъ въ началѣ царствованія императора Александра I Ватиканъ напрягалъ силы вовлечь въ католичество русское общество, такъ и въ началѣ царствованія императора Александра II папа усиленно хлопоталъ объ этомъ. Вліятельный въ то время въ Ватиканѣ кардиналъ Антонелли ста-

рался, чтобы Ватиканъ сохранилъ съ Россіей хорошія отношенія и шелъ на встрѣчу ея желаніямъ, чтобы привязать её къ себѣ. Нѣсколько іезуитовъ изъ русскихъ (кн. Гагаринъ, Балабинъ, Мартыновъ) издали въ началѣ 60-хъ годовъ рядъ брошюръ противъ православія и въ 1862 году приступили къ изданію „Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника", въ которомъ пропагандировалась идея общенія славянъ въ вѣрѣ съ Римомъ съ сохраненіемъ греческаго обряда и славянскаго богослужебнаго языка.

Во внутренней жизни русскаго общества пропаганда отрицательныхъ идей и увлеченіе матеріализмомъ и дешевымъ соціализмомъ достигли въ 1862 году особаго успѣха, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились и признаки отрезвленія. Катковъ вступилъ въ открытую полемику съ Герценомъ, и эта полемика вызывала сочувствіе къ Каткову въ русскомъ обществѣ. Явившіеся въ это время подражатели Герцена, какъ напр., эмигрантъ кн. П. Долгорукій, ужъ далеко не имѣли того успѣха, какой выпалъ на долю Герцена. Усилившаяся въ Петербургѣ и другихъ городахъ революціонная пропаганда и возникшіе въ Петербургѣ и въ провинціи весною 1862 г. большіе пожары, которые приписывались революціонерамъ, заставляли русское общество серіезнѣе отнестись къ политической агитаціи „Колокола" и къ увлеченіямъ молодежи крайними журналами того времени „Современникомъ" и „Русскимъ Словомъ". Послѣ пожаровъ правительство пріостановило временно эти журналы и закрыло воскресныя школы, въ которыхъ дѣвицы, дамы, студенты и литераторы вели преподаваніе въ революціонномъ направленіи. Глава передовой журналистики Чернышевскій былъ арестованъ, преданъ суду и сосланъ. Обнаружилось, что онъ и другія лица находились въ сношеніяхъ съ Герценомъ и Бакунинымъ, выяснилась связь петербургскихъ революціонныхъ кружковъ съ польскими революціонерами. Но не смотря на всё это броженіе, правительство не сошло съ пути намѣченныхъ дальнѣйшихъ реформъ, которыми имѣло въ виду освѣжить и укрѣпить жизнь русскаго государства. Къ полякамъ оно тоже не измѣнило своего отношенія, несмотря на приходившія изъ Варшавы и Вильны извѣстія о новыхъ проявленіяхъ тамъ революціонной дѣятельности. Проектъ маркиза Велепольскаго о раздѣленіи властей въ царствѣ польскомъ находилъ всё болѣе сторонниковъ.

Маркизъ вернулся въ Петербургъ въ половинѣ апрѣля изъ предпринятой имъ въ мартѣ поѣздки въ Варшаву. Съ Велепольскимъ пріѣхалъ въ Петербургъ и его другъ Энохъ Въ то же время прибылъ въ столицу и намѣстникъ Лидерсъ. Онъ былъ принятъ государемъ съ особымъ вниманіемъ, пробылъ въ Петербургѣ около

двухъ недѣль и, возвратясь въ Варшаву, сдѣлалъ Фелинскому отъ имени государя выговоръ за тайныя сношенія съ папой. Между тѣмъ Велепольскій, пользуясь совѣтами Эноха, напрягалъ всѣ силы, чтобы добиться раздѣленія властей въ Варшавѣ, скомпрометировать дѣятельность Лидерса и достигнуть отозванія его изъ Варшавы. Онъ по прежнему бывалъ у кн. Горчакова и Валуева, у Блудовыхъ, у великой княгини Елены Павловны и у великаго князя

Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

(Съ литографированнаго портрета Мюнстера въ Петербургѣ).

Константина Николаевича, которому, по выраженію Н. В. Берга, „указывалъ путь миротворца и спасителя двухъ славянскихъ націй, искреннее соединеніе которыхъ повлечетъ за собою безчисленныя, благодѣтельныя послѣдствія для нихъ и, быть можетъ, для всего міра“ [84]). Императоръ Александръ II, наконецъ, склонился къ раздѣленію властей въ царствѣ, но первоначально полагалъ поставить

во главѣ гражданскаго управленія царства-русскаго, а именно Н. А. Милютина.

Государь вызвалъ изъ-за границы Милютина, но Велепольскій, убѣждавшій великаго князя Константина Николаевича принять постъ намѣстника въ царствѣ польскомъ, сталъ доказывать, что назначеніе русскаго начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ не дастъ положительныхъ результатовъ, потому что русскіе не знаютъ мѣстной жизни, и что назначеніе русскаго будетъ встрѣчено общимъ неудовольствіемъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ согласился занять постъ намѣстника и взять Велепольскаго въ управляющіе гражданскою частью. Н. А. Милютинъ писалъ о вызовѣ въ Петербургъ своей женѣ: „Дѣло въ томъ, что промедленіе въ моемъ пріѣздѣ сюда не осталось безъ послѣдствій. Намѣреніе императора дошло до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ. Велепольскій принялся за работу и, поддерживаемый княземъ Горчаковымъ и еще нѣсколькими особами, поколебалъ первоначальныя намѣренія государя. Придумали новую комбинацію ввѣрить управленіе царствомъ Велепольскому, а чтобы успокоить тѣхъ, кто не вѣритъ въ его искренность, поставить надъ нимъ намѣстника въ лицѣ самого великаго князя Константина... Все это совершилось въ нѣсколько часовъ, и скромная моя личность, нечаянно выдвинутая—было на первый планъ, очень скоро отдвинута на послѣдній къ полному моему удовольствію“ [85]). 27 мая состоялись указы о назначеніи Константина Николаевича намѣстникомъ въ Варшаву, Велепольскаго же управляющимъ гражданскою частью, а ген. Рамзая командующимъ войсками. За нѣсколько дней до этого назначенія былъ утвержденъ государемъ внесенный Велепольскимъ въ государственный совѣтъ царства польскаго законопроектъ, въ силу котораго были отмѣнены различныя ограниченія въ правахъ евреевъ, причемъ они были обязаны совершать акты, сдѣлки и духовныя завѣщанія на польскомъ языкѣ. Тогда же получилъ утвержденіе законъ объ обязательномъ очиншеваніи крестьянъ, который предоставлялъ помѣщикамъ и крестьянамъ право требовать обязательной замѣны барщины оброкомъ и обязательной отмѣны сервитутовъ. Для реализаціи очиншеванія предполагалось учредить особый банкъ. Кромѣ того Велепольскій добился, о чемъ и объявилъ оффиціально въ варшавскомъ „Всеобщемъ Дневникѣ“, пересмотра закона о смѣшанныхъ бракахъ, а также о непосредственныхъ сношеніяхъ высшаго католическаго духовенства съ Римомъ, о совращеніи изъ православія въ католичество и уголовной отвѣтственности католическаго духовенства.

Только одинъ пунктъ домогательствъ Велепольскаго не былъ

исполненъ—организація польской арміи, но вмѣсто того рѣшено было отправить въ Варшаву гвардейскій отрядъ, въ полки котораго предполагалось открыть широкій доступъ полякамъ. Въ это время число сторонниковъ маркиза замѣтно увеличилось: національное самолюбіе поляковъ было польщено его успѣхами въ Петербургѣ и назначеніемъ намѣстникомъ царскаго брата. Предъ пріѣздомъ Велепольскаго въ Варшаву появилась картинка, изображавшая его на конѣ, который топчетъ его противниковъ. Въ рукахъ у маркиза булава съ надписью: „проектъ объ образованіи, проектъ очиншеванія крестьянъ". Нѣкоторые изъ бѣлыхъ стали переходить на его сторону. Главари бѣлыхъ рѣшили созвать въ Варшавѣ съѣздъ помѣщиковъ для обсужденія положенія, красные-же въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ съ еще большей яростью стали нападать на „измѣнника" — Велепольскаго, и въ однихъ изъ этихъ листковъ сообщалось, что Россія вынуждена была сдѣлать новую уступку полякамъ по требованію Наполеона, а въ другихъ говорилось, что Наполеонъ предалъ поляковъ и согласился на назначеніе намѣстникомъ въ Варшаву великаго князя, чтобы заручиться содѣйствіемъ Россіи для усиленія политическаго значенія Франціи въ Европѣ, и что обѣщанныя реформы не будутъ выполнены. Въ этотъ моментъ, т. е. ко времени назначенія намѣстникомъ великаго князя, организація красныхъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ: Домбровскій, увидѣвъ въ апрѣлѣ, что тотчасъ нельзя вызвать возстанія, отложилъ возстаніе на іюль и добился сліянія „академическаго общества" съ городскимъ комитетомъ для объединенія дѣйствій красныхъ. Собравъ на совѣщаніе своихъ сотниковъ и тысячниковъ, Домбровскій раздѣлилъ Варшаву на 4 участка и, оставаясь предсѣдателемъ комитета, вмѣстѣ съ тѣмъ назвался революціоннымъ начальникомъ города. Комитетъ сталъ готовиться къ вызову возстанія въ іюлѣ и разослалъ своихъ агентовъ въ разные города. Но многіе красные были недовольны Домбровскимъ и находили, что надо отложить возстаніе. Претендентовъ стоять во главѣ движенія было немало. Всѣ они, конечно, завидовали Домбровскому и Хмѣленскому, въ рукахъ у которыхъ оказалась революціонная власть. Бѣлые, узнавъ о недовольствѣ многихъ красныхъ своими главарями, захотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Маевскій при помощи нѣкіихъ Пашкевича и Косковскаго добился удаленія изъ членовъ комитета Хмѣленскаго, который, впрочемъ, со своимъ другомъ студентомъ Ляндовскимъ (изъ евреевъ, собственно Ляндъ) сохранилъ связи съ Домбровскимъ. Вмѣсто Хмѣленскаго въ члены комитета были выбраны: Маевскій, Косковскій, Пашкевичъ и старый революціонеръ Гиллеръ. Задачей новыхъ членовъ было под-

чиненіе городскаго комитета дирекціи бѣлыхъ, но Домбровскій и Даниловскій, предсѣдательствовавшій въ „академическомъ обществѣ“ и присоединившійся къ городскому комитету, были противъ этого. Домбровскій настаивалъ, чтобы возстаніе было вызвано въ іюлѣ, а когда ему возражали, что это невозможно, онъ увѣрялъ, что Россія наканунѣ переворота, и что войска поддержатъ возстаніе. Представителями агитаціи въ войскахъ были поляки-офицеры: Каплинскій (изъ кружка Сѣраковскаго), другъ Домбровскаго Варасскій и другіе, а изъ русскихъ—находившійся въ сношеніяхъ съ Герценомъ украинофилъ и революціонеръ Потебня. По совѣщаніи съ этими офицерами комитетъ рѣшилъ, что возстаніе въ іюлѣ невозможно, но Домбровскій, недовольный этимъ рѣшеніемъ, задался цѣлью вмѣстѣ съ Хмѣленскимъ, который въ это время пытался основать свой особый комитетъ, измѣнить составъ городскаго комитета, чего и достигъ, удаливъ изъ комитета Маевскаго и Паскевича, а затѣмъ и Косковскаго. Въ числѣ новыхъ членовъ комитета появился инженеръ изъ Бѣлостока Шварце, а Гиллеръ, чтобы устранить конкурренцію другихъ революціонныхъ кружковъ, предложилъ назвать городской комитетъ центральнымъ [86]). Когда происходила борьба между красными и совѣщанія ихъ съ офицерами, ген. Хрулевъ обнаружилъ, что нѣсколько офицеровъ и въ числѣ ихъ Каплинскій ведутъ пропаганду въ войскахъ. 5 іюня виновные были преданы военно-полевому суду, и двое изъ офицеровъ и унтеръ-офицеръ были казнены, Каплинскій сосланъ въ каторжныя работы, солдатъ-еврей Щуръ наказанъ шпицрутенами, а поручикъ Абрамовичъ заключенъ въ крѣпость. Черезъ нѣсколько дней послѣ приведенія въ исполненіе этого приговора, 15 іюня неизвѣстный человѣкъ выстрѣлилъ въ ген. Лидерса уже уволеннаго отъ должности намѣстника, но находившагося въ Варшавѣ въ ожиданіи пріѣзда великаго князя во время прогулки его по Саксонскому саду. Слѣдствіе не открыло виновника. Подозрѣвалось нѣсколько лицъ. Авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ“, со словъ Варасскаго утверждаетъ, что на жизнь Лидерса покушался Потебня, совершившій это преступленіе по соглашенію съ Домбровскимъ и Хмѣленскимъ. Правъ ли Варасскій, считая Потебню лицомъ, покушавшимся на Лидерса, который, кстати сказать, хладнокровно и мужественно перенесъ покушеніе и, закрывъ рану рукой, вышелъ изъ сада? Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого покушенія Потебня, растратившій казенныя деньги, бѣжалъ за-границу. Извѣстно также, что Домбровскій, Хмѣленскій и Ляндовскій задумывали покушеніе на жизнь гр. Лидерса, въ надеждѣ этимъ остановить осуществленіе дарованныхъ, по проектамъ Веле-

польскаго, реформъ и пріѣздъ великаго князя въ Варшаву. Тотчасъ послѣ покушенія Велепольскій, уже находившійся въ Варшавѣ и успѣвшій произнести нѣсколько рѣчей, въ которыхъ восхвалялъ свои реформы и которыми надѣялся переродить и переубѣдить поляковъ, написалъ великому князю письмо, прося его ускорить свой пріѣздъ въ Варшаву для водворенія спокойствія и успокоенія населенія, раздражаемаго прежнимъ режимомъ и его представителями. Великій князь съ семьей прибылъ въ Варшаву 20 іюня. Передъ его пріѣздомъ въ Варшаву подпольный журналъ „Стражница“ писалъ: „Правительство наѣздниковъ (русское) и независимость Польши не могутъ ужиться вмѣстѣ. Оно хочетъ удержаться, а мы хотимъ прогнать его, и на этомъ пути, кажется, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ договорѣ. Для борьбы, которую мы ведемъ, мы никогда не требовали перемирія—оно намъ не нужно и не увеличитъ нашихъ силъ для новой борьбы. Россія же находится въ совершенно другомъ положеніи, ей необходимо во что бы то ни стало перемиріе, такъ какъ она можетъ не одолѣть всѣхъ трудностей. А кромѣ того наполеоновско-московскій трактатъ непремѣнно требуетъ временнаго успокоенія Польши, и орудіями примиренія у насъ руководитъ теперь, главнымъ образомъ, Наполеонъ. Благодаря Наполеону, которому французское общественное мнѣніе напоминаетъ о Польшѣ, Польша получила великаго князя и Велепольскаго“. Прибывшаго въ Варшаву великаго князя революціонеры рѣшили—было встрѣтить выстрѣломъ, но избранный для этой цѣли портняжный подмастерье Ярошинскій не рѣшился выстрѣлить на вокзалѣ, а выстрѣлилъ на слѣдующій день при выходѣ великаго князя изъ театра, легко ранивъ великаго князя въ плечо. На слѣдующій день были отслужены въ православномъ и католическомъ соборахъ въ Варшавѣ молебны по случаю избавленія великаго князя отъ грозившей ему опасности. Фелинскій сказалъ по этому случаю слово на текстъ: „не убій“. Принимая явившихся поздравить его со спасеніемъ чиновниковъ и почетныхъ лицъ, великій князь сказалъ: „Вотъ уже второе преступленіе въ одну недѣлю. Провидѣніе охранило меня, и я считаю этотъ случай счастливымъ, потому что онъ указываетъ краю, какъ далеко зашла зараза. Я глубоко убѣжденъ, что благородная и великодушная польская нація отвергнетъ всякое соучастіе въ покушеніяхъ такого рода, но словъ недостаточно: нужно дѣло. Братъ мой желаетъ вашего счастья, вотъ почему онъ прислалъ меня сюда. Разсчитываю на вашу помощь, чтобы я могъ исполнить свою миссію. Дайте мнѣ возможность трудиться вамъ на благо и будьте увѣрены, что я совершу все, что только въ моихъ силахъ“. И затѣмъ, обратив-

шись къ графу А. Замойскому, сказалъ: „Вы, графъ, одобряете меня? Такъ дайте-же руку“,—и, взявъ за руку Велепольскаго, объявилъ: „Прошу, господа, вашего содѣйствія. Поддержите меня вашимъ нравственнымъ вліяніемъ, такъ какъ всякое правительство, лишенное поддержки націи, безсильно“. Рѣчь великаго князя произвела хорошее впечатлѣніе на слушавшихъ ее, но Велепольскій напечаталъ её во „Всеобщемъ Дневникѣ“ со значительными измѣненіями, очевидно, полагая, что въ его передѣлкѣ эта рѣчь произведетъ болѣе глубокое впечатлѣніе; на дѣлѣ-же получилось, что, вслѣдствіе неудачной передѣлки маркиза, рѣчь великаго князя не произвела впечатлѣнія на читавшихъ ее.

Попытка великаго князя помирить Замойскаго съ Велепольскимъ не измѣнила отношенія Замойскаго къ маркизу. Самъ маркизъ тоже пытался сойтись съ Замойскимъ, но послѣдній обѣщалъ лишь не противодѣйствовать маркизу, отказываясь отъ поддержки его. Кроненбергъ-же обѣщалъ маркизу склонить бѣлыхъ на его сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ обезоружить красныхъ. На одномъ изъ засѣданій дирекціи бѣлыхъ Кроненбергъ предложилъ бѣлымъ выдать маркизу красныхъ, чтобы укрѣпить и усилить вліяніе бѣлыхъ. Послѣ долгихъ споровъ было предложено Маевскому раскрыть маркизу организацію красныхъ. Юргенсъ замѣтилъ по этому поводу, что маркизъ, узнавъ отъ Маевскаго, что ему нужно, вѣроятно, повѣситъ его. Тѣмъ не менѣе Маевскій вмѣстѣ съ Кроненбергомъ отправился къ маркизу. Маркизъ торжественно увѣрялъ Маевскаго, что не выдастъ его краснымъ, и что красные будутъ наказаны лишь кратковременной ссылкой внутрь Россіи, но Маевскій въ концѣ концовъ не раскрылъ картъ маркизу, а маркизъ распорядился объ арестованіи Маевскаго и заключеніи его въ цитадель, гдѣ онъ просидѣлъ почти годъ. Входя въ переговоры съ бѣлыми и пытаясь овладѣть организаціей красныхъ, маркизъ дѣлалъ также попытки воздѣйствовать на Францію. Уже въ 1861 году онъ обращался съ просьбой къ Наполеону не обнадеживать поляковъ своимъ заступничествомъ за нихъ, теперьже напечаталъ во французскихъ газетахъ нѣсколько благопріятныхъ для себя корреспонденцій, а кромѣ того графиня Келлеръ написала о маркизѣ на французскомъ языкѣ брошюру. Съ гр. Келлеръ, полькой по происхожденію, маркизъ познакомился въ Петербургѣ. Она называла себя „союзницей“ маркиза. Когда маркизъ былъ назначенъ управляющимъ гражданской частью царства польскаго, и было поставлено въ условіе, чтобы должность директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ въ царствѣ была замѣщена не полякомъ, а русскимъ, маркизъ выхлопоталъ это мѣсто для мужа графини — русскаго

нѣмца. Для привлеченія сторонниковъ маркизъ печаталъ статьи во „Всеобщемъ Дневникѣ“, брошюры и даже юмористическіе листки. Эти статьи, брошюры и листки писалъ талантливый польскій журналистъ Минишевскій, убитый въ 1863 г. революціонерами. У маркиза устраивались пріемы, причемъ онъ большинству гостей не подавалъ руки. Пріемы отличались натянутостью и скукой и не увеличили популярности маркиза.

Въ первые же дни по пріѣздѣ великаго князя въ Варшаву послѣдовало нѣсколько назначеній: русскіе губернаторы были замѣнены поляками. Своего сына, недавно умершаго въ придворномъ званіи, Сигизмунда, маркизъ назначилъ президентомъ города Варшавы, безъ причинъ уволивъ прежняго президента и впослѣдствіи напечатавъ въ газетахъ, что предшественникъ сына былъ уволенъ за безпорядки въ тюрьмахъ—причина вымышленная. Устраняя русскихъ, противодѣйствуя русскимъ военнымъ властямъ, маркизъ подкапывался подъ самого себя. Въ его планы, конечно, входило не допустить возстанія, а между тѣмъ поляки—чиновники въ большинствѣ сочувствовали возстанію, частью же изъ боязни мести со стороны революціонеровъ смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Въ учебныхъ заведеніяхъ съ удаленіемъ Муханова преподаваніе пошло въ усиленномъ польско-патріотическомъ тонѣ. Суды оправдывали явно-виновныхъ: такъ, напр., въ 1862 г. былъ оправданъ „по недостатку уликъ“ въ нѣсколькихъ инстанціяхъ одинъ изъ главныхъ агитаторовъ, арестованный весною 1861 г., Новаковскій. Лидерсъ выслалъ его административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

При такомъ направленіи польскихъ судовъ политическія дѣла необходимо было передавать въ военные суды, но маркизъ энергично протестовалъ противъ этого. Полиція, состоявшая со времени удаленія Трепова исключительно изъ поляковъ и политически деморализованная, была почти цѣликомъ на сторонѣ революціонеровъ. Необходимо было ввести русскій элементъ въ полицію, реорганизовать её и требовать отъ нея строгаго надзора, а между тѣмъ маркизъ во всемъ противодѣйствовалъ полиціи, какъ и установленнымъ военнымъ положеніемъ военнымъ властямъ, и настаивалъ на отмѣнѣ военнаго положенія.

Доступность и любезность Великокняжеской Четы, нахожденіе въ числѣ адъютантовъ великаго князя поляковъ, замѣна русскихъ губернаторовъ поляками и вообще первые шаги великаго князя въ связи съ дарованными уже царству реформами склоняли шляхту отказаться отъ подпольной работы и идти по пути, указываемому Велепольскимъ. Съѣхавшись по приглашенію дирекціи бѣлыхъ въ Варшаву къ пріѣзду великаго князя, шляхта стала совѣщаться,

что дѣлать. Кромѣ членовъ дирекціи бѣлыхъ, неизбѣжнаго Юргенса и балансировавшаго, подобно Маевскому, который въ это время сидѣлъ уже въ цитадели, между бѣлыми и красными Рупрехта на совѣщаніи оказался и близкій къ Кроненбергу богатый фабрикантъ нѣмецъ Шленкеръ, считавшійся на сторонѣ красныхъ. Дѣятельнѣйшіе главари красныхъ въ родѣ Домбровскаго на совѣщаніе не явились, не желая имѣть ничего общаго съ бѣлыми. Богатый помѣщикъ, въ настоящее время предсѣдатель комитета земскаго кредитнаго общества въ Варшавѣ, Л. Гурскій предложилъ подать великому князю адресъ, въ которомъ отъ имени поляковъ было бы осуждено покушеніе на жизнь великаго князя. Большинство послѣ продолжительныхъ споровъ согласилось съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ концѣ адреса была выражена надежда, что великій князь облегчитъ „страданія несчастнаго народа“. Отчасти по винѣ Замойскаго, отчасти же Велепольскаго подача этого адреса не состоялось.

Между тѣмъ къ концу августа было назначено къ слушанію въ судѣ дѣло о покушеніи на жизнь великаго князя. Судъ былъ военный, но публичный и, по настоянію маркиза, съ участіемъ представителей гражданскаго суда. Судъ приговорилъ Ярошинскаго, покушавшагося на жизнь великаго князя, къ смертной казни. Но не успѣлъ состояться разборъ этого дѣла, какъ было совершено два покушенія на жизнь маркиза Велепольскаго. Эти покушенія были точно отвѣтомъ на сказанную маркизомъ въ государственномъ совѣтѣ по поводу покушенія на жизнь великаго князя рѣчь, въ которой онъ говорилъ, что „если удары убійцъ станутъ снова отыскивать жертву, то пусть лучше обратятся они на мою грудь...“ Послѣ покушеній на жизнь Велепольскаго, послѣ ряда демонстрацій въ различныхъ городахъ Привислинья и нѣсколько дней спустя послѣ казни, великій князь съ согласія государя обратился съ воззваніемъ къ полякамъ. Великій князь увѣщевалъ ихъ отречься отъ всякой солидарности съ террористами и, обѣщая немедленное проведеніе въ жизнь дарованныхъ, но частью еще не осуществленныхъ реформъ, заканчивалъ воззваніе словами: „Поляки, ввѣрьтесь мнѣ, какъ я ввѣрился вамъ. Да одушевляетъ насъ единое чувство. Будемъ трудиться сообща и въ мирѣ для счастья Польши, моля Бога, чтобы Онъ благословилъ наши усилія,—и новая эра благосостоянія и довольства откроется для отчизны, которую вы такъ любите!“ Около этого времени къ великому князю приблизился нѣкто Венгленскій, который старался убѣдить великаго князя удалить отъ дѣлъ безтактнаго и непопулярнаго Велепольскаго и замѣнить его Замойскимъ. Повидимому, Венгленскій былъ увѣренъ, что Замойскій не согласится занять должность маркиза и надѣялся самъ получить

её. Великій князь сдѣлалъ попытку сблизиться съ Замойскимъ и пригласить его къ себѣ. Въ разговорѣ Замойскій сказалъ, что для успокоенія поляковъ нужно соединеніе Польши съ Литвой и Малороссіей. Великій князь посовѣтовалъ графу успокоить поляковъ, говоря, что въ противномъ случаѣ „откроется пропасть, въ которую упадемъ не мы (русскіе), а вы (поляки)". Замойскій отвѣтилъ, что посовѣтуется со своими друзьями. Онъ созвалъ въ Варшаву бѣлыхъ изъ привислинскихъ и западныхъ губерній. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и споровъ они подали Замойскому для передачи великому князю адресъ, въ которомъ заявлялось, что „мѣры, принятыя доселѣ въ странѣ, довели возбужденіе умовъ до такой степени, что ни военная сила, ни чрезвычайные суды, ни тюрьма, ни ссылка, ни эшафотъ не въ состояніи ихъ обуздать, а только вызовутъ крайнее отчаяніе, которое толкнетъ націю на путь, одинаково вредный для управляющихъ и управляемыхъ". Въ заключеніе говорилось, что поляки могутъ поддерживать только польское правительство, что указанная великимъ княземъ въ воззваніи любовь поляковъ къ родинѣ „не можетъ быть раздроблена", и что поляки любятъ ее „въ предѣлахъ, начертанныхъ ей Богомъ и освященныхъ исторіей", т. е. въ предѣлахъ 1772 г.—съ Литвой, Бѣлоруссіей и Украйной. Когда великій князь донесъ объ этомъ адресѣ государю, императоръ повелѣлъ отправить Замойскаго въ Петербуръ. Потребовавъ отъ Замойскаго объясненій и выслушавъ его, императоръ Александръ II телеграфировалъ затѣмъ великому князю въ Варшаву: „Вчера Замойскій повторилъ мнѣ всё, что ты отъ него слышалъ самъ, и я объявилъ ему о высылкѣ его на пароходѣ за-границу, чего онъ, кажется, не ожидалъ". По просьбѣ Замойскаго, ему разрѣшено было отправиться за-границу не на пароходѣ, а по желѣзной дорогѣ, но не черезъ Варшаву.

Какъ покушеніе на жизнь Лидерса было организовано подъ руководствомъ Домбровскаго, такъ и покушенія на великаго князя и Велепольскаго были организованы имъ же при ближайшемъ участіи Хмѣленскаго. Н. В. Бергъ и авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ" подробно разсказываютъ, какъ Хмѣленскій подыскивалъ людей для совершенія покушеній, давалъ имъ указанія, спаивалъ ихъ и передъ самымъ совершеніемъ ими преступленій отравлялъ ихъ, чтобы они не могли выдать его, но во всѣхъ случаяхъ удалось остановить дѣйствіе яда, и преступники указали на Хмѣленскаго. Полиція однако не въ состояніи была найти его, хотя онъ постоянно вертѣлся у нея на глазахъ. Ржонцу и Рыля, покушавшихся на жизнь маркиза Велепольскаго, судили, какъ и Ярошинскаго, гласнымъ военнымъ судомъ съ участіемъ представителей гражданскаго суда. Судеб-

ное разбирательство этихъ дѣлъ вызывало много толковъ. Такимъ-же порядкомъ, какъ Ярошинскаго, Ржонцу и Рыля, въ началѣ декабря судили 66 лицъ по обвиненію „въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему цѣлью формированіе революціоннаго войска для произведенія въ извѣстное время всеобщаго возстанія въ царствѣ польскомъ". Всѣ эти дѣла разбирались гласно во избѣжаніе разныхъ превратныхъ толковъ, но цѣль эта не была достигнута. Польская заграничная печать въ одинъ голосъ съ варшавской подпольной утверждала, будто-бы подсудимыхъ заставляютъ разными угрозами показывать на судѣ то, что желательно правительству, будто-бы военный аудиторъ В. П. Афанасьевъ, коллекціей бумагъ, брошюръ и различныхъ предметовъ котораго, относящихся къ возстанію 1863 г., я пользовался при составленіи настоящей книги, извращаетъ на судѣ показанія подсудимыхъ и свидѣтелей. Несмотря на то, что подсудимымъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ были даны защитники, которые вели себя на судѣ очень свободно и предъявляли странныя требованія (такъ, напр., защитникъ Ярошинскаго требовалъ, чтобы этого преступника судили не по русскимъ военнымъ законамъ, а по уголовнымъ прусскимъ), тѣмъ не менѣе печать утверждала, что подсудимые лишены защиты. Хотя дѣло о 66 лицахъ, обвиненныхъ въ принадлежности къ революціонному обществу, разбиралось всего за мѣсяцъ съ небольшимъ до начала возстанія, и хотя въ этомъ дѣлѣ имѣлись несомнѣнныя доказательства существованія такого общества и формированія имъ повстанскаго войска, тѣмъ не менѣе краковскій „Часъ" и многіе органы французской печати завѣряли, что общество это выдумано русской полиціей, что возстаніе вовсе не готовится, и что правительство привлекаетъ къ суду ни въ чемъ неповинныхъ лишь за то, что они любятъ свою родину. Такимъ образомъ, гласность судебныхъ разбирательствъ не достигла цѣли, а публичныя казни Ярошинскаго, Рыля и Ржонцы дѣйствовали возбуждающимъ образомъ: во время совершенія казней производились противоправительственныя выходки, слышалась брань; во время казни Ярошинскаго на небѣ случайно появился радужный кругъ. Агитаторы воспользовались этимъ, чтобы внушить фанатикамъ и городской черни, что во время казни совершилось чудо.

X.

Несмотря на покушенія и на явные успѣхи революціонной пропаганды, что указывало на ошибочность принятой маркизомъ системы, онъ не отступалъ отъ этой системы. Великій князь былъ человѣкъ новый въ Варшавѣ, не могъ сразу разо-

браться въ положеніи дѣлъ, которое Велепольскій представлялъ ему не въ надлежащемъ свѣтѣ, и потому неудивительно, что не терялъ надежды убѣдить поляковъ успокоиться. Ошибка великаго князя тѣмъ понятнѣе, что въ первое время послѣ его пріѣзда въ Варшаву въ общемъ шляхта была настроена примирительно, пыталась тогда заявить порицаніе революціоннымъ дѣйствіямъ и даже дѣлала сборъ пожертвованій для погорѣльцевъ русскихъ городовъ, пострадавшихъ отъ пожаровъ, чтобы доказать, что она чужда національныхъ предразсудковъ и не имѣетъ ничего общаго съ пожарами, въ которыхъ многіе видѣли дѣло польскихъ рукъ. Открывая осеннюю сессію государственнаго совѣта, великій князь сказалъ рѣчь, въ которой снова обращался къ полякамъ съ увѣщаніемъ. Въ этой рѣчи великій князь говорилъ, что „прискорбныя событія не поколебали меня въ добрыхъ намѣреніяхъ относительно края“, что „управленіе, мнѣ порученное, не сойдетъ съ пути закона“, что изъ числа 499 лицъ, осужденныхъ со времени объявленія военнаго положенія, 134 отбыли наказаніе, 289 помиловано и 7 бѣжало, что дарованныя царству реформы осуществляются, что „самоуправленіе царства получило новое подтвержденіе отдѣленіемъ отъ главныхъ управленій Имперіи еще нѣкоторыхъ отраслей службы въ царствѣ, какъ-то: почты, путей сообщенія и другихъ“. Маркизъ усердно открывалъ въ различныхъ городахъ и уѣздахъ городскіе и уѣздные совѣты, устанавливалъ „чиншевыя делегаціи“ для проведенія закона объ очиншеваніи. Правила военнаго положенія смягчались, и оно постепенно снималось, такъ что къ концу 1862 года было снято почти во всемъ краѣ.

Послѣдовавшее осенью открытіе, по проекту Велепольскаго, университета (главной школы) состоялось съ большой торжественностью. Ректоромъ былъ назначенъ докторъ Мяновскій, замѣшанный, въ концѣ 30-хъ годовъ въ Вильнѣ въ дѣло Конарскаго, но, благодаря Назимову, производившему слѣдствіе, освобожденный отъ наказанія и затѣмъ жившій нѣкоторое время въ Петербургѣ и пріобрѣвшій тамъ связи. Деканомъ филологическаго факультета былъ приглашенъ изъ Казани извѣстный оріенталистъ Ковалевскій—полякъ, сильно обрусѣвшій, человѣкъ чуждый политики. Деканомъ юридическаго факультета назначили Воловскаго, бывшаго главнаго директора комиссіи юстиціи, демонстративно вышедшаго въ отставку въ 1861 г. Въ числѣ профессоровъ было нѣсколько извѣстныхъ ученыхъ и два—три молодыхъ изъ Петербурга, гдѣ они принадлежали къ кружку Огрызки, но большинство—люди ничѣмъ не выдающіеся, либо явные агитаторы. Тогда же въ Новой Александріи былъ открытъ политехническій институтъ, въ число профессоровъ котораго былъ приглашенъ Юргенсъ,

не принявшій однако этого предложенія. Комиссіей народнаго просвѣщенія въ это время завѣдывалъ приглашенный Велепольскимъ изъ Петербурга Кшивицкій, служившій въ столицѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Изъ всѣхъ выдвинутыхъ Велепольскимъ лицъ—это былъ чуть-ли не единственный человѣкъ, преданный Россіи, хотя въ то-же время и польскій автономистъ, но автономистъ, чуждый всякаго революціоннаго оттѣнка и расположенный къ Россіи. Съ паденіемъ Велепольскаго и онъ оставилъ Варшаву а въ 1872 году издалъ по поводу столѣтія перваго раздѣла Польши брошюру, въ которой, указывая на неудачный исходъ реформъ маркиза, рекомендовалъ полякамъ тѣсно примкнуть къ Россіи, слиться съ нею.

Выше было сказано, что въ іюнѣ 1862 г. городской комитетъ, по проекту Гиллера, съ этого времени занявшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ дѣлѣ подготовки возстанія, былъ переименованъ въ центральный народный комитетъ. Гиллеръ, какъ редакторъ народнаго журнала „Воскресная Библіотека“, возникшаго при содѣйствіи „Земледѣльческаго общества“, хорошо зналъ низшій классъ населенія въ Варшавѣ. Авторъ „Исторіи двухъ лѣтъ“ говоритъ, что, несмотря на пріобрѣтенную Гиллеромъ извѣстность, онъ не былъ любимъ, и называетъ его человѣкомъ небольшого образованія, но очень высокаго мнѣнія о себѣ и съ большими претензіями [87]). Послѣ совершенія покушенія на жизнь великаго князя, происшедшаго по подстрекательству удаленнаго изъ комитета Хмѣленскаго и съ вѣдома Домбровскаго, Гиллеръ высказался противъ покушеній, но Домбровскій, Шварце и Даниловскій не согласились съ нимъ и при участіи Хмѣленскаго подготовили покушенія на жизнь маркиза. Назвавъ комитетъ центральнымъ народнымъ, Гиллеръ раздѣлилъ его на нѣсколько отдѣловъ: Домбровскому кромѣ „начальствованія“ надъ Варшавой было поручено завѣдываніе военнымъ и литовскимъ отдѣлами, а на Шварце было возложено подготовлять возстаніе на правомъ берегу Вислы. Самъ Гиллеръ принялъ на себя заграничныя сношенія и дѣла печати и сталъ выпускать подпольный журналъ „Рухъ“ (Движеніе). На Марчевскаго, инженера варшавско-вѣнской ж. д., Гиллеръ возложилъ завѣдываніе лѣвымъ берегомъ Вислы, путями сообщенія и устройствомъ тайной почты, а на Даниловскаго—сношенія съ молодежью и съ Украйной, Волынью, Подоліей и Галиціей. Гиллеръ, какъ опытный заговорщикъ, побывавшій въ Сибири и перезнакомившійся тамъ со многими польскими заговорщиками, выработалъ подробную организацію подпольнаго „польскаго правительства“. Онъ задался цѣлью, чтобы сила этого „правительства“ всѣми чувствовалась, но чтобы никто не зналъ, гдѣ оно и кто состоитъ его членами. Онъ считалъ весьма важнымъ привлечь къ

заговору чиновниковъ и полицейскихъ, чтобы знать, каковы планы законной власти и парализовать ея дѣйствія и намѣренія. 12 іюля центральный комитетъ напечаталъ свою программу и инструкцію подъ заглавіемъ „Форма народной организаціи“. Эта „Форма“ подтверждала уже существовавшее дѣленіе заговорщиковъ на десятки и сотни и устанавливала дѣленіе на округа и народную подать, требовала, чтобы всѣ безусловно подчинялись комитету и готовились къ возстанію. Подобно бѣлымъ, раздѣлившимъ царство въ 1861 г. на 8 воеводствъ, какъ оно оффиціально дѣлилось съ 1815 по 1842 г., и красные раздѣлили Привислинье на 8 воеводствъ, воеводства-же на уѣзды и уѣзды на округа. „Въ отдаленныхъ отъ Варшавы провинціяхъ,—говорилось въ „Формѣ“,—какъ-то: въ Литвѣ, Руси, Галиціи и Познани, вводится такая-же организація съ провинціальными народными комитетами, которые управляютъ всею организаціей въ провинціи и состоятъ посредствомъ постоянныхъ агентовъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ комитетомъ въ Варшавѣ и получаютъ отъ него распоряженія... Комитетъ пользуется неограниченной властью, въ которой никому не даетъ отчета и объясненій въ своихъ дѣйствіяхъ... Въ случаѣ невыполненія кѣмъ либо изъ подчиненныхъ комитету начальниковъ его приказаній или нарушенія правилъ организаціи комитетъ отставляетъ виновныхъ или предаетъ ихъ суду, согласно предоставленной власти“. Въ напечатанномъ одновременно съ „Формой“ „Уставѣ комитета“ было сказано, что комитетъ ставитъ своею задачей возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года и постарается надѣлить крестьянъ землею, а помѣщиковъ вознаградить за уступленную землю, а также, что поляки должны носить трауръ, воздерживаться отъ развлеченій и всѣ свои силы направлять къ подрыву правительства и возстановленію Польши. Упоминалось въ „Уставѣ“ и о томъ, что комитетъ собираетъ на возстаніе деньги и хлопочетъ о вооруженіи поляковъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ польскими эмигрантами и русскими революціонерами. Вслѣдъ за напечатаніемъ „Формы“ и „Устава“ комитетъ выпустилъ обращеніе къ крестьянамъ, обѣщавшее имъ надѣленіе землею. Чтобы завязать постоянныя сношенія съ эмигрантами, за-границу былъ посланъ Ст. Бобровскій. Кстати сказать, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву его шуринъ волынскій помѣщикъ—агитаторъ А. Корженевскій былъ въ это время уже арестованъ и высланъ внутрь Россіи. С. Бобровскій вошелъ въ переговоры съ парижскимъ польскимъ „Комитетомъ Объединенія“, во главѣ котораго стоялъ эмигрантъ Эльжановскій, издававшій „Обозрѣніе польскихъ дѣлъ“ (Przeglad Rzeczy Polskich), но съ Мѣрославскимъ ему было трудно столковаться. Въ это время

Мѣрославскій громилъ въ своемъ журнальчикѣ „На стражѣ“ руководителей польскаго движенія, которые будто-бы не съумѣли поддержать въ Польшѣ вызванный имъ революціонный духъ, требовалъ, чтобы молодежь шла въ народъ и призывалъ поляковъ къ возстанію и соціальной революціи, а въ выпущенной тогда же французской брошюрѣ обвинялъ Высоцкаго въ томъ, что онъ за деньги, полученныя отъ итальянскаго правительства, предалъ военную польскую школу въ Кунео. На дѣлѣ Высоцкій не предавалъ этой школы, а вынужденъ былъ закрыть ее по требованію итальянскаго правительства, предъявившаго это требованіе по настоянію Пруссіи и Россіи, согласившейся въ это время признать объединеніе Италіи. Не войдя въ соглашеніе съ Бобровскимъ, Мѣрославскій послалъ въ Варшаву своего секретаря—Куржину, который потребовалъ отъ центральнаго комитета, чтобы онъ всецѣло подчинился Мѣрославскому, какъ „прирожденному диктатору“, а когда комитетъ отказался отъ этого подчиненія, Куржина открылъ въ Варшавѣ для противодѣйствія центральному комитету революціонный комитетъ, ничѣмъ, впрочемъ, себя не заявившій за время своего существованія съ августа 1862 г. до января 1863 г., когда вспыхнуло возстаніе. Въ составъ комитета вошли: богатый помѣщикъ Росцишевскій, сынъ богатаго фабриканта Бауерфейндъ, бывшій членъ центральнаго комитета Косковскій и членъ этого комитета Данилевскій. Въ практикѣ польскихъ революціонеровъ нерѣдко случалось, что одни и тѣ-же лица одновременно служили двумъ соперничавшимъ главарямъ и состояли въ двухъ соперничавшихъ комитетахъ или кружкахъ. Куржина далъ комитету составленную Мѣрославскимъ программу „народнаго революціоннаго союза“, по которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Къ тому времени, когда возникъ въ Варшавѣ комитетъ Мѣрославскаго, въ Россію вернулось много молодыхъ поляковъ, бывшихъ учениками военной школы въ Кунео. Вернулся и бывшій одно время преподавателемъ этой школы отставной гвардейскій поручикъ Падлевскій, богатый помѣщикъ юго-западнаго края, знакомый Бобровскаго. Служа въ Петербургѣ, онъ принадлежалъ къ кружку Сѣраковскаго, въ 1861 г. вышелъ въ отставку, побывалъ въ Варшавѣ и затѣмъ поѣхалъ за-границу, гдѣ сталъ преподавателемъ польской военной школы. По возвращеніи изъ-за границы онъ примкнулъ къ центральному народному комитету, явившись въ немъ представителемъ военнаго искусства вмѣсто Домбровскаго, какъ разъ въ это время арестованнаго по подозрѣнію въ соучастіи въ покушеніяхъ на жизнь маркиза Велепольскаго. Придавъ польскому заговору болѣе организованный характеръ, вслѣдствіе чего число заговорщиковъ стало расти, и объявивъ о возстановленіи Польши

путемъ возстанія, Гиллеръ не спѣшилъ поднять возстаніе, но Падлевскій сталъ торопить Гиллера. Въ виду опубликованія во „Всеобщемъ Дневникѣ“ правительствомъ воззванія великаго князя къ полякамъ, а затѣмъ „Формы народной организаціи“ и „Программы центральнаго комитета“, подстрекаемый Падлевскимъ центральный комитетъ издалъ въ отвѣтъ на воззваніе великаго князя объявленіе, въ которомъ, какъ и въ адресѣ помѣщиковъ, переданномъ Замойскому, говорилось о нераздѣльности Польши, Литвы и Руси, а въ отвѣтъ на опубликованіе правительствомъ о своемъ существованіи заявилъ въ своемъ подпольномъ органѣ „Рухъ“, что онъ, дѣйствительно, существуетъ и вступаетъ въ борьбу съ правительствомъ, что онъ, а не русское правительство,—законная и дѣйствительная польская власть, и что всякій, кто будетъ поддерживать русское правительство, будетъ сочтенъ за измѣнника и судимъ, какъ измѣнникъ. Отвѣтивъ такимъ образомъ на опубликованіе правительствомъ программы комитета, комитетъ рѣшилъ скорѣе и энергичнѣе готовиться къ возстанію. Первымъ дѣломъ было постановлено войти въ переговоры съ Герценомъ. Падлевскій, Г. (Гиллеръ) и М. (?) поѣхали въ Лондонъ. Въ одной изъ бесѣдъ Герцена съ Бакунинымъ, который хлопоталъ за поляковъ, Герценъ, по поводу переговоровъ съ представителями центральнаго комитета, между прочимъ, сказалъ: „Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій (т. е. до западно-русскихъ областей) слишкомъ много.—Любезный другъ,—отвѣтилъ Бакунинъ—у тебя въ рукахъ будетъ документъ исправленный тобою, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще?—Есть-таки-кое что“ [88])... Герценъ настаивалъ, чтобы центральный польскій комитетъ, заключая съ нимъ союзъ, сильнѣе подчеркнулъ, что ставитъ своею задачею надѣленіе крестьянъ землею и самостоятельность Литвы и Украйны. Въ концѣ концовъ былъ составленъ „актъ“, напечатанный въ № 146 „Колокола“ за 1862 г. въ формѣ письма центральнаго комитета.

Въ этомъ „актѣ“ говорилось, что многіе изъ русскихъ остаются при старыхъ понятіяхъ о шляхетской Польшѣ, стремившейся одной силой возстановить свои историческія границы. Это, молъ, неправда: „основная мысль, съ которой Польша возстаетъ теперь, совершенно признаетъ права крестьянъ на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“. Далѣе заявлялось: „Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая—та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Руси, безъ всякой гегемоніи котораго-нибудь изъ трехъ народовъ“; „народамъ, т. е. Литвинамъ и Русинамъ, (мы даемъ) полную свободу остаться въ союзѣ съ Польшею или распорядиться

собою согласно ихъ собственной волѣ", но „требовать отъ насъ, чтобы мы, находясь подъ гнетомъ нашихъ враговъ, не имѣя свободы и возможности распоряжаться собою, отреклись отъ союза, который существуетъ и въ настоящее время, несмотря на раздѣлы; требовать отъ насъ, чтобы мы на основаніи правъ, которыя признаемъ у другихъ народовъ, не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ, — значитъ требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ". Поляки предлагали „союзъ съ русскими на дѣло общаго освобожденія" и заявляли, что этотъ союзъ „даетъ равно новую силу обоимъ на исполненіе тѣхъ судебъ, къ которымъ стремятся освобождающіеся народы" [89]). Приходится удивляться, какъ могъ Герценъ принять за чистую монету эти хитросплетенія о трехъ народахъ „въ одно цѣлое соединенныхъ". Что это за одно цѣлое? Прежняя Польша,—но какое могло быть до нея дѣло Герцену, откуда могли быть у него симпатіи къ ней, что это за „права, которыя признаемъ у другихъ народовъ?" Если право независимости всякаго народа, то какъ же можно было основывать на немъ возстановленіе „Польши въ прежнихъ границахъ", подъ гнетомъ которой стонали малороссы и бѣлоруссы? Герценъ, печатая это „письмо", добавилъ отъ себя, что „русскій, который даже на этихъ условіяхъ не подалъ бы дружеской руки полякамъ, не любитъ свободы". Кромѣ того, онъ напечаталъ воззваніе къ русскимъ офицерамъ, приглашая ихъ не сражаться противъ поляковъ. Какъ ни усиленно, въ этомъ письмѣ центральнаго комитета было подчеркнуто единство Польши, Литвы и Руси, тѣмъ не менѣе „Przeglad rzeczy polskich" нашелъ, что комитетъ обозначилъ это единство слишкомъ слабо. „Русь, Литва и Польша",—писалъ онъ по этому поводу въ выпускѣ отъ 15 октября 1862 г. нов. ст.,—„такъ срослись въ неразрывное тѣло, что ихъ ожидаетъ воскресеніе народовъ, соединенныхъ давними связями, или вѣчная неволя въ путахъ угнетателей. Эти путы будутъ господствовать надъ тремя братскими народами, несмотря на перемѣны внѣшнихъ формъ правительства, если эти народы не осуществятъ природнаго единства и братства. Но намъ нечего опасаться: прошлогоднія празднованія люблинской и городельской уніи, которыя сопровождались общимъ мученичествомъ, и недавнія заявленія врагу, въ которыхъ представители царства польскаго возглашаютъ, что не могутъ дѣлить любви и любятъ свою отчизну въ границахъ, какія ей начерталъ Богъ и завѣщали историческія традиціи, а также подольская губернія, которая, занимаясь болѣе общимъ, чѣмъ мѣстными дѣлами, добивается общности

судьбы съ братьями съ береговъ Вислы,—составляютъ неопровержимое ручательство народнаго единства и предсказаніе вѣрной побѣды". Замѣтимъ кстати, что „Przeglad rzeczy polskich" въ началѣ 1862 г. велъ изъ-за западной Руси полемику съ Герценомъ, напечатавшимъ статью по поводу 1000-лѣтія Россіи. „Przeglad" доказывалъ, что Россія не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ Новгородомъ и Кіевомъ.

Когда Гиллеръ и Падлевскій отправились въ Лондонъ, власти, которымъ уже была извѣстна революціонная организація и въ рукахъ которыхъ находились Домбровскій, Маевскій и другіе, требовали, чтобы полиція разоблачила заговоръ и указала главарей его. Дѣло шло вяло, потому что большинство поляковъ-полицейскихъ не желало раскрыть преступной организаціи, и потому, что Велепольскій не довѣрялъ донесеніямъ русскихъ военныхъ властей, доказывая великому князю, что эти донесенія невѣрны. Начальникъ тайной полиціи поклонникъ Гарибальди маркизъ Паулуччи бездѣйствовалъ, оправдывая свое бездѣйствіе тѣмъ, что всѣхъ виновныхъ не арестуешь, что возстаніе неизбѣжно. Его помощникъ Подвысоцкій, авторъ „Записокъ очевидца", какъ многіе русскіе чиновники, вынужденъ былъ покинуть Варшаву вскорѣ послѣ назначенія Велепольскаго управляющимъ гражданской частью. Видя безсиліе варшавской полиціи, великій князь и Велепольскій пригласили въ Варшаву двухъ англійскихъ полицейскихъ агентовъ: по ихъ указаніямъ было арестовано нѣсколько офицеровъ-поляковъ и въ томъ числѣ Варасскій и Гейденрейхъ, принявшій затѣмъ въ 1863 г. дѣятельное участіе въ вооруженномъ мятежѣ. Пало сильное подозрѣніе и на служившаго въ Вильнѣ офицера генеральнаго штаба Звѣрждовскаго, но Назимовъ отстоялъ его, такъ что онъ не былъ арестованъ, а лишь переведенъ въ Москву, откуда явился командовать повстанскимъ отрядомъ въ 1863 г., но другихъ открытій англійскіе полицейскіе сдѣлать не могли, заявивъ, что для дальнѣйшей дѣятельности имъ нужна помощь мѣстной полиціи, помощи-же этой она дать не можетъ, такъ какъ дезорганизована и деморализована. Изъ варшавскихъ полицейскихъ успѣшнѣе другихъ работалъ Фелькнеръ, открывшій въ началѣ 1862 г. тайную типографію, а по возвращеніи Галлера и Падлевскаго изъ Лондона задержавшій тюкъ прокламацій Герцена. Центральный комитетъ рѣшилъ убить его, что и было исполнено. Совершеніе убійства было поручено нѣсколькимъ молодымъ писцамъ различныхъ учрежденій. Въ этихъ писцахъ было много революціоннаго задора, но на убійство они не рѣшались. Тогда имъ была дана въ помощь темная личность, извѣстная подъ прозвищемъ Ивана-штукатура. Это былъ, очевидно, бѣглый преступникъ.

Убійство было совершено, причемъ у жертвы было отрѣзано ухо, которое было предъявлено центральному комитету, какъ доказательство убійства Фелькнера. Послѣ убійства Фелькнера одинъ изъ юношей, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, скрылся. У его товарищей явилось подозрѣніе, что его любовница можетъ выдать ихъ, и они убили ее. Затѣмъ уже по возвращеніи изъ-за-границы Гиллера и Падлевскаго подъ г. Холмомъ люблинской губ. былъ убитъ нѣкто Старчевскій со своей любовницей. Онъ былъ заподозрѣнъ центральнымъ комитетомъ въ доносахъ. Совершеніе убійства было поручено помѣщику Немировскому, который со своей стороны поручилъ совершить преступленіе 12 заговорщикамъ, которыхъ благословилъ на убійство монахъ Маркевичъ. Это были первыя убійства, по распоряженію центральнаго комитета. Уже въ 1861 году было совершено нѣсколько убійствъ и надругательствъ надъ лицами, заподозрѣнными въ шпіонствѣ, но эти убійства были болѣе или менѣе случайныя, съ убійства же Фелькнера начинается рядъ организованныхъ убійствъ, производившихся по распоряжерію центральнаго комитета, причемъ почти о всѣхъ этихъ убійствахъ объявлялось заранѣе въ подпольныхъ органахъ. Всѣхъ политическихъ убійствъ за время революціоннаго террора произведено въ Привислиньѣ, по вычисленію М. П. Устимовича, до 5000. (См. „Заговоры и покушенія на жизнь гр. Берга“). Въ то время, какъ подпольная печать хвасталась убійствами Фелькнера и Старчевскаго, такъ называемые органы бѣлыхъ, какъ напр., краковскій „Часъ“ заявляли, что русская полиція и Велепольскій выдумали центральный комитетъ, котораго нѣтъ, и который никого не убиваетъ.

Гиллеръ и Падлевскій, возвратясь изъ-за границы, стали опять руководить комитетомъ, причемъ Падлевскій принялъ на себя революціонное начальствованіе надъ городомъ. Они объявили, что комитетъ приступаетъ ко взысканію народной подати, и вскорѣ по домамъ стали ходить сборщики подати. Въ случаѣ отказа уплатить подать сборщики прибѣгали къ угрозамъ и въ Ченстоховѣ даже подожгли домъ еврея, который отказался отъ платежа. Собранныя деньги хранились у сестры члена комитета Шварце—Эске, которая жила въ домѣ своей бабушки Гейрихъ. Домъ этомъ находился на улицѣ Видокъ; въ этомъ же домѣ происходили засѣданія комитета, въ немъ же помѣщалась типографія, въ которой печатался подпольный органъ комитета „Рухъ“. На собранныя деньги рѣшено было купить оружіе за границей, и исполненіе этого рѣшенія было возложено на парижскаго агента комитета Цверцякевича и присоединившагося къ комитету бывшаго агента Мѣрославскаго Годлевскаго, который образовалъ въ Варшавѣ въ 1860

году революціонное общество, существовавшее до осени 1861 г. Но французская полиція, замѣтивъ сношенія Цверцякевича съ извѣстными революціонерами и узнавъ о закупкѣ имъ и Годлевскимъ оружія, сообщила объ этомъ русскому посольству.

По примѣру 1861 г. и въ 1862 г. въ день Рождества Пресвятыя Богородицы состоялась демонстрація па Лысой горѣ въ монастырѣ Святого Креста. Съѣхалось и пришло много народа, ксендзы говорили революціонныя проповѣди, развѣвались знамена Польши и Литвы. Ко дню этой демонстраціи центральнымъ комитетомъ было издано „Обращеніе варшавянъ къ братьямъ крестьянамъ въ день Рождества Пресвятыя Богородицы". Въ немъ говорилось: „что, по словамъ Христа, тотъ только попадетъ въ рай, кто отречется отъ себя, т. е. тотъ, кто пожертвуетъ собою для блага всѣхъ людей, для блага польской отчизны. Братья—громада,—говорилось дальше,—люди теперь грызутся изъ-за чиншей и нѣтъ конца этой ссорѣ. Лишь немногіе очиншеваны, а остальные ждутъ чего-то отъ Москвы. Истинно говорю вамъ, пока мы будемъ подъ москалемъ, до тѣхъ поръ конца этому не будетъ, ибо ему нужно, чтобы мы ссорились, спорили, даже убивали другъ друга... Откройте, какъ слѣдуетъ глаза, и вы увидите, что нашъ главный непріятель не панъ, а москаль". Въ виду этого хлопы призывались къ примиренію со шляхтою, къ очиншеванію, а тѣхъ пановъ, которые не захотятъ чиншеваться, заставитъ это сдѣлать „польское правительство, когда Польша возстанетъ". А возстать надо скорѣе, и кто не возстанетъ „тотъ не полякъ, не католикъ—тотъ не попадетъ въ рай". Когда Польша освободится, хлопамъ дадутъ землю, „ибо ея много у Польши отъ моря до моря, и польское правительство заплатитъ за нее панамъ", „Папа благословитъ", и „мы всѣ пойдемъ впередъ на бой".

На храмовомъ праздникѣ монастыря Святого креста множество собравшагося духовенства возбудило вопросъ о своемъ присоединеніи къ центральному комитету и подчиненіи ему. Затѣмъ послѣдовали въ разныхъ мѣстностяхъ Привислинья съѣзды католическаго духовенства для обсужденія вопроса, примкнуть-ли къ центральному комитету. Обсуждали этотъ вопросъ и уніатскіе священники Холмщины и Подляшья, въ это время находившіеся всецѣло въ рукахъ поляковъ. Громадное большинство ксендзовъ рѣшило примкнуть къ центральному комитету. Велепольскій, узнавъ объ этомъ, созывалъ представителей католическаго духовенства въ Варшаву, совѣщался съ Фелинскимъ, который пытался уговорить духовенство соблюдать лойяльность. Духовенство осталось на сторонѣ комитета. Въ самомъ концѣ 1863 года познанскій архіепископъ Пржилусскій написалъ письмо Фелинскому, убѣждая католическое духовенство

вести себя лойяльно, порвать съ революціонерами. Фелинскій сообщилъ это письмо духовенству. Римскій іезуитъ полякъ Кайсевичъ тоже обратился со словомъ къ польскому духовенству, призывая его отказаться отъ революціонной дѣятельности. Эти призывы не имѣли отклика.

Маркизъ Велепольскій, убѣждаясь, что однѣми реформами нельзя умиротворить края, что въ теченіе трехъ лѣтъ бездѣйствія власти и постоянныхъ демонстрацій въ краѣ образовался большой слой отбившихся отъ всякой работы, пьянствовавшихъ на неизвѣстно откуда получаемыя деньги и буйствовавшихъ, задумалъ въ августѣ 1862 г. чрезвычайную мѣру, а именно произвести наборъ для удаленія изъ края деморализованнаго сброда. Когда маркизъ доложилъ о своемъ проектѣ великому князю, послѣдній не переставая надѣяться успокоить поляковъ мѣрами кротости, ласковостью съ низшимъ классомъ населенія, оказаніемъ помощи бѣднымъ и вниманіемъ къ католичеству, не согласился съ маркизомъ, но настойчивый маркизъ настаивалъ на осуществленіи своего проекта. Былъ собранъ совѣтъ. Военные высказались противъ этой мѣры. Маркизъ однако не переставалъ настаивать, заявляя, что въ случаѣ непринятія этой мѣры онъ не ручается за спокойствіе. Государь и высшія петербургскія власти тоже отнеслись отрицательно къ проекту маркиза. Нужно еще замѣтить, что маркизъ хотѣлъ произвести наборъ не по жеребьевой системѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ тѣ, кого имѣлось въ виду удалить изъ Привислинья, могли бы не попасть въ солдаты, а по старинным правиламъ 1816 г., по которымъ намѣченныхъ заранѣе лицъ хватали ночью и подъ конвоемъ отправляли въ полки. Маркизъ продолжалъ настаивать на своемъ проектѣ и видя, что заговоръ растетъ, что съ минуты на минуту готово вспыхнуть возстаніе, сталъ вообще требовать, чтобы ему было разрѣшено примѣнить для подавленія движенія строгія и рѣшительныя мѣры, но государь и великій князь намѣстникъ все еще не хотѣли сойти съ пути мѣръ кротости. „Русское правительство“, замѣчаетъ Козьмянъ, ожидало отъ него (Велепольскаго) успокоенія, а не усмиренія края и могло-бы ему сказать: „первое составляетъ твою задачу, второе я само могло-бы совершить“ [90]). Наконецъ, послѣ настойчивыхъ представленій Велепольскаго послѣдовало согласіе на наборъ. Настоящая цѣль этого набора стала скоро извѣстна, такъ какъ изданный коммисіею внутреннихъ дѣлъ секретный циркуляръ, подробно разъяснявшій цѣль набора и способы, при помощи которыхъ онъ долженъ быть произведенъ, былъ опубликованъ въ польской заграничной печати. Пошли толки среди поляковъ и въ иностранныхъ газетахъ, что Россія умышленно при-

думала этотъ наборъ, чтобы вызвать возстаніе, которое давно уже готовилось и которое въ тотъ моментъ врядъ ли ужъ можно было предотвратить какими-либо средствами.

Бывшій тогда въ Варшавѣ виленскій дѣятель изъ бѣлыхъ гр. Старжинскій замѣтилъ Велепольскому по поводу объявленнаго набора, что этотъ наборъ вызоветъ взрывъ. Маркизъ отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы нарывъ лопнулъ, но что серіознаго ничего не будетъ, такъ какъ наборъ будетъ произведенъ зимой, когда возстаніе невозможно; голодъ и холодъ выдадутъ повстанцевъ полиціи. Маркизъ былъ увѣренъ, что если нарывъ лопнетъ, то онъ усмиритъ возстаніе въ теченіе одной недѣли и затѣмъ будетъ спокойно править. Когда стало извѣстно о наборѣ, кто-то пустилъ въ обращеніе печатное заявленіе, что центральный комитетъ не допуститъ набора, что прежде чѣмъ успѣетъ состояться наборъ, вспыхнетъ мятежъ. Революціонеры, вовсе не желавшіе идти въ солдаты, заявляли комитету, что если онъ не выполнитъ этого обѣщанія, то они не будутъ подчиняться ему и сами поднимутъ бунтъ. Комитетъ былъ въ волненіи, не зная что дѣлать, не зная, кто выпустилъ объявленіе отъ имени комитета о недопущеніи набора. Шварце занялся разслѣдованіемъ этого вопроса и слѣдствіе привело его къ открытію, что на ряду съ центральнымъ комитетомъ существуетъ въ Варшавѣ комитетъ Мѣрославскаго, и что даже нѣкоторыя лица, принадлежащія къ центральному комитету, въ то-же время состоятъ и въ комитетѣ Мѣрославскаго. Между центральнымъ комитетомъ и Мѣрославскимъ возникла въ подпольныхъ и заграничныхъ листкахъ полемика. Центральный комитетъ, опасаясь Мѣрославскаго и зная, что у него много сторонниковъ, старался быть сдержаннымъ въ полемикѣ, высказывалъ предположеніе, что тутъ дѣйствуетъ интрига, прикрывающаяся именемъ Мѣрославскаго, Мѣрославскій же рѣзко выступалъ противъ центральнаго комитета, обвинялъ его въ уступкахъ „Москвѣ“, въ отказѣ отъ Литвы и Руси. Борясь съ Мѣрославскимъ, центральный комитетъ долженъ былъ выдерживать и борьбу съ бѣлыми. Они старались подчинить себѣ центральный комитетъ, но безъ успѣха. На декабрь 1862 г. бѣлые созвали въ Варшаву съѣздъ для обсужденія положенія дѣлъ. То-же сдѣлалъ и центральный комитетъ, а относительно набора онъ рѣшилъ украсть списки подлежащихъ набору и скрыть рекрутовъ въ лѣсахъ и посредствомъ подложныхъ паспортовъ. Онъ надѣялся, что, благодаря этому, благодаря опозиціи противъ набора уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ, а также благодаря отсутствію рвенія къ дѣлу у рекрутскихъ комиссій, будетъ завербовано не больше 2000—3000 человѣкъ, всѣхъ же заго-

ворщиковъ было въ это время до 25.000, такъ что 2000—3000 человѣкъ комитетъ находилъ возможнымъ пожертвовать, не видя въ этомъ особаго ослабленія заговора.

Въ декабрѣ съѣхались въ Варшаву бѣлые и красные. Бѣлые засѣдали подъ предсѣдательствомъ Кроненберга. На засѣданіяхъ присутствовали представители Познани и Галиціи. Представителемъ сѣверо-западнаго края былъ гр. Старжинскій. Бѣлые рѣшили, что красные безъ ихъ помощи не въ состояніи поднять возстанія, что возстаніе неизбѣжно, но до него еще далеко. Они входили чрезъ посредство Рупрехта и пріѣхавшаго изъ Парижа Сѣраковскаго въ переговоры съ красными, но соглашеніе достигнуто не было. Мнѣнія красныхъ о томъ, когда поднять возстаніе, расходились. Одни хотѣли сейчасъ-же взяться за оружіе, другіе откладывали. Падлевскій съѣздилъ передъ декабрьскимъ съѣздомъ красныхъ въ Варшавѣ въ Петербургъ для переговоровъ съ тамошними революціонерами. Огрызко, по соглашенію съ Падлевскимъ, образовалъ въ Петербургѣ польскій комитетъ, который долженъ былъ посредничать между русскими революціонерами и центральнымъ комитетомъ, причемъ Падлевскій содѣйствовалъ объединенію нѣсколькихъ русскихъ революціонныхъ кружковъ въ одно общество. Главнымъ посредникомъ между русскими и польскими революціонерами въ Петербургѣ въ то время былъ еврей Утинъ, сынъ откупщика, обѣщавшій Падлевскому, что русскіе присоединятся къ полякамъ, если они поднимутъ возстаніе. Утинъ хотѣлъ вызвать волненія къ 19 февраля 1863 г., т. е. въ день второй годовщины освобожденія крестьянъ. На варшавскій съѣздъ красныхъ изъ юго-западной Россіи явился офицеръ Ружицкій. Ему было поручено руководить возстаніемъ въ юго-западномъ краѣ при содѣйствіи писателя-эмигранта Ежа-Милковскаго, до сихъ поръ здравствующаго и не перестающаго вести за-границей антирусскую пропаганду. Ежъ поселился еще до съѣзда красныхъ въ Молдавіи, откуда долженъ былъ помогать Ружицкому и ввести въ Россію оружіе. Пріѣхавшій изъ Парижа Сѣраковскій, находившійся нѣкоторое время за-границей съ „научно-статистическою“ цѣлью и узнавшій отъ русскаго военнаго агента въ Парижѣ, что русское правительство освѣдомлено французской полиціей о закупкѣ поляками оружія, былъ назначенъ на съѣздѣ руководителемъ возстанія въ Литвѣ, руководство возстаніемъ на лѣвомъ берегу Вислы было возложено на Лянгевича, а на правомъ—на Левандовскаго и Чапскаго.

Большинство красныхъ предлагало начать возстаніе весною, но нѣкоторые, какъ напр. Бобровскій, ставшій къ этому времени членомъ комитета, стояли за то, чтобы къ возстанію приступить немедленно. Того-же мнѣнія былъ также новый членъ комитета

извѣстный агитаторъ ксендзъ Микошевскій. Принимавшій участіе въ революціонной пропагандѣ и съ октября 1862 г. присоединившійся къ центральному комитету ловкій и подвижной Оскаръ Авейде тоже склонялся къ тому, чтобы не откладывая, начать мятежъ. Авейде, воспитанникъ петербургскаго и берлинскаго университетовъ, судя по имени и фамиліи, нѣмецъ принималъ затѣмъ видное участіе въ руководствѣ возстаніемъ. Это былъ человѣкъ умный и предусмотрительный. Трудно, конечно, было разсчитывать на побѣду повстанскихъ шаекъ надъ Россіей, но умнѣйшіе дѣятели разсчитывали не на это. Имъ казалось, что Россія, долгое время исполнявшая всѣ требованія поляковъ въ виду возстанія пойдетъ на дальнѣйшія уступки, согласится на присоединеніе къ царству западныхъ губерній и дастъ новой Польшѣ независимость, быть можетъ, съ условіемъ личной уніи, а въ случаѣ нежеланія Россіи уступить, они надѣялись на вмѣшательство въ пользу поляковъ Франціи и Англіи. Декабрьскій съѣздъ красныхъ не рѣшилъ окончательно, когда быть возстанію. Падлевскій предлагалъ чтобы подлежащихъ набору собрать на югѣ царства, и чтобы они подъ его командой начали мятежъ. Если-бы дѣло пошло удачно, онъ предлагалъ признать этотъ бунтъ народнымъ возстаніемъ, въ случаѣ-же неудачи доказывать, что это случайная вспышка.

Въ Вильнѣ и въ Кіевѣ осенью образовались комитеты красныхъ. Назимовъ обратилъ въ это время вниманіе на то, что начальство варшавско-петербургской дороги надписями на польскомъ языкѣ на всѣхъ станціяхъ отъ Бѣлостока до границы псковской губерніи указывало предѣлы территоріи, подлежащей присоединенію къ царству польскому [91]). Въ ноябрѣ 1882 г. минское дворянство постановило ходатайствовать о присоединеніи минской губерніи къ царству польскому. Съ подобнымъ же ходатайствомъ обращалось нѣсколько раньше подольское дворянство. Въ юго-западномъ краѣ, какъ и въ сѣверо-западномъ, производились аресты, но агитація продолжалась. Кіевскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, какъ и Назимовъ въ Вильнѣ, не въ силахъ былъ остановить ее; въ ноябрѣ 1862 г. князь Васильчиковъ умеръ, по словамъ его біографа проф. Шульгина, подтвержденнымъ Бобровскимъ въ его „Pamiętnikach“, сильно разочарованный въ полякахъ. Краковскій „Часъ“, называя покойнаго князя „главнымъ московскимъ оружіемъ преслѣдованія“, усмотрѣлъ въ его кончинѣ благопріятное предзнаменованіе для поляковъ. Мѣсто кн. Васильчикова занялъ генералъ Анненковъ. Характерна изданная въ 1862 г. въ Кіевѣ для народа польскими агитаторами брошюра: „Предсмертный разговоръ пустельника Петра, который живъ у пущи девитьдесятъ одинъ, а померъ маючи сто сорокъ лѣтъ“.

Она напечатана по-малорусски польскимъ шрифтомъ. Въ ней повѣствовалось, что „бывъ часъ, коли вси люди на польской земли были ровные и подъ опекой Бога жили згодно и счастливо“, и что „господарямъ-мужикамъ жилось очень хорошо“, но „поганые сосѣди“ — „голодные нѣмцы и москали“ раздѣлили между собою Польшу, москали „потоптали алтари Божьи вѣры предковъ нашихъ“ и „жидоу несчастныхъ, которыхъ предки наши, якъ гостей приняли на свою землю, стали брать у рекруты, стали одѣвать по москоуски“. „Тогды цѣлый народъ заплакавъ“. „Богъ послалъ великаго Француза, чтобы нашу землю увольнивъ. Французъ, побивши москаля подъ Севастополемъ,

Генералъ Н. Н. Анненковъ.

а нѣмца коло Ржиму (Рима), подписалъ для цѣлой земли польской и приказалъ Москалю отмѣнить подушную подать, купить для мужикоу отъ пановъ землю“, „солдатамъ давать на зиму кожухи, доухіе буты, фунта два бѣлаго хлѣба, поутора фунта мяса, петнанцять грошей у день на тютюнъ (табакъ)“, „но москаль надулъ Француза, а Французъ поэтому собрался идти на москаля войною. „Милосердный Богъ — говорится далѣе,—приведе къ вамъ короля польскаго зъ войскомъ польскомъ и Француза, а вы идите помогать имъ прогнать москаля изъ земли вашихъ предкоу“. Въ концѣ бро-

шюры приложенъ „Гимнъ“—варіація на тему „Боже, Который Польшу“. Польскіе повстанскіе листки и брошюры печатались въ Кіевѣ въ 1861 и 1862 годахъ какимъ-то Гофманомъ, служившимъ въ типографіи Кіево-Печерской лавры. Руководилъ этимъ Бобровскій. Когда въ 1862 г. Гофманъ былъ арестованъ, Бобровскаго не удалось задержать, потому что онъ въ это время находился въ Варшавѣ, гдѣ скрывался подъ разными фамиліями.

Нелюбовь поляковъ къ Велепольскому, выигравшему къ концу 1862 г. въ варшавскомъ сенатѣ одно изъ своихъ многочисленныхъ судебныхъ дѣлъ (о наслѣдствѣ съ кн. Яблоновскими и гр. Потулицкими), съ осени 1862 г., когда стало извѣстно о наборѣ, еще болѣе усилилась. Въ декабрѣ 1862 г., въ сочельникъ новаго стиля, Крашевскій, понимавшій, по вѣрному замѣчанію Н. В. Берга, „какъ человѣкъ тонкій и проницательный ту опасность, которая заключалась въ неловкости, безтактности и гордынѣ Велепольскаго для ихъ польскаго дѣла, тѣ противодѣйствія, которыя долженствовали осадить назадъ всѣ ихъ фантазіи надолго, быть можетъ, навсегда, а насъ выручить“ [92]) напечаталъ въ „Газетѣ Польской“ статью, въ которой намекалось на высокомѣріе Велепольскаго. Велепольскій тотчасъ же настоялъ на томъ, чтобы Крашевскому было предложено уѣхать за-границу. Высылка Крашевскаго, ставшаго, конечно, заклятымъ врагомъ Велепольскаго, еще болѣе возстановила противъ маркиза поляковъ. Между тѣмъ всюду въ Привислиньѣ дѣятельно вербовались заговорщики. Въ Сувалкахъ, гдѣ не удавалось составить банду, въ концѣ 1862 г. рѣшили, чтобы возбудить народъ, поставить статую Св. Ядвиги, благословляющей сына на войну, но назвали, чтобы замаскировать дѣло, эту статую статуей Богородицы. Подъ статуей были барельефы съ изображеніемъ св. Ядвиги, св. Казиміра, католическаго патрона Литвы, и такъ называемыхъ уніатскихъ святыхъ: Іосафата Кунцевича и Андрея Боболы. Въ сборѣ пожертвованій на эту статую принималъ живое участіе назначенный Велепольскимъ въ Сувалки губернаторомъ Корытковскій (полякъ), который съумѣлъ получить деньги на статую даже отъ жандармскаго офицера (поляка) и военнаго начальника (русскаго). Но бѣлые, противодѣйствуя краснымъ, объяснили военному начальнику значеніе статуи. Онъ донесъ объ этомъ въ Варшаву. Тогда губернаторъ Корытковскій написалъ Велепольскому, что военный начальникъ представилъ дѣло въ невѣрномъ освѣщеніи. Велепольскій принялъ сторону губернатора Корытковскаго, не нашелъ ничего предосудительнаго въ статуѣ, съ которой познакомился по представленному Корытковскимъ весьма неточному рисунку, и разрѣшилъ постановку ея. Въ самомъ концѣ 1862 г. послѣдовало торжественное открытіе ея при большомъ стеченіи народа.

XI.

Въ послѣдніе дни 1862 года, когда въ центральномъ комитетѣ, подъ вліяніемъ Бобровскаго, Падлевскаго и другихъ взяло перевѣсъ мнѣніе, что слѣдуетъ немедленно приступить къ мятежу и когда пошла усиленная работа по подготовкѣ возстанія, центральный комитетъ сталъ настоятельно требовать содѣйствія дирекціи бѣлыхъ, которая настаивала на необходимости отложить возстаніе. Эти споры кончились тѣмъ, что гр. В. Замойскій, сынъ Андрея, Кроненбергъ и Юргенсъ вышли изъ состава дирекціи, чтобы „не отвѣчать передъ міромъ и исторіею за плачевныя послѣдствія преждевременнаго возстанія“, какъ они громко выразились, и предсѣдательство въ дирекціи принялъ Рупрехтъ. Но выйдя изъ состава дирекціи, Кроненбергъ, Замойскій и Юргенсъ не перестовали изъ-за кулисъ руководить ею. Въ первыхъ числахъ

Медаль въ память надѣленія жондомъ 10 февраля 1863 г. крестьянъ землею.

(Медаль эта преставляетъ собой нумизматическую рѣдкость).

января 1863 года центральный комитетъ переименовалъ себя во временное народное правительство. Предсѣдателемъ жонда былъ избранъ кіевскій студентъ Бобровскій, а членами Авейде, кс. Микошевскій, Майковскій и Яновскій. Для руководства дѣломъ возстанія въ Варшавѣ была учреждена должность организатора и интенданта Варшавы, которую занялъ Лемпке, сынъ отставного генерала изъ Кіева. Падлевскій отправился воеводою въ Плоцкъ, Лянгевичъ на югъ Привислинскаго края. 10 января временный народный жондъ издалъ воззваніе, въ которомъ призывалъ поляковъ поднять оружіе и объявлялъ о надѣленіи крестьянъ землею. Въ память этого, конечно, фиктивнаго и никогда неосуществленнаго надѣленія крестьянъ земельными участками была отчеканена медаль. Въ воззваніи говорилось: „Послѣ страшнаго позора неволи, послѣ невыразимыхъ мученій

гнета, центральный народный комитетъ, единственное твое нынѣшнее законное правительство, зоветъ тебя (польскій народъ) на поле кроваваго послѣдняго боя,—на поле чести и побѣды, которую дастъ тебѣ, клянемся именемъ Бога, Живущаго въ небесахъ"... Заявляя далѣе о надѣленіи крестьянъ землею, жондъ завѣрялъ, „что владѣльцы, понесшіе вслѣдствіе этого убытки, получатъ вознагражденіе изъ общихъ фондовъ государства". Обѣщая крестьянамъ, пользовавшимся землею за барщинный трудъ или за чиншъ, и бездомнымъ батракамъ, „поступающимъ въ ряды защитниковъ отчизны", а въ случаѣ ихъ смерти ихъ семействамъ—земельные надѣлы „изъ народныхъ имѣній освобожденной отъ врага земли", воззваніе взывало: „Къ оружію народы Польши, Литвы и Руси, къ оружію!" Предупреждая, что жондъ будетъ преслѣдовать и сурово наказывать несочувствіе и даже „недостатокъ усердія" къ мятежу, составители воззванія обращались далѣе къ „народу московскому" съ заявленіемъ, что „свобода и братство народовъ это нашъ традиціонный завѣтъ", и что поляки извиняютъ русскимъ „мучительство отчизны, кровь Праги и Ошмянъ, разбои на улицахъ Варшавы", но,—заканчивалось воззваніе: „если ты, народъ московскій, не пойдешь заодно съ нами, то мы проклянемъ тебя предъ лицомъ Бога и цѣлаго свѣта, обречемъ на позоръ вѣчнаго рабства, мученій и нескончаемой неволи и вызовемъ на страшный бой истребленія — послѣдній бой европейской цивилизаціи съ дикимъ варварствомъ Азіи" [93]). Предъ изданіемъ этого воззванія жондъ выѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ остался только Бобровскій съ членами исполнительной коммисіи жонда. Бобровскій, назначенный предсѣдателемъ этой коммиссіи, принялъ на себя исполненіе постановленій жонда. Главнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій была избрана плоцкая губернія, а главной квартирой жонда — городъ Кутно на границѣ варшавской и плоцкой губерніи. Тогда же была послана въ Парижъ депутація къ Мѣрославскому, поднесшая ему званіе диктатора, о которомъ мечталъ Падлевскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ завербованнымъ въ возстаніе было приказано отправиться въ лѣса. Съ 7 января изъ Варшавы и другихъ городовъ стали выходить толпы повстанцевъ. Власти смотрѣли на это сквозь пальцы частью потому, что надѣялись на скорое возвращеніе повстанцевъ вслѣдствіе холода и голода въ города, частью же потому, что были на сторонѣ повстанцевъ. Организованные въ десятки и сотни, въ общемъ числѣ до 25.000, заговорщики были разбросаны по всему Привислинью, но, главнымъ образомъ, повстанцы собрались въ кампиносскомъ лѣсу въ сохачевскомъ уѣздѣ варшавской губерніи. „Это были,— замѣчаетъ г. Гескетъ въ изданномъ подъ редакціею генерала А. К.

Пузыревскаго трудѣ „Военныя дѣйствія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863 г.“,—истые сыны уличныхъ демонстрацій и люди почти 2 года ничѣмъ незанятые. Около 10 тысячъ изъ нихъ подлежали набору. Вооружены они не были кромѣ нѣсколькихъ сотъ, имѣвшихъ свои ружья, преимущественно охотничьи. Оружіе, хотя было заказано за границею, но чрезъ ненадежныхъ людей и въ срокъ не прибыло“ [94]). Павлищевъ такъ характеризуетъ повстанскія банды: „Каждая шайка имѣетъ „доводцу“ (предводителя) какого-нибудь помѣщика, мелкопомѣстнаго шляхтича, офиціалиста или чиновника низшаго разряда и дѣлится на десятки и сотни, рядовые же все мѣщане и люди разнаго сброда, появляется между ними и молодежь изъ крестьянъ, но какъ исключеніе, уводимая въ лѣса повстанцами. По деревнямъ мятежники забираютъ продовольствіе и подводы, крестьяне боятся ихъ, однако при удобномъ случаѣ ихъ выдаютъ. Шайки вооружены большею частью косами въ видѣ широкихъ ножей, прикрѣпленныхъ къ древку, и пиками, но есть у нихъ и двухствольныя ружья, пистолеты и револьверы. Новобранцу дается на первый разъ жалованье до 12 коп. въ сутки, но неисправно или замѣняется порціею хлѣба и водки... Банды, придя въ городъ, не занятый или оставленный войсками, забираютъ конскрипитовъ и уводятъ ихъ съ собою“. 9 января одинъ изъ высланныхъ въ кампиносскій лѣсъ, гдѣ собралось нѣсколько сотъ повстанцевъ, русскихъ отрядовъ, наткнулся на повстанцевъ. У разъискивавшаго повстанцевъ русскаго отряда ружья были, согласно приказу, не заряжены. Вслѣдствіе этого и неудачныхъ распоряженій командира отряда полковника Козлянинова, отрядъ былъ разбитъ и онъ самъ убитъ [95]). Взрывъ возстанія былъ назначенъ въ ночь съ 10 на 11 января. Вечеромъ 10 января начались безпорядки въ городѣ Плоцкѣ, раздавались крики „къ оружію!“ Руководители возстанія въ Плоцкѣ надѣялись взять этотъ городъ и огласить въ немъ явное народное правительство. Но плоцкія военныя власти днемъ узнали о готовившихся къ вечеру безпорядкахъ и приняли мѣры, благодаря которымъ безпорядки скоро были прекращены.

Ночью съ 10 на 11 января въ мѣстечкѣ Бодзентинѣ повстанцы напали на казарму и стали рѣзать спящихъ солдатъ; въ городѣ Радинѣ они ворвались въ квартиру жандармскаго офицера Хвощинскаго, которому удалось скрыться изъ квартиры, но изранили бывшаго тамъ генерала Каннабиха; въ Луковѣ перерѣзали спящихъ солдатъ; подъ Сѣдлецомъ подожгли домъ, въ которомъ спали солдаты, а около г. Бѣлы убили ѣхавшаго изъ Бреста въ Варшаву чиновника канцеляріи намѣстника Черкасова. Было и еще нѣсколько нападеній на русскихъ, въ нѣсколькихъ городкахъ разграбили городскія

кассы, а въ Куровѣ люблинской губерніи захватили изъ почтоваго фургона 48,213 р., въ полученіи которыхъ дали росписку. Въ сувалкской губерніи ночью съ 10 на 11 января не было ни одного нападенія. Недовольные этимъ тамошніе красные устроили съѣздъ по мѣщиковъ и требовали, угрожая револьверами, чтобы бѣлые присоединились къ возстанію; вскорѣ и тамъ появились банды. Всего въ ночь съ 10 на 11 января было убито, ранено и безъ вѣсти пропало 190 русскихъ, а повстанцевъ ранено и убито 26 и задержано 200. Сравнительно небольшое число жертвъ понесенныхъ русскими объясняется тѣмъ, что нападенія повстанцевъ были произведены крайне неискусно, и что повстанцы въ это время были еще совсѣмъ не организованы.

Совершенныя ночью съ 10 на 11 января нападенія застали русскихъ властей почти всюду въ расплохъ. Для намѣстника, полагавшагося на Велепольскаго, и для него самого они были неожиданностью. Военныя власти въ различныхъ городахъ тоже, по большей части, не предвидѣли этихъ нападеній, а если и предвидѣли, то на этотъ случай не приняли мѣръ—одни потому, что, „по ихъ мнѣнію, съ такимъ ничтожнымъ врагомъ, какъ польскіе повстанцы, можно легко справиться безъ всякихъ приготовленій, другія — потому, что „постоянно боялись получить отъ ближайшаго начальства нагоняй“, почему у нихъ рождалась нерѣшительность, и они „дѣлали поблажки, кому не слѣдовало поблажать“, входили „въ панибратство съ тѣми, кому въ душѣ они нисколько не довѣряли“. (Н. В. Бергъ „Польское возстаніе 1863 г.“, „Русская Старина“ 1879 г. кн. 2 стр. 188). По полученіи намѣстникомъ первыхъ извѣстій о ночныхъ нападеніяхъ было возстановлено въ царствѣ военное положеніе, учреждены военно-судныя коммисіи и объявлено, что схваченные съ оружіемъ въ рукахъ будутъ судимы сокращеннымъ военно-полевымъ судомъ. Маркизу Велепольскому не хотѣлось сознаться въ истинномъ положеніи дѣлъ. Какъ раньше онъ въ докладахъ государю и великому князю уменьшалъ опасное положеніе края, такъ и наканунѣ самаго взрыва возстанія, когда громадное большинство подлежавшихъ набору скрылось въ лѣсъ, заявлялъ, что наборъ идетъ успѣшно, а когда возстаніе вспыхнуло, ограничился напечатаніемъ во „Всеобщемъ Дневникѣ“ (№ отъ 14 января) краткаго сообщенія о нападеніяхъ въ ночь съ 10 на 11 января. Въ томъ же № было объявлено, что бунтовщики будутъ судимы военно-полевыми судами. 13 января, дѣлая разводъ Измайловскому полку, государь Александръ II обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, упомянувъ о нападеніяхъ повстанцевъ на войска, сказалъ, что не хочетъ обвинять „весь народъ польскій въ совершившемся“ и вы-

разилъ убѣжденіе, что армія исполнитъ свой долгъ въ случаѣ надобности. Два извѣстныхъ русскихъ публициста того времени такъ отнеслись къ началу возстанія. Катковъ помѣстилъ 14 января въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующую замѣтку: „Итакъ, кровь опять льется въ семейномъ спорѣ двухъ братскихъ племенъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ. Наши войска, отдѣльно расположенныя, были повсюду въ царствѣ атакованы. Ихъ пытались сперва совратить съ пути долга, побудить къ нарушенію присяги, но эти попытки не удались, несмотря на увѣренія нашихъ заграничныхъ патріотовъ, и теперь русскихъ солдатъ убиваютъ въ домахъ по одиночкѣ. Это безуміе объясняется лишь совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно расположенія умовъ въ Россіи. Если бы польскія демагоги знали чувствованія русскаго народа, они не дерзнули бы умерщвлять нашихъ солдатъ, исполнявшихъ свой долгъ; они не навлекли бы на свою страну неизбѣжныхъ послѣдствій пролитія братской крови. Польская агитація была въ Россіи причиной многихъ несчастій; она можетъ и у насъ считать свои жертвы. Всюду старалась она сѣять безсмысленное и безцѣльное раздраженіе и искажать народное чувство. Теперешній взрывъ будетъ имѣть для насъ послѣдствія грозы, очищающей атмосферу. Но что будетъ въ Польшею?“ А по поводу рѣчи государя къ Измайловскому полку Катковъ писалъ: „Поляки, которые постоянно зовутъ насъ монголами, а русское государство провозглашаютъ азіатской деспотіей въ родѣ деспотіи чингисхановой, должны были ожидать только голоса гнѣва, только воззванія къ кровавой мести и жестокой примѣрной карѣ. Но вотъ русскій Царь говоритъ къ своему войску, къ боевымъ товарищамъ тѣхъ русскихъ солдатъ, которые были умерщвляемы въ постеляхъ и сожигаемы заживо: изъ устъ Царя не сходитъ ни одного раздраженнаго слова; онъ напоминаетъ своему войску только о долгѣ, онъ устраняетъ польскую націю и защищаетъ ее отъ взрыва гнѣвныхъ чувствъ, которыя будутъ вызваны въ русскомъ народѣ и войскѣ злодѣйствами, совершенными въ царствѣ польскомъ. Такъ ли дѣйствовали Чингисханъ и Тамерланъ? Если это не языкъ самой высокой цивилизаціи, то какимъ же еще языкомъ должна говорить она?“ [96]) На Герцена, какъ видно изъ его посмертныхъ статей, ночныя нападенія на безоружныхъ солдатъ, поджогъ подъ Сѣдлецомъ дома, гдѣ ночевали солдаты, произвели тяжелое впечатлѣніе. Онъ видѣлъ, что такой образъ дѣйствій можетъ вызвать лишь порицаніе со стороны русскихъ, а отнюдь не сочувствіе. Но въ „Колоколѣ“ Герценъ въ виду начала возстанія не сказалъ, разумѣется, того, что высказалъ впослѣдствіи въ статьяхъ и замѣткахъ, вошедшихъ въ посмертный сборникъ. Въ

„Колоколѣ“ онъ писалъ, что возстаніе вызвано Россіею и Велепольскимъ умышленно и вмѣстѣ съ тѣмъ воздавалъ повстанцамъ хвалу, добавляя однако: „Большое несчастіе, что польское возстаніе пришло рано; многіе и мы въ томъ числѣ дѣлали все нашимъ слабымъ силамъ возможное, чтобы задержать его... Велепольскій и великій князь рѣшили иначе... Передъ совершающимся событіемъ— смиреніе, а не судъ; иныя силы, не сила слова рѣшаетъ вопросъ. Что-то сдѣлаетъ Европа? Она не допуститъ! Допуститъ ли она еще разъ? Допуститъ. Она устами другого монарха обезпечитъ, что „національность польская не погибнетъ“ и успокоитъ народныя сочувствія извѣстіемъ съ трибуны, что въ „Варшавѣ царствуетъ порядокъ“ (имѣется въ виду Франція). Въ Англіи будутъ ненужные, безсильные, но очень великодушные митинги, и одна Германія приметъ искреннее участіе своею радостью, что славяне во всякомъ случаѣ будутъ бить славянъ“ [97]). Бѣлые въ первый моментъ, когда вспыхнуло возстаніе, растерялись. „Часъ“ пояснялъ, что это не возстаніе, а лишь порывъ отчаянія тѣхъ, которые намѣрены воспротивиться набору. Когда къ бѣлымъ обратились красные за деньгами, послѣдніе отказали, а между тѣмъ изъ кассы жонда всѣ деньги ушли на подготовку возстанія, и когда оно начиналось, въ кассѣ было всего 75 руб.; кое-что дали варшавскіе еврейскіе банкиры, затѣмъ явились деньги, данныя нѣкоторыми католическими монастырями и украденныя изъ городскихъ и таможенныхъ кассъ.

Одновременно съ нападеніемъ на войска въ различныхъ пунктахъ Привислинскаго края было совершено также ночное нападеніе въ Бѣлостокѣ, находящемся въ сѣверо-западномъ краѣ. Это нападеніе совершилось по приказанію варшавскаго жонда, но виленскій красный комитетъ состоявшій въ это время изъ чиновника петербургско-варшавской ж. д. Дюлорана, бывшаго петербургскаго студента Калиновскаго и офицера Звѣрждовскаго, переведеннаго въ концѣ 1862 г. въ Москву, но къ началу возстанія пріѣхавшаго въ Вильну, старался оттянуть возстаніе. Одинъ изъ предводителей повстанскихъ отрядовъ въ Привислиньѣ Рогинскій перешелъ было въ сѣверо-западный край, но скоро его банда была разсѣяна. Вскорѣ однако литовскій комитетъ получилъ извѣстіе изъ Варшавы объ отправленіи изъ Петербурга въ Вильну гвардіи, причемъ варшавскій жондъ настаивалъ, чтобы литовскій комитетъ завладѣлъ петербургско-варшавскою ж. дорогою отъ Двины и разрушилъ ее. Для этой цѣли рѣшено было составить въ свѣнцянскомъ уѣздѣ подъ начальствомъ Вислоуха, б. ученика генуэзской военной польской школы, банду въ 2000 человѣкъ. Тогда одинъ изъ бѣлыхъ ви-

ленскихъ вожаковъ Еленскій, недовольный, какъ и всѣ бѣлые, присоединеніемъ литовскаго комитета къ вооруженному возстанію, поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ по случаю его пріѣзда состоялось совѣщаніе бѣлыхъ, осуждавшихъ преждевременное, какъ они выражались, возстаніе. „Варшавскіе бѣлые—разсказываетъ В. Ратчъ [98]),—издали свою прокламацію для удержанія своихъ отъ преждевременнаго участія. Далевскій не могъ также допустить плана, противнаго предположеніямъ его зятя Сѣраковскаго. Далевскій, вліятельный между бѣлыми, противился назначенію Вислоуха. Бѣлые съ опасеніемъ смотрѣли на прибывшихъ изъ-за границы учениковъ польской военной школы. Высоцкій предназначался Мѣрославскимъ главнокомандующимъ мятежныхъ силъ Западной Россіи въ пику Сѣраковскому за его измѣну псевдодиктатору. Осторожные бѣлые вовсе не желали, чтобы мѣрославчики-довудцы формировали шайки, и для задержанія 2-ой гвардейской дивизіи собралось (подъ начальство Вислоуха) всего 13 человѣкъ. Раздосадованный Вислоухъ хотѣлъ повѣсить Далевскаго на первой ели. Ретивые сторонники красныхъ съ Нарбутомъ во главѣ, пользуясь распаленнымъ состояніемъ многихъ патріотовъ, съ набираемыми шайками начали дѣлать безпорядки, особенно по гродненской и ковенской губерніямъ. Ксендзы прокламаціями и проповѣдями старались привлечь народъ, шайки множились и войска пошли отыскивать ихъ по лѣсамъ“. Такъ шло дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, а въ юго-западномъ много говорили о скоромъ возстаніи, но пока къ нему не приступали. Тутъ во главѣ комитета красныхъ стоялъ студентъ Юревичъ, сносившійся съ варшавскимъ жондомъ черезъ Бобровскаго и Льва Франковскаго, назначеннаго жондомъ воеводою въ Люблинѣ. Большинство юго-западныхъ поляковъ-помѣщиковъ продолжало настаивать на томъ, что въ виду малочисленности поляковъ въ юго-западныхъ губерніяхъ имъ не слѣдуетъ поднимать возстанія, а надо ограничиться денежной и нравственной поддержкой возстанія и посылкой въ Привислинье добровольцевъ.

Въ Привислинскомъ краѣ въ январѣ и февралѣ не проходило дня безъ стычекъ, но повстанцы дѣйствовали неудачно, и въ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживались, „съ одной стороны, дерзость, съ другой, состояніе настолько близкое къ паникѣ, что достаточно было малѣйшаго импульса, чтобы послѣдняя распространялась. Къ 20 января русскіе мелкіе отряды, разбросанные по краю, стали сосредоточиваться, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали собираться и повстанцы въ большія банды, получившія извѣстную организацію. Рядомъ нападеній на посты пограничной стражи, не поддержанной войсками, (повстанцы) очищаютъ южную и нѣсколько позже западную

границу царства польскаго и открываютъ свободный доступъ укомплектованіямъ и военной контрабандѣ изъ-за границы. Мятежъ пріобрѣтаетъ свободное сношеніе съ галиційскими и познанскими единомышленниками“ [99]). Главными повстанскими отрядами были въ то время Рогинскаго въ окрестностяхъ Бѣлы, Падлевскаго въ плоцкой губерніи, Лянгевича на югѣ Привислинья и Меленцкаго въ варшавской губерніи на прусской границѣ. Громадное большинство столкновеній съ повстанцами имѣли однообразный характеръ.

Повстанцы стрѣляютъ съ опушки лѣса.

(Съ фотографическаго снимка изъ коллекціи В. П. Афанасьева).

Г. Гескетъ такъ характеризуетъ эти стычки: „Послѣ долгихъ преслѣдованій, обыкновенно по слѣдамъ, отрядъ настигалъ банду; казаки завязывали перестрѣлку съ повстанцами, занимавшими опушку лѣса; съ подходомъ пѣхоты начиналась атака опушки, обороняемой арріергардомъ инсургентовъ, главныя же силы ихъ свободно уходили. Съ наступленіемъ сумерокъ дѣло прекращалось: отрядъ стягивался на ночлегъ и соприкосновеніе прерывалось, потому что преслѣдовать ночью въ незнакомой мѣстности было трудно. Если

повстанцы успѣвали занять крѣпкую позицію и имѣли ружья, начиналась перестрѣлка, которая затягивала дѣло и причиняла намъ относительно большія потери. Большинство столкновеній стоило повстанцамъ немало потерь и въ этомъ отношеніи замѣчается громадная неравномѣрность; тамъ, гдѣ они теряли по нѣсколько десятковъ, а то и больше, жертвъ, наши потери ограничивались единицами. Этотъ одинъ фактъ могъ бы отрезвляюще дѣйствовать на инсургентовъ, но онъ былъ имъ неизвѣстенъ. Повстанская пресса, особенно газета „Часъ“, издававшая „Извѣстія съ поля битвы“, представляла дѣло въ обратномъ видѣ. Непосредственныя наблюденія на мѣстѣ для повстанцевъ были невозможны въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ они уходили и не могли видѣть ничтожныя дѣйствія своего оружія. Такіе бои съ бандами приносили мало пользы и скорѣе играли въ руку противнику, чѣмъ намъ. Дѣйствительно, банда, выдержавшая бой и благополучно избѣгнувшая гибели, пріобрѣтала нѣкоторое крещеніе огнемъ, такъ сказать, боевой опытъ, вполнѣ достаточный для того, чтобы мысль о безнаказанности вооруженныхъ столкновеній продолжала держаться. А такъ какъ подобныя стычки составляли большинство нашихъ столкновеній и гармонировали съ планомъ вожаковъ затянуть вооруженное возстаніе до активнаго вмѣшательства Европы, то дѣлается понятнымъ, какую пользу могли извлечь заправилы мятежа изъ этихъ обстоятельствъ“ [100]).

Лянгевичъ, командовавшій съ самаго начала возстанія повстанскимъ отрядомъ на югѣ Привислянья и произведшій въ ночь съ 10 на 11 января нападеніе на мѣстечко Шидловецъ, гдѣ стояли 2 роты Могилевскаго полка, затѣмъ сосредоточилъ нѣсколько повстанскихъ бандъ въ м. Вонхоцкѣ, которое объявилъ своей главной квартирой и напечаталъ здѣсь воззваніе, призывавшее поляковъ подъ его знамена. Въ адъютанты къ нему поступила дочь генерала изъ Люблина Пустовойтова *), въ его же отрядѣ былъ б. русскій офицеръ По-

*) Анна Пустовайтова, дочь русскаго генерала и матери польки, принимала участіе, какъ упоминалось выше въ Люблинѣ, 31 іюля 1861 г. въ демонстративномъ празднованіи годовщины люблинской уніи. Вслѣдствіе этого рѣшено было отправить ее въ одинъ изъ московскихъ монастырей. По дорогѣ она заявила, что по болѣзни не можетъ ѣхать въ Москву, и ея бабушка-полька обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ей вмѣстѣ съ внучкой поселиться въ Житомирѣ. Живя въ Житомирѣ, Пустовойтова преобразилась изъ православной Анны въ католическую Генрику и дѣятельно участвовала въ демонстраціяхъ. Снова было рѣшено отправить ее въ одинъ изъ московскихъ монастырей, но митрополитъ Филаретъ, узнавъ объ этомъ, заявилъ, что ему весьма прискорбно, что „Москва избрана мѣстомъ заключенія для лица мятежнаго“; поэтому Пустовойтовой предложено было отправиться въ монастырь въ Кострому, но въ Кострому она не поѣхала и бѣжала изъ Житомира, а въ началѣ 1863 г. появилась въ отрядѣ Лянгевича.

тебня. Отрядъ его достигъ 3.000 человѣкъ. 21 января Лянгевичъ былъ разбитъ у Вонхоцка нашими войсками и ушелъ съ половиною своего отряда въ такъ называемыя горы Св. Креста, гдѣ вскорѣ его разбиваетъ генералъ Ченгери. 4 февраля Лянгевичъ имѣлъ стычку у Сташова съ небольшимъ русскимъ отрядомъ, который отступилъ и это отступленіе Лянгевичъ оповѣстилъ въ особомъ воззваніи, какъ „великую побѣду надъ Москалями“. Къ 8 февраля онъ присоединилъ къ своей бандѣ нѣсколько другихъ бандъ (Езіоранскаго, Чаховскаго, кс. Котковскаго и др.) въ это время у него было уже и нѣсколько пушекъ и въ числѣ ихъ деревянныя (дубовыя съ желѣзными обручами). 12 февраля генералъ Ченгери нанесъ пораженіе Лянгевичу у м. Малогощи, а затѣмъ Лянгевичъ былъ разбитъ у м. Пѣсковая Скала, гдѣ былъ убитъ Потебня. Но эти пораженія приносили намъ мало пользы, такъ какъ самъ Лянгевичъ всякій разъ ускользалъ, его же неуспѣхи были провозглашаемы временнымъ жондомъ побѣдами. Жондъ произвелъ его даже „за побѣды“ въ генералы. Кстати сказать, жондомъ были установлены слѣдующіе чины въ „народной арміи“: подпоручика, поручика, капитана, маіора, полковника и генерала. Что касается формы повстанцевъ, то стрѣлки были одѣты въ черные полукафтаны и носили конфедератки на головахъ, косиньеры ходили въ сѣрыхъ чамаркахъ и въ высокихъ рогатыхъ шапкахъ. Конечно, форменная одежда была не у всѣхъ. Предводители выдумывали себѣ разнообразнѣйшія формы. Съ присоединеніемъ къ возстанію шляхты появилось множество отрядовъ разныхъ названій въ разныхъ формахъ. Дѣлая переходы, Лянгевичъ вербовалъ людей въ свой отрядъ, отдавалъ распоряженія, судилъ неисполнявшихъ его приказанія крестьянъ и даже приказалъ сжечь одинъ поселокъ, что, впрочемъ, не было приведено въ исполненіе, и велъ переговоры съ бѣлыми.

22 января произошло выдающееся столкновеніе съ повстанской бандой у города Венгрова сѣдлецкой губерніи, занятаго повстанцами подъ командою Мыстковскаго. Повстанцы были выбиты изъ города, потеряли 150 человѣкъ убитыми и отступили, но подпольные варшавскіе листки объявили о крупной побѣдѣ поляковъ подъ Венгровомъ. Появилась даже картинка, изображавшая, какъ косиньеры берутъ наши пушки и избиваютъ насъ. Эта картинка была воспроизведена многими французскими, нѣмецкими и англійскими иллюстраціями. 5 февраля во главѣ банды варшавской губерніи на прусской границѣ появился Мѣрославскій. Принявъ въ половинѣ января званіе диктатора и получивъ 100.000 франковъ отъ принца Наполеона, этотъ революціонеръ по ремеслу отправился въ Бельгію для закупки оружія и затѣмъ съ Куржиной явился на границѣ Привислинья. Для встрѣчи были коман-

дированы плоцкій воевода Падлевскій съ рапортомъ и членъ жонда Авейде, но такъ какъ за Мѣрославскимъ слѣдила прусская полиція, то онъ перешелъ границу не въ томъ пунктѣ, который былъ назначенъ для этого, и потому торжественная встрѣча диктатора не состоялась. Для охраны диктатора прибыло изъ Варшавы 100 студентовъ и нѣсколько мелкихъ повстанскихъ бандъ. Мѣрославскій не успѣлъ еще укрѣпить своей позиціи, какъ 7 февраля высланный изъ гор. Влоцлавска отрядъ полковника Шильдера-Шульднера атаковалъ его, и повстанцы обратились въ бѣгство. Взявъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и захвативъ часть оружія Мѣрославскаго и его переписку, Шильдеръ-Шульднеръ сталъ преслѣдовать Мѣрославскаго, но послѣдній, отойдя къ д. Доброй, выстроилъ свой отрядъ и открылъ огонь по отряду Шильдера-Шульднера. Здѣсь Мѣрославскій вторично долженъ былъ отступить, казаки преслѣдовали отступающихъ, не прекращая боя, но наступившая темнота заставила прервать преслѣдованіе. Повстанцы потеряли 82 человѣка убитыми, 13 было взято въ плѣнъ, съ русской стороны ранено 2 солдата.

Лагерь Мѣрославскаго съ значительнымъ запасомъ лошадей, повозокъ и оружія былъ взятъ нами. Самъ Мѣрославскій ушелъ и на слѣдующій день соединился съ бандой Меленцкаго, а 9 февраля полковникъ Шильдеръ-Шульднеръ, подкрѣпившій свои силы пограничной стражей, настигъ Мѣрославскаго и нанесъ ему рѣшительное пораженіе, послѣ чего Мѣрославскій тотчасъ же бѣжалъ заграницу. Дѣйствія противъ Мѣрославскаго Шильдеръ-Шульднера, располагавшаго небольшими силами (9 февраля его отрядъ былъ вдвое меньше банды Мѣрославскаго), признаются военной исторіей молодецкими тѣмъ болѣе, что участвовавшій въ боѣ 9 февраля Меленцкій былъ искуснымъ противникомъ, знавшимъ военное дѣло по своей прежней службѣ въ прусской арміи. Мѣрославскій же въ нѣсколько дней своего фактическаго диктаторства сдѣлалъ рядъ крупныхъ ошибокъ, завершенныхъ бѣгствомъ. Впрочемъ положеніе Мѣрославскаго, было не изъ легкихъ, въ виду интригъ противъ него Меленцкаго. Вскорѣ послѣ бѣгства Мѣрославскаго въ сѣдлецкой губерніи возникла большая банда Лелевеля (собственно варшавскаго колодезнаго мастера Борилевскаго, принявшаго псевдонимъ Лелевеля), но въ теченіе нѣсколькихъ дней эта банда была разбита. Жондъ, узнавъ, что диктаторъ скрылся не зналъ что дѣлать и рѣшилъ 8 дней ждать извѣстій отъ него, но прошло 8 дней, а вѣстей не было: диктаторъ пропалъ. Жондъ, переѣзжавшій съ начала возстанія изъ города въ городъ, чтобы не быть открытымъ, къ этому времени вернулся въ Варшаву, гдѣ дѣйствовалъ, какъ глава исполнительной комми-

сіи, Стефанъ Бобровскій. Онъ печаталъ воззванія, отдалъ приказъ о снаряженіи въ Лондонѣ морской экспедиціи противъ Россіи собиралъ пожертвованія, дѣлалъ назначенія, завѣдывалъ подпольной печатью, издавалъ „Извѣстія съ поля битвы“, сообщавшія о небывалыхъ побѣдахъ повстанцевъ. Что же касается морской экспедиціи, о снаряженіи которой распорядился Бобровскій, то она дѣйствительно была организована въ Лондонѣ. Деньги, говорятъ, на нее далъ Кроненбергъ, правда удалившійся изъ состава дирекціи бѣлыхъ въ концѣ 1862 года, „чтобы не отвѣчать передъ міромъ и исторіей за плачевныя послѣдствія преждевременнаго возстанія“, но во все время возстанія поддерживавшій мятежъ. Организовали эту экспедицію агенты жонда за границей Цверцякевичъ и Домонтовичъ. Начальникомъ экспедиціи назначили „полковника“ Лапинскаго. Герценъ говоритъ о немъ: „Онъ былъ долго на Кавказѣ со стороны черкесовъ и такъ хорошо зналъ войну въ горахъ, что о морѣ и говорить было нечего. Дурнымъ выборъ назвать нельзя. Лапинскій былъ въ полномъ смыслѣ слова кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ идти съ бѣлыми и красными, съ чистыми и грязными“... [101]) Въ адъютанты себѣ Лапинскій взялъ еврея Поллеса (Тугенбольда), по словамъ Герцена, шпіона, „русскаго, французскаго или международнаго“. Наняли плохенькій пароходъ Вардъ-Жаксонъ. Въ назначенный день на одномъ изъ лондонскихъ вокзаловъ собралась толпа завербованныхъ для экспедиціи воиновъ разныхъ національностей, чтобы отправиться по желѣзной дорогѣ въ Гуль и тамъ сѣсть на пароходъ Вардъ-Жаксонъ. „На вокзалѣ къ будущимъ бойцамъ, разсказываетъ Герценъ [102]),—присоединилась стая женщинъ, неутѣшныхъ дидонъ, оставленныхъ свирѣпыми поклонниками, и свирѣпыхъ хозяекъ домовъ, которымъ они не заплатили, вѣроятно, чтобы онѣ не дѣлали огласки. Растрепанныя, онѣ неистово кричали, хотѣли жаловаться въ полицію; у нѣкоторыхъ были дѣти; всѣ они кричали и матери кричали... Въ 10 часовъ вечера они уѣхали. Англичане имъ три раза прокричали „ура“. Пароходъ добрался до Копенгагена, затѣмъ до Мальме, гдѣ ждалъ и не дождался Бакунина, находившагося въ Швеціи, чтобы оттуда черезъ Финляндію вести пропаганду въ Россіи, и затѣмъ былъ задержанъ шведскимъ правительствомъ. Къ этому надо добавить, что во время плаванія агентъ жонда Домонтовичъ, Лапинскій и капитанъ парохода перессорились. Послѣ задержанія парохода Домонтовичъ отправился въ Стокгольмъ, гдѣ поссорился съ Бакунинымъ, а Поллесъ-Тугенбольдъ, собравъ тамъ у шведскихъ дамъ драгоцѣнности на польское дѣло, прокутилъ эти драгоцѣнности, за что попалъ въ тюрьму. 19 фев-

раля русскіе бунтари, обѣщавшіе польскимъ революціонерамъ произвести въ этотъ день переворотъ въ Россіи, разослали „свои подметныя письма, въ которыхъ выражали сочувствіе къ полякамъ и ненависть къ русскому правительству“ и предоставляли „независимость Польшѣ“. (М. Н. Катковъ. „1863 годъ“. М. 1887, т. I, стр. 30). Къ этому же времени извѣстный въ то время французскій журналистъ Эмиль Жирарденъ выпустившій въ первой половинѣ 60-хъ годовъ рядъ брошюръ по польскому вопросу, напечаталъ въ парижской газетѣ „La Presse“ письмо къ императору Александру II, въ которомъ говорилъ: „Какая нужда вамъ, государь, имѣть шестью милліонами подданныхъ больше или меньше, вамъ, властителю самаго обширнаго государства, какое когда либо существовало“... Онъ предлагалъ государю даровать полякамъ политическую независимость и притомъ при условіи, чтобы между Россіей и Польшей не было „никакихъ преградъ, ни военныхъ, ни таможенныхъ“. *).

Бѣлые, въ первыя шесть недѣль возстанія относившіеся къ нему отрицательно, въ половинѣ февраля измѣнили образъ дѣйствій. У нихъ явилась увѣренность, что Франція приметъ активное участіе въ польскомъ дѣлѣ. Въ первые дни возстанія главный органъ бѣлыхъ—краковская газета „Часъ“, какъ уже замѣчено выше, старался придать вспыхнувшему мятежу значеніе случайной мелкой вспышки и утверждалъ, что онъ вызванъ русскими, и что русскіе раздуваютъ вѣсти о немъ. „Когда несчастіе случилось,—пишетъ Козьмянъ [103])—когда возстаніе вспыхнуло, великой была горесть отеля Ламберъ, но нѣмой, что не подобало политическому органу, на которомъ тяготѣла значительная часть отвѣтственности за оборотъ, какой приняли событія. Но отель Ламберъ опирался на разсчетъ, что Наполеонъ поможетъ. А такъ какъ Наполеонъ и его органы не осудили въ первый моментъ возстаніе, хотя высказали сожалѣніе по поводу того, что оно вспыхнуло, отель Ламберъ не счелъ поэтому нужнымъ осудить возстаніе и даже полагалъ, что это противорѣчило бы его образу дѣйствій и было бы вреднымъ для дѣла. Впрочемъ, онъ могъ ожидать осужденія прежде всего со стороны солидныхъ элементовъ края, т. е. бѣлыхъ, забывая, что они въ свою очередь сообразовались съ его образомъ дѣйствій“. Выражаясь проще, отель Ламберъ, какъ и бѣлые въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, въ Кіевѣ, въ Познани и въ Галиціи, колебался. Они съ

*) Нынѣшніе польскіе политиканы, добиваясь обособленія Привислинья во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, подобно Жирардену, не желаютъ таможенной границы, такъ какъ Привислинье, вывозя много издѣлій внутрь Россіи и на ея восточныя окраины, обогащается на счетъ этого вывоза.

одной стороны поджигали населеніе, съ другой — боялись неудачнаго исхода возстанія и старались до времени отложить мятежъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасались сдерживать, полагая, что въ такомъ случаѣ потеряютъ популярность, и смотрѣли сквозь пальцы на дѣятельность красныхъ, утѣшая себя фразой, что „бѣшеное колесо нужно во всякой машинѣ, иначе она остановится“ (слова гр. Андрея Замойскаго). Въ ноябрѣ 1862 г., въ день 32-ой годовщины польскаго возстанія 1830—31 годовъ В. Чарторыйскій сказалъ рѣчь, въ которой высказывался противъ новаго возстанія, но на дѣлѣ онъ не противился подготовкѣ возстанія въ надеждѣ, что Наполеонъ поддержитъ мятежъ, если онъ вспыхнетъ. Въ началѣ возстанія, когда диктаторомъ былъ выбранъ Мѣрославскій, бѣлые изъ одного самолюбія смотрѣли косо на возстаніе и когда Чарторыйскій сообщилъ бѣлымъ, что возстаніе не отвѣчаетъ планамъ Наполеона, бѣлые еще болѣе отстранились отъ возстанія, но скоро измѣнилось положеніе вещей.

Несмотря на сочувствіе большинства прусскаго парламента къ полякамъ, *) Бисмаркъ предложилъ свои услуги Россіи тотчасъ послѣ начала возстанія. Происходившіе очень недолго переговоры по этому вопросу привели къ заключенію русско-прусской конвенціи, вызвавшей въ прусскомъ парламентѣ цѣлую бурю. Бисмаркомъ руководили при этомъ два соображенія: во-первыхъ, онъ хотѣлъ этимъ шагомъ дать окончательный перевѣсъ той партіи въ Петербургѣ, которая стремилась къ сближенію съ Пруссіею, а во-вторыхъ, онъ опасался, что возстаніе поляковъ въ Россіи приведетъ къ тому же результату въ Пруссіи, и что въ случаѣ успѣха возстанія въ Россіи независимая Польша захочетъ присоединить къ себѣ прусскія польскія области. Въ случаѣ осложненій въ русской Польшѣ Бисмаркъ допускалъ возможность прусской оккупаціи ея („Русскимъ Польша въ самомъ дѣлѣ въ тягость, самъ императоръ Александръ признавался мнѣ въ этомъ въ Петербургѣ“,—говорилъ онъ въ частныхъ бесѣдахъ), а на случай, если бы рѣшено было европейскими державами создать самостоятельную Польшу, онъ предполагалъ противопоставить кандидатурѣ принца Наполеона кандидатуру онѣмеченнаго польскаго князя Радзивилла. О прусской оккупаціи Привислинья Бисмаркъ, какъ видно изъ польскихъ источни-

*) Объ этомъ сочувствіи нѣмцевъ полякамъ М. Н. Катковъ писалъ: „Прусскіе прогрессисты себѣ на умѣ въ своемъ великодушіи къ Польшѣ: опозиціонные члены очень ясно говорили въ прусской палатѣ депутатовъ, что Пруссія ни за что не уступитъ полякамъ ни Данцига, ни Эльбинга, и ни одной пяди земли, обработанной нѣмецкой предпріимчивостью. За такое великодушіе нѣмецкіе прогрессисты утѣшаютъ себя надеждой, что поляки откажутся въ ихъ пользу отъ притязаній на наши остзейскія губерніи“. („1863 годъ“. Стр. 35).

ковъ, вступалъ даже въ переговоры съ нѣкоторыми русскими поляками. Когда огласился фактъ заключенія русско-прусской конвенціи, Франція вступила въ переговоры съ Англіею и Австріею, а отель Ламберъ, получивъ соотвѣтственное указаніе отъ Наполеона, предписалъ бѣлымъ принять участіе въ возстаніи и расширить его территорію.

Въ это время въ Вильну пріѣхалъ изъ Петербурга Сѣраковскій, который подъ псевдонимомъ Доленги провозгласилъ себя литовскимъ и ковенскимъ воеводою, сформировалъ большой отрядъ въ 3.000, если не болѣе, человѣкъ и отправился въ Курляндію ожидать парохода Лапинскаго, о которомъ разсказано выше. Бѣлые, примыкая къ возстанію, постарались захватить власть въ свои руки. Дирекція бѣлыхъ съ уходомъ изъ нея въ концѣ 1862 г. Юргенса, Кроненберга и Замойскаго существовала лишь короткое время подъ предсѣдательствомъ Рупрехта и то лишь номинально, не проявляя своей дѣятельности. Когда же получилось предложеніе отеля Ламбера примкнуть къ возстанію, „Часъ“ заговорилъ о всенародномъ возстаніи и сталъ усиленно прославлять побѣды повстанцевъ. Помѣщики начали снабжать повстанцевъ фуражемъ, лошадьми, подводами, „Земское Кредитное Общество“ съ его отдѣленіями выдавало повстанцамъ деньги, и главари бѣлыхъ вступили въ переговоры съ Лянгевичемъ, который, условившись съ ними, провозгласилъ себя диктаторомъ. Въ выпущенной по этому поводу прокламаціи Лянгевичъ заявилъ, что онъ принимаетъ на себя диктатуру по порученію временнаго жонда. Послѣдній, озадаченный этой прокламаціей, выпущенной Лянгевичемъ 25 февраля, рѣшилъ однако примириться съ совершившимся фактомъ и заявить, что онъ слагаетъ съ себя власть въ руки диктатора, а самъ согласно распоряженію Лянгевича обращается въ диктаторскую исполнительную коммисію [104]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ жондъ увѣдомилъ Лянгевича, что его диктатура признана лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ удалилъ изъ числа окружающихъ его вредныхъ лицъ, т. е. бѣлыхъ, и предсѣдатель жонда Бобровскій отправился къ Лянгевичу, чтобы „распутать интригу бѣлыхъ“, а Мѣрославскій, находившійся въ это время въ Вѣнѣ, напечаталъ въ одной изъ тамошнихъ газетъ письмо о незаконномъ захватѣ Лянгевичемъ диктаторской власти.

Издавъ воззваніе о своей диктатурѣ, Лянгевичъ обратился съ письмомъ къ великому князю намѣстнику. Это письмо взялся передать намѣстнику извѣстный въ свое время шахматистъ Петровъ. Петровъ былъ женатъ на дочери варшавскаго генерала Погодина. Петровы были извѣстны въ польскихъ кругахъ, какъ „безвредные русскіе“, и жена Петрова даже дала Гиллеру деньг

на изданіе „Воскресной Библіотеки“. У Петрова было помѣстье въ келецкой губерніи. Лянгевичъ захватилъ Петрова въ плѣнъ, устраивалъ при немъ ученія въ своей бандѣ, объѣзжалъ ряды, причемъ повстанцы кричали „ура“. „Въ общемъ Петровъ—разсказываетъ Бергъ,—какъ человѣкъ не военный, какъ имѣвшій къ полякамъ слабость и желавшій имъ въ душѣ всякихъ успѣховъ, добра и счастья, былъ болѣе очарованъ, нежели разочарованъ арміею Лянгевича. Повстанскій генералъ представлялся ему долго, до конца жизни, настоящимъ генераломъ. Онъ говорилъ о немъ не иначе, какъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. На это то и били захватившіе Петрова въ плѣнъ высшіе чины воеводскаго штаба, чтобы Петровъ, человѣкъ почтенный, самъ чина генеральскаго, называвшійся въ обществѣ зачастую сенаторомъ, разсказалъ по возвращеніи въ Варшаву о разныхъ видѣнныхъ имъ чудесахъ и страхахъ, давая однако разсказу своему тотъ оттѣнокъ, что все это срашное войско, знакомое со всѣмъ, что нужно знать войску, значительно намуштрованное и весьма сносно вооруженное, вообще войско—хоть куда, а задней стороны медали Петровъ видѣть не могъ и не умѣлъ“ [105]). Петрову предложили прислать изъ его имѣнія лошадей, барановъ овса, водки и муки и, продержавъ нѣсколько дней, отпустили, взявъ съ него обѣщанія, что онъ внесетъ на „лагерныя нужды“ 1.500 р. и свезетъ письмо намѣстнику.

Провозгласивъ себя диктаторомъ, Лянгевичъ привелъ въ порядокъ свой нѣсколько разъ разбитый отрядъ, въ это время достигшій снова 3.600 человѣкъ и раздѣленный на пѣхотную бригаду, въ которую, между прочимъ, входилъ полкъ Зуавовъ подъ командою французскаго авантюриста Рошебрюна, и на кавалерійскую бригаду (кромѣ того были двѣ пушки, взводъ саперъ и 20 человѣкъ „гевалтигеровъ“ для полицейской службы, полевой аудиторіатъ, аптека, типографія, повозки, доктора, капелланы (10 ксендзовъ), интендантъ), произвелъ въ генералы своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и окружилъ себя многочисленной свитой. Изъ-за чиновъ, званій, изъ-за желанія каждаго быть на первомъ мѣстѣ тотчасъ же пошли ссоры. Появившіеся вблизи русскія войска заставили Лянгевича двинуться изъ-подъ Гощи, гдѣ онъ расположился. 5 марта ген. Ченгери настигъ Лянгевича и нанесъ ему значительный ударъ, а 6 марта подъ деревней Гроховиски произошло новое столкновеніе, въ концѣ сломавшее Лянгевича. Въ ночь на 7 марта Лянгевичъ собралъ по этому поводу военный совѣтъ. Онъ сказалъ рѣчь, въ которой указалъ, что „несмотря на побѣды, банда окружена русскими, и что изъ Радома выступила противъ нихъ дивизія кн. Урусова“. Совѣтъ рѣшилъ, „что пребываніе диктатора всей Польши

при одномъ изъ отрядовъ не выдерживаетъ критики ни въ политическомъ, ни въ военномъ отношеніи" и въ 5 часовъ утра диктаторъ съ приближенными и съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ, „распуская между повстанцами, которыхъ они встрѣчали, слухъ, что ѣдутъ на рекогносцировку, выѣхали изъ Велеча по направленію къ Вислицѣ. Въ 9 час. кавалькада достигла Вислицы и остановилась на базарной площади купить хлѣба и водки. Евреи страшно перепугались, чтобы слѣдомъ за диктаторомъ не появился русскій отрядъ, и чтобы скорѣе сбыть дорогихъ гостей, одинъ изъ нихъ крикнулъ: „русскіе идутъ!" Мѣра эта удалась вполнѣ, и вся группа всадниковъ, быстро сѣвъ на копей, ускакала, свернувъ къ Опатовцу, причемъ мостъ черезъ р. Ниду по приказанію Лянгевича былъ сожженъ. Вечеромъ того же дня Лянгевичъ, переправившись на челнокѣ съ Пустовойтовой на правый берегъ Вислы (въ д. Усцы), былъ узнанъ и арестованъ австрійскими властями" [106]). Такимъ образомъ, диктатура Лянгевича продолжалась всего нѣсколько дней. Авейде говоритъ объ этой диктатурѣ: „дѣятельность Лянгевича ограничилась тѣмъ, что онъ отпраздновалъ кутежомъ свою диктатуру, образовалъ многочисленный штабъ, произвелъ много генераловъ и полковниковъ, давалъ шумные обѣды"... („Записки", т. IV, стр. 27). Многіе изъ повстанцевъ отряда Лянгевича, узнавъ о его побѣгѣ въ Австрію, послѣдовали его примѣру, но Чаховскій, бывшій въ отрядѣ Ляпгевича, не сложилъ оружія, и затѣмъ весной 1863 года его отрядъ сталъ однимъ изъ главныхъ повстанскихъ отрядовъ. Съ разбитіемъ обоихъ диктаторовъ Мѣрославскаго и Лянгевича оставался еще на полѣ дѣйствій кандидатъ въ диктаторы воевода Падлевскій, дѣйствовавшій подъ псевдонимомъ Боціора. Его планъ напасть на Новогеоргіевскъ въ ночь съ 10 на 11 января и овладѣть этой крѣпостью не былъ приведенъ въ исполненіе по своей совершенной несостоятельности. Но онъ собралъ къ концу января большой отрядъ (до 2.500 чел.) и въ глухой лѣсистой мѣстности между р. Наревомъ и Бугомъ устроилъ свою главную квартиру. Въ его отрядѣ было много „варшавскихъ дѣтей", т. е. жителей Варшавы, подлежавшихъ набору, завербовалъ онъ также въ свой отрядъ нѣкоторое число курпяковъ (небольшое племя, живущее въ плоцкой и ломжинской губ.), извѣстныхъ, какъ хорошіе стрѣлки. Онъ имѣлъ нѣсколько неудачныхъ стычекъ съ русскими. „Наивность, непониманіе военныхъ требованій, игра въ патріотизмъ, постоянное бѣгство отъ русскихъ отрядовъ, сопровождаемое громкими фразами, лживыми обѣщаніями побѣды", — такъ характеризуется дѣятельность Падлевскаго Геске-томъ [107]). Потерпѣвъ рядъ пораженій и узнавъ о диктатурѣ Лян-

гевича, который немедленно произвелъ Падлевскаго въ генералы, Падлевскій распустилъ свою крайне деморализованную и постоянно выказывавшую неповиновеніе банду и подалъ прошеніе жонду объ отставкѣ. Предсѣдатель жонда, называвшагося тогда исполнительной диктаторской коммисіей, Бобровскій, суля Падлевскому блестящую будущность, убѣдилъ его въ письмѣ остаться на повстанской службѣ. Падлевскій, жившій у одного помѣщика, вошелъ въ переговоры съ повстанской организаціей въ Пруссіи о присылкѣ оттуда волонтеровъ и приступилъ къ организаціи новаго отряда. 10 апрѣля Падлевскій отправился на прусскую границу для встрѣчи отряда волонтеровъ, но былъ арестованъ, пробовалъ откупиться, но безуспѣшно. Онъ былъ преданъ военно-полевому суду въ Плоцкѣ и казненъ.

Къ концу марта возстаніе замѣтно утихло. Главнѣйшія банды были разбиты, но это принесло намъ мало пользы, потому что въ Галиціи въ это время подготовлялись новыя банды и революціонная организація мятежа не была разоблачена и продолжала дѣйствовать. Раскрыть же организацію было трудно, такъ какъ всѣ высшіе слои населенія съ чиновничествомъ и полиціею были втянуты въ дѣло возстанія, дѣйствія же начальника гражданскаго управленія царства маркиза Велепольскаго носили двойственный характеръ, а организація возстанія была такова, что низшіе органы не знали высшихъ. Многія лица дѣйствовали подъ псевдонимами. Велепольскій-же во многомъ парализовалъ дѣйствія войскъ и вызывалъ несогласія между великимъ княземъ и командовавшимъ войсками ген. Рамзаемъ, закончившіяся увольненіемъ ген. Рамзая и принятіемъ командованія войсками самимъ великимъ княземъ, но одновременно съ назначеніемъ (17 марта) великаго князя главнокомандующимъ, была учреждена должность помощника главнокомандующаго, которую занялъ финляндскій губернаторъ гр. Ф. Ф. Бергъ. Самъ часто дѣйствовавшій рѣшительно, а подчасъ грубо, самъ жаловавшійся на мягкость великаго князя-намѣстника, самъ требовавшій, чтобы его сыну, котораго онъ назначилъ президентомъ гор. Варшавы, была дана военная власть и разрѣшеніе дѣйствовать круто, Велепольскій поднималъ шумъ по поводу всякаго энергическаго шага русскаго военнаго начальника или чиновника. Когда въ самомъ началѣ возстанія отрядъ ген. Хрущева, очистилъ отъ повстанцевъ гор. Томашевъ Люблинской губ., захваченный было ими, причемъ повстанцы стрѣляли изъ оконъ домовъ, такъ что пришлось брать дома штурмомъ, Велепольскій заговорилъ о разгромѣ Томашева, требовалъ слѣдствія. Одна изъ таможенъ, управляемая русскимъ, строго относилась къ пріѣзжимъ изъ-за

границы, между тѣмъ какъ въ большинствѣ таможенъ чиновники-поляки изъ „патріотизма“, нѣкоторые-же русскіе изъ страха передъ повстанцами или за деньги смотрѣли сквозь пальцы. На строгость таможни маркизу пожаловались, маркизъ велѣлъ сдѣлать выговоръ за излишнюю строгость, особенно въ отношеніи дамъ. Какъ только таможня, получивъ выговоръ, оставила свое усердіе, черезъ нее стали проѣзжать дамы въ кринолинахъ, провозя револьверы для повставцевъ. Очевидно, жалоба была сдѣлана съ умысломъ, чтобы дать возможность этимъ дамамъ провести револьверы. Дѣло разоблачилось, когда револьверы были уже провезены.

Въ мартѣ Н. В. Бергъ писалъ въ „Петербургскія Вѣдомости“: „Въ Варшавѣ дѣлается теперь много преудивительныхъ вещей. Напримѣръ, всякій день выходитъ изъ Варшавы человѣкъ 20 и болѣе, изъ которыхъ половина женщинъ, и каждый подобный субъектъ получаетъ отъ такъ называемаго начальника города особый билетъ, гдѣ прописано, куда идти и что дѣлать. Эти билеты, а равно и газета „Рухъ“ и военныя вѣдомости печатаются гдѣ-то тутъ, и остановить этого никто не въ силахъ. И не слышно, чтобы кого-нибудь поймали. Убѣжавшіе изъ города и служившіе въ войскахъ Лянгевича или въ другихъ польскихъ бандахъ, возвращаются и живутъ снова въ Варшавѣ. Потомъ иные опять уходятъ. Наконецъ, въ послѣднее время стали ходить по домамъ „квестари“— на подобіе обыкновенныхъ польскихъ „квестарей“, какіе ходили всегда, собирая на бѣдныхъ. Только новые „квестари“ дѣйствуютъ гораздо безцеремоннѣе. Большею частью они являются въ русскихъ домахъ, когда нѣтъ мужчинъ, и требуютъ у запуганнаго женскаго пола денегъ на раненныхъ. Разсказываютъ, что одинъ такой, придя въ домъ г-жи Д—вой, когда она была совершенно одна, потребовалъ на раненныхъ 10 руб., хозяйка перетрусила, собрала кое какъ всякой мелочью три рубля и отдала ему, сказавъ, что больше нѣтъ, дѣлай что хочешь. „Квестарь“ взглянулъ на нее сердито и проговорилъ уходя: славный будетъ окорокъ на свѣтлый праздникъ! (барыня была полная). Дѣло въ томъ, что поляки распускаютъ слухъ, будто бы къ празднику произойдетъ всеобщее возстаніе и всѣхъ насъ перерѣжутъ“. Лживые слухи о польскихъ побѣдахъ, лживыя о томъ вѣсти, что со дня на день долженъ появиться Наполеонъ на Вислѣ съ флотиліею, лживыя извѣстія о новыхъ громадныхъ повстанскихъ отрядахъ, о томъ, что Гарибальди спѣшитъ на помощь, терроръ, наводимый повстанскимъ жондомъ,— все это питало возстаніе.

А главные вожаки возлагали свои надежды на Европу, на папу, прославшаго черезъ іезуита Кульчицкаго „благословеніе“ пол

станцамъ, на „революцію“ въ Россіи. Во французскомъ парламентѣ произносились рѣчи, окрылявшія польскія надежды. Характерна рѣчь принца Наполеона во французскомъ сенатѣ, осмѣянная Катковымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ отъ 16 марта 1863 г.). „Но вотъ—писалъ Катковъ,—на сцену выступаетъ принцъ Наполеонъ и начинается представленіе: чего я хочу, спрашиваетъ онъ: „войны?—нѣтъ!“ Этотъ принцъ знаетъ, что такое война; онъ помнитъ, какое это непріятное было дѣло, когда во время крымской кампаніи его вдругъ сдѣлали начальникомъ дивизіи; онъ помнитъ, какихъ усилій стоило ему во время итальянской кампаніи держаться со своею дивизіею, какъ можно по-дальше отъ поприща военныхъ дѣйствій, онъ, вѣроятно, не забылъ также и своей исторіи съ герцогомъ Омальскимъ, гдѣ на отпоръ тоже не хватило у него мужества. То ли дѣло жить себѣ не въ свою голову на дачѣ въ Елисейскихъ поляхъ и съ задняго крыльца принимать къ себѣ и угощать на славу вліятельныхъ людей изъ революціонныхъ партій всѣхъ странъ Европы! Такъ, значитъ, принцъ хочетъ мира? „Нѣтъ я не хочу и мира“ отвѣчаетъ онъ: что можно сдѣлать, до какихъ предѣловъ можно идти, я не знаю, я не долженъ знать“ прибавляетъ онъ съ видомъ человѣка, посвященнаго во всѣ тайны и революціонеровъ, и императорскаго французскаго правительства. „Я допускаю, что вы (сенатъ) ничего не сдѣлаете для Польши, но императоръ (Наполеонъ) сдѣлаетъ что-нибудь,—я въ этомъ убѣжденъ. Я вѣрю въ его намѣренія, въ его сердце“. Увѣренность эту придаетъ ему отчасти видъ государственнаго министра Франціи графа Валевскаго, который въ свою молодость храбро исполнилъ долгъ польскаго патріота на поляхъ битвы при Гроднѣ и Остроленкѣ и былъ потомъ дипломатическимъ агентомъ революціоннаго польскаго правительства въ Лондонѣ. „Должно спѣшить“ продолжаетъ царственный ораторъ—„дѣйствуйте какъ можно скорѣе; какъ? я не знаю, я не могу знать, но дѣйствуйте. Возстаніе будетъ длиться, пока оно будетъ поощряемо“. Итакъ, вотъ что значатъ эти таинственныя слова: „я не хочу войны, я не хочу и мира“. Двоюродный братъ императора французовъ, подавившаго революцію въ своей странѣ, хочетъ, чтобы революція поддерживалась въ Польшѣ и въ Россіи. Его посѣтители съ задняго крыльца за бокалами шампанскаго сообщили о Россіи множество интересныхъ свѣдѣній, но принцъ не выдаетъ всей ихъ тайны. Не такой онъ человѣкъ: онъ довольствуется немногими намеками. „Освобожденіе крѣпостныхъ, говоритъ онъ, породило неудовольствіе во всѣхъ, и въ дворянахъ, и въ крестьянахъ. Россія можетъ имѣть нужду во всѣхъ своихъ силахъ внутри своего собственнаго государства“. [108]).

Примкнувъ, опираясь на эти надежды къ возстанію, и провозгласивъ Лянгевича диктаторомъ, бѣлые уговорили архіепископа Фелинскаго написать письмо государю, распространенное затѣмъ во множествѣ литографированныхъ оттисковъ. Въ этомъ письмѣ Фелинскій говорилъ, что „данныя вашимъ величествомъ краю учрежденія не могутъ обезпечить счастья странѣ, что Польша не можетъ удовлетвориться административной автономіей—она требуетъ политической жизни". Далѣе заявлялось: „сдѣлай, государь, Польшу независимымъ народомъ, соединеннымъ съ Россіей только узломъ Твоей Августѣйшей Династіи". Вскорѣ послѣ обращенія къ государю съ этимъ письмомъ Фелинскій выразилъ рѣзкій протестъ по случаю казни ксендза-агитатора Конарскаго. Его отравили въ Петербургѣ, гдѣ онъ велъ себя очень дерзко. Тогда его выслали на жительство въ Ярославъ. Въ это-же время, когда Фелинскій написалъ письмо государю, высшіе чиновники-поляки стали демонстративно подавать прошенія объ отставкѣ. Послѣ бѣгства поставленнаго ими диктатора Лянгевича бѣлые въ апрѣлѣ 1863 г. образовали вмѣстѣ съ красными „народовый жондъ" (ужъ не временный). Предсѣдателя „временнаго народнаго жонда" С. Бобровскаго въ это время ужъ не было въ живыхъ. Отправившись разслѣдовать дѣло о захватѣ Лянгевичемъ диктатуры, онъ прибылъ въ Краковъ, когда Лянгевичъ уже бѣжалъ въ Австрію. Разслѣдованіе привело его къ дуэли съ секретаремъ Лянгевича гр. Грабовскимъ, который убилъ его. Нѣкоторые польскіе писатели утверждаютъ, что эта дуэль была подстроена бѣлыми, чтобы стереть съ лица земли опаснаго соперника. На это намекаетъ и братъ С. Бобровскаго въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Гр. Грабовскій былъ извѣстный дуэлистъ, а Бобровскій совсѣмъ не умѣлъ владѣть оружіемъ и былъ до крайности близорукъ. Въ составъ краснобѣлаго „народнаго жонда" въ апрѣлѣ вошли: Авейде, Рупрехтъ, Гиллеръ и Сивинскій. Состоявшій и ранѣе организаторомъ и интендантомъ Варшавы Лемпке остался въ этой должности, причемъ ему было поручено организовать команду убійцъ подъ названіемъ жандармовъ-кинжальщиковъ. Ихъ было до 200 человѣкъ, начальникомъ ихъ состоялъ выкрестъ изъ евреевъ Ляндовскій (Ляндъ), а его помощникомъ Эккертъ. Жондъ, говорившій въ своихъ воззваніяхъ о свободѣ и разныхъ благородныхъ и высокихъ принципахъ, на дѣлѣ сталъ дѣйствовать посредствомъ наемныхъ убійцъ. Ляндовскій въ своей исповѣди, написанной съ цѣлью смягчить угрожамшее ему наказаніе, говоритъ, что Лемпке надѣялся, опираясь на кинжалистовъ расширить и укрѣпить свою власть въ жондѣ и такимъ образомъ сдѣлаться хозяиномъ положенія, и что въ

кинжалисты принимались бѣдные люди, дабы дать имъ заработокъ и этимъ путемъ привязать ихъ къ жонду. Въ то же время, когда Ляндовскій сталъ начальникомъ кинжалистовъ, онъ вошелъ въ число членовъ учрежденной тогда въ Варшавѣ Мѣрославскимъ для борьбы съ жондомъ „инсуррекціонной коммисіи“. Подпольные журналы „Голосъ Пастыря“ и „Духовный Колоколъ“ издававшіеся въ это время ксендзами Стецкимъ и Вышинскимъ, которые были членами городской делегаціи при намѣстникѣ Горчаковѣ и совѣтниками намѣстника гр. Ламберта, взывали къ убійствамъ [109]). Самые богатые и вліятельные дѣятели изъ бѣлыхъ гр. В. Замойскій и Кроненбергъ благоразумно остались за кулисами новаго апрѣльскаго жонда, устроеннаго при ихъ содѣйствіи, но руководили жондомъ посредствомъ Рупрехта. Юргенсъ тоже остался за ширмами. Повстанскія суммы хранились у Кроненберга. Несмотря на то, что бѣлые въ февралѣ явно примкнули къ возстанію, маркизъ Велепольскій не переставалъ заявлять въ своемъ органѣ—„Всеобщемъ Дневникѣ“ что въ возстаніи участвуетъ небольшая горсть „демагоговъ“, и въ статьяхъ редактора этой газеты Минищевскаго по-прежнему, развивалась мысль, что возстаніе является исключительно отзвукомъ международной революціи, а польско-національная и ультрамонтанская окраска его отрицалась. Новый жондъ, возникшій въ первыхъ числахъ апрѣля, на первыхъ порахъ проявилъ кипучую дѣятельность, но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

XII.

Дипломатическое вмѣшательство Европы въ польскій вопросъ, началось съ довѣрительнаго письма Наполеона III къ императору Александру II въ половинѣ февраля 1863 г. Императоръ Александръ II далъ черезъ русскаго посла въ Парижѣ бар. Будберга вѣжливый, но вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, коимъ отказывался отъ принятія какихъ-либо обязательствъ относительно поляковъ передъ Франціей. „Передайте императору, вашему государю, — сказалъ Наполеонъ Будбергу, что если, не дай Богъ, я вынужденъ буду перейти въ противный лагерь, то почту себя крайне опечаленнымъ и несчастнымъ“, и Франція съ этого момента открыто стала во враждебное отношеніе къ Россіи. Около того же времени англійскій посолъ въ Петербургѣ вручилъ вице-канцлеру Горчакову депешу англійскаго правительства о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Горчаковъ сказалъ, что „въ интересахъ миролюбія“ онъ отказывается отвѣчать на эту депешу письменно, а на словахъ

заявляетъ, что Россія согласна, что положеніе въ Польшѣ печальное, и скорбитъ о кровопролитіи, но что возстаніе вызвано вовсе не наборомъ, который явился лишь предлогомъ къ возстанію, а давно подготовлялось эмиграціей изъ иностранныхъ городовъ, не исключая и Лондона. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ Англіи и Франціи вмѣшаться въ польское дѣло между этими двумя государствами и Австріей возникла переписка о новомъ дипломатическомъ

Вице-канцлеръ кн. А. М. Горчаковъ.

вмѣшательствѣ въ польскій вопросъ. 4 апрѣля 1863 года послы этихъ державъ въ Петербургѣ представили Горчакову списки съ полученныхъ ими отъ ихъ правительствъ депешъ по польскому вопросу. Англія основывала право вмѣшательства на вѣнскомъ трак-

татѣ 1815; Франція, не касаясь этого трактата, говорила о томъ, что польское возстаніе неблагопріятно дѣйствуетъ на спокойствіе всей Европы, а Австрія, допускавшая свободную формировку повстанскихъ отрядовъ въ своихъ предѣлахъ, заявляла, что возстаніе въ русской Польшѣ вызываетъ броженіе умовъ въ Галиціи. Вскорѣ къ Франціи, Англіи и Австріи примкнули Испанія, Швеція, Италія, Нидерланды, Данія, Португалія и Турція. Бельгія, Швейцарія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Пруссія, а по ея примѣру и остальныя германскія государства отвѣтили отказомъ на предложеніе Франціи вмѣшаться въ дѣла польскаго возстанія. Папа же Пій IX обратился съ письмомъ къ государю, жалуясь на угнетеніе католичества въ Россіи и требуя для себя права непосредственно сноситься, что̀ тайно онъ и дѣлалъ, съ католическими епископами и предоставленія католическому духовенству дѣла народнаго образованія поляковъ. Россія отвѣтила Франціи, Англіи и Австріи, что если онѣ дѣйствительно желаютъ спокойствія, то она приглашаетъ ихъ оказать нравственное содѣйствіе умиротворенію поляковъ, а остальнымъ государствамъ, что сперва нужно усмирить мятежъ, послѣ чего наступитъ пора и для проявленія милостей. Въ отвѣтѣ папѣ государь ставилъ на видъ католическому духовенству въ Россіи соучастіе въ революціи и ошибочныя и злонамѣренныя донесенія папѣ о положеніи дѣлъ въ Россіи.

По полученіи этого отвѣта папа открыто сталъ на сторону возстанія, и дипломатическія отношенія между Россіей и Ватиканомъ прервались на много лѣтъ, а Австрія, Англія и Франція, не удовлетворенныя также отвѣтами Россіи, вошли другъ съ другомъ въ переговоры о дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ пользу поляковъ. Весьма характерно, что республиканско-федеративная Швейцарія и Бельгія, пользовавшаяся широкой конституціей, отказались отъ всякаго вмѣшательства, ссылаясь на свой нейтралитетъ, а Соединенные Штаты не только отказались отъ вмѣшательства, но и сообщили Россіи свой отрицательный отвѣтъ Франціи. Кн. Горчаковъ по этому поводу заявилъ Штатамъ благодарность отъ имени государя за „добросовѣстность, съ которою они отказались нарушить во вредъ другому государству правило, нарушеніе коего не потерпѣли бы по отношенію къ своей странѣ“, и назвалъ такой образъ дѣйствій „примѣромъ прямодушія и честности, отъ котораго можетъ только возрасти уваженіе, питаемое нашимъ августѣйшимъ государемъ къ американскому народу“ [110]). Вообще отвѣты кн. Горчакова иностраннымъ державамъ отличались тактомъ и достоинствомъ и его дипломатическимъ дарованіямъ Россія въ значительной степени обязана прекращеніемъ дальнѣйшаго европейскаго вмѣшательства.

Польскіе писатели указываютъ на то, что Пруссія, заключившая съ Россіей конвенцію, дѣйствовала невполнѣ добросовѣстно. Она смотрѣла сквозь пальцы на формированіе повстанскихъ отрядовъ въ Пруссіи противъ Россіи, а Лисицкій разсказываетъ, что прусскій дипломатъ Кендель, имѣвшій помѣстье въ царствѣ польскомъ, совѣтовалъ своимъ знакомымъ полякамъ обратиться къ Пруссіи съ ходатайствомъ „временно“ занять прусскими войсками царство польское, и что позже, зимою 1864 г., Бисмаркъ входилъ объ этомъ въ переговоры съ кн. В. Чарторыйскимъ [111]).

Вмѣшательство Европы произвело сильное впечатлѣніе въ Россіи. Снисходительное и у многихъ даже сочувственное отношеніе къ полякамъ, чувство сожалѣнія по поводу кровопролитія, вызваннаго поляками въ связи съ соболѣзнованіемъ о ихъ опрометчивости,— все это стало уступать въ виду европейскаго вмѣшательства убѣжденію въ необходимости, какъ можно скорѣе покончить съ возстаніемъ, которое угрожаетъ крупными осложненіями. Правительство тоже рѣшилось покончить съ возстаніемъ. Оно сдѣлало попытку еще разъ воздѣйствовать на поляковъ милостями. 31 марта былъ изданъ манифестъ къ жителямъ царства польскаго, въ которомъ государь заявлялъ: „Мы готовы всѣ происшедшія смуты покрыть забвеніемъ и вслѣдствіе того въ горячемъ желаніи положить предѣлъ кровопролитію, столь же безцѣльному для однихъ, сколько тягостному для другихъ, даруемъ полное и совершенное прощеніе тѣмъ изъ числа вовлеченныхъ въ мятежъ подданныхъ нашихъ въ царствѣ польскомъ, которые, не подлежа отвѣтственности за какія-либо иныя уголовныя или по службѣ въ рядахъ нашихъ войскъ преступленія, сложатъ оружіе и возвратятся къ долгу повиновенія до 1 (13) будущаго мая“. Одновременно былъ объявленъ Указъ Сенату о прощеніи тѣхъ жителей западныхъ губерній, которые „возвратятся къ долгу повиновенія до 1 будущаго мая“.

Между тѣмъ патріотическое движеніе въ русскомъ обществѣ и народѣ подъ впечатлѣніемъ иноземнаго вмѣшательства и усилившагося повстанскаго террора разросталось. Въ концѣ марта петербургское дворянство подало всеподданѣйшій адресъ съ заявленіями, что „вызванныя польскими смутами притязанія на достояніе Россіи, возбуждаютъ скорбь и негодованіе“ и „да узнаютъ враги Россіи, что живъ еще въ насъ тотъ могучій духъ предковъ, коимъ создано государственное единство любезнаго нашего отечества“. А Катковъ въ статьѣ 28 марта писалъ: „Они собраній не имѣютъ, рѣчей не говорятъ и адресовъ никакихъ не посылаютъ. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ,

прежде чѣмъ люди на горахъ, люди просвѣщенные и умные, говорящіе и пишущіе, и правоправящіе—они издалека заслышали голосъ отечества и отозвались на него въ простотѣ и смиреніи сердца тихой молитвой. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣнія, они и слыхать не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣще—храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собирались молиться за упокой русскихъ солдатъ, убитыхъ въ въ бояхъ противъ польскихъ мятежниковъ, и молиться о ниспосланіи успѣховъ русскому оружію, — собирались въ то время, когда наши

М. Н. Катковъ.

враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ“ [112]). И далѣе Катковъ перечисляетъ подробно 44 молебна и панихиды, отслуженныя въ Москвѣ по желанію простонародья. Другой даровитый публицистъ И. С. Аксаковъ по поводу иностраннаго вмѣшательства говорилъ въ одной изъ своихъ статей: „Весь этотъ крикъ, визгъ и гамъ европейскихъ ораторовъ и публицистовъ съ басовымъ аккомпанементомъ государственныхъ мужей, правителей, министровъ и дипломатовъ, весь этотъ шумъ и трескъ, по истинѣ оглушительный, не долженъ ни на мигъ заглу-

шать въ насъ голосъ внутренняго сознанія своихъ правъ и своей правды. Мы должны отвѣчать только передъ собственною своею народною совѣстью, намъ необходимо самимъ сознавать себя правыми,—и если мы крѣпки такимъ всенароднымъ сознаніемъ, мы можемъ смѣло не обращать вниманія на общественное мнѣніе о насъ Европы, слагающееся изъ элементовъ невѣжества, ненависти, зависти и страха". Останавливаясь далѣе на слухѣ о проектѣ Наполеона созвать европейскій конгрессъ для рѣшенія польскаго вопроса, Аксаковъ спрашиваетъ: „какой иноземный конгрессъ въ правѣ рѣшать нашъ домашній споръ, если этотъ споръ уже рѣшенъ, такъ сказать, нашимъ собственнымъ всенароднымъ конгрессомъ, волею правительства, опирающеюся на голосъ всей русской земли?" (Соч. И. С. Аксакова. Польскій вопросъ и западно-русское дѣло. Еврейскій вопросъ. Т. III. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Стр. 34). Къ Пасхѣ петербургская дума подала всеподданнѣйшее письмо государю, послѣ чего Москва, московское дворянство, дворянства другихъ губерній и старообрядцы, одни за другими спѣшили съ адресами по поводу возстанія и вмѣшательства Европы. Русская печать отводила въ это время много мѣста польскому вопросу, и на страницахъ ея появлялись одна за другой по этому вопросу горячія и увлекательныя статьи И С. Аксакова, полныя тонкаго анализа и знанія славянства и поляковъ статьи Гильфердинга, статьи извѣстнаго знатока Западной Руси проф. М. О. Кояловича и знатока окраинной жизни Россіи Ю. Ф. Самарина. М. П. Погодинъ также откликался на польскія событія. Онъ печаталъ письма по польскому вопросу къ Гарибальди и къ Гизо и другія статьи, доказывая исконно-русскій характеръ западныхъ губерній. Но болѣе другихъ публицистовъ пріобрѣлъ вліянія М. Н. Катковъ со своимъ широкимъ государственнымъ взглядомъ на польскій вопросъ, со своими сарказмами и ироніей по адресу вмѣшивавшихся въ польское дѣло западныхъ державъ. Патріотическое движеніе, горячія статьи русской журналистики и рѣшительныя ноты кн. Горчакова убѣдили Западную Европу во внутренней силѣ Россіи, которая обнаруживалась въ это время съ такою яркостью.

Возстаніе имѣло также большое вліяніе на наше украинофильство. Главы украинофильства (Костомаровъ, Кулишъ) отшатнулись отъ поляковъ, когда вспыхнуло возстаніе, когда обнаружилась вся неправда польскихъ завѣреній о равноправности Руси (Малороссіи) и Литвы (Бѣлоруссіи) въ польскихъ глазахъ съ поляками (въ жондѣ народовомъ представители Литвы и Руси не пользовались правомъ голоса), когда поляки дѣлали попытки силой, терроромъ вовлекать крестьянъ въ возстаніе, когда стало обнаруживаться, что они ста

раются воздѣйствовать на западно-русское крестьянство ложными обѣщаніями обманомъ и доносами, когда, наконецъ, стало ясно, что польское возстаніе совершенно лишено народной почвы. На сторонѣ поляковъ оставался лишь Герценъ. Если у него передъ началомъ возстанія были сомнѣнія, то когда возстаніе разгоралось, когда въ дѣло были втянуты европейскія державы, характеръ сочувствія которыхъ Польшѣ онъ вполнѣ понималъ, онъ не могъ, конечно, не видѣть своей ошибки, но разъ вступивъ на ошибочный путь, онъ шелъ дальше по этому пути. Впрочемъ, отчасти это упорство можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ жилъ далеко отъ театра дѣйствій, что до него доходило многое въ искаженномъ видѣ. Явныя противорѣчія въ извѣстіяхъ русской печати съ одной стороны, и польской и дѣйствовавшей съ ней за одно иностранной съ другой, не давали ему возможности разобраться, гдѣ правда. Какъ показало будущее, правда была на сторонѣ русской печати. Но въ то время подача адресовъ и все патріотическое русское движеніе вызывало со стороны Герцена только насмѣшки. Кчему, восклицаетъ онъ, этотъ „патріотическій скандалъ, словно покойникъ Растопчинъ бѣгаетъ съ зажженной спичкой по Москвѣ, а покойникъ Наполеонъ ѣдетъ изъ Филей по Дорогомиловскому мосту?“ [113]). Но вѣдь если Наполеонъ I былъ покойникомъ, то Наполеонъ III былъ въ живыхъ. Герценъ увѣрялъ, что державы „помогаютъ (полякамъ) платоническимъ сочувствіемъ, корпіей, статьями и концертами, въ которыхъ послѣднюю ноту поетъ Горчаковъ“. На дѣлѣ положеніе было не такимъ, чтобы можно было ограничиваться насмѣшками съ легкимъ сердцемъ, и иностранныя государства поддерживали поляковъ не однимъ платоническимъ сочувствіемъ. Впрочемъ, Герценъ говоритъ въ своихъ посмертныхъ статьяхъ, что во время возстанія у него „на сердцѣ скреблись кошки“, но приходилось дѣлать bonne mine au mauvais jeu, такъ какъ ошибка была сдѣлана раньше, и свернуть на новый путь онъ не могъ. Когда Герценъ и почти вся западно-европейская журналистика ополчились по поводу польскаго возстанія на Россію, неожидано выступилъ противъ поляковъ, доказывая правоту Россіи, извѣстный французскій экономистъ Прудонъ. Онъ находилъ, что паденіе Польши было исторически-неизбѣжнымъ и что въ случаѣ возстановленія Польши поляки окончательно закабалили бы крестьянъ и своимъ безпокойнымъ характеромъ постоянно угрожали бы европейскому миру.

Манифестъ 31 марта о прощеніи поляковъ, которые сложатъ оружіе къ 1 мая, не имѣлъ желанныхъ послѣдствій. „Народовый жондъ“ не только призывалъ поляковъ не слагать оружія и угрожалъ всѣмъ, кто не будетъ слушаться его, но и усердно при-

нялся за подготовку возстанія въ юго-западной Россіи и, вообще, проявилъ, какъ сказано кипучую дѣятельность, установивъ жандармовъ-кинжалистовъ, казня „шпіоновъ“ и проч. Главный повѣренный бѣлыхъ въ жондѣ Рупрехтъ настоялъ на назначеніи Чарторыйскаго „заграничнымъ комиссаромъ жонда“. Представительство жонда въ Петербургѣ принялъ на себя Огрызко, которому жондъ поручилъ присылать въ Варшаву офицеровъ-поляковъ для принятія участія въ вооруженномъ мятежѣ и украсть планы крѣпостей. Планы эти укралъ, по порученіи Огрызки, военный инженеръ Калиновскій, и копіи съ нихъ были посланы жондомъ французскому правительству. Папа въ отвѣтъ на письмо жонду въ которомъ говорилось, что „война поднята за свободу, а, слѣдовательно, и за вѣру, которая стѣснена и страдаетъ“, благословилъ жондъ. Изъ Познани и Галиціи жондъ получалъ извѣстія о готовящейся помощи.

„Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ кап. Гескетъ,—что хотя фактическая, матеріальная польза, оказанная возстанію польскими провинціями, была весьма незначительна, благодаря неумѣлому обращенію центральной революціонной власти съ имѣвшимся матеріаломъ, тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ стычекъ на границѣ демонстрировалъ въ глазахъ мѣстныхъ повстанцевъ фактъ участія чего-то иноземнаго: эти несчастныя банды, разбиваемыя сразу при встрѣчѣ съ нашими отрядами, тѣмъ не менѣе, благодаря лживымъ реляціямъ, помѣщаемымъ въ подпольныхъ изданіяхъ и заграничныхъ газетахъ, дѣйствовали на воображеніе волнующихся классовъ и поддерживали губительную надежду на то, что мятежъ притянетъ вооруженное вмѣшательство западныхъ державъ. Такой подъемъ духа въ связи съ наступленіемъ весны, не только поддержалъ поднятое движеніе, но усилилъ его, благодаря энергіи нѣкоторыхъ предводителей, въ числѣ коихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Чаховскій на всемъ пространствѣ царства польскаго“ [114]) Въ сѣверо-западномъ краѣ до апрѣля 1863 г. продолжались начавшіеся еще осенью 1862 г. раздоры польскихъ вожаковъ. Не только бѣлые враждовали съ красными, но и красные между собой. Дюлоранъ, считая себя себя представителемъ варшавскихъ красныхъ, хотѣлъ играть первую роль, требуя полнаго подчиненія Литвы Варшавѣ; Калиновскій, напротивъ, былъ сторонникомъ самостоятельности Литвы и находилъ, что власть должна принадлежать ему. Когда бѣлые окончательно присоединились къ возстанію, провозгласивъ диктатуру Лянгевича и войдя въ составъ жонда, новый жондъ, признавая Сѣраковскаго воеводой Литвы, назначилъ своими уполномоченными въ сѣверо западномъ краѣ Оскерко, Еленскаго, Гейштора и Далев-

ского, а виленскій учитель Пржибыльскій отправился въ Варшаву въ качествѣ представителя Литвы при варшавскомъ жондѣ. Послѣ этого организація возстанія въ Литвѣ пошла скорѣй. Планъ Сѣраковскаго состоялъ въ томъ, чтобы изъ появившихся въ разныхъ частяхъ сѣверо-западнаго края шаекъ образовать большія банды. Звѣрждовскому онъ поручилъ при помощи студентовъ горигорѣцкаго земледѣльческаго института овладѣть Горками и затѣмъ направиться черезъ смоленскую, тверскую и московскую губерніи на Волгу и поднять на ней мятежъ, чему долженъ былъ содѣйствовать находившійся въ Казани полякъ Киневичъ. Крѣпость Двинскъ (Динабургъ) Сѣраковскій надѣялся взять безъ особыхъ усилій, въ надеждѣ, что крѣпостныя войска, съ которыми онъ старался завязать связи, когда объѣзжалъ крѣпости въ качествѣ командированнаго военнымъ министерствомъ офицера, сдадутъ её. Гр. Старжинскій, находившійся въ сношеніяхъ съ варшавскимъ жондомъ при посредствѣ Рупрехта и съ виленскимъ отдѣломъ жонда при посредствѣ Оскерки, не былъ доволенъ ходомъ дѣлъ въ Литвѣ, жаловался въ письмахъ Рупрехту, что организація вооруженнаго мятежа идетъ неуспѣшно, и предлагалъ поставить во главѣ организаціи лицо съ почти диктаторскою властью. 1-го марта, чтобы ослабить въ сѣверо-западномъ краѣ воздѣйствіе помѣщиковъ на крестьянъ, послѣдовалъ указъ, въ силу котораго повинности крестьянъ земле-владѣльцамъ были замѣнены оброкомъ; крестьяне обязаны были вносить оброкъ въ казначейство, откуда было предоставлено получать деньги помѣщикамъ. Въ юго-западномъ краѣ въ мартѣ, по указаніямъ варшавскаго жонда, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ офицера генеральнаго штаба Ружицкаго формировались банды, ожидалась присылка оружія. Ружицкій разсчитывалъ, что въ помощь ему придутъ Высоцкій, составлявшій банды въ Галицкій, и Милковскій, собиравшій рать въ Австріи и Румыніи.

Вообще, съ открытымъ присоединеніемъ къ возстанію бѣлыхъ и переходомъ жонда въ ихъ руки организація возстанія получила объединеніе, охватила болѣе широкій раіонъ и стала располагать гораздо большими денежными средствами. „Многіе бѣлые раскрыли свои кошельки, потекли пожертвованія изъ Англіи и Франціи, а кромѣ того, польскіе патріоты, разсыпанные по хлѣбнымъ мѣстамъ въ великорусскихъ губерніяхъ,—говоритъ В. Ратчъ,—внесли не одинъ милліонъ на снаряженіе мятежа“ [115])...

Назначенный жондомъ послѣ бѣгства Ляпгевича сандомирскимъ воеводой Чаховскій, бывшій офицеръ польской арміи 1815—1830 годовъ, несмотря на свои 67 лѣтъ, былъ искусный стрѣлокъ и наѣздникъ, Банда его была организована очень умѣло. Къ нему присоедини-

лось нѣсколько бандъ, такъ что его отрядъ достигалъ 1500 человѣкъ. Въ числѣ присоединенныхъ отрядовъ была конная банда мелкаго помѣщика Стамировскаго, который образовалъ эту банду безъ сношеній съ жондомъ и занимался грабежами. Жондъ предписалъ Чаховскому присоединить шайку Стамировскаго къ своему отряду, а „Стамировскаго, самовольно называющаго себя полковникомъ, казнить", что Чаховскій и исполнилъ. Вообще, Чаховскій съ одной стороны, не въ примѣръ другимъ воеводамъ, былъ точнымъ исполнителемъ приказаній жонда, а съ другой, отличаясь суровостью, часто прибѣгалъ къ жестокимъ казнямъ и, случалось, собственноручно разстрѣливалъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ. Сохранился слѣдующій разсказъ русскаго солдата Турлина: „Я увидѣлъ приближающуюся толпу мятежниковъ, впереди которыхъ вели плѣнныхъ; между ними былъ офицеръ полоцкаго полка и четыре солдата. Всѣ они были тяжело ранены, и мятежники ихъ съ побоями и бранью тащили передъ разъяренной толпой, а особенно офицера—капитана Никифорова, котораго вели въ одной рубашкѣ и босого. Вслѣдъ затѣмъ Чаховскій приказалъ позвать и насъ, и когда привели (т. е. Турлина, захваченнаго ранѣе, и радомскаго полицейскаго), то велѣно было всѣмъ исповѣдываться и готовиться къ смерти. Никифоровъ и русскіе солдаты отказались исповѣдываться передъ ксендзомъ; послѣ этого насъ всѣхъ раздѣтыхъ до-нага, изрѣзанныхъ и избитыхъ, начали вѣшать по-одиночкѣ, перваго—полиціанта, потомъ отставного солдата, мужика, далѣе капитана Никифорова, тяжело раненаго пулями въ руку и въ ногу и оставленнаго безъ перевязки. Надъ нимъ дѣлали самыя жестокія истязанія, вѣрно, за его твердость: капитанъ до послѣдней минуты былъ гордъ и не выказалъ никакого униженія ни передъ предводителемъ, ни передъ его шайкой, отвѣчалъ рѣзко Чаховскому и съ презрѣніемъ выносилъ тяжкія оскорбленія. Когда же его повѣсили, то вдругъ правая рука съ сжатымъ кулакомъ поднялась и долго грозила изувѣрамъ, что на всѣхъ произвело сильное впечатлѣніе. Послѣ капитана повѣсили еще четырехъ солдатъ Полоцкаго полка..." *) Турлину удалось избѣжать казни, такъ какъ за него вступился ксендзъ, надѣявшійся убѣдить его, какъ католика, пристать къ повстанцамъ. Потомъ Турлину удалось освободиться отъ плѣна и вернуться въ русскія войска. Онъ сталъ ярымъ врагомъ повстанцевъ и увлекалъ своимъ примѣромъ товарищей при стычкахъ съ повстанцами. Банда Чаховскаго грабила крестьянъ, и онъ часто казнилъ крестьянъ по подозрѣніямъ въ шпіонствѣ.

*) Этотъ разсказъ напечатанъ въ „Дополненіи къ журналу военныхъ дѣйствій въ царствѣ польскомъ" (къ № 23—1863 г.).

Въ теченіе апрѣля и мая наши войска имѣли цѣлый рядъ стычекъ съ Чаховскимъ частью неудачныхъ, большею же частью удачныхъ, но во всякомъ случаѣ около двухъ мѣсяцевъ Чаховскій умѣлъ избѣжать болѣе или менѣе значительнаго пораженія и, лишь въ ночь на 31 мая, былъ разбитъ небольшимъ отрядомъ барона Таубе, успѣвъ однако скрыться въ Галицію.

XIII.

Издавъ манифестъ 31 марта, правительство увидѣло, что поляки не только не слагаютъ оружіе, но даже усиливаютъ мятежъ, и потому утвердилось въ рѣшеніи путемъ энергичныхъ мѣръ положить предѣлъ возстанію. 17 апрѣля государь, увидѣвъ М. Н. Муравьева въ церкви Зимняго Дворца, заговорилъ съ нимъ о недавнемъ нападеніи повстанцевъ около Двинска въ Витебской губ. на военный транспортъ. Вскорѣ затѣмъ Муравьевъ былъ приглашенъ къ государю, причемъ императоръ высказалъ сомнѣніе въ возможности удержать за Россіей Литву, а 1 мая послѣдовало назначеніе Муравьева виленскимъ ген.-губернаторомъ вмѣсто В. И. Назимова, который не въ силахъ былъ справиться съ мятежемъ [116]).

Къ пріѣзду Муравьева въ Вильну весь край былъ охваченъ мятежомъ, несмотря на то, что въ мартѣ и въ началѣ апрѣля много шаекъ было разбито войсками. Въ ковенской и гродненской губерніяхъ бродило нѣсколько шаекъ, въ минской—банды Траугута и Свенторжецкаго. Въ ковенской губерніи во главѣ банды находился воевода Сѣраковскій. 25 апрѣля маіоръ Мерлинъ настигъ Сѣраковскаго у деревни Медейки и нанесъ ему пораженіе, а 26 генералъ Гонецкій послѣ упорнаго боя окончательно разбилъ его банды и взялъ въ плѣнъ, а на слѣдующій день разсѣялъ остатки банды его и присоединившуюся къ этой бандѣ шайку ксендза Мацкевича. Такимъ образомъ, къ пріѣзду Муравьева въ Вильну (14 мая), литовскій воевода Сѣраковскій былъ уже въ плѣну, но шайки Мацкевича, Траугута и другихъ бродили по лѣсамъ и деревнямъ.

По дорогѣ въ Вильну Муравьевъ остановился въ Двинскѣ, произнесъ здѣсь рѣчь къ представителямъ дворянства, напоминая имъ о вѣрноподданническомъ долгѣ, принялъ мѣры къ оборонѣ крѣпости на случай нападенія на неё и утвердилъ смертный приговоръ по дѣлу гр. Плятера, руководившаго нападеніемъ на военный транспортъ подъ Двинскомъ. Это нападеніе было отбито при помощи мѣстныхъ старообрядцевъ, и поляки пытались—было представить дѣло такъ, что никакого нападенія не было съ польской стороны, а что былъ бунтъ старообрядцевъ, въ чемъ находили поддержку у нѣкоторыхъ виленскихъ властей.

Прибывъ въ Вильну, Муравьевъ, принимая чиновниковъ, „высказалъ свой взглядъ на управленіе и потребовалъ, чтобы всѣ лица, несогласныя съ его взглядомъ на дѣло, немедленно выходили въ отставку“. По уходѣ представлявшихся Муравьева посѣтилъ митро-

Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій.

(Съ портрета, находящагося въ виленскомъ Муравьевскомъ музѣе).

политъ Сѣмашко, а затѣмъ явилось православное духовенство, которому новый генералъ-губернаторъ „много говорилъ о его значеніи въ этомъ краѣ, ободрилъ его и обѣщалъ во всемъ содѣйствіе и огражденіе, требуя въ свою очередь усиленной дѣятельности и пол-

наго самоотверженія". При представленіи католическаго духовенства епископъ Красинскій распространился о ничтожныхъ размѣрахъ возстанія и назвалъ усмиреніе возстанія „охотой за повстанцами".

Гр. Ф. Ф. Бергъ.

(Съ фотографической карточки работы И. Мечковскаго въ Варшавѣ).

Муравьевъ „строго ему замѣтилъ неточность его выраженій и объяснилъ ему необходимость, чтобы римско-католическое духовенство,

пользующееся такимъ огромнымъ вліяніемъ, подало примѣръ преданности законному правительству и чтобы онъ, стоящій во главѣ духовенства, принялъ чрезвычайныя мѣры къ удержанію его отъ мятежа и къ увѣщанію римско-католической паствы своей. На это епископъ улыбнулся и высказалъ, что онъ не можетъ унять неудовольствій, охватившихъ край, но что подчиненное ему духовенство вполнѣ благонадежно; тогда генералъ-губернаторъ нашелся вынужденнымъ представить ему нѣсколько случаевъ, несогласныхъ съ этимъ заключеніемъ, и напомнилъ, что политическія тюрьмы не напрасно наполнены ксендзами.

Временная облигація національнаго повстанскаго займа 1863 г.

(Снимокъ съ подлинной облигаціи изъ коллекціи В. П. Афанасьева).

— Я не могу ручаться ни за чьи убѣжденія,—возразилъ епископъ.

— Но вы должны отвѣчать за вашихъ подчиненныхъ“ [117]).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вильну гр. Муравьева былъ приговоренъ къ смертной казни ксендзъ Ишора, призывавшій народъ въ костелѣ къ возстанію. Вожаки поляковъ распустили слухъ, что казнь не будетъ совершена, „что это безразсудный вызовъ намъ, что вся латинская Европа вторгнется въ предѣлы Россіи искать возмездія, что это только устраивается шутка для театральнаго эффекта — напуска страха и потомъ помилованія“ [118]). Но казнь

совершилась и произвела громадное впечатлѣніе. 11 мая послѣдовало высочайшее повелѣніе, предоставлявшее начальникамъ учреждаемыхъ въ сѣверо-западномъ краѣ военно-полицейскихъ управленій право конфиризовать и немедленно исполнять приговоры военныхъ судовъ, а 24 появилась составленная гр. М. Н. Муравьевымъ „Инструкція для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ виленской, ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губ.“. Инструкція предписывала строго соблюдать военное положеніе, учредить въ каждомъ уѣздѣ военно-полицейское управленіе, начальники которыхъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть, вести точную регистрацію населенія, образовать „сельскую стражу, собственно для огражденія сельскихъ жителей отъ грабежа и неистовства, дѣлаемыхъ мятежными шайками“, установить на дорогахъ обывательскіе караулы и, гдѣ нужно, конные разъѣзды, очищать уѣзды отъ шаекъ и наблюдать, чтобы не возникали новыя, у шляхты, ея прислуги и ксендзовъ немедленно отобрать оружіе, неблагонадежныхъ лицъ немедленно брать подъ стражу, возложить на отвѣтственность помѣщиковъ и ихъ управляющихъ появленіе шаекъ въ ихъ имѣніяхъ, предупредить помѣщиковъ, что имъ угрожаетъ строгое наказаніе за укрывательство мятежниковъ, а ксендзамъ, что они будутъ судимы по всей строгости военныхъ законовъ за содѣйствіе мятежу, военный судъ кончать безъ замедленія, на имѣнія помѣщиковъ, содѣйствующихъ мятежу налагать штрафы и секвестръ, чиновниковъ, содѣйствующихъ мятежу, немедленно брать подъ арестъ и предавать суду, обязать лѣсничихъ очищать лѣса отъ шаекъ, возложить на имѣнія помѣщиковъ, содѣйствовавшихъ мятежу содержаніе войскъ [119]). Рядомъ изложенныхъ, строго обдуманныхъ и составляющихъ стройную систему мѣръ гр. Муравьевъ сразу затормазилъ дальнѣйшее развитіе мятежа.

Почти одновременно съ назначеніемъ Муравьева въ Вильну, въ Варшаву былъ командированъ генералъ-адъютантъ гр. Адлербергъ для переговоровъ съ великимъ княземъ и гр. Бергомъ о болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ по усмиренію возстанія въ царствѣ.

Рѣшимость правительства энергичнѣе приняться за прекращеніе мятежа не удержала поляковъ отъ подготовлявшагося жондомъ вооруженнаго возстанія въ юго-западномъ краѣ. Тамъ возстаніе возникло въ ночь съ 26 на 27 апрѣля. Оно продолжалось всего около 6 недѣль. Жондъ народовый въ Варшавѣ возвѣстилъ 12 мая о началѣ возстанія въ юго-западной Россіи прокламаціей, въ которой говорилось, что „Русь, уже 5 вѣковъ дѣлящая съ нами злую и добрую участь, по неблагопріятнымъ

условіямъ, въ которыхъ существуетъ“, до сихъ поръ не могла возстать, но что теперь для нея настало „время боя и славы“, и что

Арсеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

„26 апрѣля Русь возстала на всемъ своемъ пространствѣ отъ Буга до Днѣпра, отъ истоковъ Припети до далекихъ предѣловъ Украйны, возстала сильная вооруженіемъ и вѣрой въ лучшую будущность,

съ воинственнымъ кликомъ „слава Богу“, передъ которымъ въ 1831 году трепетала Москва“. Иностранная печать: французская, англійская, германская, австрійская и, конечно, заграничная польская, увѣряли, что возстаніе охватило весь югъ Россіи, что городское и крестьянское населеніе сочувствуетъ повстанцамъ, что образовались повстанскіе казачьи полки, что повстанцы одерживаютъ побѣду за побѣдой. На дѣлѣ ничего подобнаго не было. Въ брошюрѣ „Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г.“, изданной въ Кіевѣ за подписью профессоровъ кіевскаго университета и въ числѣ ихъ извѣстнаго политико-экономa, впослѣдствіи министра финансовъ Н. Х. Бунге, Н. К. Ренненкампфа, автора „Философскаго Словаря“ Гогоцкаго и другихъ, вспышка вооруженнаго возстанія въ юго-западныхъ губерніяхъ разсказана весьма обстоятельно и безпристрастно. „Въ ночь съ 26 на 27 апрѣля,— говорится въ этой брошюрѣ,—жители Кіева услышали въ необычное время сильную ѣзду, а по утру узнали, что вслѣдъ за партіей вооруженныхъ мятежниковъ, которые, пользуясь темнотою ночи, вышли изъ города по одиночкѣ, по направленію житомирской дороги, были отправлены войска. Ввечеру 27 апрѣля проходила уже черезъ Кіевъ первая партія забранныхъ въ плѣнъ повстанцевъ, и нѣкоторые изъ насъ были свидѣтелями пріема, который сдѣлалъ имъ народъ. Толпа провожала плѣнныхъ до самой крѣпости свистомъ, насмѣшками и крикомъ. Эти сцены повторились на другой, и на третій день. Польки, которыя носили глубокій трауръ, вдругъ исчезли съ улицъ и показывались только въ сѣрыхъ платьяхъ, а иногда и съ цвѣтными лентами. Одновременно съ выходомъ повстанцевъ изъ Кіева движеніе обнаружилось и въ другихъ мѣстахъ губерній кіевской и волынской...“ Въ подольской губерніи вооруженнаго возстанія не было, главнымъ образомъ, потому, что вслѣдствіе безлѣсья этой губерніи вожаки возстанія признали её совершенно неудобной для повстанскихъ дѣйствій. Главнымъ средоточеніемъ возстанія въ кіевской губ. былъ васильковскій уѣздъ, въ которомъ находятся большія имѣнія графовъ Браницкихъ. Въ волынской губ. былъ собранъ большой повстанскій отрядъ Ружицкимъ въ м. Полонномъ. Уходя отъ преслѣдованія нашими войсками, Ружицкій перешелъ было въ подольскую губернію, но вскорѣ вернулся въ волынскую и 12 — 13 мая былъ разбитъ. Авторы цитированной кіевской брошюры, изложивъ ходъ вооруженнаго возстанія въ юго-западномъ краѣ и перечисливъ столкновенія повстанцевъ съ войсками, заключаютъ: „Возстаніе въ трехъ западныхъ губерніяхъ не имѣло ни малѣйшаго успѣха, если не считать побѣдами истинно азіатской казни станціоннаго смотрителя, повѣшеннаго за

ноги, разграбленія почтовой конторы и акцизнаго управленія въ Полонномъ, наконецъ, уничтоженія нѣсколькихъ шкафовъ съ дѣлами въ ненавистныхъ мятежнымъ полякамъ волостныхъ правленіяхъ". Крестьяне почти вездѣ въ юго-западномъ краѣ вязали повстанцевъ и принимали самое дѣятельное участіе въ преслѣдованіи повстанскихъ бандъ. „Золотыя грамоты" *) никакого успѣха не имѣли. Священники отказывались читать ихъ, мѣстами повстанцы читали эти грамоты, обнажая сабли, угрожали и захватывали крестьянъ, не желавшихъ слушать. Въ дер. Насташкѣ повстанцы уплатили крестьянамъ по 2 р. каждому за принятіе грамотъ. По поводу „золотыхъ грамотъ" крестьяне говорили: „Добре, земля вже наша, рекрутъ даваты не треба, грошей платыты не треба, пану выдробляты не треба; та на що же мы имъ потребны, що воны насъ такъ до себе подмовляютъ? Ни хлопци! То воны намъ дурятъ головы". Убѣдившись въ полномъ неуспѣхѣ возстанія, поляки-помѣщики стали жаловаться на буйства крестьянъ, на грабежи съ ихъ стороны. По этому поводу авторы кіевской брошюры „Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г." говорятъ: „Несмотря на раздраженіе противъ поляковъ, крестьяне далеко не выказали того своеволія и самоуправства, въ которомъ ихъ обвиняютъ поляки. Правда, они задерживали людей безоружныхъ, дѣлали обыски и не выпускали арестованныхъ, иногда не смотря на убѣжденія полицейскихъ чиновъ (начальникъ края очень скоро положилъ конецъ этому произволу, вызванному появленіемъ мятежниковъ); они даже жаловались на становыхъ, которые казались имъ потворствующими полякамъ, но почти повсемѣстно исполняли приказанія начальниковъ земской полиціи и даже поляковъ мировыхъ посредниковъ" [120]). Если мѣстами крестьянами и были совершены жестокости и грабежи, то примѣръ этого подали повстанцы, истязавшіе не исполнявшихъ ихъ желаній крестьянъ, ограблявшіе волостныя правленія. Бобровскій разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что студенты-поляки, отправившіеся изъ Кіева, когда началось возстаніе, раздавать „золотыя грамоты" крестьянамъ, были частью изрублены, частью перевязаны крестьянами [121]). Послѣ подавленія вооруженныхъ вспышекъ возстанія въ юго-западной Россіи и бѣгства главнаго руководителя Ружицкаго заграницу, повстанская организація въ юго-западныхъ губерніяхъ продолжала существовать, и поляки ожидали вступленія изъ Галиціи отряда Высоцкаго. Части

*) „Золотыя грамоты" были составлены жондомъ по-малорусски и по-польски; въ нихъ жондъ призывалъ крестьянъ къ бунту, обѣщая имъ землю и освобожденіе отъ податей; для поволжскихъ губерній были заготовлены тоже „золотыя грамоты" но не отъ имени жонда, а въ видѣ подложнаго манифеста.

этого отряда нѣсколько разъ врывались въ волынскую губ., но всякій разъ были разбиваемы.

Несмотря на всё усердіе къ возстанію сформированнаго при участіи бѣлыхъ жонда, несмотря на то, что онъ объединилъ повстанскую организацію во всей западной Россіи и, дѣйствуя за одно съ Огрызкой, съумѣлъ даже вызвать волненія на Волгѣ, гдѣ Киневичъ и поручикъ Чернакъ распространяли „золотыя грамоты", несмотря на усиленіе имъ террора и угрозы строгими наказаніями всѣмъ, кто хотя-бы случайно выдастъ правительству какого-либо мятежника или купитъ конфискованное у мятежниковъ имущество, начальникъ кинжалистовъ жонда Лемпке находилъ, что жондъ дѣйствуетъ слишкомъ слабо и при помощи своихъ жандармовъ-кинжальщиковъ и вѣшальщиковъ разогналъ жондъ и установилъ новый. Стоитъ отмѣтить, что жондъ, сверженный Лемпке, наканунѣ своего паденія, обращаясь съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ на повстанскіе отряды, заявлялъ, что онъ „пользуется неизмѣннымъ расположеніемъ народа". Первымъ дѣломъ новаго жонда было, по проекту члена этого жонда адвоката Кобылянскаго, установленіе въ Варшавѣ и въ каждомъ уѣздѣ „революціонныхъ трибуналовъ", которымъ жондъ предписалъ судить съ неумолимой строгостью всѣхъ вредныхъ съ революціонной точки зрѣнія лицъ. Этотъ жондъ просуществовалъ всего нѣсколько дней. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей по подготовкѣ возстанія Карлъ Маевскій, заключенный въ цитадель, по распоряженію Велепольскаго, послѣ того, какъ отказался выдать ему организацію красныхъ, въ началѣ мая 1863 г. былъ выпущенъ на свободу, просидѣвъ въ цитадели около года. Онъ вошелъ въ сношенія съ другими революціонерами и, дѣйствуя за одно съ Авейде, 2 іюня установилъ новый жондъ, въ составъ котораго вошли кромѣ Маевскаго Авейде, Големберскій, составлявшій вмѣстѣ съ Маевскимъ и Юргенсомъ въ 1861 году тріумвиратъ (Юргенсъ ко времени возникновенія этого жонда былъ арестованъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя умеръ въ цитадели), виленскій учитель Пржибыльскій, Рупрехтъ и другіе революціонеры. Жондъ былъ раздѣленъ на департаменты (военный, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и др.), въ Вильнѣ былъ установленъ исполнительный департаментъ подъ предсѣдательствомъ Гейштора*) и при участіи Дюлорана, Оскерки, Еленскаго и

*) Яковъ Гейшторъ—товарищъ по петербургскому университету В. Д. Спасовича, Огрызки и Бобровскаго, автора „Воспоминаній", по возвращеніи изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за участіе въ возстаніи, открылъ въ Варшавѣ книжно-антикварный магазинъ и умеръ года 4 тому назадъ. Не разъ дѣлая покупки у Гейштора, я замѣчалъ, что болѣе рѣдкія изданія онъ скрывалъ отъ русскихъ, желая, чтобы они попали къ полякамъ.

Калиновскаго, революціоннымъ начальникомъ Вильны былъ назначенъ Малаховскій; для юго-западной Руси, какъ и для сѣверо-западной, былъ установленъ исполнительный департаментъ. Уполномоченнымъ жонда въ Петербургѣ остался Огрызко, за-границей князь В. Чарторыйскій. Установленная при жондѣ бѣлыхъ подъ предсѣдательствомъ Гуттри въ Люттихѣ комиссія по снабженію повстанцевъ оружіемъ продолжала дѣйствовать и при жондѣ Маевскаго. По словамъ Маевскаго, въ іюлѣ 1863 г. у мятежниковъ въ Привислинскомъ краѣ было 13,000 ружей, стоившихъ 195,000 р. Жондъ Маевскаго началъ свои дѣйствія сравнительно съ большими средствами, потому что къ концу его дѣятельности революціонеромъ Вашковскимъ было похищено изъ варшавскаго губернскаго казначейства при помощи чиновниковъ этого казначейства 3,000,000 р. Но жондъ, находилъ, что этихъ средствъ мало, и 8 іюля сверхъ взимавшейся революціонной подати установилъ новую въ видѣ „національнаго займа“. Объявляя объ этомъ займѣ, жондъ заявлялъ, что всѣ, кто откажется принять участіе въ займѣ, будутъ лишены гражданскихъ правъ, ихъ должникамъ будетъ запрещено уплачивать имъ долги, ихъ квартирантамъ, если они домохозяева, квартирную плату, всѣмъ обывателямъ давать имъ въ займы, адвокатамъ и судамъ вести ихъ дѣла, а судебнымъ приставамъ взыскивать въ ихъ пользу. Всякій обязанъ былъ пріобрѣсти въ 6-ти дневный срокъ временную облигацію на ту или другую сумму, смотря по средствамъ. Организованъ заемъ былъ по указаніямъ Кроненберга, а облигаціи (постоянныя) напечатаны въ Парижѣ за подписью кн. В. Чарторыйскаго. Заемъ былъ 5—процентный, но, конечно, никто не получалъ процентовъ по этому займу. Терроръ при жондѣ Маевскаго, въ которомъ участвовалъ и Кобылянскій, по проекту коего были установлены революціонные трибуналы, возросъ больше прежняго. Павлищевъ пишетъ въ своихъ „Седмицахъ“ отъ 18 іюля 1863 г.: „Къ 498 жертвамъ звѣрства мятежниковъ можно прибавить еще 56, въ томъ числѣ двухъ элементарныхъ учителей, 7 женщинъ, арендатора Добряскаго и отставного подполковника Лейхте, убитаго въ дорогѣ жандармами-вѣшальщиками. Эти душегубцы развелись во всѣхъ мѣстахъ. Есть свѣдѣніе, что маріампольскій уѣздъ раздѣленъ на 100 округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ должно находиться по 5 вѣшальщиковъ. Недавно, именно 28 іюня, схвачены на улицѣ три такіе молодца: Гейне, Стефановскій и Завистовскій, которые за назначенную имъ по 50 коп. въ сутки плату взялись убить полицейскаго дозорцу Фрича“ [122]). Русскіе находились подъ постояннымъ гнетомъ этого террора, рискуя каждую минуту подвергнуться смерти и истязаніямъ. Они на-

ходили въ Варшавѣ утѣшеніе и ободреніе у архіепископа Іоанникія, безъ громкихъ словъ, но стойко державшаго знамя Православія и умѣвшаго утѣшать и ободрять. Крестьянство, не помышлявшее о мятежѣ, было также запугано терроромъ. Повстанскіе воеводы и начальники шаекъ требовали отъ крестьянъ помощи себѣ, угрожая за отказъ или за содѣйствіе властямъ строгими карами, разоряя деревни, вѣшая и истязая крестьянъ. Въ коллекціи В. П. Афанасьева имѣется слѣдующее предписаніе на синей бумагѣ съ повстанской печатью: „Дано въ лагерѣ дня 10 мая 1863. Предлагается сотскому деревни Бабино: чтобы ты съ числа, которымъ помѣчено настоящее предписаніе, точно примѣнялся къ распоряженіямъ жонда, исходящимъ непосредственно или посредственно, не донося ни о чемъ московской власти, такъ какъ за малѣйшее уклоненіе будешь строго наказанъ, тѣмъ болѣе, что ты уже замѣченъ въ сношеніяхъ съ москалями. Начальникъ К. Франковск...". Деревенское отребье, воры и пьяницы, примкнули къ повстанцамъ. Подъ вліяніемъ террора и ксендзовъ стали примыкать къ бандамъ и болѣе порядочные крестьяне. О томъ, какъ поступали съ крестьянами, не желавшими идти въ банды, Г. И. Любарскій разсказываетъ слѣдующее: пріѣзжаютъ въ деревню два ксендза съ помѣщикомъ подъ охраной шести вооруженныхъ людей и объявляютъ старику, отставному солдату, что онъ долженъ идти въ банду. Онъ отказывается.

— А не хочешь по волѣ, пойдешь по неволѣ. Этого негодяя отвести въ лагерь на веревкѣ,—обратился Скупинскій (ксендзъ) къ своимъ приспѣшникамъ.

Спрашиваютъ затѣмъ одну изъ крестьянокъ, гдѣ ея мужъ. Она отвѣчаетъ незнаніемъ. Помѣщикъ, ударяетъ её въ грудь кинжаломъ. Обливаясь кровью, она сознается, что мужъ въ ригѣ.

— А вотъ, когда шельма созналась, — и съ этимъ словомъ ксёндзъ выстрѣлилъ въ неё изъ пистолета. А такъ какъ жертва, корчась въ судорогахъ, еще обнаруживала признаки жизни, то жестокій монахъ приказалъ адъютанту добить её, что онъ и исполнилъ, ударивъ нѣсколько разъ полѣномъ по головѣ.

Затѣмъ хата и рига были сожжены [123]). Повстанскія банды, поддерживаемыя деньгами и оружіемъ, которыя доставлялъ жондъ, пополняемыя новыми людьми, въ іюнѣ, въ іюлѣ и въ августѣ покрыли густой сѣтью Привислиньѣ. Въ эти три мѣсяца въ люблинской губерніи было у войскъ 31 стычка съ повстанцами, въ радомской—30 стычекъ, въ варшавской—39, въ плоцкой—24 и въ августовской тоже 24. (См. „Приложеніе къ приказу войскамъ Варш. Воен. Округа". 1864 г. № 38). Кромѣ бандъ, составленныхъ

на мѣстѣ, въ іюнѣ — августѣ дѣйствовало нѣсколько бандъ изъ Познани и, главнымъ образомъ, изъ Галиціи. Приходившія изъ Познани банды были хорошо обучены и снаряжены, галиційскія состояли изъ молодежи, вовлеченной въ революцію, и разнаго сброда. За всё время возстанія Познань и Галиція доставили 14,000 повстанцевъ [124]). 28 іюля конная банда Крука (офицера генеральнаго штаба Гейденрейха) отбила въ жиржинскомъ лѣсу фургоны и денежную почту. Этотъ случай произвелъ большое впечатлѣніе. Рѣшенная въ апрѣлѣ съ назначеніемъ гр. Муравьева въ Вильну перемѣна въ образѣ дѣйствій правительства нашла себѣ въ концѣ іюня подтвержденіе въ увольненіи въ отпускъ маркиза Велепольскаго, который покинулъ Варшаву въ іюлѣ. Графиня А. Блудова, называвшая реформы Велепольскаго „разводомъ Польши съ Россіей“, но допускавшая мысль, что этотъ „разводъ“ улучшитъ русско-польскія отношенія, писала маркизу передъ его отъѣздомъ изъ Варшавы, что хотя „наша панславистская звѣзда не восходитъ, но что тѣмъ не менѣе она не теряетъ надежды на милость Божію, т. е. на благопріятный для маркиза исходъ дѣла“ [125]). Но ходъ событій уже окончательно осудилъ программу маркиза *). Возроставшій терроръ, безполезныя въ общемъ стычки съ повстанцами, отбитіе Гейденрейхомъ фургоновъ и денежной почты въ жиржинскомъ лѣсу, новыя попытки жонда внести смуту въ войска (онъ обратился съ воззваніями къ солдатамъ и казакамъ, приглашая ихъ на службу къ „польскому царю“ и обѣщая имъ давать на этой службѣ много денегъ, табаку и мяса) и вовлеченіе мѣстами въ мятежъ крестьянъ—всё это привело къ возложенію на гр. Ф. Ф. Берга возможно скораго подавленія возстанія. Гр. Бергъ не имѣлъ широкаго государственно-національнаго взгляда гр. Муравьева, не обладалъ его рѣшимостью, но, по выраженію Н. В. Берга, былъ „строгій хозяинъ“, человѣкъ системы и зналъ по прежней своей службѣ въ Варшавѣ поляковъ—„verdrâte Polen“, какъ онъ ихъ называлъ. 13 августа великій князь Константинъ Николаевичъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и, вернувшись въ Варшаву, 27 августа сдалъ должность намѣстника гр. Бергу, а самъ отправился черезъ Австрію въ Крымъ. Графъ Бергъ образовалъ изъ офицеровъ и солдатъ временную полицію, раздѣлилъ Варшаву на мелкіе полицейскіе участки, разставилъ по городу солдатъ, предписалъ дворникамъ строго наблюдать за жильцами. Подобныя-же

*) М. П. Погодинъ писалъ въ это время: „Снисходительность была допущена до крайнихъ предѣловъ и оказалась не только безполезною, но и вредною. Мѣра терпѣнія преисполнилась,—и теперь должна дѣйствовать сила, предоставляя рѣшеніе по усмиреніи великодушію и милосердію“. („Польскій вопросъ“. Собраніе разсужденій, записокъ и замѣчаній М. П. Погодина. М. 1867 г. Стр. 103).

мѣры были приняты въ другихъ городахъ края. Преслѣдованіе бандъ получило болѣе строгую систему.

Жондъ Маевскаго, усиливая терроръ въ Варшавѣ дѣлалъ то-же и по отношенію къ Вильнѣ, гдѣ съ успѣхомъ дѣйствовалъ Муравьевъ. Мѣстные виленскіе революціонеры тоже рѣшили отвѣтить на строгія мѣры М. Н. Муравьева усиленнымъ терроромъ: въ одинъ мѣсяцъ число политическихъ убійствъ въ сѣверо-западномъ краѣ достигло 600. Но М. Н. Муравьевъ скоро сократилъ размѣры террора, уничтожилъ большую часть повстанскихъ шаекъ и, дополняя данную инструкцію новыми правилами, положилъ предѣлъ уходу изъ городовъ людей въ шайки. Епископъ Красинскій, содѣйствовавшій мятежу, былъ отправленъ въ Вятку. Нѣкоторое время спустя былъ сосланъ и гр. Скаржинскій. Къ концу іюля въ Вильнѣ было настолько спокойно, что царскіе дни (22 и 27 іюля) были отпразднованы съ полной торжественностью. Дворянство, видя, что польское дѣло проиграно, подало 27 іюля генералъ-губернатору адресъ съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. „Въ тотъ-же вечеръ 27 іюля,—пишетъ А. Н. Мосоловъ,—офицерами Преображенскаго полка былъ устроенъ на вершинѣ Замковой горы въ виду всего города великолѣпный фейерверкъ; ничего эффектнѣе мнѣ не приходилось видѣть: положеніе горы, темнота вечера и тишина погоды—всё тому благопріятствовало; въ разныхъ мѣстахъ на площадяхъ, а также въ ботаническомъ саду, играло нѣсколько полковыхъ оркестровъ, на улицахъ слышалась веселая рѣчь; поляки какъ-то не дичились въ этотъ день и выказывали желаніе поддержать свое заявленіе возможно торжественнѣе“ [126]) Русская Вильна оживала.

Варшавскій жондъ видя, какъ успѣшно Муравьевъ умиротворяетъ край, выслалъ въ Вильну своихъ кинжальщиковъ. Первое покушеніе было сдѣлано на предводителя дворянство Домейко 29 іюля, но скоро кинжальщики были переловлены. Проникшіе въ августовскую губернію слухи объ успѣшной дѣятельности Муравьева, побудили крестьянъ этой губерніи просить Муравьева 6-го августа принять эту губернію подъ свое начальство, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе. 30 августа Муравьеву былъ пожалованъ орденъ Андрея Первозваннаго. Какъ только Муравьевъ пріѣхалъ въ Вильну, ему прислалъ благословеніе московскій митрополитъ Филаретъ, а послѣ 30 августа гр. Блудовъ, вице-канцлеръ кн. Горчаковъ и многія другія высокопоставленныя лица прислали ему горячія привѣтствія. Только Валуевъ и петербургскій генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ относились отрицательно къ его дѣятельности. Популярность Муравьева быстро росла, изъ разныхъ мѣстъ Россіи стали приходить привѣтствія, прославлявшій его патріотическій подвигъ.

Въ ноябрѣ 1863 г. въ сѣверо-западномъ краѣ упрочились тишина и порядокъ, послѣ чего М. Н. Муравьевъ могъ свободно приступить къ преобразованіямъ въ краѣ, главной цѣлью которыхъ было возрожденіе въ русскомъ духѣ этого древне-русскаго, но подвергавшагося въ теченіе вѣковъ ополяченію и окатоличенію, края. Дольше другихъ держалась въ сѣверо-западномъ краѣ банда ксендза Мацкевича, дѣйствовавшая въ ковенской губ. Мацкевичъ былъ разбитъ въ ноябрѣ, но самъ успѣлъ скрыться. Въ первыхъ числахъ декабря онъ былъ пойманъ.

Принятыя гр. Бергомъ мѣры къ усмиренію возстанія вызвали у революціонеровъ рѣшеніе убить графа. Всякая революція по мѣрѣ развитія требуетъ все болѣе жертвъ: революціонные дѣятели, начиная обыкновенно свою дѣятельность подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ о свободѣ и правахъ человѣка, съ каждымъ своимъ шагомъ становятся ожесточеннѣе и кровожаднѣе, болѣе мягкіе устраняются съ теченіемъ времени, и кормило революціи берутъ въ свои руки все болѣе ожесточенные, способные на всякое преступленіе. Въ началѣ марта послѣ провозглашенія диктатуры Лянгевича въ Краковѣ появилась брошюра „Назадъ“, въ которой была разсказана исторія этой диктатуры и въ которой требовался крайній терроръ. Съ этого времени терроризмъ жонда сталъ быстро расти, но несмотря на это, постоянно находились крайніе требовавшіе усиленія террора. Крайнихъ предѣловъ терроръ жонда достигъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1863 г. Къ сентябрю Игнатій Хмѣленскій, товарищъ Домбровскаго по городскому комитету и участникъ покушеній на жизнь великаго князя и Велепольскаго, всё время принимавшій участіе въ революціи, но не получавшій въ жондѣ виднаго мѣста рѣшилъ произвести новый переворотъ въ жондѣ. Жондъ предалъ его суду трибунала, но трибуналъ принялъ его сторону, и Хмѣленскій съ Кобылянскимъ, устроившимъ революціонные трибуналы, и помѣщикомъ Наржимскимъ образовали новый жондъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій жонда было покушеніе на жизнь гр. Берга. Въ графа, ѣхавшаго вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ фонъ-Валемъ, были брошены разрывныя бомбы изъ окна дома гр. Замойскаго. Гр. Бергъ не получилъ поврежденій, но В. В. фонъ-Валь былъ контуженъ, одинъ изъ конвойныхъ казаковъ раненъ, а другой контуженъ, и ранено нѣсколько лошадей [127]) 9-го сентября послѣдовало убійство на улицѣ полковника Любушина, 23 сентября убитъ въ европейской гостинницѣ иностранный докторъ Германи, предлагавшій полиціи свои услуги (письма Германи были выкрадены изъ квартиры начальника тайной полиціи маркиза Паулуччи). Вообще, въ сентябрѣ покушеніе

слѣдовало за покушеніемъ, убійство за убійствомъ. Дѣйствуя убійствами изъ-за угла, жондъ Хмѣленскаго вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ отравить солдатскіе котлы и выпусками поддѣльныхъ кредитныхъ бумажекъ подорвать кредитъ Россіи. Гр. Бергъ отвѣтилъ на эти неистовства казнями на городскихъ площадяхъ. „Дѣятельность бандъ, тѣснимыхъ войсками, ослабѣла въ сентябрѣ и октябрѣ. „Банды начинаютъ рѣдѣть—пишетъ Павлищевъ отъ 12 сентября 1863 г.,—мелкія же шайки не представляютъ ничего такого, чѣмъ-бы могли похвастать смутчики; перестали даже выходить „Извѣстія съ поля битвы"... Лелевели, Круки, Крысинскіе, Вержбицкіе и другіе крупные довудцы, славившіеся въ люблинской губ., затихли" [128]).

Участникъ покушенія на жизнь гр. Берга начальникъ кинжалистовъ Ляндовскій бѣжалъ изъ Варшавы въ банду тотчасъ послѣ покушенія, а такъ какъ Хмѣленскій испугался, что при слѣдствіи доберутся и до него, то и онъ скрылся изъ Варшавы, захвативъ деньги жонда. Между тѣмъ Чарторыйскій и бѣлые рѣшили удалить Хмѣленскаго изъ жонда и предложить руководство жондомъ Маевскому, но послѣдній, боясь мести Хмѣленскаго, отказался, и главаремъ жонда сталъ отставной подполковникъ Траугутъ, участвовавшій въ крымской кампаніи и командовавшій во время возстанія шайками въ сѣверо-западномъ краѣ. Траугутъ принялъ на себя жондъ 29 сентября, причемъ сказалъ рѣчь о томъ, что „необходимо держаться до послѣдняго издыханія", но высказался противъ террора, возлагая надежды на вмѣшательство Европы [129]). Ему возразили, что „терроръ вдругъ ослабить нельзя": покушенія и убійства не прекращались. 21 октября было сдѣлано покушеніе на жизнь ген. Трепова, затѣмъ совершенъ поджогъ ратуши. Ко времени возникновенія жонда Траугута въ Варшаву пріѣхалъ изъза границы отставной полковникъ Гауке (Босакъ), образовавшій большую банду. Въ половинѣ ноября его банда была разбита, онъ бѣжалъ, но его помощникъ Хмѣленскій (не Игнатій) былъ взятъ въ плѣнъ, а въ концѣ октября былъ убитъ въ бандѣ Чаховскій, бѣжавшій въ маѣ за-границу, но затѣмъ опять вернувшійся.

Одновременно съ жондомъ Траугута, возникшимъ при участіи Чарторыйскаго, въ Варшавѣ появился „главный комитетъ", основанный, по порученію Мѣрославскаго, Куржиной подъ предсѣдательствомъ Бржезинскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ членомъ возникшаго тогда же въ Дрезденѣ подъ предсѣдательствомъ Куржины „Общества польскихъ патріотовъ" (Гуттри, ксендзъ Котковскій, извѣстный сбытчикъ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ, позже Гауке-Босакъ). Главный комитетъ боролся съ Траугутомъ, и въ польскихъ революціонныхъ листкахъ шла полемика, кого слѣ-

дуетъ слушаться полякамъ: Мѣрославскаго съ главнымъ комитетомъ или Чарторыйскаго съ жондомъ Траугута?

19 октября 1863 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя великаго князя Константина Николаевича. „Вполнѣ постигнувъ

Н. А. Милютинъ.

(Съ портрета, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ“ 1885 г.).

мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокой мыслью примиренія, ваше императорское высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ вашимъ въ Имперіи, чтобы на новомъ

поприщѣ, неограниченнымъ моимъ довѣріемъ, вамъ оказаннымъ, усугубить ваше рвеніе на пользу службы и отечества“,—было сказано въ рескриптѣ. Но надежды государя не осуществились, продолжаетъ рескриптъ, и его благія намѣренія встрѣчали „постоянныя препятствія“ „въ странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей...“ „Со-

Іоанникій, архіепископъ Варшавскій и Новогеоргіевскій.

(Съ фотографической карточки работы И. Мечковскаго въ Варшавѣ).

знавая справедливость вашего воззрѣнія на невозможность при настоящихъ обстоятельствахъ, — сказано далѣе,—слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе ваше, я соизволяю на испрашиваемое вами увольненіе отъ обязанностей намѣстника моего и главнокомандующаго войсками въ царствѣ польскомъ. Когда же съ помощью

Божьей возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ, наконецъ, гласу закона и долга, подданные мои въ царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя мною были дарованы царству и приведеніе коихъ въ дѣйствіе есть одно изъ моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній, тогда я буду надѣяться, что вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи моихъ предначертаній..." [130]). Но уже въ то время, когда появился этотъ рескриптъ, крѣпла мысль о необходимости измѣнить кореннымъ образомъ строй управленія въ Привислинскомъ краѣ, не давать ему особой организаціи, а примѣнить къ нему систему государственнаго объединенія и надѣлить привислинскихъ крестьянъ землею, чтобы порвать зависимость ихъ отъ помѣщиковъ и привязать къ Россіи. Уже въ сентябрѣ 1863 г. Катковъ ясно указывалъ на это въ своихъ статьяхъ. Въ статьѣ отъ 19 сентября Катковъ писалъ: „И въ Европѣ, и въ Россіи толкуютъ о царствѣ польскомъ. Но что такое царство польское? Соотвѣтствуетъ ли оно когда-то бывшему польскому государству? Нѣтъ, нынѣшнее царство польское есть только малая часть этого государства... Но не служитъ ли нынѣшнее царство польское символомъ народности польской? Посмотримъ... Опредѣленіе границъ царства польскаго основывалось на случайныхъ обстоятельствахъ и на соображеніяхъ, внушенныхъ не принципомъ національности. Нѣкоторыя части нынѣшняго царства польскаго заселены людьми не польскаго языка и даже отчасти не католической религіи". Вслѣдствіе этого, и такъ какъ крестьянство въ царствѣ не раздѣляетъ политическихъ стремленій верхнихъ слоевъ населенія, Катковъ находилъ, что если „нѣтъ никакой возможности ни политически, ни логически допустить требованія польско-шляхетскаго патріотизма" въ западныхъ губерніяхъ, „то нѣтъ также никакой возможности считаться съ ними и на почвѣ такъ называемаго царства польскаго" [131]). Въ сентябрѣ былъ вызванъ государемъ изъ-за границы Н. А. Милютинъ и въ началѣ октября посланъ въ Варшаву для ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ въ Привислиньѣ. Пріѣхавъ въ Варшаву съ Ю. Ф. Самаринымъ и кн. В. А. Черкасскимъ, онъ совершилъ по Привислинью поѣздку съ ними, и результатомъ этой поѣздки явилась замѣчательная „Записка", въ которой характеризовалось настроеніе крестьянства въ царствѣ Польскомъ [132]). Вотъ заключительныя строки этой записки: „Когда удавалось намъ разговориться съ крестьянами, мы старались ободрять ихъ и, уѣзжая изъ деревни, говорили имъ на прощанье, что Царь объ нихъ не

забылъ, что имъ будетъ легче; убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ Него милости, а врагамъ Его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ принимались съ самымъ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. Поселяне вездѣ выслушивали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ отъ себя по нѣсколько разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправданіе какого-то своего темнаго чаянія, котораго они сами не могли себѣ уяснить. Такимъ представлялось намъ настроеніе народной массы въ Польшѣ. Она находится въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ одну сторону её тянутъ силою самыхъ заманчивыхъ обѣщаній, наполовину уже осуществившихся; къ другой влечетъ её вѣрный исторический инстинктъ, къ сожалѣнію, ни въ чемъ еще не находящій ни поддержки, ни оправданія. Чья сила окончательно перетянетъ? Кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ окончательно исходъ современной борьбы, въ которой законное правительство призвано спасти не только политическое владычество Россіи надъ Польшею, но и самую будущность народа польскаго!“.

XIV.

Въ сѣверо-западномъ краѣ вооруженное возстаніе было, какъ сказано въ предыдущей главѣ, окончательно подавлено къ ноябрю 1863 г., но подпольный жондъ продолжалъ дѣйствовать. Въ концѣ 1863 г. обнаружилось, что хозяйственной частью жонда завѣдуетъ нѣкто Здановичъ, въ домѣ котораго были захвачены бланки, печати, революціонные приказы. Въ декабрѣ 1863 г. и въ январѣ 1864 г. въ Вильнѣ было казнено нѣсколько представителей жонда; нѣкоторые изъ участниковъ жонда и во главѣ ихъ повстанскій „начальникъ“ г. Вильны Малаховскій скрылись въ это время, бѣжавъ за границу, но глава жонда „диктаторъ Литвы“ Калиновскій не покидалъ Вильны. Розыскъ его однако не имѣлъ успѣха, но когда въ январѣ 1864 г. удалось раскрыть въ подробностяхъ повстанскую организацію въ минской губ., напали и на слѣды Калиновскаго, который, какъ оказалось, подъ фамиліей Витоженца жилъ въ Вильнѣ въ квартирѣ одного учителя. Онъ былъ казненъ въ мартѣ 1864 г., а къ концу этого года слѣдственныя комиссіи закончили свои дѣла, обнаруживъ въ подробностяхъ повстанскую организацію во всѣхъ губерніяхъ края и организацію петербургскаго польскаго центра съ Огрызкой во главѣ. Онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы. Разсказываютъ, что Огрызко говорилъ во время возстанія, что если поляки не побѣдятъ, то онъ заставитъ

спиться русскій народъ. Принимая участіе въ выработкѣ питейной реформы 60-хъ годовъ, Огрызко, говорятъ, старался, по возможности, усилить потребленіе водки. Въ Привислиньѣ къ концу 1863 г. тоже возстаніе можно было считать уже подавленнымъ. Правда, еще дѣйствовали двѣ сравнительно большія банды, Крука и Босака (Гейденрейха и Гауке), но онѣ въ это время были уже дезорганизованы; правда, еще работалъ „жондъ“, и случались убійства, по приговорамъ его, но населеніе уже подавало вѣрноподданническіе адресы. „Съ переходомъ въ новый польскій годъ,—писалъ отъ 20 декабря 1863 г. Павлищевъ, подъ редакціей котораго стали издаваться съ конца 1863 г. вмѣсто офиціальнаго польскаго „Всеобщаго Дневника“ русскій и польскій „Варшавскіе Дневники“,—офиціальный „Дневникъ“ бросилъ бѣглый взглядъ на повстанье и показалъ ощутительно, что оно на закатѣ, что мы сломили его, и что дальнѣйшія усилія подпольнаго жонда къ продолженію борьбы могутъ только довести несчастный край до со-

Медаль въ память надѣленія крестьянъ землею въ Привислинскомъ краѣ 19 февраля 1864 г.

вершеннаго разоренія. Статья эта въ польскихъ газетахъ перетолкована по своему, съ извѣстнымъ припѣвомъ, что повстанье, дескать, кипитъ и даже въ послѣдніе три мѣсяца усилилось. На это можно только пожать плечами“ [133]).

Въ февралѣ у г. Опатова бандѣ Босака былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, послѣ чего Босакъ, продержавшись къ остатками банды около мѣсяца въ лѣсахъ, бѣжалъ за границу. 17 апрѣля былъ пойманъ ксендзъ Бржоско, банда котораго разъѣзжала по варшавской и люблинской губерніямъ и наводила на населеніе ужасъ, вѣшая всѣхъ, кто попадался ей подъ-руки. Войскамъ въ Привислиньѣ приказано было считать кампанію оконченной съ 1 мая

1864 г., но мелкія банды бродили кое-гдѣ въ Привислиньѣ до начала 1865 г. Участники въ усмиреніи мятежа получили медаль, снимокъ съ которой приводимъ.

Хотя уже въ концѣ 1863 г. было вполнѣ ясно, что возстаніе не удалось, тѣмъ не менѣе Траугутъ въ началѣ 1864 г. выпустилъ воззваніе о „всенародномъ ополченіи“ и разослалъ сборщиковъ, которые стали ходить по квартирамъ, требуя денегъ. Чарторыйскій, видя, что дѣло проиграно, въ февралѣ 1864 г. устранился отъ жонда. Въ мартѣ полиція напала на слѣды Траугута и арестовала его; въ то же время Лемпке, передавъ печати предсѣдателю комитета Мѣрославскаго Бржезинскому, бѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ отравился, когда полиція явилась арестовать его. Бржезинскій, получивъ печати, вмѣстѣ съ Вашковскимъ, который лѣтомъ 1863 г. укралъ деньги изъ варшавскаго казначейства, образовали послѣдній „жондъ“.

Снимокъ съ медали въ память усмиренія польскаго мятежа 1863—64 годовъ (въ настоящую величину).

Назначивъ „полномочнымъ заграничнымъ директоромъ его“ Куржину, Вашковскій выпустилъ нѣсколько воззваній объ организаціи мятежа и „народной подати“. Преслѣдуемый полиціей онъ скрылся въ октябрѣ 1864 г. на паровой мельницѣ, гдѣ прожилъ, прячась подъ мѣшками муки, около двухъ мѣсяцевъ, его-же товарищъ Бржезинскій бѣжалъ изъ Варшавы. Въ половинѣ декабря Вашковскій вышелъ изъ мельницы въ городъ и былъ арестованъ. 5 февраля 1865 г. его казнили вмѣстѣ съ разбойникомъ Шафарчикомъ. Послѣ Вашковскаго былъ еще казненъ казакъ Подхалюзинъ, перебѣжавшій къ повстанцамъ. Это были послѣднія казни.

Водвореніе порядка въ Привислиньѣ шло подъ общимъ руководствомъ генералъ-полиціймейстера царства польскаго. Эта должность была учреждена 1 января 1864 г., и занялъ ее ген. Треповъ. 18 января 1864 г. состоялся балъ у президента г. Варшавы ген. Витковскаго. На этомъ балу намѣстнику былъ поднесенъ всеподданнѣйшій адресъ отъ варшавскихъ жителей. Назначенный управляю-

щимъ канцеляріей Его Величества по дѣламъ царства польскаго Н. А. Милютинъ подготовлялъ въ это время крестьянскую реформу, высочайшіе указы о которой послѣдовали 19 февраля 1864 г. Эта реформа, надѣлявшая крестьянъ землею, была торжественно объявлена въ Варшавѣ и во всемъ Привислиньѣ. Затѣмъ состоялось учрежденіе при особѣ государя комитета по дѣламъ царства польскаго съ участіемъ въ немъ Милютина и открытіе учредительнаго комитета въ Варшавѣ и при немъ двухъ комиссій: крестьянской и юридической. Во главѣ крестьянской комиссіи былъ поставленъ извѣстный знатокъ крестьянскаго дѣла сенаторъ Я. А. Соловьевъ. Главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ ближайшій сотрудникъ Н. А. Милютина кн. В. А. Черкасскій. Учредительный комитетъ, надѣляя крестьянъ землею, занялся вмѣстѣ съ тѣмъ разработкой реформъ, имѣвшихъ цѣлью болѣе тѣсное сплоченіе Привислинья съ остальными частями Россіи. Такимъ образомъ, правительство вернулось по отношенію къ Привислинью къ той системѣ, которой придерживалось въ царствованіе императора Николая I и отъ которой временно отступило въ концѣ 50-ыхъ и въ началѣ 60-хъ годовъ,—системѣ, упрочивающей спокойствіе и исподволь перевоспитывающей поляковъ въ русскомъ государственномъ духѣ. Эта объединительная работа не окончена до сихъ поръ: одной изъ важныхъ задачъ ея является распространеніе на Привислинье общерусскаго гражданскаго уложенія, вопросъ о чемъ разрабатывался въ царствованіе императора Николая I и затѣмъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ, но до сихъ поръ не получилъ разрѣшенія. Гр. М. Н. Муравьевъ направилъ свои силы къ упорядоченію крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, неправильно поставленнаго польскими мировыми посредниками, къ улучшенію положенія православнаго духовенства, возобновленію древнихъ православныхъ церквей, къ подъему народнаго образованія, усиленію русскаго элемента и подъему русскаго самосознанія. „Виленскій Вѣстникъ“, въ которомъ официальная часть печаталась на русскомъ и польскомъ языкахъ, а литературный отдѣлъ почти исключительно былъ польскій, обратился въ русскую газету. Въ Вильнѣ явился русскій театръ. Пріѣхавшій въ Вильну, по приглашенію М. Н. Муравьева, К. Говорскій приступилъ къ изданію тамъ журнала „Вѣстникъ Западной Россіи“, въ которомъ напечатано много важныхъ историческихъ актовъ и документовъ относящихся къ возстанію 1863 г. По порученію Муравьева была составлена В. Ратчемъ книга „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ Сѣверо-Западной Россіи“ и нѣсколько брошюръ о возстаніи. 25 марта 1864 г. въ Вильнѣ торжественно было отпраздновано 25-лѣтіе возсоедине-

нія уніатовъ. Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко получилъ въ этотъ день высокомилостивый рескриптъ и жезлъ съ брилліантовыми знаками. Митрополитъ Сѣмашко, несмотря на свои годы и болѣзнь, а также на нѣкоторыя, впрочемъ, незначительныя несогласія съ Муравьевымъ, проявилъ живую энергію во время возстанія 1863 г., ободряя и утверждая въ православіи паству и духовенство митрополіи. Руководимое приснопамятнымъ митрополитомъ православное духовенство сѣверо-западнаго края, подвергавшееся во время мятежа со стороны мятежниковъ, убійствамъ, грабежамъ, издѣвательствамъ, лишенію бороды съ честью вышло изъ борьбы и съ развитіемъ, по почину Муравьева, русскаго учебнаго дѣла въ краѣ

И. П. Корниловъ.

(Съ портрета, находящагося въ виленскомъ Муравьевскомъ музеѣ).

дало контингентъ учителей для новыхъ русскихъ училищъ. Въ 1863 г. Іосифъ основалъ „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“ и затѣмъ сталъ хлопотать объ открытіи въ Вильнѣ православной духовной академіи [134]). Болѣзнь и преклонные годы митрополита не позволили ему довести этого дѣла до конца († 1868 г.). О дѣятельности митрополита М. Н. Муравьевъ выразился такъ: „При такой неблагопріятной обстановкѣ дѣла (возсоединенія уніатовъ), надо удивляться, какъ митрополитъ Іосифъ удержалъ оное. Правительство обязано единственно ему въ совершеніи сего великаго дѣла, которое вмѣстѣ съ тѣмъ положило твердое начало русской

народности въ краѣ и дало возможность сельскому населенію бороться съ мятежомъ“ [135]). Въ мартѣ 1864 года Муравьевъ отправился въ Петербургъ. Столица торжественно принимала великаго русскаго государственнаго человѣка. Нѣкоторые современники обвиняли Муравьева въ излишней жестокости, но исторія свидѣтельствуетъ, что онъ усмирилъ революцію со сравнительно весьма малымъ числомъ наказанныхъ. Онъ дѣйствовалъ рѣшительно и быстро, благодаря чему въ короткое время успокоилъ взволнованный и опутанный революціонными интригами край. Весьма характеренъ слѣдующій фактъ изъ эпохи виленской дѣятельности Муравьева. Когда Муравьеву доложили, что въ женской гимназіи ученицы-польки собираютъ деньги въ пользу раненыхъ повстанцевъ, и ожидали грозы, онъ сказалъ: „Раненый—кто-бы онъ ни былъ—прежде всего человѣкъ страдающій и, какъ таковой, онъ заслуживаетъ помощи и состраданія“. И М. Н. Муравьевъ отъ себя далъ деньги [136]). Главный сотрудникъ Муравьева по возрожденію Сѣверо-Западной Руси, назначенный, по его представленію, попечителемъ виленскаго учебнаго округа, И. П. Корниловъ умѣло взялся за насажденіе русской школы и распространеніе сельскихъ училищъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ началѣ 1864 года въ Вильну, Корниловъ писалъ министру государственныхъ имуществъ Зеленому, сообщая ему объ открытіи въ Вильнѣ новаго двухкласснаго училища, въ которое поступило много дѣтей—католиковъ: „Положительно польскій терроръ прошелъ... Мы боимся всѣ въ одинъ голосъ только одного, именно отъѣзда Михаила Николаевича, потому что видимъ ясно, что польская интрига, темная и злобная, продолжаетъ дѣйствовать и ухитряется на выдумки... Поляки стараются, между прочимъ, подкапывать кредитъ Михаила Николаевича, упрекая его въ напрасной жестокости, въ системѣ разрушенія, въ неспособности организовать край и проч.“ [137]). Отвергая эти обвиненія и являясь горячимъ поклонникомъ Муравьева *), Корниловъ, очень ши-

*) Обвиненія, которыя высказывались противъ гр. М. Н. Муравьева, собраны въ статьѣ Е. Л. „Слѣдствіе и судъ надъ польскими повстанцами въ сѣверо-западномъ краѣ въ 1863—1864 годахъ. По оффиціальнымъ документамъ“. („Вѣстникъ Европы“ 1863 г. № 1). Въ этой статьѣ на ряду съ нелѣпыми анекдотами о гр. Муравьевѣ приводится циркуляръ преемника гр. Муравьева ген. Кауфмана объ упущеніяхъ и промахахъ въ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлахъ о повстанцахъ. Конечно, въ горячее время мятежа могли быть упущенія и ошибки, могли быть случаи болѣе строгаго наказанія менѣе виновныхъ и наоборотъ, хотя несомнѣнно, что весь край въ лицѣ шляхты и католическаго духовенства былъ охваченъ движеніемъ, такъ что о невинно пострадавшихъ врядъ-ли можно говорить. Отмѣна ген. Кауфманомъ нѣкоторыхъ распоряженій гр. Муравьева тоже ничего не говоритъ противъ Муравьева, такъ какъ они, имѣя временное значеніе, несомнѣнно, были бы отмѣнены и самимъ гр. Муравьевымъ, если-бы онъ дольше пробылъ въ Вильнѣ, такъ какъ съ умиротвореніемъ края надобности въ нихъ болѣе не было.

роко смотрѣвшій на задачи попечителя учебнаго округа, не только укрѣпилъ и развилъ русское учебное дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ, но, обладая даромъ воодушевлять людей, создалъ плеяду русскихъ народныхъ учителей, глубоко преданныхъ народу и русской національной идеѣ, а также много сдѣлалъ для изслѣдованія русской старины въ Литвѣ и изученія Литвы и Бѣлоруссіи. Человѣкъ, соединявшій твердость характера съ выдержкой и сердечностью, крайне простой въ обращеніи, онъ являлся по характеру противуположеніемъ импонировавшему своимъ грознымъ видомъ, пронзавшему своимъ стальнымъ взглядомъ, Муравьеву, съ которымъ шелъ рука объ руку въ дѣятельности. Корниловъ учредилъ при поддержкѣ Муравьева въ Вильнѣ публичную библіотеку и комиссію для разбора древнихъ

Н. И. Шульгинъ.

(Съ портрета изъ журнала „Древняя и Новая Россія“. 1880 г.).

актовъ. „...Въ краѣ, писалъ И. П. Корниловъ въ своемъ отчетѣ о состояніи виленскаго учебнаго округа въ 1865 году,—гдѣ такъ долго господствовала польская интеллигенція, гдѣ-польская лжеисторическая наука и односторонне направленная литература имѣли сильное и вредное вліяніе на общественное настроеніе умовъ, однихъ учебныхъ заведеній недостаточно для того, чтобы распространить въ обществѣ правильный взглядъ на важнѣйшіе мѣстные вопросы; для этой цѣли, взамѣнъ прекратившейся въ краѣ польской ученой и литературной дѣятельности, необходимо поддержать и укрѣпить уже проявившуюся русскую ученую и литературную дѣятельность, направивъ оную на изслѣдованіе вопросовъ историческихъ, археологическихъ

и статистическихъ, которыхъ польскіе писатели или не касались вовсе, или преднамѣренно извращали въ своихъ произведеніяхъ“ [138]). Въ юго-западномъ краѣ польское возстаніе, подорвавъ „польско-украинскій союзъ“ и кредитъ украинофильства, вызвало, какъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, усиленіе русскаго элемента и русскаго національнаго самосознанія. Тамъ не было М. Н. Муравьева, краемъ продолжалъ править мало знакомый съ краемъ и его настоящими нуждами Н. Н. Анненковъ, но тамъ была группа русскихъ дѣятелей съ яснымъ пониманіемъ русскихъ національныхъ задачъ, и притомъ сила вещей, сила подъема русскаго общественнаго духа и тамъ взяла свое. Вслѣдствіе возстанія крестьянское дѣло и тамъ, какъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, перешло изъ рукъ польскихъ мировыхъ посредниковъ въ русскія. Развивалась просвѣтительная дѣятельность православнаго духовенства, руководимаго митрополитомъ Арсеніемъ, множились народныя школы. М. В. Юзефовичъ, руководя дѣятельностью археографической комиссіи, изданіемъ ея трудовъ, наглядно подтверждалъ пришлый характеръ польскаго элемента въ юго-западномъ краѣ, указывалъ, какъ хозяйничали поляки въ Малороссіи. Въ дѣло русской народной школы вложилъ душу здравствующій до сихъ поръ знатокъ юго-западнаго края и народной жизни авторъ многихъ трудовъ по народной педагогіи А. Ѳ. Андріяшевъ. Русское общество оживилось. Явилась надобность въ русскомъ политическомъ органѣ печати. Издававшаяся въ Кіевѣ газета „Кіевскій Телеграфъ“ была мелкимъ листкомъ провинціальнаго типа, безъ политической окраски. Съ 1 января 1864 г. появился „Кіевлянинъ“, который взялъ въ свои руки Шульгинъ, кіевскій старожилъ и талантливый знатокъ Малороссіи. „Благодаря,—пишетъ одинъ изъ нашихъ литераторовъ, жившихъ тогда въ Кіевѣ,—счастливому выбору редактора, предпріятіе удалось. Безъ Шульгина наврядъ-ли что-нибудь вышло-бы, но Шульгинъ вложилъ въ дѣло и талантъ, и энергію, и отличное знаніе края, и одушевленное отношеніе къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ. Его расклеенная на всѣхъ заборахъ программа произвела огромное впечатлѣніе. Въ этой горячо написанной программѣ повторялась изъ столбца въ столбецъ выведенная курсивомъ фраза: край этотъ—русскій, русскій, русскій! И русскіе люди останавливались передъ этой фразой, заслышавъ въ ней откровеніе. Теперь русское дѣло такъ далеко ушло въ краѣ, что намъ почти непонятна магнетическая сила, заключавшаяся въ такихъ простыхъ словахъ, но тогда мѣстное русское общество, хотя и встряхнувшееся послѣ возстанія, было еще сильно подавлено обаяніемъ польскаго аристократизма, польскаго богатства, польскаго

высокомѣрія. Тезисъ Шульгина представлялся воплощеніемъ новой силы и предзнаменованіемъ новыхъ порядковъ. „Кіевлянинъ“ пошелъ сразу“ [139]).

Въ 1865 году съ возстаніемъ было совсѣмъ покончено. Военное положеніе въ Привислинскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ было значительно смягчено. Учредительный комитетъ въ Варшавѣ, надѣливъ крестьянъ землею, далъ новое административное дѣленіе краю и продолжалъ работать надъ реформами, направленными къ объединенію этого края съ остальными частями Россіи. Офиціальнымъ языкомъ въ Привислиньѣ сталъ русскій. Особыя комиссіи въ Варшавѣ, управлявшія, подъ руководствомъ намѣстника на правахъ министерствъ дѣлами царства, были упразднены, и въ общемъ оно стало входить въ колею общегосударственной русской жизни. Въ 1867 году Н. А. Милютинъ вслѣдствіе несогласія во взглядахъ съ гр. Бергомъ оставилъ должность управляющаго канцеляріей Его Величества по дѣламъ царства польскаго, но дѣятельность правительства по объединенію Привислинья съ остальными частями государства продолжалась и послѣ ухода его. Заслуга Н. А. Милютина († 1872) въ Привислинскомъ краѣ, если и меньше, чѣмъ М. Н. Муравьева въ сѣверо-западномъ, то во всякомъ случаѣ громадна. Не сходясь съ Муравьевымъ въ началѣ 60-хъ годовъ по крестьянскому вопросу. Н. А. Милютинъ вполнѣ согласился съ нимъ по польскому вопросу, и эти оба крупные государственные дѣятели дѣйствовали въ отношеніи польскаго вопроса по взаимному соглашенію. Кто стремится уменьшить значеніе Муравьева, обыкновенно указываетъ, что вся его заслуга заключается въ скоромъ усмиреніи мятежа крутыми мѣрами, на дѣлѣ-же быстрымъ усмиреніемъ революціи не ограничивается подвигъ Муравьева, а имѣетъ высоко-творческій характеръ, такъ какъ заключается въ укрѣпленіи на твердо заложенномъ фундаментѣ русской государственности и культуры въ сѣверо-западной Руси въ противовѣсъ польско-католической агитаціи. Точно также заслуга Н. А. Милютина въ Привислиньѣ заключается въ укрѣпленіи здѣсь русской государственности, сравнительно слабо привитой въ 1831—1856 годахъ и затѣмъ окончательно подорванной реформами Велепольскаго, въ укрѣпленіи русскаго просвѣщенія, въ прививкѣ русскихъ культурныхъ началъ и въ подготовленіи холмскихъ уніатовъ къ воссоединенію къ Православію при содѣйствіи арх. Іоанникія и уніатскаго, впослѣдствіи православнаго, епископа Маркела (Попеля). Въ 1869 году послѣдовало преобразованіе основанной Велепольскимъ въ Варшавѣ главной школы въ русскій университетъ, въ 1870 году была произведена въ Привислиньѣ учебная ре-

форма по образцу общерусской, въ 1875 состоялось воприсоединеніе къ Православію холмскихъ уніатовъ, въ 1876 г. введеніе въ Привислиньѣ судебныхъ учрежденій общерусскаго типа, но безъ присяжныхъ засѣдателей. Всѣ эти мѣры въ своей совокупности повлекли за собой усиленіе русскаго элемента въ привислинскихъ губерніяхъ, но, къ сожалѣнію, въ Привислиньѣ до сихъ поръ по недостатку церквей мало удовлетворены религіозныя нужды православнаго населенія, а въ частности Варшава, гдѣ теперь русское населеніе, безъ войскъ, достигаетъ уже 30.000, не только нуждается въ церквахъ, но и въ русскихъ культурныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., въ русскомъ театрѣ и въ русскомъ музеѣ. Въ царствованіе императора Александра III при ген. Гурко въ Варшавѣ приступлено къ сооруженію новаго собора, но и съ окончаніемъ постройки его потребность въ храмахъ въ Варшавѣ нельзя будетъ признать удовлетворенной.

Гр. М. Н. Муравьевъ пробылъ на посту виленскаго генералъ губернатора до апрѣля 1865 года когда былъ возведенъ въ графское достоинство съ увольненіемъ отъ должности виленскаго генералъ-губернатора († 1866). Извѣстный поэтъ Ф. Ф. Тютчевъ напутствовалъ графа М. Н. Муравьева въ могилу слѣдующимъ четырехстишіемъ:

На гробовой его покровъ
Мы вмѣсто всѣхъ вѣнковъ кладемъ слова простыя:
Немного было-бъ у него враговъ,
Когда-бы не твои, Россія!

Его ближайшій преемникъ ген. Кауфманъ шелъ по стопамъ его и много содѣйствовалъ укрѣпленію русскаго землевладѣнія въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Хотя впослѣдствіи были извѣстныя уклоненія отъ проторенаго гр. Муравьевымъ пути, тѣмъ не менѣе русская народность замѣтно укрѣпилась въ сѣверо-западномъ краѣ. Преемникъ Анненкова въ Кіевѣ ген. А. П. Безакъ, который занималъ эту должность въ 1865—1868 годахъ, системою строго обдуманныхъ мѣръ значительно поднялъ въ немъ русскія начала.

Въ русскомъ обществѣ польское возстаніе 1863 года, вызвавъ сильный подъемъ національнаго духа, утвердило ту истину, что западныя губерніи искони русскій край, что громадное большинство населенія въ немъ (за исключеніемъ частей виленской и ковенской губ., обитаемыхъ литовцами)—русское. Происшествія 1861—1863 годовъ разоблачили также, что польскія движенія вовсе не имѣли народнаго характера, преслѣдуя интересы не народныхъ массъ, а идею возстановленія польскаго государства отъ „моря до моря“, которой чужды польскія народныя массы, и вызвали нѣсколько по-

пулярныхъ брошюръ (напр., „Русская правда и польская кривда". М. 1863), разъясняющихъ польскій вопросъ, и рядъ трудовъ по исторіи Польши (С. М. Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Кояловича, Кулиша и друг.). Герценъ сожалѣлъ о своей поддержкѣ возстанія. Въ статьѣ о Бакунинѣ, писанной въ 1865 г., онъ говоритъ: „я постоянно спорилъ съ нимъ (Бакунинымъ) и нехотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ... Сколькими несчастіями было бы въ моей жизни меньше, если бы я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя... Договориться до одинаковаго пониманія (съ поляками) было невозможно". Тѣмъ не менѣе „ложный стыдъ, а иногда и лучшія побужденія дружбы, любви, снисходительности" толкнули его въ дѣло возстанія. Одинъ изъ друзей его сказалъ ему во время возстанія: „Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, такъ ли, иначе-ли, а „Колоколъ" вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла!" Приведя эти слова, Герценъ замѣчаетъ: „Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то ошибочное сдѣлано... Къ концу 1863 г. расходъ „Колокола" съ 2.500—2.000 сошелъ на 500 и ни разу не поднимался потомъ болѣе 1.000 экземпляровъ" [140]).

Въ то время, когда русское правительство, покончивъ съ возстаніемъ, приступило къ ряду преобразованій въ привислинскихъ и западныхъ губерніяхъ, съ цѣлью сильнѣе сплотить эти губерніи съ центромъ государства, въ польскомъ общественномъ сознаніи сводились счеты съ возстаніемъ. Возстаніе было признано многими легкомысленнымъ, ставились вопросы, кто началъ, по чьей винѣ возстаніе не удалось. Бѣлые обвиняли красныхъ за то, что они подняли это „безумное" возстаніе, упрекали ихъ за то, что слишкомъ поторопились возставать, и что не послушали совѣта бѣлыхъ повременить. Красные отвѣчали, что возстаніе удалось-бы, если-бы не медлительность и излишняя осторожность бѣлыхъ, тормазившая дѣло. Раздались обвиненія въ измѣнѣ, предательствѣ, расхищеніи „народныхъ" денегъ, въ интриганствѣ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей возстанія Гуттри вызвалъ на дуэль другого подвижного агитатора секретаря Мѣрославскаго-Куржину и убилъ его, одинъ изъ участниковъ возстанія далъ Мѣрославскому въ Парижѣ публично пощечину. Маркизъ Велепольскій, уѣхавъ изъ Варшавы лѣтомъ 1863 года и поселившись въ Дрезденѣ, велъ тамъ уединенную жизнь и умеръ въ 1877 году. За-границей жилъ и гр. Андрей Замойскій, которому былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Онъ сдѣлалъ попытку помириться съ Велепольскимъ, но маркизъ отвѣтилъ, что поздно. Въ то время, какъ въ Вильнѣ главные виновники возста-

нія были наказаны, большинство варшавскихъ главныхъ воротилъ мятежа остались безъ наказанія. Диктаторъ Лянгевичъ поступилъ на турецкую службу и былъ полиціймейстеромъ въ Константинополѣ. Бывшій революціонный начальникъ Варшавы Ярославъ Домбровскій просидѣлъ съ августа 1862 г. въ цитадели и тамъ повѣнчался съ разрѣшенія властей со своей возлюбленной Згличинской, причемъ цѣлуя ее послѣ вѣнчанія, передалъ ей записку съ изложеніемъ плана возстанія. Въ 1864 году онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, но по дорогѣ въ Сибирь бѣжалъ, поселился въ Парижѣ, принималъ участіе въ поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ и распространеніи ихъ, былъ замѣшанъ въ дѣло поляка Березовскаго, покушавшагося въ Парижѣ на жизнь императора Александра II, послѣ чего переѣхалъ въ Цюрихъ и погибъ въ Парижѣ въ 1870 году, принимая участіе въ коммунѣ. Пустовойтова вышла за мужъ въ Парижѣ за еврея-доктора, Рупрехтъ и Гиллеръ жили за-границей, Гиллеръ издавалъ одно время въ Дрезденѣ польскій журналъ, а потомъ написалъ весьма далекую отъ истины исторію возстанія 1863 г. и біографію-панегирикъ Рупрехта, проектировавшаго послѣ возстанія учредить въ Парижѣ контрольную палату для провѣрки расходовъ по возстанію. Игнатій Хмѣлевскій и кс. Микошевскій бѣжали за-границу. Маевскому и Авейде, не успѣвшимъ скрыться, угрожала смертная казнь, но они написали подробныя показанія, изложивъ въ нихъ подробно организацію мятежа, вслѣдствіе чего избѣгли казни. Авейде умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, отшатнувшись отъ поляковъ и отказываясь отвѣчать на обращаемые къ нему поляками вопросы о возстаніи. Маевскій въ половинѣ 90-хъ годовъ вернулся изъ Сибири въ Варшаву, гдѣ и умеръ. Начальникъ кинжалистовъ Ляндовскій также избѣгнулъ казни, былъ сосланъ въ каторгу, но въ формѣ военнаго врача бѣжалъ оттуда и скрылся за границей. Одинъ изъ членовъ жонда Сивинскій, бѣжавшій за-границу, въ половинѣ 90-хъ годовъ возвратился въ Варшаву и вскорѣ умеръ. Онъ похороненъ у входа на лучшее католическое кладбище въ Варшавѣ и надъ его могилой поставленъ большой памятникъ съ надписью: „Жилъ мыслью о Польшѣ“. Писатель Крашевскій, редактировавшій въ Варшавѣ газету Кроненберга, вскорѣ послѣ возстанія напечаталъ книгу „Счеты“ (Rachunki), въ которой рѣзко осуждалъ многихъ дѣятелей возстанія, а самого Кроненберга обвинялъ въ присвоеніи „народныхъ“ денегъ. Можетъ быть, это обвинсніе и невѣрно; можетъ быть правы тѣ, которые утверждаютъ что онъ израсходовалъ на возстаніе много своихъ денегъ, но во всякомъ случаѣ

если онъ и понесъ во время возстанія нѣкоторые убытки, поддерживая возстаніе не только „народными“ суммами, которыя были въ его рукахъ, но и своими личными, то возмѣстилъ эти убытки полученіемъ послѣ возстанія концессіи на постройку варшавско-тереспольской ж. д. Ходатайство объ этой концессіи мотивировалось необходимостью экономически оживить край, разоренный возстаніемъ, и предоставить заработокъ населенію, лишившемуся работы во время смуты. Поляки причислили постройку варшавско-тереспольской ж. д. къ патріотическимъ подвигамъ Кроненберга, такъ какъ къ постройкѣ ея и затѣмъ на службу на ней пристроилось много разоренныхъ возстаніемъ помѣщиковъ и ихъ сыновей, а также чиновниковъ-поляковъ, вынужденныхъ послѣ возстанія оставить правительственную службу. *). Въ отношеніи латино-польскаго духовенства, возбуждавшаго поляковъ противъ Россіи, дававшаго деньги на мятежъ, печатавшаго въ монастырскихъ типографіяхъ мятежныя воззванія, хранившаго въ монастыряхъ оружіе, благословлявшаго убійства изъ-за угла и принимавшаго видное участіе въ вооруженномъ мятежѣ, послѣ возстанія былъ принятъ рядъ ограничительныхъ мѣръ. Но, что важнѣе,—предшествовавшая возстанію усиленная агитація латинства въ русскомъ обществѣ и среди простаго народа въ Западной Руси въ связи съ возстаніемъ и отношеніемъ къ нему Ватикана разоблачила передъ глазами русскаго общества сѣть іезуитскихъ интригъ. Нѣкоторые изъ русскихъ, принявшихъ раньше католичество, послѣ возстанія возвратились въ лоно Православія, напр., Джунковскій, достигшій въ качествѣ католическаго духовнаго лица высокихъ почестей въ Ватиканѣ. Печать обратила серіозное вниманіе па происки латинства подчинить русскій народъ Ватикану, и въ русской литературѣ второй половины 60-хъ годовъ 19 вѣка (даже въ такъ называемыхъ западническо-либеральныхъ органахъ журналистики, какъ, напр., въ „Вѣстникѣ Европы“) сказывалось твердое и вполнѣ опредѣленное отрицательное отношеніе къ латинству. Къ сожалѣнію, въ настоящее время урокъ, преподанный намъ латинствомъ въ 60-хъ годахъ, забытъ русскимъ обществомъ, и въ нашей литературѣ и журналистикѣ теперь не въ рѣдкость встрѣтить непониманіе той опасности, которою угро-

*) М. Н. Катковъ, въ общемъ совершенно вѣрно оцѣнившій возстаніе 1863 г., ошибался лишь въ оцѣнкѣ отношенія къ возстанію евреевъ. Онъ былъ того мнѣнія, что „въ такомъ же страхѣ (какъ крестьяне) находятся евреи, и *только этимъ объясняются ихъ пожертвованія въ пользу возстанія, доходящія, говорятъ, до громадныхъ суммъ*“. („1863 г.“ Т. I. Стр. 141). На дѣлѣ было не то, и евреямъ принадлежитъ въ возстаніи видная роль. На ихъ роль въ мятежѣ и образъ дѣйствій имѣются вѣрныя указанія въ статьѣ ген. Лебедева „Послѣдняя польская смута. Разсказъ очевидца“ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г.

жаетъ намъ латинство, какъ строго организованная сила съ всемірными притязаніями, и то вполнѣ откровенное, то замаскированное сочувствіе латинству.

XV.

Образовавшаяся въ Галиціи послѣ возстанія 1863 г. партія такъ называемыхъ станчиковъ поставила своею цѣлью усилить значеніе поляковъ въ политической жизни Австріи, расширить автономію Галиціи и подавить въ ней русскій элементъ въ лицѣ русскихъ галичанъ, русскимъ же полякамъ она совѣтовала „пассивное сопротивленіе“. Партія эта первоначально имѣла густую клерикально-шляхетскую окраску, нѣсколько поблѣднѣвшую съ теченіемъ времени отчасти вслѣдствіе пріобщенія къ ней нѣкоторыхъ нешляхетскихъ элементовъ, отчасти по другимъ причинамъ. Но во всякомъ случаѣ въ основѣ ея дѣятельности и до сихъ поръ лежатъ папизмъ и шляхетскія традиціи. Въ Варшавѣ, одновременно съ появленіемъ партіи станчиковъ въ Галиціи, была, какъ замѣчено выше, провозглашена такъ называемая программа органическаго труда, рекомендовавшая полякамъ спеціализироваться въ прикладныхъ наукахъ и поднимать свой край въ экономическомъ отношеніи, стремясь къ его обогащенію. Эта программа, полученіе евреями широкихъ правъ, благодаря Велепольскому, взглядъ администраціи Привислинья въ 60-хъ и 70-хъ годахъ на евреевъ и нѣмцевъ, какъ на „спокойные элементы“, и покровительство этимъ элементамъ, установленіе затѣмъ въ 1878 году таможенной пошлины въ золотой валютѣ, что повлекло за собой переводъ въ Привислинье нѣкоторыхъ германскихъ фабрикъ и заводовъ, вывозившихъ свои издѣлія въ Россію, — все это привело къ сильному росту городовъ и промышленности въ привислинскихъ губерніяхъ и увеличило значеніе въ нихъ еврейства, которое, облачившись въ контушъ польскаго патріотизма, усиливало этимъ еще болѣе свое вліяніе. Игра въ польскій патріотизмъ не помѣшала однако главамъ привислинскаго еврейства въ 1885 году, когда былъ возбужденъ вопросъ объ ограниченіи правъ евреевъ, подать правительству записку, въ свое время попавшую въ печать. Въ этой запискѣ доказывалась неспособность поляковъ къ производительному труду, вся заслуга экономическаго развитія Привислинья приписывалась евреямъ и подчеркивалось политическое легкомысліе поляковъ.

Между органами станчиковъ и такъ называемаго органическаго труда въ 70-хъ и 80-хъ годахъ шла ожесточенная полемика, потому что станчики выкинули шляхетско-клерикальное знамя, а

сторонники органическаго труда знамя прогресса и демократическихъ идей. Но какъ краковскіе станчики, такъ и варшавскіе прогрессисты стремились къ одной цѣли—къ возрожденію поляковъ. И тѣ, и другіе сходились въ отрицательномъ отношеніи къ „легкомысленному возстанію“ 1863 г. съ тою разницею, что прогрессисты возлагали вину за это возстаніе на шляхту и духовенство, а станчики на демократовъ. И станчики, и прогрессисты одинаково рѣзко высказывались противъ повторенія „легкомысленнаго“ возстанія и придавали въ дѣлѣ возрожденія поляковъ важное значеніе культурно-экономическимъ успѣхамъ. Но станчики главнымъ образомъ направили свои силы на усиленіе политическаго положенія поляковъ въ Австріи, принимая на себя роль политическихъ руководителей не только австрійскихъ, но и русскихъ поляковъ, а варшавскіе прогрессисты ставили на первый планъ развитіе культурно-экономическихъ силъ поляковъ. Русско-турецкая война, на которую папа Пій IX благословилъ турокъ, оживила польскихъ политикановъ, а наканунѣ 1 марта 1881 года, когда, казалось, Россія поколебалась въ основахъ своей внутренней политики и когда въ Австріи станчики, достигшіе къ этому времени широкой автономіи для Галиціи съ подавленіемъ въ ней галицко-русскаго элемента, пріобрѣли замѣтное вліяніе на политическую жизнь, были сдѣланы попытки русско-польскаго „примиренія“. Подъ шумокъ этихъ „примирительныхъ“ разговоровъ состоялось окончательное сближеніе станчиковъ съ австрійскимъ правительствомъ, и подчиненіе политическому руководству станчиковъ нашихъ поляковъ. Станчики стали открыто стремиться къ исполненію своей основной политической задачи—къ вовлеченію Австріи въ войну съ Россіей. Одни изъ нихъ надѣялись, что результатомъ этой войны будетъ возстановленіе Польши приблизительно въ прежнихъ границахъ, другіе же мечтали, что война осуществитъ выдвинутую во время крымской войны Голуховскимъ идею западно-славянскаго католическаго государства съ первенствующей ролью въ немъ поляковъ и съ однимъ изъ Габсбурговъ на престолѣ. Польскіе политики увѣряли, что наслѣдный принцъ Рудольфъ сочувствуетъ ихъ планамъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ Варшавѣ была основана газета „Слово“ подъ редакціей извѣстнаго польскаго писателя Сенкевича, ставшая органомъ станчиковъ, и тогда же Сенкевичъ выступилъ со своими историческими романами, воскрешавшими въ памяти поляковъ въ идеализированномъ видѣ Рѣчь — Посполитую, чтобы поднять въ полякахъ воинственно-патріотическій духъ. Заключеніе тройственнаго союза еще болѣе обнадежило поляковъ. Они надѣялись, что союзъ признаетъ нужнымъ соорудить между „цивилизованнымъ Западомъ“ и „варвар-

ской Россіей“ стѣну въ видѣ польскаго государства. Послѣдовавшая въ 1889 г. смерть кронпринца Рудольфа, въ честь котораго за годъ до его трагической кончины поляки устраивали шумныя овацiи при объѣздѣ имъ Галиціи, и перемѣна царствованія въ Германіи заставили польскихъ политиковъ возложить надежды на послѣднюю. Они ждали войны и надѣялись, что въ 1891 г., когда Россію постигъ неурожай, тройственный союзъ объявитъ войну Россіи [141]). Но война объявлена не была, а между тѣмъ состоялось русско-французское сближеніе, огорчившее польскихъ политиковъ, и вскорѣ затѣмъ правительство Вильгельма II, бывшее въ началѣ его царствованія весьма уступчивымъ по отношенію къ полякамъ, измѣнило свое отношеніе къ нимъ. Сказавшіеся къ 90-мъ годамъ крупные культурно-экономическіе успѣхи Привислинья и въ частности привислинской промышленности явились въ польскихъ глазахъ доказательствомъ правильности „программы органическаго труда“, а политическіе успѣхи поляковъ въ Австріи — доказательствомъ правильности пріемовъ станчиковъ, и вотъ, когда надежды польскихъ политиковъ на тройственный союзъ пошатнулись, они, имѣя въ виду культурно-экономическіе успѣхи русскихъ поляковъ и полагая, что примѣненіе въ Россіи лойяльныхъ пріемовъ станчиковъ будетъ столь-же успѣшно, какъ и въ Австріи, объявили эру русско-польскаго „примиренія“.

Тогда кратковременное польское пруссофильство прекратилось, и польскіе руководители заговорили о русско-польскомъ примиреніи. Цѣль этой „примирительной“ политики заключается съ одной стороны въ томъ, чтобы подъ охраной ея укрѣпить положеніе поляковъ въ Россіи, а съ другой, чтобы сблизить Россію съ Австріей, въ видахъ ослабленія вліянія на нее Германіи и пониженія значенія въ ней нѣмецкаго элемента и, наконецъ, чтобы въ случаѣ распаденія Австріи австрійскіе поляки достались подъ власть Россіи, а не Пруссіи. Тогда число поляковъ въ Россіи возросло-бы, и, какъ надѣются польскіе политики, поляки либо заняли-бы первенствующее положеніе въ Россіи, либо принудили-бы Россію дать тѣмъ областямъ, которыя они считаютъ польскими, автономію, а затѣмъ и полную независимость. Но мысль о возможности болѣе или менѣе скораго распаденія Австріи допускаютъ далеко не всѣ поляки, и, повидимому, наиболѣе вліятельные изъ нихъ полагаютъ, что Австрія избѣжитъ крушенія, и что имъ удастся обратить ее въ западно-славянскую имперію съ поляками во главѣ; если-же вліятельные поляки въ Австріи склоняются теперь къ австро-русскому сближенію, то это объясняется съ одной стороны ихъ желаніемъ подорвать въ Австріи германское вліяніе, а съ другой стремленіемъ подкупить такимъ образомъ въ пользу поля-

ковъ чеховъ и другихъ западныхъ славянъ, которые ставили полякамъ въ упрекъ ихъ враждебное отношеніе къ Россіи. Съ того-же времени, когда въ 1895 г. польскіе политики выдвинули идею русско-польскаго „примиренія“, выдвигавшуюся нѣкоторыми поляками наканунѣ возстанія 1863 г., а затѣмъ въ началѣ 80-хъ годовъ,— дѣятельность польскихъ красныхъ, основавшихъ въ 1895 г. во Львовѣ журналъ „Всепольское Обозрѣніе“, усилилась. Къ концу 90-хъ годовъ въ связи съ „всепольской“ пропагандой красныхъ возродился политическій мистицизъ Лелевеля, Мицкевича и Товянскаго, мечтающій о міровой задачѣ поляковъ, о возрожденіи человѣчества посредствомъ особыхъ польскихъ „моральныхъ“ началъ и особаго польскаго католицизма. Главный представитель этого мистицизма—бывшій профессоръ казанскаго университета Лютославскій, который въ своихъ брошюрахъ и книгахъ пытается создать новую польскую философію и совѣтуетъ всѣмъ полякамъ воспитывать дѣтей въ духѣ политическаго мистицизма. Этотъ мистицизмъ отразился и на произведеніяхъ пріобрѣтающаго въ послѣднее время популярность польскаго поэта Выспянскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ пропагандируетъ сближеніе съ народомъ и возстановленіе Польши при помощи его. А примыкающій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ польскимъ мистикамъ гр. Мошинскій видитъ „историческую миссію поляковъ“ въ окатоличеніи Россіи. Многіе изъ поляковъ признаютъ главной современной задачей „усполечнене люду“, т.е. прививку крестьянству польскихъ политическихъ идеаловъ, чтобы въ новыхъ комбинаціяхъ по воскрешенію Польши опираться на крестьянъ. Красные „ничему не научились, ничего не забыли“, и иные изъ красныхъ журналистовъ пишутъ такъ, что можно подумать, что если не сегодня, то завтра вспыхнетъ новое возстаніе,— теперешніе же бѣлые разныхъ оттѣнковъ не вѣрятъ въ возстановленіе Польши европейской дипломатіей (во что вѣрилъ Чарторыйскій), надѣясь достичь этой цѣли собственными силами поляковъ путемъ съ одной стороны культурно-экономическаго развитія, а съ другой путемъ воздѣйствія на Россію, путемъ отстраненія отъ Россіи западнаго славянства, развитія западно-славянской католической идеи, для пропаганды которой въ Краковѣ возникло славянское общество, и ослабленія русскаго народа посредствомъ развитія и поддержки украинофильства. Желая усилить свое положеніе, бѣлые издали въ концѣ 1902 года въ Краковѣ книгу „Наша молодежь“, въ которой протягиваютъ руку примиренія краснымъ во имя общихъ народныхъ идеаловъ и интересовъ.

Какъ мы видѣли выше, главными причинами возстанія 1861—1863 годовъ были властолюбіе поляковъ и стремленіе ихъ возсо-

здать польское государство—стремленіе, которое руководило ими отъ момента паденія Польши и много разъ проявлялось въ формѣ заговоровъ и вооруженныхъ движеній. Переворотъ въ государственномъ устройствѣ Австріи и Пруссіи въ концѣ 40-хъ годовъ XIX вѣка, революціонное броженіе въ западной Европѣ въ 1830—1849 годахъ, разцвѣтъ парламентаризма въ Пруссіи въ началѣ 60-хъ годовъ—все это возбуждало поляковъ и приводило варшавскихъ евреевъ и нѣмцевъ къ убѣжденію въ возможности государственнаго переворота и въ Россіи, особенно въ виду либеральныхъ реформъ въ началѣ царствованія императора Александра II и тогдашняго броженія въ русскомъ обществѣ. Ослабленіе престижа Россіи послѣ крымской войны, объединеніе Италіи, броженіе въ славянскихъ земляхъ—усиливали надежды поляковъ, чѣмъ воспользовались Франція и Англія съ цѣлью ослабить Россію. Пруссія, руководимая Бисмаркомъ, хотя и помогала Россіи подавлять возстаніе, что было въ ея интересахъ, такъ какъ возстаніе могло распространиться и на прусско-польскія области, тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ ея была нѣкоторая двойственность, такъ какъ при удобномъ случаѣ она не прочь была занять, подъ видомъ дружеской услуги, Привислинскій край, и эта двойственность была извѣстна руководителямъ польскаго движенія. Что-же касается Австріи, то она поддерживала польское движеніе въ видахъ ослабленія Россіи и склонялась создать польское государство съ однимъ изъ Габсбурговъ на престолѣ. Какъ въ 1830—1860 годахъ главнымъ очагомъ польской пропаганды была Франція, такъ теперь такимъ очагомъ является Галиція. Оттуда дѣйствуютъ красные, образовавшіе „Общество народнаго просвѣщенія“, распространяющіе брошюры и воззванія, устраивающіе чтенія для народа и проч.; тамъ-же центральная организація и нынѣшнихъ бѣлыхъ. Ежегодно въ галицко-польскомъ курортѣ Закопаномъ съѣзжаются „представители всѣхъ частей Польши“ изъ числа бѣлыхъ и обсуждаютъ способы дѣйствія поляковъ. Слѣдя за дѣйствіями поляковъ повсемѣстно въ Россіи, въ Австріи и въ Пруссіи, нельзя не замѣтить объединенности дѣйствій. Очевидно, есть центры, управляющіе поляками, и, повидимому, главные изъ нихъ Вѣна и Римъ. Повидимому, есть „моральный жондъ“ имѣющій свою политику и располагающій повсюду среди поляковъ своими агентами. Въ Швейцаріи, въ городкѣ Рапперсвилѣ открытъ послѣ возстанія польскій національный музей, при которомъ лѣтъ 10 тому назадъ образованъ „народный фондъ“ на случай будущаго возстанія. Но громадное большинство поляковъ безусловно противъ возстанія въ настоящее время. Въ Галиціи ихъ дѣятельность направлена къ ополяченію русской части ея, въ Россіи

къ укрѣпленію польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ, преимущественно при посредствѣ костела и путемъ экономическаго воздѣйствія, а также къ обогащенію, къ воздѣйствію на русское общество путемъ печати и другими средствами и къ укрѣпленію въ Россіи католичества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ поддерживаетъ Ватиканъ, а во многихъ другихъ—богатые привислинскіе евреи, дѣйствующіе рука объ руку съ поляками и даже жертвующіе на костелы и принимающіе участіе въ дѣятельности такъ называемыхъ католическихъ благотворительныхъ обществъ, возникшихъ во многихъ русскихъ городахъ *).

Неудачный исходъ послѣдняго польскаго возстанія заставилъ большинство поляковъ измѣнить способы дѣйствія. Но въ случаѣ политическихъ осложненій, въ случаѣ большой европейской войны никто не можетъ поручиться, чтобы поляки снова не взялись за оружіе. Такъ называемыя „сокольскія "гимнастическія общества въ Галиціи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, составляютъ кадры будущей польской арміи; поляки дѣлали также попытки придавать военную организацію вольнымъ пожарнымъ и нѣкоторымъ спортивнымъ обществамъ.

Тысячелѣтняя русско-польская борьба, возникшая на почвѣ двухъ культурныхъ началъ, была рѣшена въ 18 вѣкѣ въ пользу Россіи. Восторжествовало право русскаго народа на національную самостоятельность, независимость и свободу, исторія признала силу русско-славянскихъ началъ. Въ 19 вѣкѣ поляки хотѣли силой оружія и путемъ политическихъ интригъ отмѣнить это рѣшеніе исторіи, но потерпѣли неудачу. Не смотря на это, они, въ лицѣ своихъ вожаковъ, и въ настоящее время не хотятъ признать окончательнымъ это рѣшеніе исторіи. Они не хотятъ согласиться съ тѣмъ, что первенство въ славянскомъ мірѣ принадлежитъ Россіи,

*) Въ нашей журналистикѣ высказывалось мнѣніе, что въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о польскихъ сепаративныхъ стремленіяхъ, ибо Привислинье, сбывающее множество своихъ издѣлій внутрь Россіи и на восточные рынки ея, заинтересовано въ тѣсной связи съ Россіей. Въ отвѣтъ на эти „экономическія" соображенія можно указать на интересный фактъ. Осенью 1861 года, когда шла усиленная подготовка возстанія и одна демонстрація слѣдовала за другой, въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" была напечатана статья, писанная, несомнѣнно, лицомъ, близкимъ къ тогдашнему намѣстнику царства польскаго графу Ламберту. Въ этой статьѣ говорилось, что „общества современныя" приняли „въ основаніе своего развитія положительныя экономическія начала", и поэтому выражалась надежда, что „начала одряхлѣвшія, начала отжившія" будутъ подавлены „новыми, свѣжими" экономическими началами, которыя не допустятъ возстанія. Тѣмъ не менѣе возстаніе вспыхнуло: И нынѣшнее обогащеніе Привислинья за счетъ центра, отнюдь не противорѣчащее польскимъ планамъ, не только не подрѣзываетъ въ корнѣ польскихъ сепаративныхъ стремленій, но даже отчасти увеличиваетъ шансы поляковъ въ культурной борьбѣ съ нами.

не хотятъ отказаться отъ мысли о польскомъ государствѣ отъ моря до моря, отъ мысли объ окатоличеніи и ополяченіи русскаго народа. Всякое политическое движеніе въ Европѣ, всякое новое явленіе экономической жизни, всякое новое умственное и культурное теченіе они стараются эксплуатировать въ пользу идеи возстановленія Польши, которую считаютъ своей національной идеей. Эта идея сплачиваетъ самыя разнообразныя и, казалось-бы, совсѣмъ непримиримыя польскія партіи. Этой-же идеей пользуются, обращая поляковъ въ свое орудіе, разнообразныя силы: и католичество, и международные революціонеры, и еврейство, и нѣкоторые политическіе дѣятели иностранныхъ государствъ. Въ послѣднее время высказывалось, мнѣніе, что подъ вліяніемъ усиленной германизаціи въ полякахъ вспыхиваетъ славянское чувство, проясняется сознаніе, что передъ ними одинъ вѣрный путь — путь сближенія съ русскими. Нельзя отрицать, что антинѣмецкое движеніе поляковъ могло бы дать извѣстные положительные съ русской точки зрѣнія результаты, но несомнѣнно также, что, во-первыхъ, такъ-называемое руссофильство познанскихъ поляковъ является лишь угрозою Россіей Германіи, и сомнительно, чтобы эта угроза опиралась на глубокія и искреннія симпатіи къ Россіи; а во вторыхъ, есть факты, доказывающіе, что вызванный ожесточеніемъ польско-нѣмецкой борьбы подъемъ польскаго національнаго духа, толкаетъ поляковъ не только противъ нѣмцевъ, и что поляки, тѣснимые нѣмцами на востокъ, стараются возмѣстить свои потери въ Германіи на русскій счетъ.

Итакъ, русско-польскій „споръ славянъ между собою, давнишній, старый споръ“, въ которомъ „не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона“, не рѣшенъ окончательно 19 вѣкомъ въ національномъ сознаніи верхняго слоя поляковъ, и они не прекратили до сихъ поръ борьбы. Дастъ Богъ, наступившій 20 вѣкъ закончитъ миромъ—этотъ споръ на почвѣ всеславянской идеи. Но „если хочешь мира,—готовься къ войнѣ“; поэтому желанный день русско-польскаго сближенія наступитъ только тогда, когда поляки убѣдятся въ безплодности борьбы, увидѣвъ мощь нашей національной идеи. И этотъ день придетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ ярче будетъ сознаніе русской національной идеи, чѣмъ больше будутъ наши успѣхи въ области государственности, просвѣщенія и культуры.

При составленіи вышеизложеннаго очерка польскаго возстанія 1863 г. я обращался за содѣйствіемъ ко многимъ варшавскимъ, виленскимъ и кіевскимъ старожиламъ, къ лицамъ, знающимъ польскій вопросъ, и къ нѣкоторымъ польскимъ литераторамъ. Всѣмъ этимъ лицамъ приношу глубокую благодарность, — въ особенности-же С. А. Левицкой-Леонтьевой, главному редактору „Правительственнаго Вѣстника“ проф. П. А. Кулаковскому, профессору варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаеву, предоставившему въ мое распоряженіе собранную покойнымъ В. П. Афанасьевымъ коллекцію газетъ, прокламацій, портретовъ и разныхъ предметовъ времени возстанія 1863 г. (коллекція эта составляетъ теперь собственность сенатора А. Л. Апухтина и поступитъ въ Румянцевскій Музей въ Москвѣ), предсѣдателю по устройству въ г. Вильнѣ музея имени гр. М. Н. Муравьева помощнику попечителя виленскаго учебнаго округа А. В. Бѣлецкому, Н. Н. Доманскому, М. М. Ващенку-Захарченку, С. Г. Ярославскому и А. Н. Дружинину.

Скончавшійся лѣтомъ 1901 г. почетный опекунъ И. П. Корниловъ, сотрудникъ гр. М. Н. Муравьева, въ отвѣтъ на мою просьбу далъ мнѣ мѣсяца за два до своей кончины нѣсколько цѣнныхъ указаній по исторіи возстанія.

Миръ праху этого русскаго дѣятеля!

Многое изъ напечатаннаго о возстаніи 1863 г., къ сожалѣнію, представляетъ весьма незначительную историческую цѣну. Во многихъ воспоминаніяхъ, касающихся 1863 г., авторы ихъ, стоявшіе далеко отъ центра событій, передаютъ факты вкривь и вкось и выдаютъ выдумки и слухи за факты. А нѣкоторые русскіе и еще болѣе польскіе авторы, разсказывая о своемъ участіи въ возстаніи 1863 г. и въ усмиреніи его, явно впадаютъ въ хвастливый тонъ. Изъ числа извѣстныхъ мнѣ воспоминаній особенной лживостью отличаются воспоминанія Гонсевскаго, въ которыхъ, можно сказать, нѣтъ ни слова правды. Составленныя А. Гиллеромъ на польскомъ языкѣ „Исторія возстанія 1863 г.“ и біографія Рупрехта могли-бы заключать въ себѣ важный историческій матеріалъ вслѣдствіе той роли, какую игралъ въ возстаніи Гиллеръ, но онѣ крайне тенден-

ціозны и полны революціонной фальши. Лучшими трудами по исторіи возстанія слѣдуетъ признать „Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ 1861 и 1862 г.“ А. Подвысоцкаго, бывшаго въ то время въ Варшавѣ помощникомъ начальника тайной полиціи, „Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“, „Польское возстаніе 1863 г.“ и другія статьи Н. В. Берга, бывшаго лектора русскаго языка въ варшавскомъ университетѣ, и „Седмицы польскаго мятежа“, зятя А. С. Пушкина, Н. И. Павлищева, долго служившаго въ Варшавѣ. „Седмицы“ эти составлены изъ еженедѣльныхъ отчетовъ для императора Александра II, которые писалъ Павлищевъ въ 1861—1864 годахъ. Весьма большой интересъ представляютъ „Записки М. Н. Муравьева“, трудъ В. Ратча „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ въ Сѣверо-Западной Россіи“, брошюра кіевскихъ профессоровъ „Возстаніе поляковъ въ Юго-Западномъ краѣ“, брошюра М. П. Устимовича „Заговоры и покушенія на жизнь гр. Ф. Ф. Берга“, брошюра Цылова „Сигизмундъ Сѣраковскій“, составленный тѣмъ-же авторомъ „Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева“, брошюра Гогеля „Іосафатъ Огрызко“, „Виленскіе очерки“ Мосолова, „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“ И. П. Корнилова, его-же книга „Памяти гр. М. Н. Муравьева“, статья С. С. Татищева „Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ“ („Рус. В.“ 1888), статья того-же автора въ I томѣ „Русскаго біографическаго словаря“ объ императорѣ Александрѣ II, сборники статей М. Н. Каткова, „Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена“, „Колоколъ, сборникъ статей А. И. Герцена“, „Жизнь и труды митрополита Іосифа Сѣмашки“ Кипріановича, статья А. С. П. (Павлова) о В. И. Назимовѣ въ „Русской Старинѣ“ (1885 г.), брошюра Н. И. Шульгина „Юго-Западный край въ послѣднее 25-лѣтіе“ (Кіевъ 1864), статьи М. В. Юзефовича въ изданіяхъ И. С. Аксакова и статьи самого Аксакова въ этихъ изданіяхъ, наконецъ, трудъ С. Геске та „Военныя дѣйствія въ царствѣ польскомъ въ 1863 г.“ (подъ редакціей ген. Пузыревскаго). Книга В. Д. Спасовича „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“ крайне тенденціозна, почему требуетъ весьма осторожнаго отношенія къ себѣ. Она составлена по труду M. Лисицкаго „Le marqis Welepolski, sa vie et son temps“, представляющему, несмотря на свой апологическій характеръ, большой интересъ. Съ военной точки зрѣнія возстаніе изслѣдовано С. Геске томъ въ вышеупомянутой его книгѣ „Военныя дѣйствія въ царствѣ польскомъ въ 1863 г. Начало возстанія“ (редакція ген. А. К. Пузыревскаго) и въ его статьяхъ о дѣйствіяхъ Чаховскаго и Кононовича и о галиційскихъ и познанскихъ бандахъ въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1899 и 1901 г.г. Изъ польскихъ сочиненій много матеріаловъ

заключаетъ въ себѣ „Historja dwòch lat (1861—1862) Z. L. S. и его-же „Dzieje roku 1863“, „Biblioteka historyczna T. 28—29. Historja powstania narodu polskiego 1863 — 1864“ Снядецкаго, „Rrzecz o roku 1863“ С. Козьмяна, „Rok 1863“ К. Бартошевича и „Pamiętniki“ Ѳаддея Бобровскаго. Въ „Historji dwòch lat“ и въ „Dziej'яхъ roku 1863“ много, впрочемъ, заимствованнаго у Н. В. Берга, Павлищева, Устимовича, Подвысоцкаго и Гескета.

Весьма важны напечатанныя правительствомъ (въ публичное обращеніе не поступали) „Записки“ О. Авейде и „Показанія“ К. Маевскаго, находившихся въ числѣ главныхъ организаторовъ возстанія 1863 г.

Вотъ главные печатные источники, которыми я пользовался. Подробно эти источники указаны въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ книги. Многое почерпнуто мною изъ коллекцій покойнаго В. П. Афанасьева, а также изъ другихъ коллекцій и изъ отчетовъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, представлявшихся въ 1864 г. генералъ-полицеймейстеру царства польскаго. Отчеты эти хранятся въ архивѣ новыхъ дѣлъ канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора.

Въ упомянутыхъ выше работахъ Н. В. Берга, М. П. Устимовича и А. Подвысоцкаго изслѣдовано возстаніе 1863 г. въ Привислиньѣ, а въ работахъ В. Ратча, Цылова и Гогеля—въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Весьма популярно написанная книга П. Д. Брянцева „Польскій мятежъ 1863 г.“ (Вильна 1892) тоже сосредоточиваетъ главное вниманіе на развитіи мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, настоящій-же очеркъ мятежа 1863 г. является попыткой изложить ходъ мятежа и его развитіе какъ въ Привислиньѣ, такъ и въ юго и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и притомъ въ связи съ тогдашними теченіями русской жизни. Я далекъ отъ мысли, что настоящій очеркъ мятежа 1863 г. представляетъ собой послѣднее слово по исторіи этого мятежа, но всё-же полагаю, что онъ вноситъ кое-что новое въ исторію 1863 г. и бросаетъ свѣтъ на нѣкоторыя неизслѣдованныя стороны тогдашняго движенія. Я былъ-бы радъ, если-бы моя настоящая книга дала толчокъ для тщательной разработки архивныхъ документовъ 1863 г., хранящихся въ архивахъ Петербурга, Кіева, Вильны и Варшавы, чего я сдѣлать не могъ, и для дальнѣйшихъ работъ по исторіи возстанія 1863 г.

ГЛАВА I.

[1]) Польскій вопросъ. Собраніе разсужденій, записокъ и замѣчаній М. П. Погодина 1831—1867 г. М. 1867 г., стр. 5—9.

[2]) Жизнь и политика маркиза А. Велепольскаго, сочинилъ В. Д. Спасовичъ. Спб. 1882 г., стр. 28.

[3]) Панъ Тадеушъ, поэма Мицкевича, переводъ Н. В. Берга, Варшава 1875 г., стр. XXI—XXII.

[4]) Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ князь Щербатовъ. Т. V. Спб. 1896 г., стр. 388.

[5]) Жизнь и политика маркиза Велепольскаго В. Д. Спасовича, стр 28.

[6]) Польскій и еврейскій вопросы. (Открытыя письма Б. Н. Чичерину). Заслуженнаго профессора университета Св. Владиміра Н. К. Ренненкампфа. Кіевъ 1898 г., стр. 33—34, и—Борисъ Чичеринъ. Польскій и еврейскій вопросы. Отвѣтъ на открытыя письма Н. К. Ренненкампфа. Берлинъ 1899 г., стр. 4—5.

ГЛАВА II.

[7]) Журналъ „Древняя и Новая Россія“ 1879 г., статья В. Я. Шульгина „Юго-Западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова“, стр. 111.

[8]) „Русская Старина“ 1885 г. Статья А. С. П(авлова) „Владиміръ Ивановичъ Назимовъ“, январь, стр. 289.

[9]) Это „Всеподданнѣйшее донесеніе“ съ характеристикой кн. Н. А. Долгорукова, какъ виленскаго генералъ-губернатора, напечатано отдѣльной брошюрой въ 1863 г. въ Москвѣ бывшимъ правителемъ его канцеляріи, а затѣмъ минскимъ губернаторомъ Н. Сушковымъ. См. стр. 14.

[10]) Указанная въ 7 прим. статья В. Я. Шульгина, стр. 24.

[11]) Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ кн. Щербатова. Т. V., стр. 12—13.

[12]) Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена. Изд. 2-е Женева, 1874 г. стр. 128.

[13]) Mowy i pisma pośmiertne I. Lelewela. Познань. 1864 г., стр. 625—627.

[14]) Pamiętniki Tadeusza Bobrowskiego z przedmową W. Spasowicza. Т. II. Львовъ. 1900 г., стр. 47—48.

[15]) Тамъ-же, стр. 49.

[16]) „Русская Старина“. 1879 г., статья Н. В. Берга „Польское возстаніе 1863—1864 г.“, стр. 287, октябрь. и „Historja dwóch lat“ (1861—1862 гг.) przez Z. L. S. Т. I. Краковъ. 1892 г., стр. 32.

[17]) Это видно, напр., изъ воспоминаній Дунинъ-Карвицкаго „Z moich wspomnień“. Т. I и II. Варшава. 1901 г.

[18]) Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861—1862 годахъ. Составилъ А. Подвысоцкій. Спб. 1869 г., стр. 18.

[19]) Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и виленскаго. Сочиненіе Г. Я. Кипріановича. Изд. 2-е. Вильна. 1897 г. 329.

[20]) Изъ воспоминаній жандарма А. И. Ломачевскаго. Спб. 1880 г., стр. 127.

[21]) Записки Авейде. Т. I, стр. 209, прим.

[22]) С. С. Татищевъ. Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ, „Русскій Вѣстникъ“ 1888 г., октябрь, стр. 152.

[23]) St. Kozmian, Rzecz o roku 1863 г., Краковъ. 1894 г. Т. II, стр. 64.

[24]) „Русскій Вѣстникъ“, указанная въ 22 прим. статья С. С. Татищева.

[25]) „Русскій біографическій словарь“. Т. I. Статья С. С. Татищева „Императоръ Александръ II“, стр. 483.

ГЛАВА III.

[26]) „Русская Старина“ 1891 г., май, стр. 340.

[27]) С. Невѣдѣнскій „Катковъ и его время“. Спб. 1888 г., стр. 109.

[28]) Историческіе очерки. Общественное движеніе при Александрѣ I. А. Н. Пыпина. Изд. 3-е. Спб. 1900 г., стр. 423.

[29]) Цитированная статья А. С. Павлова въ „Русской Старинѣ“ 1885 г., мартъ, стр. 576—579.

[30]) St. Koźmian, Rzecz o roku 1863 r. T. II, стр. 66.

[31]) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова, книга 15-я. Спб. 1901 г., стр. 41—43.

ГЛАВА IV.

[32]) Цитированная статья С. С. Татищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1888 г., октябрь, стр. 180—181.

[33]) St. Koźmian Rzecz o roku 1863 r. T. II, стр. 73.

[34]) См. Записки сенатора Я. А. Соловьева „Русская Старина“, 1882 г.

[35]) Pamiętniki Todeusza Bobrowskiego. T. II, стр. 85.

[36]) Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ сѣверо-западной Россіи. Собралъ В. Ратчъ. Т. I. Вильна. 1867 г., стр. 123.

[37]) Рѣчь эта напечатана въ Запискахъ. сен. Я. А. Соловьева, „Русская Старина“ 1882 г.

[38]) Жизнь Іосифа Сѣмашки Г. Я. Кипріановича, стр. 342—343.

[39]) K. Bartoszewicz. Rok 1863. T. II. Краковъ. 1896 г., стр. 118—119.

[40]) Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія. Ч. I. Спб. 1897 г., стр. 97—99.

[41]) Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова кн. 15, стр. 249—250.

[42]) Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный польскій жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Составилъ Н. В. Гогель. Изд. 2-е. Вильна. 1867 г., стр. 59.

[43]) Historja dwóch lat. T. I, стр. 202.

[44]) Bartosrewicz. Rok 1863. T. II, стр. 146—147.

[45]) „Заговоры и покушенія на жизнь намѣстника Его Императорскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ и главнокомандующаго войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-фельдмаршала графа Ф. Ф. Берга. Составилъ по документамъ М. П. Устимовичъ. Варшава. 1870 г., стр. 71—73.

ГЛАВА V.

[46]) Цитированная статья С. С. Татищева въ I т. „Русскаго Біографическаго Словаря“, стр. 504.

[47]) Дневникъ Е. А. Штакеншнейдеръ. „Русскій Вѣстникъ“ 1901 г., стр. 420.

[48]) „Колоколъ“, избранныя статьи А. И. Герцена 1857—1869 г. Женева. 1887 г., стр. 127.

[49]) Записки сенатора Я. А. Соловьева „Русская Старина“. 1882 г. № 11, стр. 235—236.

[50]) Historja dwóch lat. T. I, стр. 208.

[51]) Dzieje narodu polskiego z przedmową W. Smoleńskiego. Część IV. Варшава. 1900 г., стр. 111.

[52]) Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 гг. М. 1873 г., стр. 155—156.

[53]) Показанія К. Маевскаго, относящіяся до послѣдняго польскаго возстанія. Варшава. 1866 г.

[54]) Historja dwóch lat. T. I, стр. 326.

[55]) Записки очевидца. А. Подвысоцкаго, стр. 25.

[56]) Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь съ предшествовавшими польскими манифестаціями въ Вильнѣ въ 1861—1863 годахъ. Составилъ Н. Цыловъ. Вильна. 1867 г., стр. 2.

[57]) „Колоколъ", избранныя статьи А. И. Герцена, стр. 264.

ГЛАВА VI.

[58]) Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, стр. 182 и слѣд. О дальнѣйшихъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ тамъ-же, въ „Запискахъ Очевидца" Подвысоцкаго и въ Historji dwóch lat". О виленскихъ демонстраціяхъ въ брошюрѣ Н. Цылова „С. Сѣраковскій и его казнь" и у Ратча.

[59]) Статья С. С. Татищева въ I томѣ „Рус. Біогр. Слов.", стр. 519.

[60]) Телеграммы государя Горчакову, донесенія Горчакова и отвѣты государя см. въ доставленныхъ редакціи „Русской Старины" П. А. Мухановымъ депешахъ государя и Горчакова („Рус. Ст." 1882 г.), а также въ статьѣ С. С. Татищева въ I т. „Рус. Біогр. Слов.".

[61]) Записки Н. В. Берга, стр. 296.

[62]) Записки Н. В. Берга, стр. 299.

ГЛАВА VII.

[63]) Такъ разсказываетъ ген. Лебедевъ въ своихъ „Очеркахъ послѣдней польской смуты очевидца", „Рус. Ст." 1875 г. Дальнѣйшія выписки о Сухозанетѣ изъ этихъ-же „Очерковъ".

[64]) О панихидѣ по Чарторыйскомъ и дальнѣйшихъ демонстраціяхъ въ Варшавѣ, Ковнѣ и Городлѣ см. въ „Запискахъ" Н. В. Берга, въ „Запискахъ очевидца" А. Подвысоцкаго и въ „Historji dwóch lat" Z. L. S.

[65]) Записки Н. В. Берга, стр. 332, а также въ „Очеркахъ послѣдней польской смуты" Лебедева.

[66]) Рус. Біогр. Слов. Т. I, статья С. С. Татищева, стр. 583.

[67]) Заговоры и покушенія на жизнь гр. Ф. Ф. Берга, М. П. Устимовича, стр. 121.

[68]) См. Записки украинца изъ временъ польскаго возстанія 1861—1864 годовъ. Кіевъ. 1869 г.

[69]) См. Сигизмундъ Сѣраковскій и его казнь. Н. Цылова и Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. В. Ратча.

[70]) Статья Павлова о В. И. Назимовѣ въ „Русской Старинѣ" 1885 г., февраль, стр. 407.

[71]) Изъ подлиннаго воззванія гр. Ламберта.

[72]) Донесенія государю Сухозанета въ статьѣ С. С. Татищева въ I т. „Рус. Біогр. Слов.".

ГЛАВА VIII.

[73]) Сочиненія Н. И. Павлищева. Т. IV. Седмицы польскаго мятежа 1861—1864 г.г. Ч. I. Спб. 1887 г., стр. 1.

[74]) Записки очевидца А. Подвысоцкаго, стр. 99.

[75]) Воспоминанія Теобальда (ген. Роткирха). См. Т. V. Вильна 1890 г.

[76]) Седмицы Павлищева. Ч. I, стр. 31.

[77]) См. Le marquis Wielepolski, sa vie et son temps 1803—1877 гг. par H. Lisicki. Т. II Вѣна. 1880 г., а также у Спасовича „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго".

[78]) Статья С. С. Татищева въ I томѣ „Рус. Біогр. Слов.", стр. 563.

[79]) О Фелинскомъ см. подробности въ Historja dwóch lat, Т. IV, и въ приложенной къ V тому этого сочиненія статьѣ самого Фелинскаго „Мое пребываніе въ Варшавѣ".

[80]) Записки очевидца А. Подвысоцкаго, стр. 96.

[81]) Седмицы Павлищева. Ч. I, стр. 83, 84 и 92.

ГЛАВА IX.

[82]) Napoleon III et Bismark en Pologne, статья Э. Оливье въ „Revue des deux mondes", іюль, 1901 г.

[83]) Статья С. С. Татищева въ I т. Рус. Біогр. Слов., стр. 570.

[84]) Русскій Архивъ 1873 г., стр. 1283. Записки Н. В. Берга.

[85]) Статья С. С. Татищева въ I т. Рус. Біогр. Слов., стр. 588.

[86]) Historja dwóch lat. T. IV, стр. 262—284.

ГЛАВА X.

[87]) Historja dwóch lat. T. V, стр. 230.

[88]) Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена, стр. 214.

[89]) „Колоколъ", избр. статьи А. И. Герцена, стр. 349—351.

[90]) St. Kozmian. Rzécz o roku 1863 r. T. II, стр. 283.

[91]) Статья Павлова о В. И. Назимовѣ въ „Рус. Ст.", 1885 г., февраль, стр. 406—409.

[92]) „Польское возстаніе 1863 г.", Н. В. Берга. „Рус. Ст.", 1879 г., февраль, стр. 188.

ГЛАВА XI.

[93]) Заговоры и покушенія на жизнь гр. Ф. Ф. Берга М. П. Устимовича. На стр. 91—94 это воззваніе приведено полностью.

[94]) Военныя дѣйствія въ царствѣ польскомъ въ 1863 г. Начало возстанія, (январь, февраль и первая половина марта). Составилъ С. Геркетъ подъ редакціей генералъ-лейтенанта А. К. Пузыревскаго. Варшава. 1894 г., стр. 15.

[95]) Седмицы Павлищева. Ч. II, стр. 13—15.

[96]) М. Н. Катковъ, 1863 годъ. Собраніе статей по польскому вопросу, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Современной Лѣтописи". Вып. I. М. 1887 г., стр. 9—11.

[97]) „Колоколъ", избр. статьи А. И. Герцена, стр. 367.

[98]) В. Ратчъ. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. Т. I, стр. 195.

[99]) Геркетъ-Пузыревскій, стр. 353.

[100]) Геркетъ-Пузыревскій, стр. 373—374.

[101]) Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена, стр. 231.

[102]) Тоже, стр. 333—334.

[103]) Kozmian Rzecz o roku 1863 г. Т. III, стр. 217.

[104]) Это воззваніе приводится Н. В. Бергомъ въ его статьѣ „Польское возстаніе 1863—1864 г." въ „Русской Старинѣ" 1879 г., а также Устимовичемъ въ его „Заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь гр. Ф. Ф. Берга".

[105]) Польское возстаніе Н. В. Берга, „Рус. Ст." 1879 г. Кн. 5, стр. 235.

[106]) Геркетъ-Пузыревскій, стр. 184—186.

[107]) Геркетъ-Пузыревскій, стр. 327—328.

[108]) Катковъ. 1863 годъ. Вып. I, стр. 51.

[109]) Варшавскій Дневникъ 1865 г. Статья М. П. Устимовича „Правда о польскомъ возстаніи" № 164.

ГЛАВА XII.

[110]) Статья С. С. Татищева въ I т. Рус. Біогр. Слов., стр. 603—607.

[111]) Lisicki. Le marquis Wielepolski. T. II, стр 370.

[112]) М. Н. Катковъ. 1863 годъ. Вып. I, стр. 89—90.

[113]) „Колоколъ", избр. статьи А. И. Герцена, стр. 404.

[114]) „Военный Сборникъ" 1901 г., іюль, статья С. Геске та „Дѣйствія Чаховскаго и Кононовича въ радомскомъ отдѣлѣ", стр. 17.

[115]) В. Ратчъ. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. Т. I, стр. 148.

ГЛАВА XIII.

[116]) „Записки гр. М. Н. Муравьева" въ „Русской Старинѣ" 1882 г.

[117]) Виленскіе очерки (1863—1865 гг.) Муравьевское время. А. Н. Мосоловъ. Спб. 1898 г., стр. 22—24.

[118]) В. Ратчъ. Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ. Т. I, стр. 224.

[119]) Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. 1863—1864 гг. Составилъ Н. Цыловъ. Вильна. 1866 г.. стр. 102 и слѣд.

[120]) Возстаніе поляковъ въ юго-западной Россіи въ 1863 г. Кіевъ, стр. 11, 20, 21 и 47.

[121]) Pamiętniki T. Bobrowskiego. T. II. стр. 474—475.

[122]) Седмицы Н. И. Павлищева. Ч. II, стр. 145.

[123]) „Историческій Вѣстникъ". 1889 г., статья Г. И. Любарскаго.

[124]) „Военный Сборникъ" 1899 г., декабрь, статья С. Геске та „Галиціійскія и познанскія банды въ востаніи 1863 г.".

[125]) Lisicki. Le Marquis Wielepolski. T. II, стр 422.

[126]) А. Н. Мосоловъ. Виленскіе очерки, стр. 46.

[127]) Подробности см. въ брошюрѣ М. П. Устимовича „Заговоры и покушенія на жизнь гр. Ф. Ф. Берга".

[128]) Седмицы Н. И. Павлищева. Ч. II, стр. 185.

[129]) Н. В. Бергъ. Польское возстаніе 1863—1864 гг., „Рус. Ст.", 1879 г., ноябрь, стр. 483—484.

[130]) Статья С. С. Татищева въ „Рус. Біогр. Слов.", стр. 600—601, а также Русско-польскія отношенія Библіофила. Вильна. 1897 г., стр. 23—25.

[131]) М. Н. Катковъ. 1863 годъ, вып. II, стр. 836—838.

[132]) Эта записка напечатана въ сборникѣ Бартенева „Девятнадцатый вѣкъ". Кн. I. М., 1872 г.

[133]) Седмицы Н. И. Павлищева. Ч. II, стр. 242—243.

[134]) См. подробно „Жизнь Іосифа Сѣмашки" Г. Я. Кипріановича, стр. 482 и слѣд.

[135]) Записки гр. М. Н. Муравьева въ „Русской Старинѣ.". 1882 г., декабрь, стр. 631—632.

[136]) Газета „Народъ" отъ 3 октября, 1897 г., сообщеніе К. А. Военскаго.

[137]) Русское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ. И. Корниловъ. Спб. 1901 г., стр. 24—25.

[138]) Памяти гр. М. Н. Муравьева. Къ исторіи виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова. Спб. 1898 г., стр. 106.

[139]) „Новое Время". 1901 г. № 9139, статья А. О. „Изъ воспоминаній о Ф. Э. Ромерѣ".

[140]) Сборникъ посмертныхъ статей А. И. Герцена. стр. 208—209.

ГЛАВА XV.

[141]) См. подробно о политикѣ станчиковъ: Hr. jerży Moszyński Po czterdziestu latach. Kraków. 1902 г.

3 2044 011 249 08

DUE DEC 15 1922

JAN 4 '55 H

NOV 2 '55 H

WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED